М.В. Машкова

История русской библиографии начала XX века

(до октября 1917 года)

издательство «Книга»

Государственная
ордена Трудового
Красного Знамени
Публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

М.В. Машкова

История русской библиографии начала XX века

(до октября 1917 года)

Издательство «Книга»
Москва 1969

01
M 38

6-10
51-68

Светлой памяти
выдающегося
русского библиографа
Николая Васильевича
Здобнова
посвящает
эту книгу
автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

История русской библиографии — сравнительно молодая наука, существование которой насчитывает всего лишь несколько десятилетий. Научная разработка этой дисциплины ведет свое начало от известного труда Н. В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX века», во многом определившего направление и содержание исторических исследований в области библиографии в послевоенное время. До появления труда Н. В. Здобнова история библиографии была представлена небольшим числом разрозненных, не связанных между собой очерков и статей, авторы которых не делали сколько-нибудь серьезных попыток выявить закономерности развития библиографии, определить ее социально-политическую обусловленность и установить связь между отдельными библиографическими фактами. Исследование истории русской библиографии Н. В. Здобнов довел до конца XIX века, пере-

ступая в своей монографии установленный рубеж только в тех случаях, когда этого требовала настоятельная необходимость полной характеристики какого-либо библиографического явления. В других работах Н. В. Здобнова, в том числе и в неопубликованных, история библиографии последующего периода получила предельно сжатое, конспективное отражение. Заняться более детальной разработкой библиографических материалов XX века Н. В. Здобнов не успел, но сделанное им пробудило интерес к изучению дальнейшего пути развития русской библиографии.

История библиографии начала XX века получила прямое или косвенное освещение в ряде диссертаций, в журнальных статьях, отдельно изданных исследованиях, кратко в учебных и методических пособиях.

В печати, главным образом в сборниках «Советская библиография», за последние 20 лет появились статьи, характеризующие те или иные моменты развития общей библиографии (М. К. Деруновой, Ю. И. Масанова, Г. Г. Кричевского и других), отраслевой библиографии (Л. М. Вадиковской, К. И. Шафрановского и других), деятельность отдельных русских библиографов (статьи о Н. А. Рубакине, А. Д. Педашенко, А. В. Смирнове и других). В связи со 100-летием со дня рождения Н. А. Рубакина в печати было опубликовано сравнительно большое число популярных, преимущественно журнальных и газетных, статей о выдающемся библиографе и пропагандисте книги, безусловно поднявших интерес широкого круга читателей к истории русской книги и русской библиографии.

В серии «Деятели книги» Всесоюзной книжной палаты вышли в свет очерки, посвященные жизни и деятельности К. Н. Дерунова, Х. Д. Алчевской, Б. С. Боднарского, А. Д. Торопова, Н. М. Лисовского, С. А. Венгерова, И. Ф. Масанова и других. Авторы всех очерков, хотя и в разной степени, опирались в своих исследованиях на документальный, архивный материал,

в результате чего в научный оборот введено большое количество ранее не известных фактов, позволивших глубже подойти к анализу отдельных библиографических явлений и более подробно охарактеризовать деятельность крупных библиографов начала XX века.

Таким образом, литература по истории русской дореволюционной библиографии XX века стала многочисленной и разнообразной, а по своему научному уровню более высокой.

Все сказанное, однако, не дает никаких оснований считать, что история русской библиографии первых двух десятилетий XX века разработана или близка к этому. Выполненные работы, даже взятые в совокупности, не дают единого, связного представления о развитии библиографии начала XX века. Одни темы, и их достаточно много, остались вне поля зрения советских исследователей, другие — получили неполное освещение или спорное толкование. Огромное количество материала (архивного, рукописного, печатного) не было привлечено и использовано.

В настоящей книге отражена история русской библиографии начала XX века. Соответственно теме, в тех же хронологических рамках, рассмотрена деятельность библиографических учреждений России, развитие теории и методики библиографии и особенности библиографической печати.

Источниками работы послужили печатные, архивные и рукописные материалы.

Самую обширную группу источников составили библиографические пособия (свыше 1000 названий), вышедшие в 1901—1917 годах, и критическая литература, им посвященная. При работе над книгой автор обращался к архивам С. А. Венгерова, Н. М. Лисовского, М. К. Лемке, А. Г. Фомина (Институт русской литературы (Пушкинский дом). Отдел рукописей (ИРЛИ)), А. Д. Торопова, А. В. Мезьер (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей (ГПБ)), Н. А. Рубакина (Государственная биб-

лиотека СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ)), Д. Д. Языкова (Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ)). Кроме того, в процессе работы были использованы материалы архивов Русского библиографического общества (Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы)), Русского библиологического общества (ИРЛИ), Дома Плеханова Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ АДП)), цензурные дела отдельных библиографических журналов и запрещенных библиографических указателей ((ЦГА Москвы), Центральный государственный архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР)).

ВВЕДЕНИЕ

Небольшой по времени отрезок истории, с начала XX века по октябрь 1917 года, насыщенный войнами и революциями, социальными потрясениями и классовыми боями, представляет особый интерес для историка русской библиографии как последний этап, завершающий многовековой путь развития дореволюционной русской книги и ее пропаганды.

Исследование библиографии этого периода в основных ее проявлениях и начинаниях, изучение деятельности библиографических обществ и кружков, состояния и уровня методики библиографической работы необходимо для того, чтобы уяснить, как в дореволюционной России решались задачи национального библиографического учета произведений печати, с каких позиций, кем и какими средствами велась пропаганда книги накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Не менее важно установить, что из наследия прошлого перешагнуло рубеж 1917 года и с пользой воспринято советской библиографией.

Русская библиография начала XX века теснейшим об-

разом соприкасалась различными гранями с общественной и духовной жизнью своего времени. Все изменения в экономической, политической и культурной жизни России, народном образовании, книжном и библиотечном деле на рубеже двух столетий в сильнейшей степени воздействовали на библиографию. Ее история не отделима от истории книги. Социально-политические предпосылки, определившие развитие книгоиздания и книгораспространения в России на рубеже XX столетия, характерны и для библиографии.

При изучении истории русской библиографии и закономерностей ее развития в начале века необходимо, таким образом, хотя бы бегло и в общих чертах, ознакомиться с состоянием книгопроизводства и книгораспространения в России и уяснить, какие отрасли книжного дела занимали в этот период преимущественное положение и что определило крупные изменения в издании книг и периодической печати на рубеже столетий.

С этой точки зрения важно отметить, что в конце XIX века и по количеству ежегодно выходящих названий и по тиражам духовно-богословская литература продолжала занимать первое место, причем выпуск ее из года в год возрастал. Государство и церковь расходовали огромные средства на издание и распространение религиозно-нравоучительной литературы, предназначенной народу: только за последние 15 лет XIX века тираж духовной книги увеличился в шесть раз. В 1901 году средний тираж религиозных изданий более чем в 8 раз превышал соответствующие тиражи естественнонаучной, технической и сельскохозяйственной книги [1]. Массовые религиозные издания усиленно распространялись церквами, монастырями, церковно-приходскими школами; ими принудительно снабжали бесплатные народные библиотеки; они разносились по глухим углам России офенями.

Против оглупления народа этим потоком религиозно-нравственных поучений, против запрета и преследования разумных и полноценных книг выступили петербургские большевики в листовке, выпущенной к 200-летию русской печати [2]. В суровых условиях подполья это было не един-

---

[1] Подсчеты сделаны на основании таблицы в книге М. Н. Куфаева «История русской книги в XIX в.». Л., 1927, с. 220.

[2] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917. Т. 1. М., Госполитиздат, 1939, с. 18.

ственное выступление против реакционной, религиозно-монархической литературы. Распространенная правительством в десятках тысяч экземпляров «паскудная книжка» генерала Богдановича «Русским рабочим задушевное слово», изданная с благословения Иоанна Кронштадтского, послужила новым поводом для выпуска Петербургским комитетом РСДРП другой яркой антимонархической листовки «Лиса-проповедник и правда» (январь 1903 г.) [1].

Второе место на книжном рынке принадлежало беллетристике, специально предназначенной для народа, и лишь одно из последних — научно-популярной литературе. Ниже этой категории стояли книги по технике и ремеслам.

Передовые деятели народного просвещения (Н. А. Рубакин, В. С. Костромина, О. В. Кайданова-Берви и многие другие) неоднократно обращались к критическому изучению народной литературы. В этом отношении особенно выделялись статьи Н. А. Рубакина и критико-библиографические обзоры научно-популярной литературы в сборниках «Общее дело»[2], отразившие мнение всей передовой педагогической общественности начала XX века.

Авторы обзоров — преподаватели воскресных рабочих школ — подвергли обстоятельной критике подавляющую часть имевшихся на книжном рынке изданий. Некоторые авторы, например В. Львов (обзор литературы по географии России), дали талантливые образцы критической библиографии. Составители обзоров, подобно одному из корреспондентов Н. А. Рубакина, исходили из того, что «народу нужны не народные книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак» [3].

Анализ состояния народной и детской литературы содержался также и в большой статье О. Кайдановой «Наша дешевая литература» [4], в которой рассмотрен комплекс вопросов: уровень и качество народной литературы накануне 1905 года, условия ее существования и распространения, роль различных издательств и издателей в разви-

---

[1] Листовки петербургских большевиков. Т. 1, с. 30—35.

[2] Общее дело. Сборник статей по вопросам распространения образования среди взрослого населения. Сост. под ред. В. С. Костроминой. Вып. 1—4. М., 1900—1912.

[3] Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры и наблюдения. Спб., О. Н. Попова, 1895, с. 142.

[4] «Образование», 1905, № 2, с. 15—54; № 3, с. 295—306; № 4, с. 15—40; № 5, с. 139—170; № 6, с. 259—274.

тии книжного рынка, потребности и нужды народа в этой области. Из научно-популярной литературы, разрешенной для народных бесплатных библиотек, бо́льшая часть приходилась на географию и естествознание. На долю истории падал незначительный процент, преимущественно издания монархического содержания, и почти совсем не было книг по другим общественным наукам. Особенно жалкое положение занимала юридическая литература для народа. Это была собственно не литература для народа, а несколько десятков книг, среди которых преобладали руководства и памятные книжки для сельских старост, волостных старшин, урядников, городовых и других полицейских нижних чинов [1].

Таким образом, нравоучительно-религиозная книга, календари (один только И. Д. Сытин ежегодно издавал около 15 миллионов экземпляров настольных и отрывных календарей), песенники, письмовники, оракулы составляли основное содержание массового книжного рынка на рубеже XIX и XX столетий.

И вместе с тем при таком господстве книжного хлама в конце XIX века уже созревали силы, в ближайшие десятилетия радикально изменившие характер и состояние массовой книги для народа. Рыночная макулатура, долгое время почти единственная духовная пища деревенского и городского читателя, постепенно уступала место новым изданиям, выпущенным культурно-просветительными издательствами.

Первый удар псевдонародной и лубочной книге был нанесен «Посредником», который, по словам Н. К. Крупской, «бросал широкими пригоршнями семена знания в рабочие и крестьянские массы»[2]. За сорок лет, с 1885 по 1925 год, это издательство выпустило более 1000 названий, целую библиотеку самого разнообразного содержания, состоявшую из художественной литературы, книг по истории, медицине, ветеринарии, сельскому хозяйству и другим разделам знания.

В конце XIX века изданием книг для народа, кроме «Посредника», занимались комитеты грамотности (Петер-

---

[1] Гессен И. В. Юридическая литература для народа. (Опыт критического анализа). Спб., 1902. 61 с.

[2] Сорок лет служения людям. Сборник статей, посвященных общественно-литературной и книгоиздательской деятельности И. И. Горбунова-Посадова. Под ред. Н. Н. Гусева и М. В. Муратова. М., 1925, с. 115.

бургский, Киевский и Харьковский), земства (Вятское, Саратовское, Курское и ряд других), частные кружки и отдельные лица (Ф. Ф. Павленков, М. Н. Водовозова, А. М. Калмыкова, В. Я. Муринов, О. Н. Попова и другие).

Из комитетов грамотности самым активным оказался Харьковский, издавший с 1891 по 1908 год 119 названий брошюр общим числом 2,5 миллиона экземпляров [1]. Среди губернских земств особенно выделялось Вятское.

Против развития земского книгоиздательства выступило министерство внутренних дел, в 1901 году специальным циркуляром ограничившее права земских учреждений в этой области [2]. Последние не могли издавать популярную литературу, кроме книг, допущенных к обращению и вошедших в соответствующие каталоги министерства народного просвещения [3].

На изменение качественного состава русского книжного рынка более, чем комитеты грамотности и земства, повлияли прогрессивные издатели, в частности Ф. Ф. Павленков, благодаря которому нарастание научной и научно-популярной книги в России, по словам Н. А. Рубакина, пошло ускоренными темпами. Полный и сокращенный варианты «Энциклопедического словаря» Павленкова разошлись в огромном для того времени количестве, выдержав к 1914 году пять изданий, общий тираж популярной павленковской биографической библиотеки «Жизнь замечательных людей» (около 200 выпусков) превысил миллион экземпляров. Добившись поразительного удешевления книги, Павленков издавал классиков русской и иностранной литературы и ряд таких серий, как популярная юридическая библиотека, научно-популярная библиотека для народа В. В. Лункевича, библиотека полезных знаний и другие.

В общей сложности Павленков ввел в оборот свыше пятисот названий тщательно отобранных книг, привлекая к их созданию передовых людей своего времени, нередко участников революционного движения [4].

---

[1] Багалей Д. И. Очерки из русской истории. Т. 1. Харьков, 1911, с. 511.

[2] Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. Т. 2. Спб., О. Н. Попова, 1909, с. 543—544.

[3] Ограничительный циркуляр дожил до 1908 г.

[4] Рубакин Н. А. Из истории борьбы за права книги. Флорентий Федорович Павленков. — В сб.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 9. М., 1964, с. 207—241.

Расширению ассортимента русской научной и художественной книги и ее распространению содействовали также небольшие идейные издательства и книжные склады. К последним принадлежал «Книжный склад А. М. Калмыковой» в Петербурге (1889—1902), связанный с революционными организациями и с ленинской «Искрой»[1].

К той же плеяде просветительских издательств относилось организованное в 1894 году издательство О. Н. Поповой, которое выпустило массовым тиражом сочинения Белинского, Добролюбова, Шелгунова, Л. Толстого, издало «Капитал» Маркса, произведения Дарвина, Сеченова, Лафарга и многое другое. В начале века О. Н. Попова организовала издание популярной марксистской литературы в виде серии «Темы жизни», отдельные выпуски этой серии подготовлены А. В. Луначарским, П. П. Румянцевым, А. В. Шестаковым и другими членами РСДРП[2].

На рубеже XX века издательства становятся центрами распространения легальной демократической книги, влияние которых не ограничивалось Петербургом и Москвой. Они сумели установить связь с земскими складами — основными проводниками прогрессивной книги в провинции.

Размеры деятельности комитетов грамотности, земств, частных книжных складов не шли ни в какое сравнение с масштабами такого предприятия, каким являлось издательство И. Д. Сытина, ежегодно распространявшее книг в 100—150 раз больше, чем три комитета грамотности, взятые вместе. За один только месяц И. Д. Сытин продавал литературы больше, чем упомянутые организации за десять лет. По числу названий и тиражам И. Д. Сытин занимал первое место среди русских книгоиздателей.

Издание научной книги в России и по количеству названий и особенно по тиражам значительно отставало от других видов литературы, хотя и здесь в начале века произошли весьма ощутимые, а в ряде отраслей глубокие изменения. Спрос на книгу научного содержания К. А. Тимирязев ставил в прямую зависимость от «пробуждения страстного, лихорадочного интереса» к событиям общественной жизни[3].

---

[1] Калмыкова А. М. Обрывки воспоминаний. — «Былое», 1926, № 1 (35), с. 73—77.

[2] О деятельности О. Н. Поповой см.: Люблинский С. Б. Книгоиздательство О. Н. Поповой. — В сб.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 13. М., 1966, с. 120—132.

[3] Тимирязев К. А. Соч. Т. 4. М., Сельхозгиз, 1938, с. 20.

Центрами книгопроизводства по-прежнему продолжали оставаться Петербург и Москва. Издание научной литературы сосредоточивалось в Академии наук, университетах, государственных учреждениях и научных обществах. Научную и специальную литературу выпускали также частные книгоиздательские фирмы, в ряде случаев специализировавшиеся на издании книг определенной отрасли знания. Рядом со старыми книжными фирмами, возникшими еще в XIX веке, появляются новые, узкоспециализированные издательства — «Матезис», «Образование», «Физика», «Естествоиспытатель», «Природа».

С активизацией научной жизни провинциальных городов, с появлением губернских ученых архивных комиссий, местных научных обществ (историко-археологических, этнографических, любителей естествознания и других) меняются географические границы выпуска и распространения научных изданий. За два десятилетия (с 1894 по 1913 г.) число городов, в которых издавались книги, выросло почти в два с половиной раза (со 193 до 457). Значительную долю провинциальной книжной продукции составляли научные издания.

Период 1901—1917 годов отмечен появлением фундаментальных общих и отраслевых энциклопедий. Ряд отраслей научной книги, зиявших пробелами, пополнился трудами классиков естествознания, крупными исследованиями по общественным вопросам, отечественной и всемирной истории. В этот период обильно издавалась литература по рабочему, аграрному, женскому вопросам, профессиональному движению, кооперации, педагогике и народному образованию.

Из прикладных наук первое место занимала резко выдвинувшаяся вперед литература по сельскому хозяйству. Отстающим участком русской научной специальной литературы продолжала оставаться техническая книга. По данным официальной статистики, книги по технике составляли в 1908—1910 годах 1,5 процента от общего числа изданных в стране произведений печати, их выходило в три раза меньше, чем книг по сельскому хозяйству. В 1913 году издание технической литературы в стране достигло 940 названий и миллиона экземпляров.

Но уровень и объем издательской деятельности в области научной литературы не всегда и не во всех отраслях знания определялся числом ежегодно выходивших книг. Более показателен в этом отношении стремительный ска-

чок в издании отраслевой научной периодики, на страницах которой печатались научные и специальные исследования. По той же технике в 1901—1916 годах издавалось около 350 журналов и газет, тогда как вся дореволюционная русская техническая периодика с момента ее возникновения в России и до 1917 года насчитывала всего лишь 415 названий. По такому новому направлению в технике, как авиация, в начале века издавалось свыше 30 периодических изданий [1].

Капитализм быстро, и чем дальше, тем глубже, проникал в издательское и книготорговое дело. К концу первого десятилетия XX века крупным издательским фирмам принадлежала одна треть всех выходивших в стране названий произведений печати и, что крайне показательно, — 64% всего тиража [2].

Подъем книгопечатания в России выразился в непрерывном росте числа названий, ежегодно выпускаемых на книжный рынок. По изданию книг и брошюр Россия в начале века опередила крупнейшие страны Европы (Англию, Францию, Германию) и вышла к 1913 году на первое место, выпустив в 1912 году 34 630 названий тиражом 133,5 миллиона экземпляров. К этому времени Россия ежегодно потребляла бумаги более чем на 80 миллионов рублей. На мировом книжном рынке впереди была только Япония [3].

Развитие газетного дела так же быстро приобретало капиталистический характер. Русско-японская война впервые вызвала в деревне широкую потребность в газете, а революция 1905—1907 годов дала могучий толчок для повсеместного распространения периодической печати. Газеты возникали в небольших городах России, там, где прежде никогда не было собственных изданий.

Между издательскими фирмами обострялась конкуренция, в условиях которой все большее значение приобретала реклама и библиографическая книготорговая периодика.

---

1 Подсчеты сделаны по кн.: Меженко Ю. А. Русская техническая периодика 1800—1916 гг. Библиографический указатель. М.—Л., Акад. наук, 1955. 300 с.

2 Статистические таблицы Российского книгоиздательства за 1908 г., составленные по журналу «Книжная летопись»... — «Книжная летопись», 1909, № 25, с. 48—58.

3 Дерунов К. Н. Жизненные задачи библиографии. (Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет). — «Библиогр. известия», 1913, № 1, с. 3.

Такое интенсивное развитие русского книжного рынка стало возможным лишь при стремительном расширении круга читателей и рождении массового спроса на произведения печати, в свою очередь обусловленного значительно более интенсивным, чем в XIX веке, распространением грамотности. Все с большей очевидностью выступала зависимость дальнейшего успешного развития промышленности от состояния общего и профессионального образования в стране.

Рост грамотности вызвал быстрое распространение с конца 90-х годов народных библиотек-читален. Количество новых народных библиотек превышало число ежегодно открываемых школ. О темпах распространения библиотек в России говорят некоторые цифры, взятые по отдельным губерниям[1]. Так, Ярославская губерния в 1891 году не имела библиотек, в 1903 году их было уже 100; во Владимирской губернии в 1895 году около 7, в 1903 году — 150; в земских губерниях Северного края (Архангельская и Вологодская) в 1893 году — не более 40, в 1903 году — 854.

Напуганное ростом народных библиотек министерство внутренних дел издало печально известные «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними» (15 мая 1890 г.), предусматривавшие бдительный контроль и особый порядок разрешения, надзора и пополнения народных и школьных библиотек[2]. Подготовленные обстановкой политической реакции 80-х годов, Правила были созданы и введены по инициативе всесильного обер-прокурора святейшего синода К. П. Победоносцева и при участии министра внутренних дел Д. А. Толстого. Начиная с этого времени книжный состав народных и школьных библиотек определялся и регламентировался специальными каталогами, издаваемыми особым отделом ученого комитета министерства народного просвещения.

Бесправное положение народных и школьных библиотек, неспособных удовлетворить самые скромные запросы взрослых читателей и детей, вызывало многочисленные протесты в печати. В борьбу с ограничением чтения в биб-

---

[1] Образование взрослых. (Доклады, читанные в заседаниях Постоянной комиссии по техническому образованию...). М., 1905, с. 12.

[2] Текст Правил опубликован в книге: Звягинцев Е.А. Правовое положение народных библиотек за 50 лет. М., кн. скл. Е. Д. Трацкой, 1916, с. 17—21.

лиотеках, с этим крепостническим пережитком, втягивались представители различных общественных слоев; против губительного антикультурного влияния официальной ограничительной библиографии открыто выступали общественные организации, писатели, педагоги, библиографы и библиотекари.

С наиболее непримиримой и последовательной критикой политики царского правительства в библиотечном деле выступали большевики, связывавшие борьбу за демократизацию библиотек с общеполитической борьбой. Они разъясняли массам зависимость сословных ограничений и бесправного положения народных библиотек от реакционности и отсталости существовавшего политического режима. По поводу содержания министерских каталогов в листовке петербургских большевиков иронически говорилось: «С народа достаточно самых негодных отбросов литературы: поэтому в бесплатные народные библиотеки допускаются только такие произведения, которые написаны в угоду попам и полиции» [1].

Под напором революционного движения разрешительный каталог для бесплатных народных библиотек был отброшен прочь, и в 1905 году библиотеки явочным порядком стали пополняться всей имевшейся литературой, в том числе и революционной. Официальная отмена Правил 1890 года последовала в декабре 1905 года, при этом министерство внутренних дел сумело сохранить разрешительный порядок открытия библиотек и оставить в силе административное вмешательство в их деятельность.

В темной и нищей России, где, по данным всеобщей переписи 1897 года, умеющие читать и писать составляли всего лишь 27% населения (без учета детей до девяти лет), на рубеже нового столетия появляются сотни тысяч читателей из широких слоев трудящихся, прежде всего из фабричной и крестьянской среды.

Рост классового самосознания, участие в политической и экономической борьбе, чтение легальной и нелегальной политической литературы, занятия в кружках самообразования подготовили и выдвинули из рабочей среды нового читателя: рабочего-интеллигента, пропагандиста книги, организатора товарищеских и подпольных библиотек, с

---

[1] Листовки петербургских большевиков. 1902—1917. Т. 1. М., Госполитиздат, 1939, с. 18.

помощью которых к чтению приобщались сотни и тысячи новых читателей.

Рабочие или товарищеские библиотеки обычно начинались с малого, с собирания доступных по содержанию, дешевых по цене, скромных по размеру книжечек народных издательств. Они составлялись по «спискам лучших книг», которые во множестве ходили по рукам и были в начале века самой распространенной и эффективной формой массовой библиографии. Значение товарищеских библиотек и роль массовой библиографии в революционном движении еще не достаточно оценены и изучены, а между тем с чтения художественной, научно-популярной, легальной и чаще всего нелегальной политической литературы в такого рода библиотеках начиналось активное в дальнейшем участие в революционной борьбе. Здесь рабочие знакомились с основами марксизма, политической экономией, рабочим и аграрным вопросами, получая неограниченный доступ к конфискованной и запрещенной книге.

Общее число возможных читателей в конце века Н. А. Рубакин определил в 40—45 миллионов человек, эта близкая к истине цифра в дальнейшем увеличивалась стремительно, так как процесс нарастания числа читателей накануне первой русской революции принял размеры массового явления [1].

Выход на историческую сцену демократического читателя не замедлил сказаться на содержании народной книги, ее тиражах и распространении, на соотношении различных отраслей книжного дела, преимущественном развитии одних за счет сокращения других. Новый читатель заставил отступить примитивную, полуграмотную лубочную книгу перед книжной продукцией прогрессивных демократических издательств, перед нелегальным листком и политической брошюрой.

Потребности и запросы этого читателя вызвали к жизни издательства, при всем их различии объединенные общей целью — созданием и распространением высокохудожественной и в научном отношении доброкачественной книги для народа.

Идея создания книг для широких масс занимала в начале века многих прогрессивных общественных и литературных деятелей.

---

[1] Рубакин Н. А. Русские читатели и их обстановка. — «Вестник знания», 1905, № 1, с. 178.

В 1901 году начало функционировать культурно-просветительное издательство «В. И. Рапп и В. И. Потапов», которое, не признавая никакой особой «беллетристики для народа», приступило к изданию талантливых произведений художественной литературы без каких-либо изменений, переделок и искажений. В 1905 году это издательство настолько расширило свою деятельность, что за несколько революционных месяцев выпустило 650 тысяч экземпляров книг.

В этом же 1901 году в Петербурге возникло «Издательство Марии Малых», печатавшее в основном легальную социал-демократическую литературу. «Современная научно-образовательная библиотека», издававшаяся М. А. Малых, в 1905 году сменилась сериями книг: «Пролетариат», «Знание — сила», «Научное миросозерцание» и другими. М. А. Малых за 1901—1909 годы издала свыше 200 названий книг, главным образом общественно-политической тематики [1]. Она одна из первых легально выпустила для широких масс произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Каутского, Плеханова, Бебеля, В. Либкнехта.

Созданное в 1898 году издательство «Знание», которое через несколько лет возглавил А. М. Горький, занималось выпуском «Дешевой библиотеки», состоявшей из произведений М. Горького, А. Серафимовича, А. Куприна, Н. Телешова и других. Большим спросом в демократических кругах читателей пользовались «Сборники товарищества „Знание"».

Среди демократических издательств, наиболее ощутимо повлиявших на состояние книжного рынка накануне первой русской революции, заметно выделялась «Донская речь», основанная крупным промышленником Н. Е. Парамоновым в 1903 году в Ростове-на-Дону. Прогрессивный характер этого издательства определился с самого начала существования «Донской речи», когда его владелец искал пути для массового издания «Что делать» Чернышевского, мечтал «издать кое-что Герцена» и Салтыкова-Щедрина, не раз обращался к Н. А. Рубакину за советом

---

[1] Неполный каталог изданий Марии Малых. 1901—1909. Шлиссельбург, б. г. 8 с.
Корректурный экземпляр каталога с пометками и исправлениями М. А. Малых хранится в Доме Плеханова (Ленинград). О деятельности М. Малых см. статью: Дун А. З. Издательство Марии Малых. — В сб.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 6. М., 1962, с. 183—191.

и рекомендацией народных книжек для молодого издательства[1].

В первые годы своего существования «Донская речь» занималась главным образом выпуском «идейной беллетристики», художественной литературы демократического направления. За несколько лет ею было издано свыше 150 произведений русских писателей-реалистов конца XIX — начала XX века (Короленко, Вересаев, Станюкович, Свирский, Серафимович, Дмитриева и другие). Отдельные сборники поэтических и прозаических произведений («Зарницы», «Песни труда») пользовались прочным успехом и расходились в больших количествах.

В 1905 году, когда выпуск революционной литературы стал явно прибыльным делом, Н. Е. Парамонов устанавливает в типографии новые печатные машины и расширяет производство с таким расчетом, чтобы довести объем ежегодной продукции до 3—3,5 миллиона экземпляров[2]. «Донская речь» включилась в издание массовой политической брошюры, преимущественно по рабочему и аграрному вопросам, и листовок на темы дня, выпустив только за пять месяцев 1905 года 1,5 миллиона экземпляров произведений печати[3]. Среди пестрых по своей политической окраске изданий имелись и социал-демократические.

Брошюры «Донской речи» использовались в рабочих кружках и проникали в деревню, где конкурировали с монархическими листовками. Один из рабочих, занимавшихся в нелегальном кружке под руководством молодого М. В. Фрунзе, спустя много лет вспоминал: «Книгой же для чтения по русскому языку служила в нашем кружке не обычная хрестоматия, — техникой чтения мы овладевали по прокламациям, популярным политическим брошюрам издательства «Донская речь», революционным журналам. Помню, например, что первой свободно прочитанной мною книжкой была «Эрфуртская программа». Позже мы читали Плеханова и даже Маркса»[4].

---

[1] ГБЛ. Ф. 358, карт. 232, ед. хр. 33. Письма Н. Е. Парамонова Н. А. Рубакину от 31 окт., 20 ноября 1903 г., 23 янв. и 11 марта 1904 г.

[2] Там же. Письма Н. Е. Парамонова Н. А. Рубакину от 15 февр., 10 апр., 12 мая и 18 июля 1905 г.

[3] Эволюция книжного рынка. — «Книжный вестник», 1905, № 40, стлб. 1090.

[4] Гусев Н. Д. Как занимался с рабочими М. В. Фрунзе. — «Школа взрослых», 1940, № 5, с. 44—45. О распространении изданий «Донской речи» в деревне см.: Семенов С. Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915, с. 215, 219.

При всей популярности и распространенности легальных политических изданий в первые годы века, они не могли иметь той силы влияния на массы, какой обладала нелегальная социал-демократическая литература.

Рабочий класс России, писал В. И. Ленин в 1901 году, «проявляет постоянный интерес к политическому знанию, предъявляет постоянно (а не только в периоды особого возбуждения) громадный спрос на нелегальную литературу» [1]. Этот спрос на общественно-политическую, историческую и экономическую литературу поднимался и ширился под влиянием стачечного движения, русско-японской войны и революционных событий 1905—1907 годов; он изучался и учитывался социал-демократической партией, которая политическое образование трудящихся масс и пропаганду революционной литературы поставила в центре своей деятельности. Готовясь ко II съезду партии, В. И. Ленин всесторонне знакомился с состоянием нелегальной политической литературы и с ее распространением в России среди рабочих. С этой целью накануне съезда был составлен обращенный к местным организациям РСДРП детальный перечень вопросов, ответы на которые должны были нарисовать ясную и обстоятельную картину состояния нелегальной печати, начиная с техники печатания и способов распространения агитационных листков и кончая спросом на социал-демократическую литературу среди разных слоев населения [2].

В создании и распространении нелегальной литературы в России накануне революции 1905 года решающую роль сыграл ЦК РСДРП. Меньше чем за полтора года (с ноября 1903 по 1 марта 1905 г.) типографиями Центрального Комитета партии было напечатано и передано для распространения политической литературы свыше миллиона экземпляров [3]. Технической организацией ЦК РСДРП за год (с апреля 1904 по март 1905 г.) было переправлено из-за границы в Россию 300 пудов литературы.

Подпольные типографии внутри России насчитывались десятками. С 1903 по 1905 год в одних только нелегальных типографиях Баку было отпечатано 1,5 миллиона различ-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5, с. 11.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7, с. 78—80.
[3] Третий съезд РСДРП. Апрель—май 1905 года. Протоколы. М., Госполитиздат, 1959, с. 489, 491—492.

ных листков. Большевистские листовки к Первому мая распространялись в сотнях тысяч экземпляров. По мнению М. С. Ольминского, количество подпольных листков, брошюр и газет, выпущенных с января по сентябрь 1905 года одними лишь местными организациями РСДРП, достигало миллиона экземпляров в месяц. Если к этому прибавить издания центральных учреждений РСДРП в России и за границей и национальных социал-демократических партий (польской и латышской), то количество расходившихся в стране изданий такого рода в 1905 году будет еще более внушительным [1].

В августе 1904 года в Женеве возникло самостоятельное большевистское «Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина», идейным вдохновителем и организатором которого был В. И. Ленин, а практическим исполнителем В. Д. Бонч-Бруевич [2]. Издательство подобрало группу авторов-большевиков, в которую входили В. В. Воровский, М. С. Ольминский, А. А. Богданов, П. А. Красиков, П. Н. Лепешинский и другие, и вскоре выпустило ряд политических брошюр на актуальные темы. В подборе авторов и тем, в редактировании рукописей и составлении предисловий к брошюрам непосредственное участие принимал В. И. Ленин. Литература из Женевы различными путями проникала в Россию и распространялась здесь с помощью партийных комитетов. Издательство «В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина» просуществовало до декабря 1904 года.

В 1905 году положение с изданием политической книги в России резко изменилось. При огромном объеме нелегальной печати административное преследование бесцензурных изданий утрачивало свое прежнее значение, распространение тайно отпечатанного в таких размерах не могло не повлиять на расширение возможностей и для легальной прессы.

В октябре 1905 года ценою больших жертв пролетариат завоевал свободу печати. Впервые в истории России легально стали выходить массовыми тиражами революцион-

---

[1] Ольминский М. С. Право на печать. — «Образование», 1908, № 2, с. 64.

[2] Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. Т. 1. М., Акад. наук, 1959, с. 11; Морозова В. П. Издательство социал-демократической и партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина (авг.—дек. 1904 г.) — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 4, с. 92—102.

ные издания. Свобода печати осуществлялась явочным порядком. Революционная литература наводнила книжный рынок. «Никакой издатель, — писал В. И. Ленин, — не осмеливался представлять властям обязательный экземпляр, а власти не осмеливались принимать против этого какие-либо меры» [1].

В этот период в изобилии появляются издательства, выпускавшие в огромных количествах политическую книгу для широких масс. В течение нескольких месяцев 1905 года возникло около 100 издательств, деятельность которых преимущественно сосредоточивалась на издании общественно-политической и партийной литературы. Из наиболее активных выделялись «Колокол» Е. Д. Мяткова, издававший одновременно социал-демократическую и эсеровскую литературу, «Труд» С. А. Скирмунта, «Вперед» (Одесса), «Демос», «Буревестник», «Новый мир», «Молот», «Пролетарий», «К свету», «Голос», «Новая заря».

Впервые легально появились ранее преследовавшиеся и запрещавшиеся произведения русских революционных демократов, народовольцев, анархистов.

В этом потоке новой литературы большое место заняла переводная западная книга, в том числе социал-демократическая.

Для издания и распространения марксистской литературы в России годы первой русской революции стали переломными. Это можно заметить даже по официальной библиографической регистрации произведений Маркса и Энгельса, крайне неполно учитывавшей русские легальные издания. В «Списке книг, вышедших в России в 1903 г.» не было зарегистрировано ни одного произведения Маркса и Энгельса, в «Списке» за 1904 год появилось три издания (общим тиражом около 9 тысяч экз.), а в 1906 году учтено свыше тридцати названий общим тиражом около 300 тысяч. Многие произведения из числа зарегистрированных стали впервые известны русскому читателю. В 1905—1907 годах «Манифест Коммунистической партии» вышел на русском языке под разными названиями во множестве изданий (по цене 3—5 копеек за экземпляр). До этого времени он никогда и нигде не был так доступен широким слоям трудящихся, таким тиражом и по такой низкой цене этот документ марксизма не распространялся ни на одном языке [2].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 321.
[2] Воровский В. В. Соч. Т. 1. М., Партиздат, 1933, с. 88.

В период первой русской революции большевистская партия приняла активные меры для развертывания легальной издательской деятельности.

После издававшихся большевиками за границей газет «Вперед» (январь — май 1905 г.) и «Пролетарий» (май—ноябрь 1905 г.) с конца октября и до начала декабря центральным органом партии становится первая легальная большевистская газета «Новая жизнь», выходившая в Петербурге значительным для того времени тиражом — 80 тысяч экземпляров. Редактором газеты был В. И. Ленин. В «Новой жизни» появляется статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», сыгравшая огромную роль в понимании печати как части партийного дела.

В ноябре — декабре 1905 года возникают легальные большевистские газеты в различных городах России.

В Петербурге создается крупное большевистское издательство «Вперед», возглавляемое В. Д. Бонч-Бруевичем. Партийный центр издания и распространения большевистской книги был создан на базе ранее возникших небольших легальных издательств «Марксист», «Наша мысль», «Утро». Остатки тиражей книг, выпущенных этими издательствами, перешли к издательству «Вперед», при котором был создан книжный магазин и склад, занимавшийся рассылкой и распространением легальной и нелегальной большевистской литературы по всей стране. Для комплектования дешевых рабочих и крестьянских библиотек революционной литературой на книжном складе использовались составленные специально для этой цели рекомендательные библиографические указатели. Среди книг, изданных «Вперед», преобладали произведения, посвященные актуальным вопросам революции. В этом издательстве было выпущено свыше 30 произведений В. И. Ленина.

Влияние большевиков распространялось на ряд прогрессивных издательств, которые частично и использовались партией для выпуска необходимой литературы. К ним относятся издательства С. А. Скирмунта, М. А. Малых (одно время даже было намерение превратить издательство Марии Малых в легальное издательство большевиков)[1], «Колокол» Е. Д. Мягкова. Неофициальным большевистским (или, как тогда говорили, «полупартийным») изда-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47, с. 74, 75, 79.

тельством становится горьковское «Знание». В сентябре 1905 года было принято решение организовать в «Дешевой библиотеке» «Знания» партийный отдел. По договоренности с ЦК РСДРП «Знание» включило в эту библиотеку произведения Маркса, Энгельса, Лафарга, Меринга и других. Отбор марксистской литературы для «Дешевой библиотеки» проводила редакционная комиссия, в состав которой входил В. И. Ленин.

По приблизительным данным, издательство «Вперед» вместе с партийными отделами «Знания» и «Колокола» Е. Д. Мягкова выпустило в 1905—1907 годах 230 названий общим тиражом около трех миллионов экземпляров [1].

Общее число возникших в годы первой русской революции издательств превышало 350, из них около 60 занимались изданием социал-демократической литературы. Дальнейшее изучение истории русской революционной книги безусловно расширит перечень издательств и с большей точностью определит объем напечатанного.

Массовому интересу к газете, агитационному листку, политической брошюре соответствовал и размах деятельности издательств, возникавших часто не из идейных побуждений, а из коммерческого расчета. На эту любопытную и характерную для того времени особенность издания революционно-демократической книги обратил внимание В. И. Ленин. «Купцы бросали торговать овсом, — писал он, — и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала *базарным* продуктом» [2]. Капиталистический характер распространения политической печати в эти годы отметил и В. В. Воровский: «Люди, торговавшие прежде веревками и копытной мазью, начали издавать Маркса и Энгельса, Бебеля и Каутского, авторитетно заявляя, что они издают только социал-демократическую, только партийную литературу» [3].

Легальная массовая политическая брошюра была совершенно новым явлением на русском книжном рынке. Наряду с огромным количеством переводной литературы по социализму, выходили в свет и оригинальные русские

---

[1] Иоффе А. М. Большевистское книгоиздательство в период первой русской революции 1905—1907 годов. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. пед. наук. М., 1965, с. 23. (Моск. гос. ин-т культуры). На правах рукописи.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22, с. 83.

[3] Воровский В. В. Соч. Т. 1. М., Партиздат, 1933, с. 88.

работы. Тиражи революционных изданий достигали небывалых цифр, особенно они были велики для листовок и воззваний (так, например, «Выборгское воззвание» печаталось в количестве 250 тыс., «Красная сотня» — 500 тыс., Резолюции IX Пироговского съезда в популярном изложении в виде противоправительственного листка — 2,5 млн. экземпляров).

По крайне приблизительному и неполному подсчету Н. А. Рубакина, сделанному им по издательским и разным другим каталогам, в конце 1905 года и в первые месяцы 1906 года, то есть в течение полугодия, вышло в свет одних только легальных брошюр по общественным наукам около 1700 названий. Общий тираж изданных в 1905—1907 годах политических и экономических брошюр Рубакин определяет в 200—220 миллионов экземпляров. Общее число ежегодно выходивших произведений печати в этот период выражалось не менее, чем в 130—150 миллионах экземпляров [1].

Живительное влияние первой русской революции сказалось и в появлении новых библиографических указателей, в которые вошла революционно-демократическая книга, и в пополнении народных библиотек популярной литературой по всем отраслям знания. И хотя администрация проводила по своему усмотрению изъятия из библиотек различных изданий, все же общие условия для распространения печатного слова улучшились. В этот период «миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, «низами» так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России» [2].

В. И. Ленин имел в виду издательскую деятельность 1905—1907 годов, когда писал о распространении массы серьезной, теоретической литературы «которая еще принесет плоды». В период революции и позднее в годы реакции в широком обращении находились миллионы экземпляров переводных и русских оригинальных книг общественно-политического содержания. *«Такие* количества теоретической литературы, в такой короткий срок брошенные в девственные, почти незатронутые социалистической книжкой массы, не перевариваются сразу. Социал-демократическая книжка не пропала. *Она посеяна.* Она растет.

---

[1] Рубакин Н. А. Книжный прилив и книжный отлив. — «Современный мир», 1909, № 2, с. 3.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22, с. 83.

И она даст плоды — может быть, не завтра, не послезавтра, а несколько позже...» [1].

Активность демократических и революционных издательств вызвала соответствующую реакцию со стороны правительства, которое считало «в высшей степени полезным», в противовес революционным прокламациям, распространение среди народа бесплатных монархических печатных листков. Министр внутренних дел А. Г. Булыгин предлагал в апреле 1905 года составление подобных прокламаций поручать «лицам, известным своею благонамеренностью, опытностью и знанием той среды, для которой означенные листки предназначаются» [2].

Ответом правительства на установленную явочным порядком свободу явилось опубликование 24 ноября 1905 года «Временных правил о повременной печати», по которым периодические издания могли выпускаться без разрешения властей, но вводилась судебная ответственность, что создавало новые трудные условия для существования газет и журналов [3].

В апреле 1906 года правительство, вынужденное еще раз отступить, распространило тот же порядок и на неповременные издания, но оно и здесь заблаговременно продумало меры, обеспечивающие надзор за печатью в новых условиях.

«Временные правила» для борьбы с революционной книгой были усилены специальными «Дополнениями» (18 марта 1906 г.), по сути дела восстанавливавшими прежний порядок для значительной категории периодических изданий (содержащих рисунки, эстампы и другие виды иллюстраций).

Могучему потоку революционной литературы пытались противостоять такие монархические организации, как «Союз 17 октября», «Кружок свободы и порядка», занявшиеся изданием книг для народа. В этом же направлении продолжала действовать и монархическая по духу Постоянная комиссия народных чтений, «полезную деятельность» которой отметил С. Ю. Витте в докладе Николаю II, в феврале 1906 года. В том же докладе предлагалось усилить и ввести в более организованное русло изда-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17, с. 292.

[2] Доклад министра внутренних дел А. Г. Булыгина Николаю II 20 апр. 1905 г. — «Красный архив», 1941, № 2 (105), с. 146.

[3] «Временные правила» просуществовали до Февральской революции 1917 г.

ние популярных брошюр и листовок по общественным и политическим вопросам [1].

В этой борьбе за идеологическое воздействие на массы в период общественного подъема контрреволюционная литература потерпела полное поражение. Наступление на революционно-демократическую книгу в дальнейшем преимущественно пошло по пути репрессий, когда на издания 1905—1907 годов со всей силой обрушились судебные и административные кары.

Сущность царской политики в области печати выразил сам Николай II, заявивший вскоре после издания «Временных правил», что «сидеть только на законе нельзя». Это указание немедленно получило развитие и обросло практическими предложениями в докладной записке «Обуздание революционной деятельности столичной и провинциальной периодической печати 1906 г.», представленной Николаю II 4 июня 1906 года председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным. В записке обосновывалась необходимость борьбы с революционной печатью мерами еще более крутыми и жесткими, «хотя бы и не укладывающимися в тесные рамки наших новоизданных законов о печати, которыми у власти связаны руки» [2].

В последующие годы издание и распространение революционной литературы подвергалось систематическим преследованиям.

Кроме изъятия по официальным спискам, в городах проходили конфискации и запрещения еще и по указаниям местной администрации. О размахе и результатах запрещений на местах можно судить, например, по сводному списку задержанных в Одесском градоначальстве произведений печати «крайне тенденциозного, а подчас и революционного направления» [3].

В годы реакции в ряде городов подверглись разгрому

---

[1] Доклад председателя Совета министров С. Ю. Витте Николаю II «О распространении в народе печатных изданий общественного и политического характера» 2 февр. 1906 г. — «Красный архив», 1941, № 2(105), с. 149—150.

[2] «Красный архив», 1922, № 2, с. 280.

[3] Авдеенко И. К. Список произведениям печати, воспрещенным в Одесском градоначальстве на время состояния Одессы в положении усиленной охраны. Необходимая справочная книжка для издателей, владельцев типографий, книжных магазинов, лавок, будок, библиотек и читален, разносчиков, а также лиц, соприкосновенных к розыску воспрещенных в Одессе изданий. Одесса, 1909. 20 с.

десятки книжных магазинов, складов и издательств, причем в первую очередь пострадали большевистские и близкие к ним издательства. Книжный склад издательства «Вперед» вынужден был свернуть свою деятельность в декабре 1906 года. В конце января 1907 года ему удалось возобновить работу, но в июле того же года после окончательного разгрома он прекратил свое существование.

Прекращали работу и земские книжные склады (Вятка), снабжавшие провинцию массовой литературой, или деятельность их ограничивалась распространением только учебников (Курск). По доносам в Киеве, Перми, Сибири, Прибалтийском крае и других местах закрывались библиотеки за «тенденциозный» подбор книг. Поводом для закрытия часто служило нахождение всего лишь двух-трех подлежащих изъятию книг или даже простое указание на то, что «тут слишком много читателей как раз из народа» [1].

И все-таки, несмотря на массовые изъятия и на заявление министра внутренних дел П. А. Столыпина о том, что печать взята в тиски мерами административными и после роспуска второй Думы эта «мать революции» призвана к порядку [2], далеко не вся революционная книга в те годы была истреблена. Многотиражные листки воззваний, прокламации и брошюры агитационного характера распространялись так быстро, что практически оказывались неуловимыми. Они успевали в короткое время просочиться во многие демократические библиотеки и библиографические указатели. Успех революционных изданий еще долго вызывал бешеную злобу черносотенного лагеря.

В обстановке усиливающейся политической реакции развертывает свою деятельность издательство «Зерно», организованное М. С. Кедровым в Петербурге еще осенью 1906 года. После ликвидации «Вперед» оно остается единственным легальным издательством большевиков в тяжелые 1907—1908 годы. В конце 1907 года «Зерно» выпустило массовый «Календарь для всех», немедленно попавший в список арестованных изданий, но тем не менее получивший широкое распространение. В труднейших условиях издательство приступило к изданию собрания

---

[1] Южаков В. В. Библиотеки и народная образованность. — Труды Первого всероссийского съезда по библиотечному делу. Спб., 1912, с. 191.

[2] Из архива И. Г. Щегловитова. — «Красный архив», 1926, № 2(15), с. 105.

сочинений В. И. Ленина в трех томах, из которого увидел свет тотчас конфискованный первый том («За 12 лет») и часть второго тома. В апреле 1908 года «Зерно», разгромленное полицией, перестало существовать.

На смену издательствам «Вперед» и «Зерно» пришло новое большевистское легальное издательство «Жизнь и знание», возглавляемое В. Д. Бонч-Бруевичем. Оно просуществовало с ноября 1909 до лета 1918 года. По примеру «Вперед» при издательстве «Жизнь и знание» был организован книжный магазин и склад, которые занимались распространением книг собственного издательства и ряда прогрессивных демократических издательств [1].

В годы реакции выпуск массовой революционной брошюры резко падает и в то же время усиливается издание субсидируемой правительством шовинистической, монархической и религиозной книги. Пышно расцветает порнография и бульварная пресса, для которых разгром буржуазно-демократической революции создал благоприятные условия. Обилие лубочных и бульварных изданий своеобразно повлияло на библиотечную практику и содержание некоторых библиографических пособий. Журнал «Библиотекарь», придерживаясь взгляда — пусть хоть что-нибудь читают, чем ничего не читают, — советовал библиотекам не отказываться от недоброкачественной и третьесортной литературы (сонников, письмовников, руководств по «хорошему тону» и т. п.) [2].

Реакция породила такие организации, как Всероссийский национальный клуб (1910 г.), который занялся производством монархической, шовинистической, антисемитской и прочей книжной макулатуры, почти принудительно рассылаемой по народным школам. Министерство внутренних дел циркуляром через губернаторов «рекомендовало» распространять по школьным библиотекам издательскую продукцию национального клуба. Особенно много националистических произведений принес 1913 год, когда, по официальным данным, 86% всей исторической литературы (свыше четырех миллионов экземпляров) заняли юбилейные издания, посвященные 300-летию дома Романовых.

---

[1] О деятельности издательства «Жизнь и знание» см.: Голубева О. Д. Книгоиздательство «Жизнь и знание» (1909—1918). — В сб.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 13. М., 1966, с. 133—162.

[2] Самохвалов И. Библиотечные курсы при Университете имени Шанявского в Москве. — «Библиотекарь», 1915, вып. 2, с. 135.

В годы первой мировой войны, когда книжное дело испытывало огромные затруднения и многие его отрасли были парализованы, левая печать подавлена и загнана в подполье, закрыта большевистская газета «Правда», прекращена деятельность большевистского издательства «Прибой», монархические издания получали мощную и постоянную поддержку. Начиная с 1914 года правительство ежегодно отпускало Главному управлению по делам печати чрезвычайным сверхсметным кредитом крупные суммы на специально учрежденный Комитет народных изданий, вплоть до февральской буржуазно-демократической революции занимавшийся выпуском миллионными тиражами плакатов, листовок, брошюр и распространением их в рабочей и крестьянской среде. На основе этой литературы организуются тысячи солдатских библиотек, наполненных монархическими брошюрами Комитета, такими, как «Рабочий народ и война» (тираж 1 млн. экз.), «Война и деревня» (300 тыс.) и т. д.[1]. Той же монархической и шовинистической обработке подвергались солдаты, временно или полностью выбывшие из армии. Главное управление генерального штаба по согласованности с министерством внутренних дел составляло списки книг, разрешенных к обращению в лечебных заведениях для раненых и больных нижних чинов. Казенные библиографические списки отличались крайней серостью и убогостью содержания, их уровень определялся такими рекомендованными для чтения правыми, монархическими газетами, как «Новое время», «Голос Руси», «Земщина», «Русский инвалид» и прочие в том же духе. Официальные списки многократно переиздавались и распространялись по лазаретам различных городов страны. Обработкой сельского читателя занимался специально для этого созданный «Сельский вестник».

Но годы первой русской революции не прошли даром. Показательно, что религиозно-нравоучительная книга для народа после 1905—1907 годов утрачивает свое преимущественное положение среди других произведений печати. Вместо 16,5 миллиона экземпляров, напечатанных в 1901 году, в 1911 году выходит 10 миллионов, а в 1915 году эта цифра снижается до 4,5 миллиона.

Такое падение объяснялось, с одной стороны, демократическими завоеваниями первой русской революции, при

[1] ЦГИАЛ. Ф. 1276, оп. 12, 1916 г., ед. хр. 1726а; ф. 1276, оп. 13, 1917 г., ед. хр. 232.

которых уменьшилась возможность принудительного распространения книг по школам и народным библиотекам, с другой стороны — успешным конкурентом выступила более дешевая и доброкачественная светская книга.

Среди рабочего населения не угасал интерес к общественным вопросам и политической книге. В дни февральской буржуазно-демократической революции общественно-политическая литература, главным образом 1905—1907 годов, вновь появляется на прилавках общественных библиотек и книжных магазинов, вторично переживая свое рождение [1]. Как упоминалось, далеко не все изъятые во время массовых обысков книги и брошюры подверглись уничтожению. В жандармских и охранных отделениях постепенно скапливалась отобранная литература, которая, пролежав годы, вышла на поверхность в 1917 году. Кроме того, остатки тиражей некоторых изданий кое-где сохранились в подвалах легальных и нелегальных книжных складов, так было, например, с частью книг большевистского издательства «Вперед», уцелевших на складе «Безопасность». Издания «Донской речи», «Молота», «Колокола», «Зерна», ряд конфискованных произведений В. И. Ленина удалось уберечь на писчебумажной фабрике «Сокол», где они пролежали до февраля 1917 года [2].

Краткий обзор состояния книжного дела в России в период трех революций дает некоторое представление о той общественной и политической атмосфере, в которой протекала пропаганда книги библиографическими средствами и решались жизненно важные задачи национальной библиографии.

Русская библиография вступила в новое столетие накануне крупных общественных преобразований, она развивалась в условиях острейшей социальной и политической борьбы. При всей отсталости и запущенности, на рубеже двух столетий библиография выходила из состояния замкнутого, обособленного существования. Она не оставалась в стороне от борьбы, кипевшей вокруг народной книги, бесплатных общественных библиотек, прогрессивных издательств. Столкновение и взаимодействие раз-

---

[1] Цикуленко А. В. Воспоминания о библиотечной работе до Октябрьской революции. — «Красный библиотекарь», 1927, № 10, с. 65.

[2] Кедров М. С. Из красной тетради об Ильиче. (Клочки воспоминаний). — «Пролетарская революция», 1927, № 1(60), с. 40.

народных политических сил и течений можно было наблюдать и на библиографическом фронте, где этот процесс протекал открыто и обнаженно в рекомендательной библиографии, неясно и завуалированно — в учетно-регистрационной и научно-информационной.

В новых условиях дальнейшее развитие всех видов библиографической пропаганды произведений печати характеризуется особенностями, которые не были свойственны русской библиографии прошлого столетия.

Стремление к объединению сил с целью коллективного выполнения библиографических работ рекомендательного и научно-информационного характера нашло место как в общей библиографии, так в равной мере и в отраслевой. Особенно продуктивно это направление развивается в рекомендательной библиографии, где становится типичным и повсеместно распространенным организованный коллективный просмотр, критическая оценка и рецензирование имевшейся к тому времени научно-популярной, художественной и детской литературы.

Почти одновременно, но в разных направлениях работало множество библиографических и библиотечных комиссий, возникавших при общественно-просветительских и научных организациях и обществах. Результаты этой деятельности находили отражение в крупных многотомных библиографических указателях, сборниках отзывов и рецензий, программах чтения, злободневных рекомендательных списках и т. п.

Три комиссии (по организации домашнего чтения, историческая и по детскому чтению) существовали при учебном отделе Московского общества распространения технических знаний, аналогичную деятельность развил в Петербурге Подвижной музей учебных пособий, при котором работали комиссии по просмотру художественной и детской литературы, книг по географии, естествознанию, истории и общественным наукам. Особая комиссия для разработки вопросов по школьной гигиене и распространению гигиенических знаний в народе занималась рецензированием почти всех выходивших популярных медицинских книг и брошюр и изданием библиографических сборников. Критические обзоры и рекомендательные списки народной литературы по русской истории, астрономии, медицине, ботанике, зоологии, географии составлялись коллективом учителей воскресных школ и помещались в сборниках «Общее дело» (1900—1912). Библиотечная ко-

миссия Киевского общества грамотности систематически выпускала сборники отзывов на детскую и научно-популярную народную литературу (1904—1907), где нашли приложение коллективно выработанные принципы и критерии оценки книг. Коллектив учителей подготовил и выпустил каталоги книг для народных библиотек-читален Харьковской губернии (1908—1912). При Киевском агрономическом обществе с 1912 года работала комиссия по просмотру популярной сельскохозяйственной литературы, рецензировавшая книги. Отзывы комиссии печатались в журнале Общества и в библиографических указателях.

Коллективное начало получило развитие и в ряде научно-информационных отраслевых библиографий, особенно в таких областях знания, как естествознание, математика, экономика, педагогика, славяноведение.

Обсуждение вопросов организации и дальнейшего развития русской библиографии постепенно вышло за пределы узкого профессионального круга. Стремление к организованности научного процесса и обеспеченности его необходимой информацией, к упорядочению библиографической деятельности в различных областях науки, техники и общественной жизни нашло отражение в выступлениях на всероссийских научных съездах и совещаниях.

В январе 1910 года на секции минералогии и геологии XII съезда русских естествоиспытателей и врачей В. В. Аршинов и И. В. Багашев выступили с предложением основать в России центральное библиографическое учреждение и сеть местных библиографических бюро, целью которых были бы обмен и распространение научных статей между различными учреждениями и улучшение информации о научных достижениях в области естествознания и географии. Создание национальных библиографических институтов должно было предшествовать возникновению такого же рода международных организаций [1]. Предложение В. В. Аршинова и И. В. Багашева было одобрено съездом русских естествоиспытателей и врачей, но в силу ряда причин осталось нереализованным [2].

---

[1] Аршинов В. В. Заметка о пользе издания оттисков специальных журнальных статей. — «Библиогр. известия», 1914, № 3—4, с. 289—293.

[2] Через пятнадцать лет предложение В. В. Аршинова и И. В. Багашева было поддержано библиографическим съездом. См.: Аршинов В. В. О реформе научного издательства. Доклад на Первом всероссийском библиографическом съезде. — «Библиогр. известия», 1926, № 1—4, с. 257—263.

Конечный вывод В. В. Аршинова («собрать необходимую для работы литературу иногда труднее, чем сделать самую работу») через несколько десятилетий стал настойчиво повторяться в исследованиях советских и зарубежных ученых и библиографов.

Отдельные проблемы библиографии, в частности постановка и организация библиографической работы в научных и общественных библиотеках, рассматривались на Первом всероссийском съезде по библиотечному делу (1911 г.). В декабре 1913 года усиленно готовился, но не был разрешен съезд по библиографии детской литературы.

На Совещании по сельскохозяйственной библиографии (февраль 1914 г.), которое Б. С. Боднарский не без основания назвал первым библиографическим съездом в России, детально обсуждался план создания сети местных библиографических комиссий с центральной организацией во главе. Назначение общественных библиографических комиссий заключалось в том, чтобы силами специалистов упорядочить распространение сельскохозяйственных знаний и средствами библиографии поднять качественный уровень сельскохозяйственной книги.

Общая тенденция упорядочить организацию библиографического дела во всероссийском масштабе проявлялась не только в широких отраслях знания, но и в узкоспециальных. Таким образом, уже в начале века становится ясным, что на новом этапе требуется иная организация распространения печатных произведений и иная постановка библиографической службы.

Возникли и приобрели некоторую устойчивость международные связи в области библиографии. Представители России принимали участие в Международной конференции и съезде по изданию каталога литературы по естествознанию и математике, Международном библиографическом конгрессе (1910 г.), Международном съезде архивариусов и библиотекарей (1910 г.), где обсуждалась возможность организации ежегодной библиографии официальных изданий по странам, там же поднимался вопрос о единой библиографической терминологии [1].

Почва для улучшения библиографического дела в дореволюционной России не была подготовлена, но уже сама

---

[1] Щеглов В. Международный съезд архивариусов и библиотекарей 1910 г. — «Журнал м-ва народного просвещения», 1911, февр., отд. Современная летопись, с. 55—67.

постановка и обсуждение организационных и методических вопросов библиографии научной общественностью были новыми и примечательными фактами.

Коллективными усилиями прогрессивных общественно-просветительных организаций, силами передовых русских библиографов создавались указатели литературы, ценные и по содержанию и по методическим решениям. В истории просвещения народа им принадлежит немалая роль. В массе своей они ограждали читателя от мутного потока реакционных, антинаучных, серых и бездарных книг, пропагандируя в то же время выдающиеся труды отечественной и мировой науки, лучшие произведения художественной и детской литературы.

1 ОБЩАЯ ТЕКУЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Полнота и своевременность регистрации всех выходящих в стране произведений печати — одна из важнейших задач национальной библиографии. От налаженности и организованности первичного учета книг, периодических изданий, журнальных и газетных статей в значительной мере зависит уровень научной информации в стране и состояние всей библиографии, как общей, так и отраслевой. Критическое положение, в котором длительное время находилась общая текущая библиография в России, требовало если не коренной реформы регистрации произведений печати, то во всяком случае решительных мер по ее упорядочению.

Текущий учет книг

Сложившаяся в конце XIX века система государственной текущей регистрации книг не удовлетворяла ни научные, ни библиографические, ни книгопродавческие организации и единодушно осуждалась всеми, сколько-нибудь

заинтересованными в постоянном и планомерном библиографическом учете [1]. Несоответствие государственной текущей библиографии научным запросам и практическим потребностям стало особенно ощутимым на рубеже XX века, когда в результате интенсивного развития книгоиздательского дела в России наблюдался непрерывный ежегодный рост числа печатных произведений. Если в 1885 году их было зарегистрировано 7,5 тысячи названий, в 1895 году — 11,5 тысячи, то в 1903 году — уже 16 тысяч.

Регистрация произведений печати велась чиновниками канцелярии Главного управления по делам печати (министерство внутренних дел). В этом ведомстве составлялись «Списки изданий, вышедших в России», которые еженедельно печатались в общем для всех министерств официальном органе, в газете «Правительственный вестник». Библиографические списки, вначале небольшие, год от года росли. Их общий объем в 1880 году составлял свыше 9 печатных листов, в 1891 году — около 18, а в 1902 году достиг уже 37,5 печатных листа. Некоторые списки, не помещаясь в одном номере «Правительственного вестника», нередко занимали два или три номера газеты подряд. Оттиски из газеты, сброшюрованные за год в виде отдельного тома, выпускались до 1903 года тиражом в 100 экземпляров, что едва удовлетворяло надобности управления и никак не обеспечивало потребностей даже крупных библиотек и научных учреждений. Опубликование сведений о книгах запаздывало.

Такое состояние учета тормозило развитие библиографии и пагубно отражалось на полноте выходивших в те годы библиографических указателей. Тем не менее, несмотря на постоянные жалобы на недоступность, неполноту и неточность библиографии, положение не только не улучшалось, но становилось хуже. Быстрый рост накануне русско-японской войны других отделов «Правительственного вестника», особенно официального и внутренних известий, привел к вытеснению текущей библиографии. Публикация громоздких перечней книг, занимавшая дра-

---

[1] О состоянии текущей библиографии в конце XIX — начале XX в. см. литературу в кн.: Сокурова М. В. Общие библиографии книг гражданской печати. 1708—1955. Л., Гос. публ. б-ка, 1956, с. 162—163, 167, 221—222; Перечень архивных материалов см. в статье: Машкова М. В. и Сокурова М. В. Из истории возникновения «Книжной летописи». — «Сов. библиография», 1957, вып. 47, с. 22.

гоценные для газеты столбцы, становилась для правительственного органа слишком обременительной и убыточной. Последний список (за декабрь 1902 г.) появился в газете почти с годичным опозданием, в октябре 1903 года.

Отставание в сроках, нерегулярность текущей библиографии, неустойчивость ее существования и, наконец, полное прекращение регистрации на страницах «Правительственного вестника» не могли не вызвать тревоги в библиотечных и библиографических кругах. Те же причины приводили и ранее к отдельным попыткам научных и общественных организаций вмешаться в постановку библиографического учета выходивших в стране произведений печати.

Н. М. Лисовский был одним из первых, кто доказывал необходимость систематических периодически издаваемых списков новых изданий. В 1895 году он выступил на съезде Русского общества деятелей печатного дела с предложением скорейшего создания правительственного органа текущей библиографической регистрации. Его выступление положило начало широкому обсуждению этого вопроса. Русское библиологическое общество, Академия наук, Публичная библиотека, Союз книгопродавцев и книгоиздателей и другие заинтересованные организации, с разной степенью активности, приняли участие в упорядочении учета издаваемой литературы.

В 1899 году Русское библиологическое общество по инициативе Н. М. Лисовского предложило Главному управлению по делам печати совместно издавать ежемесячные списки новых книг с ежегодными алфавитно-систематическими к ним указателями [1]. То же Общество опубликовало в 1901 году статью Э. А. Вольтера «Об упорядочении дела регистрации произведений печати в России и своевременного доставления их в наши государственные библиотеки», в которой предлагалась система мер для коренного изменения библиографического дела в стране [2]. По мнению Э. А. Вольтера, регистрацию всех выходящих в России произведений печати могло бы идеально и полно осуществить только особое библиографическое учреждение. Частные предложения Э. А. Вольтера касались многих сторон библиографии, начиная с улучше-

---

[1] Отчет Русского библиологического общества за 1899 год. Спб., 1900, с. 21.

[2] «Литературный вестник», 1901, т. 1, вып. 3, с. 265—277.

ния методики составления списков в «Правительственном вестнике» и кончая доставкой обязательного экземпляра произведений печати в библиотеки.

Секция библиотековедения Русского библиологического общества в декабре 1903 года подала в Главное управление по делам печати «Записку по вопросу об изменении порядка регистрации произведений печати» [1]. «Записка», составленная Э. А. Вольтером и П. М. Богдановым, содержала обстоятельно мотивированное предложение о преобразовании списков книг в отдельное периодическое издание, но так же, как и два предыдущих обращения, этот документ Русского библиологического общества остался без ответа.

После некоторого перерыва библиографическая регистрация в Главном управлении по делам печати все же возобновилась. «Список книг, вышедших в России» с января 1903 года по июнь 1907 года печатался уже отдельно от «Правительственного вестника» и рассылался по особой подписке. Качество его не изменилось и методика составления осталась прежней. За 1903 год список вышел в 1905 году в виде ежегодника, опоздав на два года. Попытка издавать за 1904 год квартальные списки не имела успеха — вышел только один выпуск за январь — март, а начиная с апреля 1904 по 1906 год включительно был принят порядок издания библиографии месячными списками, которые тоже печатались со значительным опозданием. За первую половину 1907 года полугодовой список вышел в 1908 году.

Неудовлетворительное состояние текущей библиографической регистрации прежде всего определялось тем, что она велась в Главном управлении по делам печати. По роду своей деятельности это учреждение не было заинтересовано в полном научно-библиографическом отражении всей национальной культуры, выраженной в печатном слове, поэтому усилия общественных и научных организаций на рубеже XX века были направлены на то, чтобы изъять текущую библиографическую регистрацию из этого ведомства или, по крайней мере, подчинить ее контролю общественных и научных организаций, а главное — поставить подлинно научно.

По инициативе Статистико-библиографической комиссии Русского общества деятелей печатного дела и Рус-

---

[1] АН СССР. Архив. Ф. 2, оп. 1 — 1900, д. 34, л. 159.

ского библиологического общества в ноябре 1900 года при Академии наук была учреждена Особая комиссия для выработки мер по упорядочению регистрации произведений печати и правильной доставке их в библиотеки. В ее состав вошли представители различных организаций: Академии наук, Публичной библиотеки, министерства внутренних дел, Бюро международной библиографии при Академии наук, Русского общества деятелей печатного дела, Русского библиологического общества и других.

Комиссия при Академии наук приступила к работе в декабре 1900 года и, ознакомившись с состоянием дела, вскоре пришла к заключению, что регистрация в «Правительственном вестнике» действительно ведется неудовлетворительно и поэтому настоятельно необходимо периодическое издание систематических (с алфавитными указателями авторов и предметов) каталогов всех выходящих в России книг, брошюр и других произведений печати. Изучая состояние текущей библиографии, комиссия не обнаружила, однако, такой инстанции, которая могла бы отнестись к регистрации произведений печати с чисто научной, библиографической точки зрения, и вследствие этого выдвинула предложение учредить постоянную комиссию при министерстве народного просвещения, возложив на нее издание ежемесячных систематических каталогов, составленных на основе обязательных экземпляров Публичной библиотеки. Судьбу очередного проекта, а с ним вместе и судьбу текущей библиографии, решил оберпрокурор синода К. П. Победоносцев, категорически выступивший в мае 1904 года против какой бы то ни было реформы государственной регистрации произведений печати [1].

Министерство народного просвещения, основываясь на заключении К. П. Победоносцева, в конце 1904 года отклонило ходатайство Академии наук об учреждении постоянной комиссии при министерстве народного просвещения.

Потерпев поражение, Комиссия при Академии наук в мае 1905 года выдвинула новый проект, на этот раз организации комитета при Главном управлении по делам печати, под председательством начальника управления. В намечаемый комитет предполагалось ввести представителей разных ведомств, учреждений и научных обществ. Основное назначение этой организации — регистрация

---

[1] ЦГИАЛ. Ф. 733, оп. 143, д. 280, л. 35—35 об.

всех произведений печати, выходящих в России, и издание ежеквартальных каталогов с систематическими указателями. Но создание подобного комитета Главное управление по делам печати не поддержало, как незадолго до этого не поддержало предложения Э. А. Вольтера и П. М. Богданова.

Комиссия при Академии наук, преодолевая одно препятствие за другим, пыталась использовать различные возможности для постановки вопроса об упорядочении государственной регистрации в стране. По ее инициативе Академия наук обратилась в 1905 году в Особое совещание для составления нового устава о печати, возникшее в январе 1905 года. В действовавшем законодательстве не предусматривалась необходимость государственной текущей библиографии, поэтому Комиссия при Академии наук стремилась к тому, чтобы в новой редакции устава о печати, над которым работало Особое совещание, нашли отражение и научно-библиографические функции Главного управления по делам печати.

Предложения Комиссии при Академии наук, переданные в Особое совещание для обсуждения и осуществления их в законодательном порядке, даже не рассматривались там, а вскоре и само «совещание» перестало существовать. Революционный натиск смял все преграды для издания литературы, и деятельность этого непопулярного учреждения, с мнением которого не считались ни правительство, ни общественность, стала не только излишней, но и бессмысленной.

В период наибольшего подъема революции, октябрь — декабрь 1905 года, в комитеты по делам печати перестали поступать обязательные экземпляры всех изданий из типографий, что привело к значительным перебоям в библиографической регистрации. Не располагая точными цифрами, трудно судить об истинных размерах неполноты государственного библиографического учета в годы революции, но интересно даже простое сопоставление официальных данных за ряд лет.

По сведениям Главного управления по делам печати, опирающимся на регистрацию обязательного экземпляра, в 1905 году вышло в свет книг, журналов, газет и прочих произведений печати почти на 2,5 тысячи названий меньше, чем в 1904 году. Принимая во внимание массовое появление в 1905 году новых издательств, интенсивно выпускавших, особенно во второй половине года, множе-

ство книг, брошюр, листовок и прокламаций, а также повсеместное развитие периодической печати, в частности сатирической, трудно допустить, чтобы общее число изданий 1905 года было ниже числа предыдущего года. Есть все основания полагать, что и за 1906 год официальные цифры неточно отражали действительное положение. Фактически книг и журналов в этом году вышло в свет значительно больше.

Пробелы регистрации в годы революции косвенно подтверждают и другие факты. В ноябре — декабре 1905 года Публичная библиотека получила менее 15 процентов полагавшихся ей обязательных экземпляров произведений печати, в начале 1906 года еще меньше [1]. На неполноту библиографического учета жаловались и книготорговые организации. Нарушение порядка поступления обязательного экземпляра тотчас сказалось на списках новых книг, печатавшихся в книготорговых библиографических журналах. В конце 1905 года информационные списки в таком журнале, как «Книжный вестник», не отражали реального положения на книжном рынке [2]. По некоторым данным, за октябрь 1905 — апрель 1906 года от всякой регистрации ускользнуло 85—90 процентов вышедших произведений печати [3].

Определить полный объем издательской деятельности в эти годы чрезвычайно трудно, так как многие издания миновали не только официальную регистрацию, но не успели попасть ни в какие библиографические указатели и библиотечные каталоги и исчезли из продажи так же мгновенно, как исчезали нередко и сами издательства.

Массовое и повсеместное издание литературы без всякого разрешения внушало правительству серьезное беспокойство, заставляло его искать выход из создавшегося положения и более активно действовать. Еще до введения «Временных правил» для повременной и неповременной печати министерство внутренних дел предложило ряд мер по борьбе с революционной литературой.

По докладу Витте Николаю II (30 марта 1906 г.) на усиление деятельности Главного управления по делам

---

[1] Грин Ц. И. Публичная библиотека в период первой русской революции. — «Труды» (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), 1957, вып. 3(6), с. 178.

[2] К русским издателям. По вопросу о регистрации книг. — «Книжный вестник», 1905, № 52, стлб. 1459—1462.

[3] Хроника. — «Книжный вестник», 1906, № 26, стлб. 636.

печати ассигнуется особая сумма в размере 150 тысяч рублей в год. На следующий же день после доклада начальник Главного управления по делам печати А. В. Бельгард изложил министру внутренних дел Н. Н. Дурново свой план [1].

Для постоянного наблюдения за повременной и неповременной печатью в новых условиях требовалась хорошо поставленная текущая библиография, точно и быстро отражающая положение на книжном рынке, поэтому в центре намеченных мероприятий стояло издание ведомственного библиографического журнала — будущей «Книжной летописи». А. В. Бельгард предлагал создать при Главном управлении по делам печати Особую библиотеку, скомплектованную из повременных и неповременных изданий, вышедших в России за последние двенадцать месяцев, с хорошо организованными карточными каталогами и периодически издаваемой текущей библиографией.

Вскоре с проектом организации Особой библиотеки и создания на ее базе специального библиографического журнала А. В. Бельгард выступил в Академии наук, в Комиссии по выработке мер по упорядочению регистрации произведений печати, где представил Главное управление как инициатора важнейшего культурного начинания, идущего якобы навстречу давним пожеланиям научных организаций и всех библиографов. Вниманию библиографической общественности был предложен план издания еженедельного журнала с довольно широкой программой, тогда как самые смелые мечты библиографов в то время не шли далее организации ежеквартальных каталогов вышедших книг [2].

Чем же объясняется то обстоятельство, что издание такого, казалось бы, нужного для Главного управления по делам печати органа, каким являлась «Книжная летопись», осуществилось лишь год спустя?

Объяснение задержки следует искать в той сложной и напряженной политической обстановке, которая определила деятельность Главного управления по делам печати

---

[1] Текст докладной записки А. В. Бельгарда опубликован в статье: Машкова М. В. и Сокурова М. В. Из истории возникновения «Книжной летописи». — «Сов. библиография», 1957, вып. 47, с. 16.

[2] К истории возникновения «Книжной летописи». (Изложение доклада А. В. Бельгарда). — «Библиол. сборник», 1915, т. 1, вып. 1, с. 29—33.

в 1906 году. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в апреле 1906 года П. А. Столыпин сменил П. Н. Дурново на посту министра внутренних дел и потребовалось некоторое время, чтобы новое руководство министерством убедилось в необходимости и целесообразности предложения А. В. Бельгарда.

Еще до введения в действие «Временных правил» предшественник А. В. Бельгарда, кн. Н. В. Шаховской, представлявший министерство внутренних дел в Особом совещании, предсказывал, что «при новых законах о печати деятельность наблюдающих за печатью органов станет более ответственной не только перед правительством, но и перед обществом и будет более на виду, чем ныне. Придется <...> действовать быстро, на свой страх» [1].

Появление «Книжной летописи» не случайно падает на середину 1907 года (первый номер журнала вышел 14 июля), когда в государственной и политической жизни произошел крутой поворот в сторону реакции, когда с революцией на время было покончено. Только теперь Главное управление по делам печати смогло приступить к реализации программы, намеченной в свое время А. В. Бельгардом, и к организации на местах тщательной регистрации вышедших произведений печати.

По Главному управлению по делам печати устанавливался новый порядок, по которому карточки, заполняемые инспекторами на каждое издание, пересылались с июля 1907 года вместе с обязательными экземплярами в Петербург, в Особую библиотеку Главного управления, где и использовались для «Книжной летописи». Наряду с библиографическим описанием (автор, название, подзаголовок, выходные данные, объем, тираж) в карточке указывались и другие сведения: фамилия инспектора, адрес типографии или книжного склада.

Строго определенное число обязательных экземпляров всех вновь отпечатанных книг, журналов, газет и других произведений печати поступало в Главное управление по делам печати, откуда уже рассылалось по государственным книгохранилищам.

Централизация получения и распределения обязательного экземпляра, а также создание Особой передвижной библиотеки, в которой в течение года собиралось и хранилось все изданное в России, послужили основой для регу-

---

[1] ЦГИАЛ. Ф. 1238, оп. XVI, т. 2, л. 380.

Книжная Лѣтопись

ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ

ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

1907 г.

Іюль—Декабрь.

Годъ 1. №№ 1—24.

Съ приложеніемъ двухъ вспомогательныхъ указателей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1908.

лярной бесперебойной регистрации произведений печати. Установленный порядок обеспечивал максимальную для того времени полноту библиографии, точность и единообразие описаний произведений печати. Подобная система учета давала возможность министерству внутренних дел быть не только в курсе издательской деятельности на территории всей России, но и контролировать работу своих учреждений на местах. Возникновение «Книжной летописи», специального органа, регулярно выходившего раз в неделю (по субботам), таким образом, способствовало более оперативному и гибкому руководству комитетами и инспекторами по печати.

В книжном мире новый периодический орган вначале воспринимался как официальное издание узковедомственного назначения. Книготорговый журнал «Книжный вестник», обычно очень быстро откликавшийся на все события литературной, общественной и библиографической жизни,

на этот раз даже в хронике не упомянул о появлении «Книжной летописи». Но в скором времени библиографическое значение нового органа было оценено, что в большой мере надо считать заслугой редактора «Книжной летописи» А. Д. Торопова.

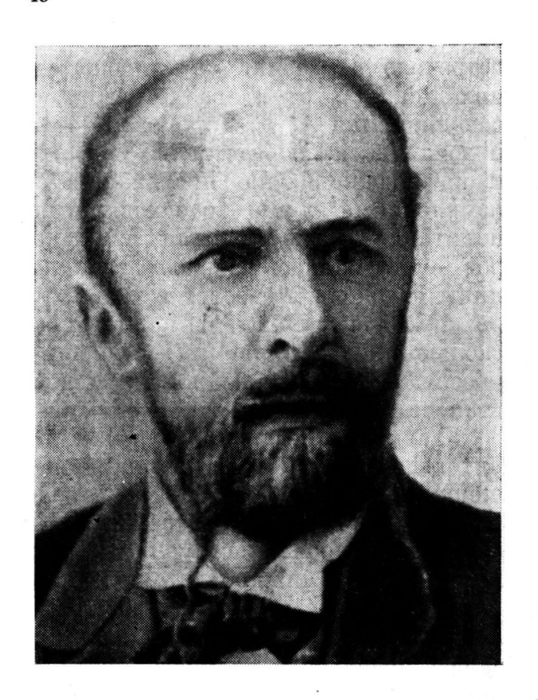
К моменту начала своей деятельности в Главном управлении по делам печати А. Д. Торопов был уже зрелым библиографом с вполне сложившимися убеждениями, с немалым опытом редакторской работы. Создатель и активный участник Московского библиографического кружка (1889 г.), реорганизованного в дальнейшем в Русское библиографическое общество, редактор научно-библиографического журнала «Книговедение» (1894—1896 гг.), он был известен и пользовался авторитетом среди библиографов. А. Д. Торопову принадлежал ряд трудов, в том числе первое крупное методическое пособие для библиографов — «Опыт руководства к подробному описанию книг, согласно требованиям современной библиографии» (М., 1901)[1].

Главное управление по делам печати, подбирая заведующего библиографическим отделом и редактора для «Книжной летописи», остановило свой выбор на А. Д. Торопове, хотя незадолго до этого он привлекался к судебной ответственности и даже короткое время находился под арестом[2]. Главное управление могло всецело положиться на А. Д. Торопова и поручить ему проверку и редакцию библиографических сведений, поступавших из комитетов и от инспекторов печати. Политические взгляды Торопова не вызывали сомнений, он был вполне благонамерен.

[1] Подробно о библиографической деятельности А. Д. Торопова см.: Масанов Ю. И. А. Д. Торопов (1851—1927). Краткий очерк жизни и деятельности. Под ред. Б. С. Боднарского. М., Всесоюз. кн. палата, 1951. 50 с. (Деятели книги).

[2] А. Д. Торопов как и. о. редактора газеты «Кубань» привлекался к судебной ответственности и был арестован в декабре 1905 г. Поводом послужило появление без ведома А. Д. Торопова в части тиража газеты, тайно напечатанного, а затем нелегально распространенного, революционного воззвания с призывом к забастовке. Вторично А. Д. Торопов привлекался к ответственности в июне 1906 г. за появление заметки «Погром в Белостоке» в газете «Кубанская жизнь», издателем и редактором которой он являлся. Следствие по делу А. Д. Торопова тянулось несколько лет. Как чиновник министерства внутренних дел он был в известной степени скомпрометирован, чем вероятно, и объясняется его неожиданная, причем не мотивированная отставка в ноябре 1908 г., совпавшая с запросом следователя Екатеринодарского окружного суда в Главное управление по делам печати. Уйдя в отставку, А. Д. Торопов продолжал редактировать «Книжную летопись» на прежних условиях, но уже в качестве вольнонаемного.

Андрей Дмитриевич Торопов (1851—1927) *фото 1900-х годов*



Программа «Книжной летописи» с самого начала предусматривала, помимо текущей библиографии книг и периодических изданий, выходивших на территории Российской империи, также регистрацию иностранных книг, имевших отношение к России и напечатанных за пределами страны («Rossica»), учет изданий на славянских языках («Slavica»), роспись журналов, газет и рецензий в разделе «Летопись периодической печати». Сверх официально провозглашенной программы, в «Книжной летописи» печатались правительственные распоряжения об арестах и конфискациях произведений печати, перечни запрещенных изданий [1].

Стремление А. В. Бельгарда при содействии А. Д. Торопова придать деятельности Главного управления по делам печати до некоторой степени научно-библиографический характер (издание «Книжной летописи» по широкой программе, выдача библиографических справок, сбор статистических сведений о печати за ряд лет и их анализ, устройство ежегодных выставок новых изданий и т. д.) не

[1] См. главу «Библиография запрещенных изданий», с. 118—119.

встречало одобрения со стороны министерства внутренних дел. Об этом свидетельствуют как библиографы, современники А. Д. Торопова [1], так и лица, по своему положению непосредственно связанные с министерством и наблюдавшие на протяжении многих лет за всеми изменениями, в нем происходящими. «Общая внутренняя политика, — отмечал один из чиновников, А. А. Сидоров, — становилась все более реакционной, правовые принципы отходили все более в тень...» [2]. По мере углубления реакции в стране «нажим на закон» уже не облекался в сколько-нибудь приличные с внешней стороны формы и преследование революционной и демократической печати становилось все более откровенным.

Главное управление по делам печати, получая дополнительные средства на расширение библиографии запрещенных изданий, постепенно отказывалось от первоначально намеченной программы «Книжной летописи» и суживало содержание журнала. Раздел «Slavica» так и не появился в «Книжной летописи», а случайная по наполнению «Rossica» просуществовала в журнале менее двух лет (1908—1909). На судьбе этих двух разделов явно сказалась недооценка научного значения текущей библиографии изданий, имевших отношение к России.

Появление в «Книжной летописи» раздела «Rossica» объясняется не столько научным интересом к этого рода литературе, сколько политическими мотивами. Обостренное внимание к общественной, экономической и культурной жизни России, возникшее в странах Западной Европы под влиянием русско-японской войны и событий революции 1905—1907 годов, вызвало за рубежом обилие соответствующей литературы. Это обстоятельство и повлекло за собой создание специального раздела в «Книжной летописи», в котором регистрировались иностранная литература о России, переведенные на иностранные языки русские книги и частично издания, вышедшие за рубежом на русском языке. На качестве и полноте учета зарубежной литературы о России сказались слабая информация и, видимо, недостаточные материальные возможности [3].

---

1 Королев Н. А. — «Библиотекарь», 1915, вып. 1, с. 69—70.

2 «Голос минувшего», 1918, № 1—3, с. 98.

3 После исчезновения «Россики» из «Книжной летописи» в начале 1909 г. ее продолжением была «Библиография иностранной литературы о России за 1910 и 1911 гг.» (на нем. и франц. яз.), сост. Н. А. Ульяновым. — В кн.: Библиографический ежегодник. Под ред. И. В. Владиславлева. Вып. 1. М., «Наука», 1912, с. 163—174.

Регистрация произведений печати в «Книжной летописи» была неизмеримо полнее и достоверней библиографических списков в «Правительственном вестнике», хотя и не отличалась ни исчерпывающей полнотой, ни безупречной точностью.

С пробелами продолжали поступать в Главное управление по делам печати официальные, земские, научные, ведомственные и религиозно-богословские издания, то есть те произведения печати, тщательному учету которых не придавалось особого значения. Например, по некоторым сведениям лишь 15 процентов земских изданий Московской губернии получали отражение в официальной библиографии [1]. Вместе с тем не попадали в «Книжную летопись» и многие революционные издания, в частности большевистские, выпускавшиеся нелегально, под маркой подставных фирм и с вымышленными выходными данными, хотя в учете именно этих произведений печати министерство внутренних дел было кровно заинтересовано. Из типографии, минуя официальную регистрацию и книжные магазины, эти издания мгновенно распространялись по сети партийных организаций.

«Книжная летопись» не всегда давала точные сведения и о тиражах издания. Известно, например, что тираж некоторых монархических брошюр, распространявшихся в количестве свыше миллиона экземпляров, по сведениям «Книжной летописи» не превышал нескольких десятков тысяч экземпляров [2]. Подобные ошибки, возможно, возникали случайно при заполнении инспекторами библиографических карточек на местах. Торопов, составляя и редактируя очередной выпуск «Книжной летописи», не всегда имел возможность проверить сведения о тираже и внести в описание книги соответствующие исправления.

Самый ценный раздел «Книжной летописи» — еженедельный алфавитный перечень книг, брошюр, карт, нот, листов на русском и других языках — сопровождался системой вспомогательных указателей, очень облегчавших использование летописи. В каждом выпуске журнала помещались указатели авторов и предметов (1907—1916), кроме того, те же указатели печатались поквартально

---

[1] Здобнов Н. В. Государственная библиографическая регистрация при царизме. — «Сов. библиография», 1935, вып. 4(12), с. 96.

[2] Из доклада А. Д. Торопова в Русском библиологическом обществе 13 янв. 1914 г. — «Доклады и отчеты» (Рус. библиол. о-во). Новая серия, 1915, вып. 3, с. 33—34.

(1907—1909) или по полугодиям (1910—1916). За ряд лет выходили годовые указатели: авторский (1908—1909, 1917), систематический (1908—1915), предметный (1917).

При всей несомненной практической полезности, систематические указатели к журналу не выдерживали строгих требований, предъявляемых к научной классификации книг. В них трудно уловить логику и последовательность в чередовании основных разделов. За политической экономией, например, следовали языкознание и география; биографии различных деятелей относились к разделу «Литература»; наряду с отраслевыми существовали разделы, организованные по формальному признаку (учебники, словари, справочники), и т. д. Нельзя не согласиться с тем, что система расположения материала в указателях была «одинаково далека и от классификации научной и от классификации библиотечной и, очевидно, приспособлена для специальных надобностей учреждения, которое обслуживается „Книжной летописью"» [1].

Однако все недостатки общего и частного характера не умаляют огромной ценности «Книжной летописи». После неорганизованной, беспорядочной регистрации в «Правительственном вестнике» появление специального органа текущей регистрации с частой периодичностью, с точными сроками выхода было большим событием в истории русской библиографии. Обладая такими крупными достоинствами, как сравнительная полнота регистрации, единообразие библиографического описания, постоянство структуры, простота использования, наличие разнообразных указателей, «Книжная летопись» осталась в национальной библиографии незаменимым источником сведений о русской печати предреволюционного десятилетия. За 1907—1917 годы в «Книжной летописи» зарегистрировано 266 тысяч названий книг, брошюр и периодических изданий, вышедших в России на 85 языках, тиражом свыше миллиарда экземпляров.

Своими качествами летопись в значительной мере обязана А. Д. Торопову, вложившему много самоотверженного труда в это издание. В одном из писем к библиографу А. В. Смирнову он писал в октябре 1907 года: «Так как пока составляю номера я один, то, понятно, я очень занят: описать и составить указатель к 300—600 книгам в неделю, да прочесть корректуру, да присмотреть за порядком

---

[1] Белов А. М. Правила составления каталогов алфавитного, систематического и предметного. Пг., 1915, с. 90.

в библиотеке, требует не менее 16 часов в день, не исключая и праздников» [1].

Лишь в силу ограниченности своей задачи — давать своевременную информацию Главному управлению по делам печати — «Книжная летопись» 1907—1917 годов не могла удовлетворить всех требований (прежде всего исчерпывающей полноты регистрации), которые ей предъявляли в этот период библиографы (Н. А. Рубакин, К. Н. Дерунов, И. В. Владиславлев, Н. А. Королев, Е. А. Гейнц и, конечно, сам А. Д. Торопов).

Библиографы прекрасно осознавали достоинства «Книжной летописи», позволившие ей сыграть исключительную роль в русской библиографии и занять выдающееся место среди органов государственной библиографии всех стран. К. Н. Дерунов выразил мнение многих своих современников, назвав «Книжную летопись» «самым ценным приобретением русской новейшей (с конца 70-х годов) специальной журналистики и всей библиографии нашей вообще» [2]. С ее возникновением была создана сравнительно прочная база для составления многих библиографических работ, в том числе для общих и специальных ежегодников (И. В. Владиславлева, Е. М. Чарнолуской и других), которые смогли появиться лишь при организованной и оперативной регистрации произведений печати. Наличие «Книжной летописи» позволило в ряде отраслевых журналов систематически публиковать списки новинок специальной литературы («Сельское хозяйство и лесоводство», «Новости коммерческой литературы» и многие другие) и организовать текущую библиографию второй степени («Библиографические известия»).

Редактор «Книжной летописи» А. Д. Торопов отчетливо представлял значение журнала для развития всей русской библиографии и ревниво следил за успехом издания. Он неоднократно выступал перед библиографической общественностью с докладами о состоянии библиографического учета в России и положении «Книжной летописи» [3].

---

[1] Машкова М. В. и Сокурова М. В. Из истории возникновения «Книжной летописи». — «Сов. библиография», 1957, вып. 47, с. 20—21.

[2] Дерунов К. Н. Жизненные задачи библиографии. (Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет). — «Библиогр. известия», 1913, № 2, с. 114.

[3] «Доклады и отчеты» (Рус. библиол. о-во). Новая серия, 1913, вып. 2, с. 76—78; 1915, вып. 3, с. 33—34.

Бывая почти ежегодно за границей, А. Д. Торопов имел возможность сравнивать организацию и развитие отечественной библиографии с уровнем библиографии в западноевропейских странах. Его отчеты о заграничных командировках содержат в этом отношении много интересных наблюдений и сопоставлений[1]. Поездка на съезд немецких книгопродавцев в Берлине в 1908 году дала возможность А. Д. Торопову ближе узнать и подробнее изучить состояние текущей регистрации произведений печати в Германии. Он с гордостью отмечал, что образцовая немецкая библиография уступает русской как в полноте регистрации вышедших изданий, так и в тщательности их описания. Система текущей государственной библиографии в России, опиравшаяся на закон об обязательном экземпляре, обладала многими преимуществами по сравнению с постановкой библиографического учета в странах Западной Европы.

Тираж «Книжной летописи» был небольшим. В первый год существования журнал разошелся в количестве 1200 экземпляров, в дальнейшем эта цифра, если и изменялась, то незначительно. Число ежегодных платных подписчиков не превышало 1000, часть тиража в качестве служебного материала рассылалась бесплатно комитетам и инспекторам по делам печати, губернаторам и полицейским управлениям. Просьбы научных и общественных библиотек присылать им бесплатно «Книжную летопись» обычно отклонялись.

Журнал издавался на средства специального секретного фонда, созданного в 1906 году для усиления политического надзора за печатью[2]. Только в отличие от прочих повременных и неповременных изданий, существовавших за счет рептильного фонда, материальное положение этого журнала не было прочным и обеспеченным.

Качественно новый этап в развитии государственной текущей библиографии в России начался с февральской буржуазно-демократической революции.

---

[1] Выдержки из отчетов А. Д. Торопова опубликованы в «Сов. библиографии», 1957, вып. 47, с. 21 и в «Трудах» (Ленингр. гос. библиотеч. ин-т), 1958, т. 4, с. 303—304. Полные тексты отчетов А. Д. Торопова (автографы) хранятся в Гос. публичной б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отд. рукописей, Архив А. Д. Торопова, № 6, л. 1—3.

[2] Рептильный фонд. 1914—1916 гг. — «Красный архив», 1925, № 3(10), с. 332—342.

8(21) марта 1917 года, по постановлению Временного правительства, для рассмотрения вопросов, связанных с ликвидацией Главного управления по делам печати, организуется Особая комиссия под председательством комиссара Временного правительства гр. Д. П. Капниста. Через месяц, 9(22) апреля, специальным циркуляром Главное управление по делам печати официально упраздняется.

Особая комиссия предложила для руководства всеми учреждениями, имеющими отношение к печати, создать вневедомственный, с широким представительством общественных и научных организаций, «Совет российской печати». Функции библиографического учета, «очищенные от полицейских примесей», по предложению комиссии должны были перейти к новому учреждению, «Книжной палате», находящейся в подчинении «Совета российской печати». Уточнением задач и структуры будущей «Книжной палаты» занималась организованная 9(22) апреля 1917 года Подкомиссия по регистрации произведений печати под председательством историка П. Е. Щеголева. В работе Подкомиссии и составлении «Объяснительной записки к учреждению Книжной палаты» приняли участие крупные ученые и библиографы, представители Академии наук, различных научных и библиографических учреждений, большую роль при этом сыграли ученые С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, П. Е. Щеголев, С. А. Венгеров.

В результате коллективного творчества родился проект первого государственного библиографического учреждения в России, на которое возлагались жизненно важные задачи: регистрация всех выходящих в стране произведений печати, издание «Книжной летописи», систематический учет всего ранее изданного на русском языке печатного материала, снабжение крупных книгохранилищ обязательным экземпляром.

Решение Временного правительства об учреждении Книжной палаты последовало 27 апреля (10 мая) 1917 года [1]. «Совет российской печати» не был создан и Книжная палата временно осталась в подчинении Особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам

---

[1] Об учреждениях по делам печати. Постановление Временного правительства от 27 апреля 1917 г. — «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем сенате», 1917, 15(28) мая, № 109, с. 948—950.

печати. Вскоре директором Книжной палаты был назначен С. А. Венгеров, и новое учреждение начало функционировать.

Рождение Книжной палаты 16(29) мая 1917 года только формально связано с Временным правительством, в действительности последнее относилось с глубоким равнодушием к судьбе национальной библиографии, не вмешиваясь в деятельность палаты и не оказывая ровно никакой помощи новой организации. Тем не менее серая тень Временного правительства, падавшая на первый период деятельности Книжной палаты, заслоняла многое, мешая объективно разобраться в начальной стадии развития нового учреждения и по достоинству оценить «Книжную летопись» 1917 года.

Появление Книжной палаты, принципиально нового учреждения, не известного царской России, обусловлено всем предшествующим ходом развития русской библиографии. В атмосфере революционного переворота библиотечно-библиографическая и научная общественность, много лет искавшая путь к упорядочению библиографического учета в России, сумела реализовать давнюю идею создания библиографической организации с широкими научными и практическими задачами.

С ликвидацией комитетов по делам печати и должностей инспекторов, естественно, нарушилась регулярность и полнота поступления обязательного экземпляра из книгоиздательств и типографий. Под угрозой оказалась и полнота регистрации произведений печати в «Книжной летописи». Не дожидаясь решений правительства, в Москве 27 марта (9 апреля) 1917 года Исполнительным комитетом московских общественных организаций был временно учрежден Комиссариат по печати, в который вошли В. Я. Брюсов, В. В. Каллаш, А. Н. Толстой и другие деятели литературы. Ближайшей и важнейшей задачей Комиссариата по печати была регистрация книг и периодических изданий для «Книжной летописи». Во главе Комиссариата встал В. Я. Брюсов, тесно связанный с Русским библиографическим обществом, членом которого он был.

27 апреля (10 мая) 1917 года, одновременно с учреждением Книжной палаты, Временное правительство приняло постановление о печати, которое возлагало пересылку обязательного экземпляра в Книжную палату на правительственных комиссаров, действовавших на местах. В Москве функции собирания и отсылки обязательного

экземпляра в Книжную палату перешли к московскому Комиссариату по печати, ставшему постоянным органом.

Постановление о печати мало исправило тяжелое положение с доставкой обязательного экземпляра, особенно плохо поступали книги и периодические издания из провинции. Только что учрежденная, существовавшая без средств, Книжная палата в первые месяцы своей деятельности испытывала огромные затруднения с регистрацией выходивших произведений печати, хотя прилагала все усилия для ликвидации пробелов в текущей библиографии.

В июне — июле 1917 года за подписью С. А. Венгерова печатается и распространяется несколько специальных обращений к издательствам, редакторам и сотрудникам периодических изданий, работникам типографий, участникам различных политических организаций и съездов, писателям и ученым, ко всем любителям книжного дела [1]. В этих листовках Книжная палата, разъясняя культурно-просветительные цели регистрации и обращаясь за живой поддержкой к общественности, просит высылать в адрес палаты издательские каталоги, списки брошюр и периодических изданий, особенно за первые месяцы революции [2].

Наладить регулярное поступление произведений печати с помощью воззваний Книжной палате, конечно, не удавалось. Обращение к работникам печати и книголюбам лишь в небольшой степени улучшало положение. Связь Книжной палаты с издательствами и типографиями, особенно провинциальными, устанавливалась медленно и не давала желаемых результатов. В этих условиях «Книжная летопись», которую по-прежнему редактировал А. Д. Торопов, выходила с большими пробелами.

В советской литературе принято историю «Книжной летописи» делить на два принципиально различных периода: первый — с момента возникновения журнала до октября 1917 года и второй — с октября 1917 года по настоящее время [3]. Соответственно «Книжная летопись»

---

[1] От Книжной палаты. [Обращение от 1(14) июня 1917]. Пг., 1917. 4 с.

[2] От Книжной палаты. Обращение к издательствам [от 26 июля (8 августа) 1917 г.]. Пг., 1917. 1 л.

То же — «Книжная летопись», 1917, № 23—30, с. 16.

[3] Дерунова М. К. Пятьдесят лет «Книжной летописи». — «Сов. библиография», 1957, вып. 47, с. 5.

начального периода рассматривалась, во-первых, как орган министерства внутренних дел, способствующий установлению полицейского надзора за книгопечатанием и книжной торговлей, и, во-вторых, как наиболее полная правительственная библиография. Подобная характеристика верна лишь по отношению к «Книжной летописи» с июля 1907 по февраль 1917 года, в остальном она нуждается в пересмотре и уточнении.

После февральской буржуазно-демократической революции радикально меняются смысл, назначение, содержание и каналы распространения библиографического журнала. Последний составленный в Главном управлении по делам печати номер «Книжной летописи» (№ 8 от 25 февраля (10 марта) 1917 г.) завершает почти вековой путь развития государственной текущей библиографии, действительно организованной для наблюдения за книгопечатанием и книгораспространением в России. В дальнейшем, сохраняя информационно-библиографические функции, «Книжная летопись» перестает быть органом надзора; с ее страниц навсегда исчезают перечни запрещенных изданий и списки иностранных книг, просмотренных и дозволенных к обращению.

До учреждения Книжной палаты летопись выпускалась временной организацией — Особой комиссией по ликвидации Главного управления по делам печати (с № 9—10 по № 19 1917 г. включительно), с мая 1917 года ее издание переходит к Книжной палате, научной библиографической организации. Возвращение Книжной палаты в октябре 1917 года (до Октябрьской революции) в министерство внутренних дел не успело изменить положение палаты и как-либо повлиять на характер регистрации произведений печати. Таким образом, и формально «Книжная лотопись» с конца февраля по октябрь не может быть охарактеризована как орган надзора.

К сказанному можно добавить, что и современниками «Книжная летопись» после февральской буржуазно-демократической революции воспринималась как библиографическое издание научного характера [1].

Все эти соображения, вместе взятые, заставляют пересмотреть привычный взгляд на периодизацию истории старейшего библиографического журнала. Было бы точнее и правильнее делить историю «Книжной летописи» не на

---

[1] ИРЛИ. Ф. 568, оп. 1, № 167, л. 123—128.

два, а на три качественно различных и не равных по длительности и своему значению периода. Первый — с июля 1907 по февраль 1917 года, когда первичное назначение «Книжной летописи» — быстро информировать цензурные и административные органы о выходящих в России произведениях печати, судебных взысканиях, арестах и конфискациях книг и периодических изданий — заслонило и даже отодвинуло на задний план научно-библиографические функции журнала; второй — февраль — октябрь 1917 года — промежуточный, самый короткий период, когда полностью отпали охранительные функции, но вместе с тем, из-за непрочности существования, отсутствия государственной поддержки и неполноты учета, «Книжная летопись» не могла в полной мере выполнить свою культурно-историческую роль; и, наконец, третий период — после Великой Октябрьской социалистической революции, когда «Книжная летопись» действительно стала органом государственной научной текущей регистрационной библиографии, полноценным источником сведений о всех выходящих в Советском Союзе произведениях печати.

Текущий учет периодических изданий

Даже по неполным статистическим данным можно судить, какие глубокие изменения произошли в развитии периодической печати России в начале XX века и какое огромное оживление наблюдалось в этой области в эпоху трех революций. Темпы развития повременной печати особенно заметны при сопоставлении двух цифр: на протяжении XVIII и XIX столетий выходило около 3000 названий русских периодических изданий, тогда как в течение 17 лет XX века их издавалось не менее 15 000, не считая нелегальной и вольной печати. Процесс развития периодической печати в XX веке проходил крайне неравномерно. Интенсивный рост накануне и в период революции 1905 года сменился падением в годы реакции, затем последовало медленное восхождение вверх, оборванное первой мировой войной, и новый бурный взрыв в 1917 году, когда число периодических изданий достигло рекордной цифры (свыше 4000 названий).

Официальные списки периодических изданий России на русском и других языках за годы 1865—1905 составлялись в Главном управлении по делам печати на основании

свидетельств, выданных на право издания периодических органов, и текущего учета выходивших номеров и выпусков [1].

Списки, появлявшиеся с интервалами в несколько лет, не отличались исчерпывающей полнотой, единообразием и абсолютной точностью. Они не преследовали научных целей, поэтому в них отсутствовали некоторые данные, необходимые для характеристики журнала или газеты. Разные категории изданий регистрировались в официальной библиографии с разной степенью полноты. Пробелы в учете создавались главным образом за счет пропуска официальных, ведомственных и земских органов печати, а также повременных сборников организаций и научных обществ.

Материал в официальных библиографических списках систематизировался по установленному еще в 80-х годах XIX века топографическому признаку (месту издания), наиболее удобному для цензурного надзора за печатью.

Параллельно с выпуском годовых списков Главное управление по делам печати публиковало в «Правительственном вестнике» (1900—1905, начало 1906 и частично 1908 г.) сведения и распоряжения о периодических изданиях, вновь разрешенных, получивших взыскания, запрещенных, прекратившихся и изменившихся, и с 1908 по февраль 1917 года — в «Книжной летописи» в особом разделе «Летопись повременной печати» [2].

После отмены предварительной цензуры и концессионного порядка разрешения журналов и газет Главное управление по делам печати перестает публиковать годовые перечни периодических изданий и заметно охладевает к полному библиографическому учету повременной печати. На причину такого охлаждения указал А. В. Бельгард (ноябрь 1907 г.). «Я нахожу, — писал он, — что при явочном порядке возникновения повременных изданий, реги-

---

[1] Список периодических изданий в Российской империи, за исключением выходящих в свет в Финляндии. [1901, 1903, 1905]. Спб., 1901—1906.

...[в 1901 г.] — «Правительственный вестник», 1901—1902.

...[в 1903 г.]. Сост. по 1-е дек. 1903 г. — «Правительственный вестник», 1903—1904.

...[в 1905 г.]. Сост. по 26 ноября 1905 года. Спб., 1906. 234 стлб. Издан без предварительного опубликования в «Правительственном вестнике».

[2] См. главу «Библиография запрещенных революционных изданий», с. 118—119.

страция этих изданий собственно в значительной мере утратила свой интерес...» [1].

Единственным исключением можно считать появление в 1916 году крайне неполного списка журналов, бюллетеней, газет, сборников, трудов и т. д., подготовленного для Государственного совета в связи с предполагавшимся пересмотром законов о печати [2].

Хранившиеся в Главном управлении регистрационные карточки периодических изданий продолжали и после 1905 года служить базой для составления ряда полуофициальных и неофициальных годовых списков, к которым, в частности, принадлежат указатели Д. В. Вальденберга за 1906 и 1910—1911 годы, А. Д. Торопова за 1908 год и И. В. Вольфсона за 1910—1911, 1912—1913 годы[3]. Постоянные изменения, происходящие с периодическими изданиями (в названиях, программах, составе редакций, сроках выхода и т. п.), слияния и разделения отдельных органов, быстрое исчезновение в результате административных и судебных преследований чрезвычайно затрудняли библиографический учет повременной печати. Вполне достоверного, точного и исчерпывающего списка периодических изданий, выходивших в России в начале XX века, не было создано ни за один год.

Ведомственная регистрация позволила, однако, наладить статистический учет периодических изданий за 1908—1910, 1912—1915 годы в специальных ежегодниках, издаваемых Главным управлением по делам печати [4].

---

[1] Материалы к истории «Книжной летописи». Публ. Л. М. Равич.— «Труды» (Ленингр. гос. библиотеч. ин-т), 1958, т. 4, с. 302.

[2] Список повременных изданий, выходящих в России в 1916 году. [Пг., М-во внутр. дел, 1916]. 42 с.

[3] Вальденберг Д. В. Справочная книга о печати. Спб., 1907, с. 75—133; Вальденберг Д. В. Справочная книга о печати всей России. Ч. 1—2. Спб., 1911, с. 514—581; [Торопов А. Д.]. Альманах печати на 1909 г. Сборник сведений о всех периодических изданиях... Спб., [1909], с. 1—120; Адресная и справочная книга «Газетный мир» на 1911 год. Спб., И. В. Вольфсон, [1910], с. 15—16, стлб. 17—339; То же. Изд. 2-е. Спб., [1912], отд. 1, с. 11—24. стлб. 25—533.

[4] [Торопов А. Д.]. Выставка произведений печати за... [1908—1909] год, устроенная Главным управлением по делам печати... Спб., 1909—1911.

[Торопов А. Д.]. Обзор выставки произведений печати за 1910 год... Спб., 1912, с. 30—33.

[Торопов А. Д.]. Статистика произведений печати, вышедших в России, в ... [1910, 1912—1915] году. Спб., 1911—1916.

Руководителем разработки статистических данных и составителем ежегодников был редактор «Книжной летописи» А. Д. Торопов.

В этих ежегодниках сведения о распределении периодических изданий по видам (газеты и журналы), языкам, городам, срокам выхода даны последовательно за 1908—1915 годы, за исключением 1911 года. За отдельные годы — по содержанию (отделам и предметам), продолжительности издания, категориям издательств, по губерниям и областям, тиражу.

В специальных ежегодниках за 1910 и 1912 годы помещены таблицы количественного роста повременной печати за ряд лет.

Недостатком официальной статистики являлось отсутствие сведений о вновь возникших и прекратившихся периодических изданиях за учетный год и невозможность сопоставления ряда показателей за длительный период. По наблюдениям современников, при явочном порядке периодические издания легче возникали, но вместе с тем и быстрее гибли.

В период реакции в первый год своего существования погибла половина новых периодических изданий, а в течение первых двух лет жизни — свыше двух третей общего их числа. В итоге за три года в России исчезла почти тысяча газет и журналов [1].

Сведения такого содержания из статистических таблиц А. Д. Торопова извлечь невозможно, как невозможно с помощью их определить число ежегодно запрещавшихся изданий или установить продолжительность и устойчивость существования, например, рабочей печати. И все-таки организованная А. Д. Тороповым статистика, будучи наиболее полной и точной, остается до сих пор сравнительно надежным источником для изучения общего состояния периодической печати России кануна Великой Октябрьской социалистической революции.

За годы 1916—1917 статистические таблицы отсутствуют. Сводка статистических сведений о политической группировке периодических изданий в 1917 году и о степени их распространения составлялась в Петроградской книжной палате летом 1917 года, но, по-видимому, это начинание не было доведено до конца.

---

[1] Розенберг В. А. Летопись русской печати (1907—1914 гг.). М., М. и С. Сабашниковы, 1914, с. 56.

Текущий учет журнальных и газетных статей

Второе направление библиографии периодической печати — роспись содержания журналов и газет, так называемая аналитическая библиография, представлена в начале века сотнями указателей статей, но все крупные замыслы как в области текущего, так и ретроспективного учета терпели неудачу.

В России не было библиографического издания типа универсальных немецких справочников Ф. Дитриха, непрерывно и периодически сообщающих сведения о журнальных и газетных статьях, хотя потребность в таком пособии возрастала с каждым годом. Попытка наладить официальный текущий учет журнальных статей в виде «Списка статей повременной печати» в журнале «Книжная летопись», в разделе «Летопись повременной печати», кончилась полным ее провалом.

«Список статей повременной печати», хотя и продолжался в летописи сравнительно долго, научного и библиографического значения не имел. За шесть лет в нем зарегистрировано не более 18 тысяч статей, выборочно взятых из 80—90 журналов на русском и других языках. При расписывании отбирались статьи церковно-богословской тематики и отражающие политическую и общественную жизнь России под определенным право-монархическим углом зрения[1]. Прогрессивная печать в этом списке почти полностью отсутствовала. Малое число расписываемых журналов, реакционный их подбор, случайность и непостоянство состава, засилие церковно-богословской периодики, наконец, алфавитное расположение материала — все это не способствовало популярности текущего учета журнальных статей в «Книжной летописи».

«Что касается перечня журнальных и газетных статей, — писал К. Н. Дерунов, — лучше бы «Летопись» совсем бросила непродуманную свою затею»[2]. Просмотрев четырнадцать выпусков «Книжной летописи», Дерунов

---

[1] «Летопись повременной печати» вел М. И. Макаревский, автор монархических и религиозных брошюр, сотрудник «Церковно-общественного вестника», «Голоса» и «Русского паломника».

[2] Дерунов К. Н. Жизненные задачи библиографии. (Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет). — «Библиогр. известия», 1913, № 2, с. 115.

среди расписываемых изданий встретил только пять сравнительно общечитаемых периодических органов. Убогий по отбору и реакционный по содержанию «Список статей...» составлялся по программе, предложенной известным политическим ренегатом Л. А. Тихомировым. Прекращение росписи статей в «Книжной летописи» ни у кого не вызвало сожаления, в том числе и у Торопова, считавшего такую ущербную и случайную библиографию малополезной и ненужной.

Неудача, которая постигла учет журнальных и газетных статей в «Книжной летописи», имела и свои объективные причины.

Текущая журнальная и газетная библиография, даже при условии жесткого отбора расписываемых изданий и других ограничений, в начале XX века превращалась в трудно разрешимую задачу. Количество статей, ежегодно публикуемых на страницах наиболее крупных и ведущих общих и отраслевых периодических изданий, исчислялось десятками тысяч названий, если не более. Учет их требовал специального библиографического органа и соответствующих материальных средств.

Отсутствие общей текущей библиографии журнальных и газетных статей в слабой степени компенсировалось общими и отраслевыми периодическими изданиями и библиографическими ежегодниками, частично раскрывающими содержание русской периодической печати.

2

ОБЩАЯ РЕТРОСПЕКТИВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Библиографический репертуар русской книги

История русской дореволюционной библиографии изобилует неосуществленными замыслами, но нигде и никогда не было столько гигантских проектов и незавершенных начинаний, сколько в области создания национального библиографического репертуара в конце XIX — начале XX века.

В последнем десятилетии прошлого века к необходимости создания общего указателя русских книг XIX столетия пришел В. И. Межов, который в этом направлении уже начал действовать, но смерть оборвала его замыслы. В том же десятилетии на первых буквах алфавита прекратилось издание грандиозной библиографии «Русские книги» (т. 1—3, 1895—1898) С. А. Венгерова, продолжить и закончить которую не было никакой надежды. Сознавая значение своей библиографии для русской культуры, С. А. Венгеров обратился за материальной помощью к государству, к министру финансов С. Ю. Витте, предварительно заручившись ходатайством Академии наук. В ассигновании специальной суммы (27 тыс. рублей) ему было отказано. Насколько было понято государственным деятелем

значение библиографического репертуара для развития русской науки, ясно из замечания Витте: «...все, вообще, когда хлопочут о субсидии, при этом настаивают на «национальном значении» своих предложений» [1].

В процессе работы над «Русскими книгами» и другими библиографиями, главным образом биобиблиографическими словарями, Венгеров с помощью учеников и последователей создал мощный вспомогательный аппарат — библиографическую картотеку, насчитывавшую к 1917 году около 2 миллионов карточек. Из всех многочисленных начинаний в этой области картотека Венгерова — единственный уцелевший, хотя и несовершенный, но вчерне законченный свод русской книги XVIII—XIX веков, до сих пор сохранивший значение библиографического источника [2].

В то время, когда выходили в свет первые тома «Русских книг» С. А. Венгерова, в Московском библиографическом кружке коллективными усилиями создавалась карточная база для «Всеобщего систематического каталога русских книг», идея которого принадлежала библиографу и библиотековеду В. Ф. Фрейману, задолго до организации кружка составлявшему исчерпывающую библиографию русских книг. К 1889 году картотека Фреймана содержала 20 тысяч названий и составитель ее наивно полагал, что четверть подготовительной работы над «Всеобщим систематическим каталогом русских книг, напечатанных с 1708 года по настоящее время, со всеми библиографическими и критическими заметками» им уже выполнена. Мысль о создании фундаментального каталога всех русских книг увлекла вернувшегося в 1889 году с Парижской выставки А. Д. Торопова и вскоре он, совместно с Фрейманом, организовал для этой цели библиографический кружок, официально утвержденный в 1890 году.

Временный комитет, в лице А. Д. Торопова, В. Ф. Фреймана и других, немедленно приступил к подготовительным работам по составлению каталога, придерживаясь при этом определенной последовательности. Вначале собирался предварительный материал, извлеченный из библиографических источников, расклеивался и расписывался на карточки, затем описания частично проверялись по под-

---

[1] Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Изд. 2-е. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Т. 1. Пг., 1915, с. XLV.

[2] Картотека С. А. Венгерова хранится в ИРЛИ.

линникам (вся сверка мыслилась по окончании расписывания источников), в конце намечалась разработка системы расположения книг. После года коллективной работы «Всеобщий систематический каталог» содержал 66 тысяч библиографических записей.

Работа над репертуаром неизбежно заставила коснуться ряда крупных и нерешенных проблем библиографии, прежде всего унификации описания книг. Члены кружка отчетливо сознавали, какое значение для всеобщей библиографии будет иметь правильное методическое решение вопроса «как описывать книги», ибо от разнобоя и пестроты приемов описания в первую очередь пострадают они сами, объединяя разнородно подготовленный материал. Над первым коллективно созданным «способом описания книг» работали продолжительное время все члены комитета, посвятив ему 12 заседаний. Подведение же итогов длительной дискуссии и окончательное оформление разработанной методики в виде инструкции взял на себя председатель Московского библиографического кружка А. Д. Торопов, который подготовил «Опыт руководства к подробному описанию книг, согласно требованиям современной библиографии» (М., 1901). Это пособие, далеко выходившее за пределы рабочей инструкции, кроме изложения приемов описания, давало некоторое представление и о принципах построения, объеме и границах намечаемого репертуара. Из «Опыта» можно сделать заключение, что работа над репертуаром русской книги к 1900 году вышла из бесформенного первоначального состояния, когда члены кружка наивно полагали завершить ее в годичный срок. Форма и объем «Всеобщего систематического каталога» к этому времени приобрели более отчетливые очертания, и замысел в целом получил теоретическое обоснование.

Использование библиографических источников при составлении карточной базы каталога повлекло за собой описание всех ранее вышедших трудов по библиографии, то есть создание библиографии второй степени, в которой была заинтересована русская наука.

Поскольку расположение материала в каталоге мыслилось систематическим, а существующие системы страдали существенными недостатками, с неизбежностью возник вопрос о новой классификации книг. И хотя для библиографического репертуара еще не было острой необходимости в готовой схеме, тем не менее члены кружка,

особенно Торопов, работали в этом направлении. Первый вариант новой классификации книг можно встретить уже в журнале Московского библиографического кружка «Книговедение» (1894—1896), где специально разработанная система расположения материала применялась в списках текущей литературы. Классификация в «Книговедении», и для того времени слабая, оказалась совершенно неприемлемой для большой библиографии; впрочем, в дальнейшем вопрос о расположении материала в каталоге был снят, поскольку в библиографию широко вводилась и всюду пропагандировалась децимальная система.

Итак, работа над репертуаром в Московском библиографическом кружке в первое же десятилетие показала, насколько кровно она связана с насущными потребностями библиографии и насколько действенно может влиять на развитие теории и практики в этой области. В описание книг включилось несколько провинциальных библиографов, репертуар, хотя и медленно, рос. На осуществление «Всеобщего систематического каталога русских книг» направлялись усилия не кустарей-одиночек, работавших в библиографии по случайным мотивам, а деятельность группы квалифицированных библиографов, приступивших к делу с достаточным пониманием значения и необходимости работы. Несмотря на малочисленность Московского библиографического кружка, казалось бы, судьба репертуара на этот раз в надежных руках, почему же в таком случае основная задача, поставленная перед кружком, так и осталась невыполненной?

Многие причины определили неудачи Московского библиографического кружка, в том числе отсутствие прочной материальной базы, неразработанность методики, недостаточно ясное представление об объеме библиографического репертуара и всей сложности работы над ним. Главная же причина заключалась в крутом изменении деятельности Московского библиографического кружка с момента его преобразования в феврале 1900 года в Русское библиографическое общество при Московском университете [1]. С этого времени работа над «Всеобщим систематическим каталогом» постепенно начинает замирать, хотя его сторонники не теряли надежды на восстановление прерванных занятий.

Пользуясь приближавшимся двухсотлетним юбилеем

---

[1] См. главу «Библиографические организации», с. 412—421.

гражданской печати, В. Ф. Фрейман выступил со статьей, в которой доказывал необходимость всеобщего и полного описания русских книг[1]. Он же в январе 1905 года на заседании Русского библиографического общества в докладе «О возобновлении работ по составлению репертуара книг гражданской печати» еще раз возбудил тот же вопрос. Для более верного осуществления библиографии Фрейман предложил выполнять работу по частям, по определенным хронологическим отрезкам (по годам, пятилетиям, десятилетиям). Заметного действия его выступление не произвело, но тем не менее было предложено представить в качестве образца библиографический список книг за 1825 год[2]. По всей вероятности, окончательное решение судьбы репертуара откладывалось до знакомства с этим списком. Библиографического образца В. Ф. Фрейман не успел представить, он умер в том же году. Второй инициатор работы над репертуаром, А. Д. Торопов, через некоторое время ушел в редактирование «Книжной летописи», и составление всеобщего систематического каталога заглохло на много лет.

Работа над каталогом русских книг возобновилась на третьем десятилетии жизни библиографического общества, когда наметился некоторый перелом в его деятельности и стало иным отношение к крупным библиографиям национального значения. Популярная в начале века идея мирового библиографического репертуара, проникнув в среду русских библиографов, не могла не оживить интерес к национальному своду печатных произведений; в новых условиях Русское библиографическое общество не имело оснований и «не должно было отказываться от чести создания национального репертуара по образу и подобию универсального библиографического репертуара Международного библиографического института»[3].

После смерти В. Ф. Фреймана принесенный в дар Обществу (1906 г.) обширный частный репертуар покойного лег в основу алфавитного каталога русских книг, пополненного затем материалами Н. М. Лисовского и Я. Г. Кваскова. Начиная с 1913 года от Б. С. Боднарского поступа-

---

[1] Фрейман В. Ф. Русские книги за 200 лет. — «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1905, № 14, с. 200.

[2] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 80, л. 139.

[3] Орлов Н. Н. 35-летие Русского библиографического общества при Московском университете. — «Библиогр. известия», 1924, № 1—4, с. 28.

ли и вливались в общую картотеку описания новейшей библиографической литературы, которые широко включали журнальные и даже газетные статьи.

В конце 1914 года члены Общества В. В. Пашуканис и Н. П. Киселев получили во временное распоряжение составленную в 90-е годы картотеку и занялись ее пополнением и приведением в порядок. Предстояло отдельные источники, как например каталоги библиотек Плавильщикова и Смирдина, просмотреть, разрезать и расклеить на карточки, влить в картотеку поступившие описания, продублировать весь материал и т. д.[1]. В течение 1915 года В. В. Пашуканис и Н. П. Киселев закончили проверку полноты библиографического материала за XVIII век [2].

Источниками для национального репертуара служили все доступные Обществу картотеки и библиографические издания от «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова до «Книжной летописи» включительно [3]. Как дополнение в репертуар влились карточки каталога библиотеки Общества и материалы сибирской библиографии (описание книг, журнальных и газетных статей, вплоть до хроникерских заметок). Вливание статейного материала существенно меняло смысл всей работы над национальной библиографией. Репертуар русских книг незаметно превращался в репертуар русской печати, нечто безбрежное и бесконечное. Нарушение принятой методики грозило срывом всей работы.

К 1917 году организованная и приведенная в порядок картотека содержала в общей сложности 600 тысяч карточек. Она делилась на две части. Первая ее часть (300 тысяч карточек) была систематизирована в основном по десятичной системе. Вторая часть, дублирующая первую, тоже содержала 300 тысяч и была расставлена в алфавитном порядке [4].

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции репертуар русских печатных произведений воспринимался членами Общества как нечто реальное и законченное, возникло даже предложение открыть картотеку для общего пользования. «Особенной гордостью общества в описываемый период было завершение националь-

---

[1] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 80, л. 274 об., 280.
[2] Там же, ед. хр. 69, л. 165, 173 об.
[3] Там же, ед. хр. 48, л. 51—52.
[4] Там же, ед. хр. 80, л. 302.

ного библиографического репертуара, начатого, как известно, Фрейманом», — отмечалось в юбилейном отчете Русского библиографического общества [1]. Но имелись ли основания считать работу над репертуаром к 1917 году законченной? По очень неполным сведениям, приведенным в начале века А. Д. Тороповым [2], число только русских книг к началу XX века составляло около 400 тысяч названий, а если принять во внимание, что к 1917 году эта цифра увеличилась минимум на 300 тысяч, то репертуар Русского библиографического общества, отражающий менее половины всего книжного фонда страны, никак нельзя было считать завершенным.

Дальнейшая судьба библиографической картотеки, создававшейся целым поколением русских библиографов, полна трагических моментов. Артиллерийский снаряд, попавший осенью 1917 года в левое крыло старого здания Московского университета и именно в то помещение, где хранился репертуар, в значительной степени разрушил картотеку, нанеся ей трудно поправимый урон. Часть карточек осталась лежать под грудой обломков и мусора. Только через год, в сентябре 1918 года, удалось заняться реставрацией библиографического репертуара и привести картотеку в относительный порядок, чтобы использовать ее для справочных целей.

По архивным материалам Русского библиографического общества и хроникальным заметкам в «Библиографических известиях» можно проследить последний этап существования репертуара. В январе 1920 года репертуар поступил в библиографическую комиссию Госиздата, а в дальнейшем — в Книжную палату. После ряда мытарств он превратился в груду неорганизованного материала и как справочный аппарат потерял значение. Его история лишний раз показала, что возможности для выполнения крупной библиографической работы на общественных началах, а тем самым для осуществления общественными силами основных задач национальной библиографии, были еще очень невелики.

В самом начале века Статистико-библиографическая комиссия Русского общества деятелей печатного дела, возникшая по инициативе Н. М. Лисовского, приступила

---

[1] Орлов Н. Н. Указ. статья, с. 28.
[2] Торопов А. Д. Опыт руководства к описанию книг. М., В. Ф. Фрейман, 1901, с. 17.

к изданию «Систематической росписи книгам, вышедшим в России...» за год[1]. Из-за недостатка средств издание первого ежегодника затянулось на пять лет и в конце концов не было закончено. Таким образом, и этот путь — постепенного создания книжного репертуара из годовых росписей — не улучшил состояния национальной библиографии.

С каждым годом XX века заметно увеличивалось число изданных на русском языке произведений печати, а с ростом объема национального библиографического репертуара усложнялась и сама задача его составления и издания. Книгопродавец и библиограф Н. Г. Мартынов к 1901 году насчитал восемь неудачных попыток создания списка всех русских книг, тем не менее идея исчерпывающей библиографии не теряла своей притягательной силы и продолжала манить многих библиографов, несмотря на те неудачи, которые постигали их предшественников.

Для XX века наиболее характерны индивидуальные попытки в этом направлении. Решимость, с которой библиографы-одиночки брались за осуществление грандиозных замыслов, отчасти объяснялась полным неведением или слабым представлением о действительном объеме и сложности предпринимаемого труда. В то время истинные размеры библиографического репертуара, видимо, никто отчетливо не представлял. «Мы не только не имеем полной библиографии русских книг, — мы даже не знаем, сколько их вышло у нас приблизительно: миллион, или 500 000 или 200...», — признался Б. С. Боднарский в 1916 году, спустя почти три десятилетия после того, как была начата работа над «Всеобщим систематическим каталогом русских книг»[2].

Библиографы И. Г. Безгин, А. А. Родных, А. И. Долинин-Иванский, Ю. Ю. Битовт, И. О. Сержпутовский пытались каждый в отдельности решить сложную задачу составления единого библиографического свода русских книг. При всей практической бесполезности и бесплодно-

---

[1] Систематическая роспись книгам, вышедшим в России на русском и иных языках за 1899 г. (с алфавитными указателями авторов и предметов). Т. 1—2. Спб., Статистико-библиогр. комиссия, 1901—1905. 3 т.

[2] Боднарский Б. С. Библиография как синтез книжной мысли. — «Библиогр. известия», 1916, № 3—4, с. 83—90.

сти индивидуальных экспериментов они все же привлекают внимание своей множественностью и непрерывностью возникновения.

Почти в каждом случае библиограф, затрачивая десятки лет упорного труда на создание библиографической картотеки, не мог рассчитывать на издание и выгодный сбыт подготовленной библиографии. На эту безнадежную работу его толкала настоятельная потребность в библиографическом своде всей русской книги, необходимость немедленного его составления. Знакомство с деятельностью любого из упомянутых библиографов помогает выявить своеобразие развития библиографической практики и особенности той новой фазы, в которую вступила работа над репертуаром в начале XX века.

Первым и наиболее характерным представителем этой группы выступает И. Г. Безгин (1852—1907), ныне забытый русский библиограф, составитель многочисленных библиографий, в свое время известный в среде петербургских книжников.

В 1889 году Безгин организовал в Петербурге при книжном магазине Н. П. Карбасникова первое официально утвержденное Библиографическое бюро, выполнявшее всякого рода мелкие библиографические справки. С течением времени у Безгина накапливается большое количество самых разнообразных библиографических материалов, которые он издает трех- и пятикопеечными небольшими брошюрками, выпустив к 1905 году свыше ста названий. По замыслу Безгина, эти выпуски вместе с крупными библиографическими монографиями должны были в конечном счете составить универсальный библиографический словарь, своего рода библиографическую энциклопедию.

Бессистемное собирание случайного материала по случайно возникшим поводам остается неизменной, характерной чертой всей деятельности Безгина, и в этом отношении его библиографическая энциклопедия отличалась от составления мелких библиографий лишь размерами. При всей анархичности он все же приходит к мысли о необходимости последовательной работы и вслед за С. А. Венгеровым берется за создание библиографического репертуара русской книги как базы для его будущей библиографической энциклопедии.

Десятилетие, 1894—1904 годы, для Безгина — первый этап работы, составление карточного каталога, три сотни карточек которого он отпечатал в типографии небольшим

тиражом[1]. Параллельно с печатным карточным каталогом Безгин издает небольшую брошюру «Алфавитный перечень изданий»[2]. За этими предварительными этюдами последовали выпуски «Описания всех русских книг и повременных изданий»[3] и «Предметного указателя содержания русских книг и повременных изданий»[4].

В «Описание» широко включалась печатная продукция, вышедшая в пределах России на русском языке за время с 1708 по 1909 год. Кроме отдельно изданных книг и периодических изданий в библиографию входили листовки и оттиски из журналов. Материал располагался хронологически, по десятилетиям, за исключением XVIII века, который целиком объединен в один отдел.

Безгин не использовал преимуществ хронологического расположения материала, позволявшего членение библиографии на обособленные участки и постепенное выполнение всей работы. Он начал одновременно в двенадцати хронологических отрезках букву «А», оборвавшуюся во всех выпусках на первых слогах.

По сравнению с И. Г. Безгиным А. А. Родных мало известен в русской библиографии и менее колоритен. Деятельность его в этой области носит случайный характер, хотя он составил двухтомный каталог библиотеки купца-библиофила Я. Ф. Березина-Ширяева и указатель к этому каталогу.

А. А. Родных удивил библиографическую общественность, опубликовав в 1902 году план издания «Каталога русских книг за 200 лет» (1703—1903), в котором с подозрительной точностью предусмотрел объем издания, характер разделов, количество томов и даже число страниц и цену отдельного тома[5]. К моменту выступления с планом крупного каталога Родных ничем не проявил себя в обла-

---

[1] Безгин И. Г. Нормальный карточный каталог всех русских книг и повременных изданий. Отд. 1 за 1890—1899 гг. 300 карточек. Спб., 1898—1899. Тираж 200 экз.

[2] Безгин И. Г. Алфавитный перечень изданий, вышедших в 1890—1898 гг. и описанных в первых двух сотнях карточек нормального карточного каталога всех русских книг и повременных изданий. Спб., 1899. 8 с. Тираж 100 экз.

[3] Безгин И. Г. Описание всех русских книг и повременных изданий (1708—1906). Отд. 1—12. Вып. 1—31. Спб., 1905—1906.

[4] Безгин И. Г. Предметный указатель содержания русских книг и повременных изданий. Вып. 1—8. Спб., 1905.

[5] «Литературный вестник», 1902, т. 4, кн. 5. Прил.; «Полибиблион», 1903, № 1, с. 51.

сти библиографии, поэтому и он сам и его проект вызвали недоверчивое отношение и язвительные замечания. С. А. Венгеров писал библиофилу Г. В. Юдину: «Слыхал я, что некий г-н Родных разослал разным лицам объявления о подписке на новый каталог русских книг. Предполагается издать немного-немало 44 тома!! Не сомневаюсь в том, что из этого предприятия ровно ничего не выйдет. <...> Он, по-видимому, не имеет ни малейшего представления о трудности задачи и вообще человек абсолютно невежественный» [1].

Родных обращался к меценатам с просьбой поддержать издание и подписаться сразу на большое количество экземпляров «Каталога». По мере реализации тиража автор рассчитывал постепенно забирать у покровителей лишние экземпляры и находить на них потребителей. Фантастический план не имел успеха, предварительно организованная подписка не дала средств, необходимых для издания «Каталога».

Около 1904 года помещик Чернского уезда Тульской губернии, библиофил-антиквар А. И. Долинин-Иванский объявил о своем намерении издавать «Опыт (или материалы) критико-библиографической энциклопедии русских книг с начала книгопечатания до наших дней по алфавиту авторов с их краткими биографиями, с обозначением редкости, цен, замечательности более интересных книг» [2]. В этом труде возрождался «Критико-биографический словарь» С. А. Венгерова, только в отличие от последнего в «Опыте» намечались не пространные, а краткие биографии и больше места отводилось редким книгам. За смертью Долинина-Иванского в 1904 году работа над критико-библиографической энциклопедией оборвалась в самом начале.

В данном случае интересно отметить, что за составление каталога всех русских книг в начале века брались не только библиографические организации и объединения, но и отрезанные от крупных книжных фондов провинциальные кустари-одиночки.

О популярности идеи репертуара в библиографической среде говорит и появление библиографов, которые, не имея средств для издания, делали «заготовки» описаний

---

[1] ИРЛИ. Ф. 377. Копировальная книга писем 16/VII 1902—23/III 1904, л. 51. Письмо С. А. Венгерова Г. В. Юдину от 1/X 1902 г.
[2] Там же. Ф. 568, оп. 1, № 14, л. 172.

впрок, в надежде в дальнейшем найти заказчика. Саратовский библиограф А. А. Лебедев, убежденный в том, что «издание каталога не только необходимо, но даже составляет довольно выгодное предприятие» [1], заготовил на карточках библиографические описания за ряд лет (1888—1901) и готов был реализовать собранные материалы за «самый умеренный гонорар», но издателя на его труд так и не нашлось.

Книгоиздатель Н. Г. Мартынов, неоднократно призывавший библиографов и издателей к коллективной работе над каталогом русских книг, писал в 1904 году: «Если бы все эти труды и средства при полном согласии можно было бы сгруппировать, то, нам кажется, их с избытком хватило бы для выполнения такого грандиозного дела, как издание полного каталога» [2].

Среди беспочвенных и утопических проектов рождались и вполне реальные начинания. К таким принадлежал «Справочник о русских книгах гражданской печати, изданных в свет с 1708 по 1855 г.» И. О. Сержпутовского (1850—1909), генерал-майора в отставке, библиографа-любителя, посвятившего двадцать лет жизни составлению полного списка русских книг [3]. Первый выпуск справочника вышел в свет в 1909 году, и на этом издание полного научно-библиографического каталога всех русских книг прекратилось. Собранные Сержпутовским материалы в дальнейшем никем не были использованы, хотя, по авторитетному свидетельству современников (Н. М. Лисовского, Э. А. Вольтера, Н. К. Пиксанова), весь труд, до последней буквы, был доведен до конца [4].

В отличие от своих ближайших предшественников, Сержпутовский считал невозможным составление полной описи русских книг гражданской печати по подлинникам без предварительного собирания и объединения ранее изданных библиографических материалов, мотивируя это тем, что наличный книжный состав не совпадает с зареги-

---

[1] Лебедев А. А. О каталоге за последнее десятилетие. — «Книжный вестник», 1904, № 31, стлб. 890—893.

[2] Мартынов Н. Г. Открытое письмо гг. библиографам и издателям. — «Книжный вестник», 1904, № 14, стлб. 407—408.

[3] Сержпутовский И. О. Справочник о русских книгах гражданской печати, изданных в свет с 1708 по 1855 г. Вып. 1. А — Аллер. Спб., 1909. XII, 80 с.

[4] Из протоколов заседаний. — «Доклады и отчеты» (Рус. библиол. о-во). Новая серия, 1913, вып. 2, с. 91—92.

стрированным в библиографических источниках. Последний значительно больше и, кроме того, включает много ценных сведений, отсутствующих в книгах. Таким образом, Сержпутовский пришел к выводу: прежде чем составлять полную книжную опись de visu, необходимо издать предварительные материалы для будущего репертуара в виде «Справочника о русских книгах», в котором свести в один общий список все сведения, разбросанные по библиографическим трудам. Первый и единственный выпуск «Справочника о русских книгах» построен как подготовительная работа, необходимая будущему составителю полного каталога русских книг.

Намерение Сержпутовского создать, если не репертуар русской книги, то хотя бы предварительные материалы для него, следует рассматривать как наиболее серьезное и продуманное из всех библиографических начинаний начала века. Безрезультатность работы в данном случае не порочит ее замысла; она лишь свидетельствует о бессилии одиночки разрешить задачу, к этому времени посильную только государственному учреждению.

Еще более безуспешно на этом поприще выступил Ю. Ю. Битовт, библиограф, автор ряда библиографических трудов, по выражению У. Г. Иваска, «не имевших завидного успеха». Кроме «Книги о книгах», составленной по образцу известной библиографии И. И. Янжула, указателя литературы о Л. Н. Толстом, библиографии редких изданий и других справочников, Ю. Ю. Битовт издал «Руководство по библиографическому описанию книг», в котором критически отнесся к разработанным Московским библиографическим кружком методам описания.

В начале XX века Ю. Ю. Битовт составил библиографию литературы об Отечественной войне 1812 года, трехтомный указатель, посвященный Москве, и одновременно собирал материалы для множества других разнообразных по тематике библиографий, среди которых были такие, как громадный биобиблиографический словарь писателей и ученых, литература русской библиографии, словарь псевдонимов, библиография А. С. Пушкина, история журналистики, библиография преследуемой книги и т. д.

При всей колоссальности начатых трудов, они являлись лишь затеянными ради заработка побочными работами. «Главная цель моей деятельности, — писал Ю. Ю. Битовт Н. А. Рубакину, — это создание грандиозной в 15—20 томов Российской библиографии, т. е. основного

каталога книг, напечатанных в России с 1708 по наше время»[1].

Над сводом русской книги Ю. Ю. Битовт работал 15 лет, в течение которых занимался объединением библиографических росписей, исправлением ошибок в описании по подлинным экземплярам и пополнением встречавшихся пробелов. Попутно он учитывал рецензии из газет и журналов.

По оригинальному плану Битовта материал в библиографии располагался в хронологическо-систематическом порядке, с постепенным сокращением хронологических периодов по мере приближения к XX веку. Таким образом, в первый том его труда входила библиография за весь XVIII век, во второй — за первую половину XIX века, в третий — за двадцать следующих лет (1851—1870 гг.), в четвертый и пятый — по десяти лет (1871—1880 и 1881—1890), в шестой и седьмой — по пяти лет (1891—1895 и 1896 — 1900), восьмой и девятый — по три года (1901—1903 и 1904—1906), в каждый из последующих томов, вплоть до последнего времени, — по два года. К 1913 году Битовт закончил первые два тома библиографии и подготовил, по его словам, весь материал для дальнейших двух томов.

В поисках денежных средств для издания Битовт обращался к К. Т. Солдатенкову, Г. В. Юдину, Публичной библиотеке, крупным издателям и всюду получал отказ. Его обширная записка в Академию наук, однако, имела успех. Академия наук выразила согласие взять расходы по изданию библиографии на себя, но неожиданная гибель в пожаре всего собранного материала разрушила планы Битовта. Надежды на восстановление репертуара и на отсрочку представления в Академию наук рукописи первого тома не оправдались. Осенью 1913 года Академия наук отказала Битовту в отсрочке и ему, при бедственном положении его семьи, ничего больше не оставалось, как обратиться за помощью к общественной благотворительности. Сбором пожертвований в пользу обнищавшего библиографа закончилось в дореволюционной библиографии еще одно усилие библиографа-одиночки создать репертуар русской книги.

---

[1] ГБЛ. Ф. 358, карт. 209, ед. хр. 1. Письмо Ю. Ю. Битовта Н. А. Рубакину от 29 февр. 1912 г. 2 л.

Сообщение о гибели труда Битовта в свое время нашло отражение в русской печати и проникло за границу, постепенно приняв размеры легенды [1].

Последний неосуществленный замысел капитальной библиографии принадлежал петроградскому библиографу — библиофилу В. П. Семенникову (1885—1936), опубликовавшему в 1915 году подробный план предпринятой им работы по учету русских книг и периодических изданий XVIII века [2].

На этот раз задуманная библиография составляла лишь часть национального репертуара и ограничивалась одним веком, в пределах которого выявлялись и описывались все произведения печати, за исключением листовок и всякого рода объявлений (афиш, расписаний лекций, манифестов, указов и тому подобных мелких изданий). Составитель выходил за пределы описания внешних данных книги, расширяя его за счет раскрытия содержания сборников, истории цензурных гонений, библиографических источников сведений о произведениях печати и т. д. Для более удобного использования библиографии в исследовательских целях Семенников планировал дополнить хронологическое расположение указателя системой подробных вспомогательных ключей и статистическими таблицами. Последние, по его плану, должны дать исследователю ценный материал для изучения книги XVIII века, роста литературной производительности и ее погодных и иных изменений, распределения книг по отраслям знания, состава авторов и т. д.

В. П. Семенникова привели к библиографии его собственные историко-литературные и книговедческие исследования, в процессе которых он выявил много новых фактов и внес немало уточнений в историю и библиографию русской книги XVIII века [3]. Исследуя книжную производительность XVIII века, в частности деятельность первых русских провинциальных типографий, библиограф лично убедился в неполноте и несовершенстве классического труда В. С. Сопикова. Рогожинское издание «Опыта российской библиографии» (1904—1908), исправленное и

---

1 [Иваск У. Г.]. Гибель труда г. Битовта. — «Библиогр. известия», 1913, № 2, с. 172—173.

2 Семенников В. П. Русская библиография XVIII века. План работы. Пг., 1915. 22 с.

3 Список трудов В. П. Семенникова приведен в его книге «Русская библиография XVIII века». Пг., 1915, с. 20—21.

уточненное, тоже не удовлетворяло Семенникова; оно сохранило основные недостатки первого издания и не снимало потребности в новом, более совершенном и полном учете книг XVIII века.

В отличие от других составителей, В. П. Семенников рассматривал библиографию не только как полезный справочник, а главным образом как материал для дальнейшего углубленного изучения истории книжной культуры. Библиографические и статистические данные его будущей работы нужны исследователю для расшифровки и объяснения причин, влиявших на развитие русской книги XVIII века. В этом он усматривал назначение и смысл намечаемой библиографии. «Разыскание и установление этих причин уже выходит за пределы данной работы, но, в сущности, именно эта задача и является моей конечной целью и побудительной причиной к составлению описания книг XVIII века» [1].

Библиографическая общественность, к которой обращался В. П. Семенников, встретила его план одобрением и благожелательной критикой. В печати появились отзывы Н. М. Петровского, П. К. Симони, Н. А. Обольянинова и других историков и библиографов, которые, поддерживая намерения Семенникова, высказывались за расширение библиографии XVIII века [2]. Нигде, за исключением небольшой заметки Б. С. Боднарского [3], не упоминалось о параллельной работе, ведущейся в этом же направлении библиографическими организациями и отдельными лицами. Между тем к 1915 году члены Русского библиографического общества проверили и привели в порядок картотеку книг по XVIII веку, Н. М. Лисовский приготовил для печати список изданий XVIII века, и наконец, в рукописи имелся законченный указатель русских книг за полтора века И. О. Сержпутовского.

Отсутствие связи и какой-либо преемственности между отдельными работами стало привычным явлением в русской библиографии и не вызывало удивления.

---

[1] Семенников В. П. Русская библиография XVIII века, с. 17.

[2] Петровский Н. М. — «Известия Отделения русского языка и словесности Акад. наук», 1915, т. 20, кн. 3, с. 324—331; Замечания П. К. Симони. — «Доклады и отчеты» (Рус. библиол. о-во) 1915—1916 гг. 1917, вып. 4, с. 24—26; Отзыв Н. А. Обольянинова.— Там же, с. 27—28.

[3] Б[однарский] Б. С. Русская библиография XVIII века. — «Библиогр. известия», 1915, № 1—2, с. 85—86. Подпись Б.

Отвлекаясь от фантастичности и даже авантюрности одних предприятий, кустарности выполнения других, нельзя не отметить полную обреченность всех без исключения индивидуальных, в том числе и продуманных, попыток создать исчерпывающую ретроспективную национальную библиографию. Выход из создавшегося тупика был единственный — иная организация работы, коллективное ее выполнение.

Поиски иного пути в условиях дореволюционной России не увенчались успехом. Необходимость коллективного выполнения библиографической задачи государственного значения привела к организации Московского библиографического кружка. Н. М. Лисовский, убежденный в том, что каталог всех русских книг может быть осуществлен только при содействии какого-либо учреждения, искал поддержки в Русском обществе деятелей печатного дела. С. А. Венгеров, с самого начала привлекавший к своим работам широкий круг библиографов и ученых, пришел к необходимости создания специального Литературно-библиографического института для осуществления намеченных им библиографических трудов. И если каждый из них потерпел неудачу, то причину этому надо искать в условиях российской действительности и в слабости общественных организаций. Сама же необходимость коллективного труда была доказана жизнью.

В методику построения репертуара существенных изменений одиночные попытки не внесли. В последнем десятилетии XIX века в работах Венгерова, Торопова, Лисовского то или иное решение получили все основные вопросы построения репертуара: границы включения печатного материала, унификация библиографического описания, использование имеющихся библиографических источников, описание по подлинникам, роль крупных общественных книгохранилищ и библиофильских собраний и т. д., ими же были теоретически обоснованы и практически использованы возможные системы расположения материала. С. А. Венгеров в «Русских книгах» применил алфавитный порядок размещения описаний, А. Д. Торопов придерживался систематического, Н. М. Лисовский настаивал на хронологическом порядке как единственно возможном.

Из названных библиографов Лисовский наиболее трезво оценивал конкретные условия и возможности создания национального библиографического репертуара. Полная

опись русских книг, по его мнению, должна составляться по частям, в обратно-хронологическом порядке, начиная с ближайшего времени (1875—1907 гг.) и далее в глубь XIX и XVIII веков. Чтобы не создавалось отставания в библиографическом учете русской книги, которое так трудно ликвидировать в дальнейшем, Лисовский предлагал параллельно с подготовкой указателей за прошлый период издавать начиная с 1907 года систематические каталоги, примерно по пятилетиям [1]. Такая система ретроспективной библиографии охватила бы как прошлый, так и настоящий периоды существования русской книги; отправной точкой для построения этой системы служил 1907 год, год основания «Книжной летописи» и начала регулярной текущей регистрации произведений печати в России.

Н. М. Лисовский признавал желательность описания произведений печати de visu, но вместе с тем на непременном соблюдении этого условия категорически не настаивал, вполне допуская составление библиографии русских книг по готовым библиографическим источникам. К этому своего рода компромиссу и отступлению от незыблемого, казалось бы, требования академической библиографии Н. М. Лисовский пришел после оценки реальных возможностей русской библиографии и печального опыта своих современников-библиографов.

В канун Великой Октябрьской социалистической революции Подкомиссия по регистрации произведений печати и «Книжной летописи» под председательством П. Е. Щеголева занималась как упорядочением регистрации текущей литературы, так и вопросами ретроспективной библиографии. Материалы подкомиссии обосновывали научно-теоретическое и практическое значение национального репертуара произведений печати, необходимость наряду с регистрацией и систематизацией текущей литературы составления полного списка русских книг с самого начала книгопечатания в России. По проекту подкомиссии, один из отделов Книжной палаты, Русский библиографический институт, должен был заняться составлением полного каталога всех русских книг. Несмотря на

---

[1] Всесоюзная книжная палата. Архив науч.-метод. отдела. Фонд Н. М. Лисовского. Черновой вариант рецензии «Новые явления в области московской библиографической литературы» (14 и 27 марта 1914 г.), л. 13, 27—28.

наличие специального библиографического учреждения, библиографической картотеки С. А. Венгерова и значительных библиографических сил, составление ретроспективной национальной библиографии в 1917 году не продвинулось вперед. С одной стороны, это объяснялось равнодушием Временного правительства к намеченной работе, с другой стороны, на первый план выдвинулась более неотложная задача — налаживание регистрации текущей литературы, положение с которой было катастрофично. Отсутствие средств заставило Книжную палату отказаться от ретроспективной библиографии.

История всех неудач в области создания национального библиографического репертуара русских книг показала, что такую крупную, государственно важную задачу можно было решать только при наличии ряда условий: необходимо располагать реальными книжными фондами крупнейших библиотек страны, коллективом квалифицированных библиографов, тщательно разработанной методикой и, конечно, материальной поддержкой государства. Несоблюдение этих условий или отсутствие одного из них обрекало все предпринимаемые работы на провал.

Биобиблиография

Создание универсальной биобиблиографии по своим масштабам и значимости приближается к национальному библиографическому репертуару книги, поэтому условия, необходимые для успешного выполнения этих двух крупнейших задач, в большой мере совпадают. Сходство простирается и далее. На грани двух веков и в области библиографического репертуара и в биобиблиографии начинают изживать себя прежние формы организации и методы работы.

В начале XX века в общей биобиблиографии, по сравнению с последней четвертью прошлого столетия, не произошло больших изменений. Продолжалось издание четырех крупных многотомных биобиблиографий (Г. Н. Геннади, Д. Д. Языкова, С. А. Венгерова и Русского исторического общества), основные принципы и методика составления которых сложились еще в прошлом веке.

Спустя почти тридцать лет после смерти Г. Н. Геннади (1826—1880), в 1908 году вышел в свет третий том его «Справочного словаря о русских писателях и ученых,

умерших в XVIII и XIX столетиях...», и на этом издание прекратилось [1]. Эта работа целиком принадлежит XIX веку и лишь ряд обстоятельств на много лет задержал ее опубликование.

Продолжателем Г. Н. Геннади в конце XIX века выступил Д. Д. Языков (1850—1918), избравший особую форму биобиблиографического словаря — ежегодник в виде «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц за ... год» [2]. Всего вышло в свет 13 ежегодников (за 1881—1893 гг.), причем последний «Обзор» увидел свет с опозданием на 23 года. Судьба подготовленного и сданного в печать 14-го выпуска «Обзора» осталась невыясненной [3].

Структура библиографии Д. Д. Языкова крайне проста: в каждом выпуске в алфавитном порядке следовали имена умерших за год писателей с краткой биографической справкой о каждом, перечнем его трудов и списком литературы о нем в примечании. Основными источниками сведений составителю служили биобиблиографические и общие энциклопедические словари, справочники и периодическая печать. Составление библиографии не ограничивалось годом смерти того или иного лица, а продолжалось и далее. В каждом последующем выпуске «Обзора» Языков помещал дополнения к ранее вышедшим ежегодникам. Даже второе, исправленное и дополненное, издание первых трех выпусков своего «Обзора» Языков не считал «безукоризненной библиографической работой» и продолжал его дополнять.

В биографических справках об умерших писателях Д. Д. Языков стремился занять позицию стороннего наблюдателя, бесстрастного летописца, намеренно уклоняющегося от оценок и сравнительных характеристик. Предоставляя собранный материал суду истории, он не случайно эпиграфом для своего труда взял строки М. Ю. Лермонтова:

---

[1] Незавершенная рукопись 4-го т. словаря Г. Н. Геннади хранится в Рукописном отделе Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

[2] Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц. Вып. 1—13. Спб. — М., 1885—1916. До вып. 10 выходил под загл.: «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей».

[3] Кричевский Г. Г. Д. Д. Языков и его библиографическая деятельность. — «Сов. библиография», 1941, вып. 1(19), с. 178.

«Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут!
Надежда есть: ждет правый суд...»

Намерение библиографа остаться беспристрастным регистратором фактов, событий и печатных трудов в значительной степени оказалось иллюзорным. Многолетнее сотрудничество в «Московских ведомостях» и работа в годы реакции в Московском комитете по делам печати достаточно ясно характеризовали Д. Д. Языкова в политическом отношении. Принадлежность его к крайне правому лагерю сказывалась и на библиографических «Обзорах», вопреки всем стараниям составителя остаться объективным и ограничиться формальной подачей материала. Суховатые, очень сдержанные биографические заметки о Н. Г. Чернышевском, Н. В. Шелгунове, М. Е. Салтыкове-Щедрине соседствуют с подробными, прочувствованно и тепло написанными биографиями М. Н. Каткова, усердного сотрудника «Московских ведомостей» Н. А. Попова, реакционного философа К. Н. Леонтьева, правого публициста Н. П. Гилярова-Платонова и т. п. Личные связи и симпатии проявились и в лишенных сухости и официальности пространных справках, посвященных И. С. Аксакову, А. А. Фету, Н. С. Тихонравову и другим деятелям литературы, к которым составитель был особо расположен.

Методика выполнения библиографии и темпы работы Д. Д. Языкова над «Обзорами» в известной мере типичны для библиографа-любителя XIX века. Отсутствие готовой библиографической базы вынуждало составителя затрачивать много лишних усилий и в своих библиографических разысканиях неоднократно проходить один и тот же путь. Кустарные методы и любительство неизбежно приводили библиографа к пропуску имен и библиографических сведений. Эту слабую сторону работы Языкова в свое время очень доказательно проанализировал И. А. Кубасов [1]. Неторопливое собирание материала, прежде всего некрологов, накапливание впрок различных сведений о публикациях, защитах диссертаций, юбилеях и т. д. проводилось Языковым скорее для будущих исследователей, чем для живых современников.

При всех недостатках и несовершенствах «Обзора» Д. Д. Языкова, его работа остается одной из достоверных

---

[1] Отчет о двенадцатом присуждении имп. Академией наук премий митроп. Макария в 1907 г. Спб., 1907, с. 205—215.

и фундаментальных биобиблиографий, охватывающей 1900 имен деятелей науки и литературы конца XIX века.

В государственных архивах сохранились собранные Д. Д. Языковым газетные и журнальные вырезки, автобиографии, заметки о рецензиях в журналах и другие материалы за 38 лет, по 1918 год включительно. Последний, 38-й выпуск содержит дополнения почти ко всем предыдущим ежегодникам[1]. Вспомогательный указатель, составленный И. Ф. Масановым ко всем выпускам «Обзора» Д. Д. Языкова (за исключением 2-го изд. 3-го вып.), остался в рукописи[2].

Вторая крупная биобиблиография — «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» С. А. Венгерова — по своей цели и характеру была не столько библиографической, сколько историко-литературной работой, для которой биографический словарь служил лишь формой. До этого времени биографические словари использовались как справочники с довольно ограниченными возможностями, Венгеров стремился превратить биобиблиографию в историю русской образованности, создать своего рода энциклопедию, в которой алфавит авторов служил наиболее удобным приемом организации материала.

Внимание к мелким и мельчайшим явлениям литературы и науки привело к включению в словарь огромного количества имен, забытых и неизвестных. Труд Венгерова создавался как свод всего написанного русскими авторами, как своеобразный репертуар в форме биографического словаря, в котором основным, определяющим моментом отбора напечатанных или даже ненапечатанных произведений служила принадлежность автора к русской культуре. «Мы заносили всякого, — провозгласил С. А. Венгеров, — кто хоть немного поработал на пользу родного просвещения»[3]. Отсюда всеобъемлющий характер труда, в котором собирались сведения о писателях всех периодов русской образованности.

---

[1] ЦГАЛИ. Ф. 637, оп. 1, ед. хр. 94—97. Материалы для обзора жизни и трудов русских писателей и писательниц. Печатные вырезки и рукописные выписки. Вып. 37 А—К 1917 г. 176 л.; Л—Я 1917 г. 169 л.; Вып. 38 А—И 1883—1913 гг. 116 л.; К—Н 1889—1918 гг. 115 л. Сведения о рукописном наследии Д. Д. Языкова см. также в указанной статье Г. Г. Кричевского, с. 181.

[2] Кричевский Г. Г. Указ. статья, с. 180.

[3] Венгеров С. А. Критико-биографический словарь... Т. 1. Спб., 1889, с. 11.

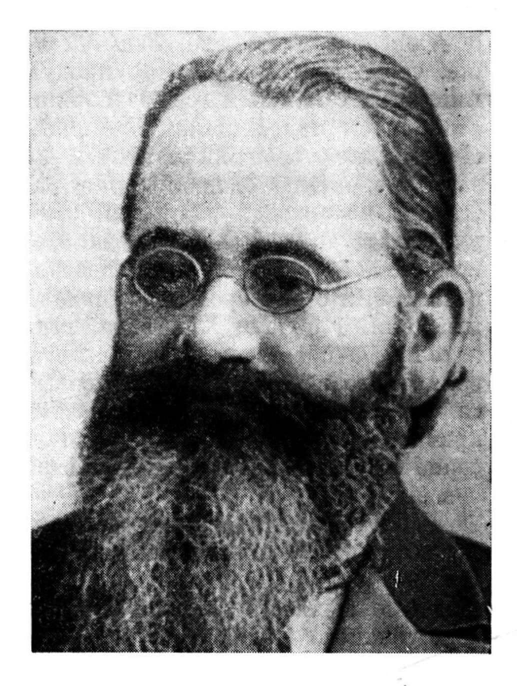
Венгеров отчетливо сознавал и чем дальше, тем больше, что с ростом печатной продукции задача учета всех пишущих с каждым годом усложняется и в конце концов становится непосильным бременем для одного человека. К тому же перед составителем вставала реальная угроза — превратить свод литературы в «свод макулатуры». Отсюда последовал разумный вывод: полно и тщательно учитывать авторов XVIII века, когда печатная продукция измерялась немногим более десяти тысяч названий за все столетие, и с разбором и осторожностью подходить к произведениям печати XIX века, так как с ростом книгоиздательства невозможно включать в словарь каждого «безграмотного и полуграмотного сочинителя всякого вздора». Справедливости ради надо отметить, что, теоретически признавая неизбежность ограничения, практически Венгеров не был в силах отказаться от включения некоторых совсем незначительных имен.

Работа над «Критико-биографическим словарем», связанная с просмотром огромного числа библиографических и иных источников, привела Венгерова к необходимости создания вспомогательного библиографического аппарата, включающего в себя все многочисленные, разбросанные в печати указания об авторах и книгах на русском языке. Так родилась известная библиографическая картотека Венгерова — база всех его биобиблиографических работ. В этой иной организации библиографического труда, в иной методике библиографического разыскания — существенное отличие словаря Венгерова от родственной ему работы Д. Д. Языкова.

Обилие печатных, рукописных и архивных источников и та широта, с какой они использовались, выделяют библиографию Венгерова из всех до этого имевшихся биобиблиографических справочников. Впервые в словарь вводилось множество автобиографий, которым библиограф придавал значение важнейших первоисточников. «Я всегда предпочитал автобиографии, потому что они дают простор интимности и как раз в тех пределах, в каких это автобиографу интересно», — писал он одному из своих корреспондентов [1]. Яростные нападки на словарь Венгерова в правой печати отчасти были вызваны некоторыми собранными и опубликованными им автобиографиями. Шумная

---

[1] ИРЛИ. Ф. 377. Копировальная книга писем. Письмо С. А. Венгерова М. М. Ивановой от 10 февр. 1915 г.



Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920) *фото 1910-х годов*

реакция сопровождала появление автобиографии К. Д. Бальмонта, которая «простором интимности» шокировала и приводила в негодование читателя-буржуа. Резкие выпады бульварных газет не влияли на Венгерова, он и впредь продолжал собирать подобный материал. «Уже теперь заранее прошу Вас дополнить автобиографию, — обращался он к В. Я. Брюсову, — она несколько суховата и формальна, и я просил бы Вас прибавить что-нибудь относительно того, как складывалось Ваше литературное миросозерцание. Такие авторские признания в высшей степени ценны. Надеюсь, что нападки некоторых газет на автобиографию Бальмонта Вас не устрашат. По-моему, бальмонтовские признания представляют собою очень ценный литературный документ» [1]. Венгеров намеренно занял позицию полного невмешательства в эти показания о себе, не сокращая и не изменяя их, как это нередко делалось библиографами-составителями; поэтому многие авторы

---

[1] ИРЛИ. Ф. 377. Копировальная книга писем 10 апр. 1904 — 18 июня 1905 г., л. 275. Письмо С. А. Венгерова В. Я. Брюсову от 26 окт. 1904 г.

охотно предоставляли для словаря автобиографии, в одних случаях стремясь этим путем обеспечить верную оценку своей деятельности, в других — спеша оправдаться в глазах общественного мнения.

К написанию биографических очерков для словаря Венгеров привлек большую группу крупных ученых, среди которых были специалисты различных отраслей знания: А. Н. Бекетов, В. В. Бобынин, В. С. Иконников, П. Ф. Лесгафт, Н. А. Меншуткин, И. В. Мушкетов, Ф. Ф. Петрушевский и многие другие. Биографический очерк о Т. М. Бондареве написал Л. Н. Толстой. Но подавляющая часть биографических статей написана самим С. А. Венгеровым.

Приступив к изданию «Критико-биографического словаря», Венгеров очень скоро убедился в тщетности своих усилий закончить собственными силами и без посторонней материальной поддержки начатую им огромную библиографию. Шестой, он же последний, том словаря вышел в 1904 году в виде историко-литературного сборника, в который вошли дополнения к предыдущим томам и различные материалы из будущих несостоявшихся томов библиографии.

На рубеже двух веков намерение дать свод обширной литературы и тем подвести итоги накопления национального духовного богатства перерастало возможности одного человека и становилось чрезвычайно трудной задачей. Поставленная Венгеровым цель — единоличными усилиями создать энциклопедию русской образованности — оказалась невыполнимой, и его труд в силу этого остался незавершенным.

Тем не менее Венгеров не терял надежды и продолжал непрерывно пополнять богатейший материал, собранный им в процессе подготовки «Критико-биографического словаря». Для этой цели в качестве дополнительного источника была использована алфавитная библиографическая картотека В. И. Межова, предоставленная Венгерову Н. М. Лисовским[1]. Созданный с течением времени аппарат дал возможность Венгерову, еще до краха его основной работы — «Критико-биографического словаря», приступить к составлению и изданию «Источников словаря русских писателей», новой библиографии, в которой биографические сведения занимали очень незначительное

[1] ИРЛИ. Ф. 153, № 341, л. 4, 6.

место, а главное внимание уделялось спискам биографической и критической литературы о писателе [1]. Задуманные как двухтомное издание «Источники словаря русских писателей» разрослись в объеме в несколько раз и также не были доведены до конца. Четыре вышедших тома «Источников» составляют менее половины всей намеченной библиографии [2].

Работая над «Источниками», Венгеров не оставлял мысли о завершении своего основного, центрального труда — «Критико-биографического словаря писателей и ученых». В конце 1912 года он писал Н. М. Лисовскому: «Представьте себе берусь снова за Крит.-биогр. словарь! Неисправим я!» [3]. Но продолжать издание в тех же масштабах и в том же объеме Венгеров не смог. Вместо этого он приступил ко второму изданию «Критико-биографического словаря» в виде предварительного списка имен, расположенных в порядке алфавита. Список, включавший элементарные кратчайшие биографические сведения о писателях, представлял всего лишь остов, основу биографического словаря. Прерванное на букве П (Павлов) второе издание также осталось незавершенным.

Пройденный С. А. Венгеровым путь для успеха гигантской работы надо было бы проделать в обратном порядке: сначала составить предварительный список имен, затем издать «Источники словаря русских писателей», и только на основе этих работ подойти к созданию энциклопедии русской образованности.

В связи с юбилеями ряда высших учебных заведений в начале века вышли в свет биобиблиографические словари профессоров и преподавателей Юрьевского [4], Казанского [5] и других университетов. Достоинство этих фундаменталь-

---

1 Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Т. 1—4. Спб., 1900—1917.

2 По некоторым сведениям т. 5 был сдан в производство, но в свет не вышел, см.: Кауфман И. М. Русские биографические и биобиблиографические словари. М., Госкультпросветиздат, 1955, с. 311.

3 ИРЛИ. Ф. 153, № 341, л. 8. Письмо С. А. Венгерова Н. М. Лисовскому от 20 сент. 1912 г.

4 Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования. (1802—1902). Под ред. Г. В. Левицкого. Т. 1—2. Юрьев, 1902—1903.

5 Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. (1804—1904). В 2-х ч. Под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1904. XVI, 554, 456 с. (За сто лет).

ных словарей заключалось в использовании архивных документов, послужных списков, частично автобиографических материалов.

К крупным работам биобиблиографического характера следует отнести «Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук» [1] и «Словарь членов Общества любителей российской словесности» [2], в которых нет исчерпывающей полноты библиографических списков, но по своей точности, тщательности выполнения и достоверности сведений они до сих пор остаются ценными справочниками.

Разработкой биобиблиографии местных деятелей занимались краеведы-любители, главным образом члены губернских ученых архивных комиссий [3].

Библиография периодических изданий

По сравнению с ретроспективной библиографией книг, библиографический учет периодических изданий за прошлый период достиг крупных успехов. В 1901 году вышло корректурное издание алфавитного «Списка русских повременных изданий с 1703 по 1899 год» [4], составленного В. И. Срезневским (1867—1936) в основном по журнальным фондам Библиотеки Академии наук, а в 1915 году Н. М. Лисовский закончил изданием свой замечательный труд «Русская периодическая печать 1703—1900 гг.» [5], работу над которым он начал еще в 70-х годах прошлого века.

---

[1] Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Ч. 1—2. Пг., Акад. наук., 1915—1917.

[2] Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911. М., 1911. II, 344 с.

[3] См. главу «Краеведческая библиография», с. 313—316.

[4] Срезневский В. И. Список русских повременных изданий с 1703 по 1899 год с сведениями об экземплярах, принадлежащих Библиотеке имп. Академии наук. Корректурное издание. Спб., 1901. [4], 1114 с. 100 экз.

[5] Лисовский Н. М. Русская периодическая печать 1703—1900 гг. (Библиография и графические таблицы). Пг., [изд. автора], 1915. XIV, [2], 268, [8] с.; 48 л. табл., [2] с.; 11 л. табл. [2] с. 32 см. 200 экз.

Тот же указатель в малом формате вышел под названием: Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг. (Материалы для истории русской журналистики). Пг., [изд. автора], 1915. [4], XVI, 1068 с. 20 см. 609 экз.

Хронологический перечень русских повременных изданий, данный Лисовским за два века, с алфавитным и систематическим вспомогательными указателями представляет до сих пор незаменимый и удобный для библиографических разысканий справочник. Справочные возможности библиографии Лисовского (в издании большого формата) расширены графическими таблицами, содержащими сведения о числе и характере периодических изданий за каждый год XVIII и XIX веков.

Труды В. И. Срезневского и Н. М. Лисовского продолжают оставаться до настоящего времени основными библиографическими пособиями по XIX веку, хотя всех изданий указанного периода они не отражают. Тщательное сличение двух важнейших источников по русской периодической печати XVIII—XIX веков показывает, что по своему содержанию эти библиографии значительно расходятся и дополняют друг друга [1].

С появлением капитальной работы Н. М. Лисовского отпала необходимость обращения к разрозненным неполным годовым спискам и возникла возможность дальнейшего углубленного изучения истории и статистики русской периодической печати за длительный период.

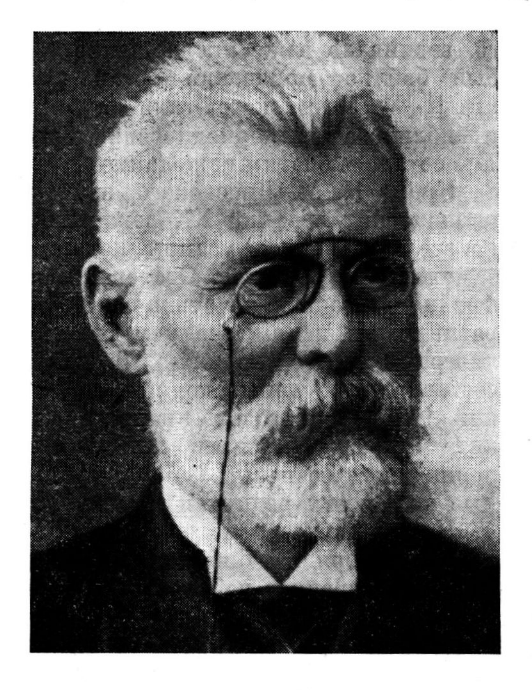
Завершение многолетнего труда над «Русской периодической печатью» позволило его автору провести в специальном исследовании предварительный статистико-книговедческий анализ развития русской периодической печати на протяжении двух столетий и установить ряд закономерностей в этом процессе. Библиограф обратил внимание на такие явления, как изменение соотношения общей и специальной периодической печати в различные периоды истории России, постоянно меняющуюся роль журнала и газеты в общественной жизни, вытеснение газетой литературного, а затем и иллюстрированного журнала, проникновение капитализма в книжное дело, влияние его на газетную прессу и т. д.[2]

---

[1] Подобная работа по сравнению двух библиографий выполнена во Всесоюзной книжной палате, где в 1946 г. была составлена «Таблица учета периодики по источникам (1703—1900)» в двух вариантах (алфавитном и систематическом). Таблицы хранятся в Научно-методическом отделе Всесоюзной книжной палаты.

[2] Лисовский Н. М. Периодическая печать в России 1703—1903. Статистико-библиогр. обзор русской периодической печати. С прил. 3-х листов диаграмм. Спб., 1903. 28 с.; Отт. из журн. «Литературный вестник», 1902, т. 4, кн. 8, с. 281—306.

Николай Михайлович Лисовский (1854—1920)
фото 1912 года



В процессе работы над библиографией Н. М. Лисовский составил до 300 различных диаграмм, относящихся к русской периодической печати 1703—1900 годов. Весь комплект диаграмм демонстрировался на очередной выставке, устроенной Главным управлением по делам печати в 1913 году, и на международной книжной выставке в Лейпциге летом 1914 года, но только часть из них была опубликована. Вплоть до 1917 года Н. М. Лисовский продолжал заниматься обработкой статистических данных и диаграмм за прошлый период [1], параллельно собирая статистический материал по русской периодической печати за 1901—1915 годы [2].

Со стороны библиографической общественности проявлялось большое внимание к деятельности Н. М. Лисовско-

[1] Графический метод исследования развития произведений печати нашел последователей, см.: Сиповский В. В. Из истории русской литературы XVIII века. Опыт статистических наблюдений. Спб., 1901 и Вольтер Э. А. К статистике литовских печатных произведений с 1599 по 1899 г. — «Печатное искусство», 1902, № 6.

[2] ИРЛИ. Ф. 153, № 159, л. 5—5 об.

го, возникало даже предложение (1911 г.) основать особый библиографический орган «Архив русской печати им. Н. М. Лисовского» для опубликования исследований и библиографий периодических изданий [1]. Это предложение осталось благим пожеланием.

Кроме Н. М. Лисовского, изучением и описанием периодических изданий XX века занимались многие лица, но все затраченные усилия не принесли сколько-нибудь заметных результатов. Особенным вниманием библиографов пользовалась печать первой русской революции. С различными целями ее учитывали многие: члены Библиографического кружка Петербургского университета составляли исчерпывающий список периодических изданий 1905—1907 годов, инспектора комитетов по делам печати регистрировали подведомственную им местную периодическую печать [2], библиофилы описывали собственные коллекции редких и запрещенных газет и журналов.

Члены студенческого кружка Петербургского университета в порядке библиографической практики решили провести перепись на карточках всех периодических изданий, выходивших в России и поступивших в библиотеку Академии наук в течение какого-либо одного дня. Для этой цели избрали 22 декабря 1906 года. Приступив к библиографическому описанию, студенты быстро убедились в том, что для полного учета повременной печати всей России нельзя ограничиться поступлением одного дня и необходимо рамки работы раздвинуть. В дальнейшем расширились и границы учетного периода, регистрировались все периодические издания с декабря 1905 по декабрь 1907 года, причем подготавливался материал для отражения печати в различных аспектах (в хронологическом порядке и алфавитном расположении, по партийной принадлежности и месту издания). В описании периодической печати приняли участие не только члены кружка, но и посторонние лица, собиравшие сведения о журналах и газетах, выходивших на языках народов России. Через полгода после начала работы, когда картотека насчитывала уже 2000 названий, желаемая полнота все еще не

---

[1] Из протоколов заседаний. — «Доклады и отчеты». (Рус. библиол. о-во). Новая серия, 1913, вып. 2, с. 96.

[2] Богословский Е. А. Бакинская печать после 17 октября 1905 г. (по 1 июля 1907 г.). Библиогр. этюд с 5-ю табл. и 2-мя алфавит. указателями. Баку, 1907. 28 с.
То же... [в 1907—1908 гг.] Баку, 1908—1909.

была достигнута. Трудности разыскания быстро исчезавших изданий эпохи первой русской революции, видимо, помешали довести начатую библиографию до конца.

В печати этого периода книгособирателей-библиофилов наиболее привлекали пострадавшие от судебных и административных репрессий журналы, в частности сатирические, в результате непрерывных преследований быстро становившиеся библиографическими редкостями. По некоторым сведениям, за 1905—1907 годы издавалось 380 названий сатирических журналов небывалым для дореволюционной России общим тиражом до 40 миллионов экземпляров [1], но в библиографические справочники того времени попала лишь незначительная часть.

В мартовском номере журнала «Былое» за 1907 год историк и библиофил С. Р. Минцлов (1870—1933) поместил краткий обзор жизни прессы за 14 месяцев «свободы», составленный им по свежим следам событий [2]. Обзор содержал первую сводку сведений об особо преследовавшихся изданиях (17 названий), библиографию сатирических журналов, расположенных в порядке выхода их в свет (84 названия), с примечаниями о конфискации отдельных номеров, и перечень пострадавших от репрессий петербургских журналов и газет (113 названий).

В 1916 году в «Библиографических известиях» появился второй список, алфавитный библиографический указатель «Сатира и юмор в 1905—1907 гг.» Н. Н. Виноградова [3], организованный по иному принципу, чем библиография С. Р. Минцлова. Н. Н. Виноградов учитывал не только петербургские, но и московские и провинциальные издания; он не ограничился описанием сатирических журналов, но ввел и юмористические, исправил неточности и пополнил имевшиеся у С. Р. Минцлова пробелы. В списке Н. Н. Виноградова отмечены (вплоть до 1 января 1908 года) издания, конфискованные полицией, арестованные по распоряжению судебных органов, получившие те или иные взыскания. Здесь зарегистрировано 307 названий, в три с половиной раза больше, чем у С. Р. Минцлова.

---

[1] Стернин Г. Ю. Очерки русской сатирической графики. М., «Искусство», 1964, с. 240.

[2] Минцлов С. Р. 14 месяцев «свободы печати». 17 октября 1905 г. — 1 января 1907 г. Заметки библиографа. — «Былое», 1907, № 3(15), с. 123—148.

[3] Виноградов Н. Н. Сатира и юмор в 1905—1907 гг. Библиогр. указатель. — «Библиогр. известия», 1916, № 3—4, с. 121—135.

Библиография этого жанра периодических изданий — сатиро-юмористических — обогатилась указателями и за более ранний период. В 1910—1913 годах вышел в свет труд И. Ф. Масанова «Русские сатиро-юмористические журналы», три выпуска которого содержали описания нескольких периодических изданий второй половины XIX века [1], а в 1914 году аналогичную работу по XVIII веку опубликовал В. П. Семенников [2].

Историк студенческого движения С. Г. Сватиков составил библиографию русской студенческой печати в виде хронологического обзора студенческих изданий за 160 лет. В эту первую крупную библиографию студенческой прессы за 1755—1915 годы вошли названия многих редких гектографированных, литографированных и рукописных журналов и газет [3].

Общую библиографию периодических изданий в небольшой степени дополняли пока еще очень редкие библиографические обзоры и исторические очерки местной печати, составляемые краеведами-любителями.

Библиография журнальных и газетных статей

Стремление создать крупные ретроспективные библиографии журнальной литературы не дало удовлетворительных результатов. Несмотря на усилия библиографических коллективов и отдельных библиографов-одиночек, многочисленные начинания в этом направлении остались либо незавершенными, либо законченными, но неопубликованными.

В XX веке не удалось продолжить труд А. Н. Неустроева, хотя предпринималась не одна попытка расписать содержание русских периодических изданий XIX века. Позднее, после ряда горьких разочарований, А. М. Ловягин назовет эти тщетные усилия преступным «библиографическим максимализмом», а пока эксперименты в этом

---

[1] Масанов И. Ф. Русские сатиро-юмористические журналы (Библиогр. описание). Под ред. А. В. Смирнова. Вып. 1—3. Владимир, 1910—1913.

[2] Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. Спб., 1914. 90 с.

[3] Сватиков С. Г. Студенческая печать с 1755 по 1915 г. (Журналы, газеты, сборники и альманахи). — В кн.: Путь студенчества. М., 1916, с. 213—248.

направлении продолжались. Один из них принадлежал члену Русского библиологического общества А. Г. Максимову, опубликовавшему в «Литературном вестнике» (1902—1904) описание 10 журналов первой четверти XIX века. Под руководством Н. М. Лисовского и по образцу А. Г. Максимова в 1915 году Н. К. Замков описал еще один журнал («Улей», 1811), и на этом продолжение труда А. Н. Неустроева оборвалось.

Из работ крупного плана остался неопубликованным большой законченный «Систематический комментированный указатель содержания 27 русских ежемесячных журналов второй половины XIX столетия» М. К. Лемке (1872—1923) [1]. В этот указатель, включавший более 27 тысяч статей, вошли сведения обо всем, напечатанном на страницах отобранных журналов, кроме беллетристических произведений, критических заметок и рецензий (объемом менее 4 страниц) и таких отделов, как «иностранное» и «внутреннее обозрение», «хроника», «смесь». Чтобы обезопасить свой «Указатель», М. К. Лемке не включил в него содержание «Современника», «Отечественных записок», «Русского слова» и других изъятых и запрещенных к обращению в публичных библиотеках журналов, но и при таком ограничении, несмотря на активные поиски издателя, никто не брался за издание «неходовой» книги [2]. Составитель, взяв в посредники Н. М. Лисовского, уже знакомого с рукописью указателя и давшего о ней положительный отзыв [3], вел в 1902 году переговоры с Русским библиологическим обществом, которые ни к чему не привели, так как Общество не располагало необходимыми средствами для издания каких-либо библиографических трудов.

С методической стороны библиография М. К. Лемке не была крупным шагом вперед. Произвольный отбор журналов, неоправданный пропуск некоторых изданий (например, «Русского архива»), мало удобная систематизация материала, алфавитное размещение внутри двенадца-

---

[1] Лемке М. К. Систематический комментированный указатель содержания 27 русских ежемесячных журналов второй половины XIX столетия. [1902]. 5, 838 л. Машинопись с авторской правкой. Рукопись хранится в Ленинграде, ИРЛИ. Ф. 661, № 20(1—13).

[2] ИРЛИ. Ф. 158, № 556, л. 1—2.

[3] Лисовский Н. М. Краткий отзыв о рукописном труде М. К. Лемке «Указатель статей в 27 русских периодических изданиях второй половины XIX столетия». — «Литературный вестник», 1902, т. 4, с. 254—257.

ти крупных разделов, отсутствие вспомогательных ключей — все эти методические просчеты затрудняют использование указателя.

Мысль о создании исчерпывающей национальной библиографии журнальных статей за XIX век продолжала манить библиографов. В 1910 году труд А. Н. Неустроева решил продолжить А. А. Шилов (1881—1942), несколько изменив методику работы своего предшественника. Для библиографического исследования он предполагал использовать обильный сырой материал по истории издания русских журналов прошлого века, накопившийся к этому времени в библиографической и исторической литературе, переписке, мемуарах, литературных комментариях и т. д.

Прежде чем приступить к «Историческому разысканию о русских повременных изданиях за 1803—1850 гг.», А. А. Шилов обратился к Н. М. Лисовскому с вопросом, не ведет ли кто-либо подобной работы. Разобщенность русских библиографов была настолько велика, что только таким частным путем можно было получить сведения о начатых и ведущихся работах и тем самым избежать параллелизма. Из последующей переписки с Н. М. Лисовским (1910—1915 гг.) видно, что А. А. Шилов все же взялся за постатейное описание журналов первой четверти XIX века [1]. Дальнейшую судьбу этого начинания проследить не удалось.

Наиболее оригинальным и значительным явлением в ретроспективной библиографии журнальных статей был не совсем законченный труд Н. А. Ульянова «Указатель журнальной литературы» [2], вызвавший многочисленные и сочувственные отклики современников. Методика этой библиографии стоит на более высоком уровне, чем аналогичная работа М. К. Лемке. Автор «Указателя» задался целью облегчить литературному работнику и особенно провинциальному читателю, занимавшемуся самообразованием, использование популярных, так называемых «толстых», журналов общей и общественно-политической тематики. В первом выпуске библиографом расписано содержание «Вестника Европы», «Образования», «Русской мысли», «Русского богатства», «Современного мира» и

---

[1] ИРЛИ. Ф. 153, № 875, л. 1—2, 4—5, 7.

[2] Ульянов Н. А. Указатель журнальной литературы (Алфавитный, предметный, систематический). Вып. 1. Пятилетие 1906—1910 гг. М., «Наука», 1911 (на обл. 1912). 103 с.

«Мира божьего» за 1906—1910 годы. Во втором — содержание тех же журналов, но уже за предшествовавшее десятилетие, с 1896 по 1905 год, с добавлением статей из «Жизни», «Начала» и «Нового слова» за тот же период [1]. По образному выражению А. В. Мезьер, Н. А. Ульянов «возвратил дар живой речи» девяти журналам за старые годы, отразив в двух выпусках указателя около 8 тысяч журнальных статей [2].

В третьем, несостоявшемся, выпуске библиографии Н. А. Ульянов предполагал дать указатель содержания ряда отраслевых периодических изданий гуманитарного профиля за 1896—1910 годы, таких, как «Вопросы философии и психологии», «Право», «Научное обозрение», «Русская школа», «Вестник воспитания».

Взгляды Н. А. Ульянова на общественное значение, особенности и структуру аналитической библиографии подробно им изложены во вступительной статье «Задачи указателя журнальной литературы» (вып. 1) и получили в самой библиографии практическое применение. В этой статье, оставшейся единственной в дореволюционной методической литературе, поставлены такие существенные вопросы журнальной библиографии, как отбор материала из журналов, полнота описания комплекта издания, классификация материала применительно к задачам указателя и т. д. Это была первая попытка разработать в общих чертах методику журнальной библиографии, представив последовательно цикл всех процессов при расписывании содержания журналов.

В отборе материала Н. А. Ульянов преследовал не исчерпывающую, а практически целесообразную, «деловую» полноту. Он совершенно отказался от учета журнальной беллетристики, которую хотя слабо и непоследовательно, но все же регистрировали библиотечные каталоги. В этом отношении Н. А. Ульянов шел следом за Лемке, отразив в «Указателе журнальной литературы» статьи только научных отделов. Из числа последних он отбросил отделы рецензий как слишком громоздкие и перегруженные мелкими заметками.

---

[1] Ульянов Н. А. и Ульянова В. Н. Указатель журнальной литературы. (Алфавитный, предметный, систематический). Вып. 2. Десятилетие 1896—1905 гг. М., «Наука», 1913. 8, 215 с.

[2] Мезьер А. В. Обзор библиографической литературы за 1912—1913 г. — «Русская школа», 1914, № 2, отд. критики и библиогр., с. 10—12.

При размещении библиографических записей Н. А. Ульянов применил три ряда — алфавитный, предметный и систематический, отдавая явное предпочтение предметному, который содержал около 1500 рубрик. Библиограф считал его более важным и нужным читателю, чем самая тщательно проверенная систематизация материала. С точки зрения Н. А. Ульянова, погрешности любой схемы классификации можно выправить с помощью подобного предметного размещения библиографических записей.

В предметном указателе преобладающее место заняла социальная тематика. Под рубриками «Труд и рабочие», «Аграрный вопрос», «Государственное право, политические партии и право», «Народное образование» собрано наибольшее количество статей.

К библиографии Н. А. Ульянова хронологически примыкает «Указатель журнальной литературы», помещенный в «Библиографическом ежегоднике» И. В. Владиславлева за 1911—1914 годы. Начав в 1911 году с расписывания 24 журналов, И. В. Владиславлев довел это число до 110 в 1914 году, соответственно и количество журнальных статей выросло с 1,5 до 6,5 тысячи записей в год. За четыре года Владиславлев зарегистрировал 15 тысяч журнальных статей.

Пробелы ретроспективной журнальной библиографии только в небольшой степени восполнялись систематическими каталогами общественных и частных библиотек. Такими пособиями по библиографии содержания русских журналов, более чем за 40 лет (1862—1904), служил «Каталог журнальных статей домашней библиотеки бр. Таланцевых» [1] и за 60 лет (1850—1910) — «Систематический каталог Херсонской общественной библиотеки» с дополнениями [2].

Организованная в середине 70-х годов прошлого века с просветительной целью домашняя библиотека братьев

[1] Каталог журнальных статей домашней библиотеки бр. Таланцевых. Нижний Новгород, [1906]. [6], IV, 400 с.

[2] Систематический каталог Херсонской общественной библиотеки (1872—1896). Херсон, 1897 (на обл. 1898). XII, 348, 304, XIII—XXXXVI с.

То же. Первое дополнение 1897—1901 гг. Херсон, 1901. VIII, 282, XX с.

То же. Второе дополнение 1902—1905 гг. Херсон, 1905. VI, 404, LIV с.

То же. Третье дополнение 1 августа 1905 г. — 1 марта 1911 г. Сост. В. К. Шенфинкель. Херсон, 1911. IX, 583, 15 с.

Таланцевых была своеобразным культурным очагом в глухом углу Казанской губернии (Ядринский уезд). Ее каталог, содержавший статьи из 53 литературных и общественно-политических русских журналов, в том числе и запрещенных для чтения в общественных библиотеках («Современник», «Отечественные записки», «Дело», «Знание», «Русское слово» и другие), долгое время существовал в рукописном виде и только в период первой русской революции был напечатан. Общее число статей в каталоге превышает 20 тысяч.

Несколько иной круг журналов расписывался в «Систематическом каталоге Херсонской общественной библиотеки». В основной том каталога вошли статьи из 49 русских журналов, в последующих дополнениях это число колебалось от 35 до 60. Сведения о статьях из прогрессивных русских журналов («Отечественные записки», «Современник», «Знание», «Дело» и др.) появились лишь в третьем дополнении (1911 г.).

При большом общественном и просветительном значении каталогов частных и общественных библиотек, они не отвечали полностью необходимым библиографическим требованиям. Отражение русской журнальной литературы отличалось в них неполнотой, случайностью отбора и непоследовательностью включения материала. Незначительность тиража и местный характер каталогов не способствовали их широкому распространению, а тем самым и удовлетворению потребности в библиографическом справочнике журнальных статей.

Содержание подавляющего числа русских журналов оставалось, таким образом, почти недоступным читателям.

Среди ретроспективных аналитических библиографических пособий наиболее многочисленную группу составляли указатели к отдельным периодическим изданиям, прежде всего годовые перечни содержания того или иного журнала, которые обыкновенно печатались в конце истекшего года в самом издании; за более длительный период (5, 10, 15 и более лет) указатели статей нередко появлялись в виде отдельно изданных справочников. Такими самостоятельными библиографиями вышли указатели содержания ряда толстых общественно-политических и литературных журналов («Мир божий» 1892—1906, «Русская мысль» 1885—1908, «Русское богатство» 1893—1911, «Северные записки» 1913—1915), отраслевых («Медицин-

ское обозрение» 1874—1904, «Русский филологический вестник» 1879—1913, «Русская старина» 1897—1902, «Русский архив» 1863—1908), органов министерств («Журнал министерства народного просвещения» 1866—1910, «Журнал министерства юстиции» 1894—1914) и др.

Вместе с тем многое из подготовленного к печати так и не увидело света и осталось в архивах библиографов. Так, например, из составленных И. Ф. Масановым росписей содержания журналов и газет XIX века напечатана незначительная часть, а свыше 30 указателей к периодическим изданиям, начиная от «Литературных листков» (1823—1824) и кончая «Наблюдателем» (1898—1900), остались в рукописи [1]. Общий объем выполненной И. Ф. Масановым работы, в какой-то степени дублирующей усилия других библиографов, составлял около 100 авторских листов.

За редким исключением, методика составления указателей к отдельным журналам не отличалась особой оригинальностью и поисками новых путей. Указатели за полгода или год чаще всего были алфавитными, иногда хронологическими (в порядке выпуска номеров журналов); указатели к журналам за 5—10 и более лет — систематическими и сравнительно редко — предметными.

Из общего числа библиографических пособий этого рода выделяется тщательностью выполнения и продуманностью структуры составленный А. Д. Тороповым указатель содержания малозначительного, но популярного, «тонкого» иллюстрированного журнала «Нива». Кроме просто и удобно организованного систематического перечня статей, библиограф дал указатель рисунков и именной ключ художников и граверов [2].

Удобство предметного расположения материала в указателях содержания постепенно завоевывало признание специалистов, занимавшихся библиографическими разысканиями, но консервативная библиографическая

---

[1] Иван Филиппович Масанов. 1874—1945. М., Всесоюз. кн. палата, 1946, с. 24—25.

[2] Торопов А. Д. Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала «Нива» за XXX лет (с 1870—1899 г.), основанного и издаваемого А. Ф. Марксом. Спб., А. Ф. Маркс, 1902. [4], 38, 447 с.

Первое прибавление за пять лет (1900—1904)... Спб., 1906. 105 с. Второе прибавление за 1905—1910 гг., составленное А. Д. Тороповым, опубликовано не было.

практика пока еще слабо отвечала на возникающие потребности. «Отсутствие предметных указателей к очень многим и ценным по содержанию журналам, — констатировал профессор уголовного права Петербургского университета М. Н. Гернет, — позволяет нам сравнить такие журналы с кладами, отыскать которые очень трудно» [1].

Небольшое движение наблюдалось в развитии библиографии газетных статей. В начале века около 50 газет выходило с годовыми, реже полугодовыми, указателями содержания, которые регулярно печатались в самой газете в конце истекшего или в начале нового года [2]. Такие крупные органы, как «Правительственный вестник» 1870—1916, «Право» 1898—1916, «Русские ведомости» 1889—1905, 1908—1916, «Врачебная газета» 1901—1916 и другие, многие годы выходили чаще с годовыми систематическими указателями, реже — с алфавитными.

Заслуживают внимания первые, пока еще малоудачные, годовые предметные указатели к содержанию отдельных крупных газет широкого профиля — «Правительственному вестнику» 1908—1913 годов и «Новому времени» 1914—1915 годов. Этот тип библиографического пособия из-за больших материальных затрат, сложности выполнения и неразработанности методики в дальнейшем не получил распространения и не укрепился в русской библиографической практике.

Ретроспективная библиография газетных статей все еще находилась в начальной стадии и по-прежнему измерялась единицами указателей, хотя отдельные из них выглядели солидными справочниками, отражая содержание той или иной газеты за десятки лет («Кронштадтский вестник» 1861—1911, «Право» 1898—1908, «Русская музыкальная газета» 1894—1903, 1904—1913, «Курские губернские ведомости» 1900—1909).

Здесь также возникали замыслы, которым не суждено было осуществиться. А. С. Суворин, издатель «Нового времени», в 1901 году задумал выпустить указатель к своей газете за 25 лет ее существования. Чтобы определить

---

[1] Гернет М. Н. Библиографические указатели по вопросам уголовного права. Спб., 1913, с. 9.

[2] Тарасов М. А. Предварительный список указателей к русским газетам, выходившим до 1917 года (включительно). — Метод. материалы в помощь библиотекам, работающим над составлением библиографии второй степени. Вып. 12. Л., 1966. 86 с. (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Ротатор.

общую сумму затрат по составлению библиографии, он заказал справочному бюро Русского библиологического общества подсчитать стоимость расписывания статей «Нового времени» за один месяц. Объем работы и сумма предстоящих материальных затрат, видимо, оказались настолько внушительными, что заставили А. С. Суворина отказаться от своего намерения [1].

В итоге уровень ретроспективной библиографии газетных статей продолжал оставаться крайне низким, все взятые в совокупности указатели этого жанра раскрывали ничтожную часть содержания русских газет.

Библиография рецензий

Теорией и практикой библиографического учета журнальных рецензий много и интенсивно занимался К. Н. Дерунов (1866—1929), оставивший в этой области ряд статей, библиографические перечни и огромную неопубликованную картотеку рецензий.

В процессе многолетней работы с русскими журналами К. Н. Дерунов не мог не обратить внимания на плачевное состояние отделов критики и библиографии в периодических изданиях, при котором подавляющая масса выходивших книг не рассматривалась и не оценивалась в печати, а то, что рецензировалось, нередко было случайным. В статье «К вопросу об упорядочении журнальной библиографии» [2] К. Н. Дерунов предложил применить в рецензировании принцип разделения труда. Педагогическим, историческим, филологическим и прочим журналам, по замыслу К. Н. Дерунова, необходимо было организовать библиографическую работу по «сообща выработанному плану», таким образом, чтобы путем разграничения «сфер влияния» упорядочить рецензирование книг в различных отраслях знания. Разумное предложение библиографа осталось, однако, благим пожеланием, оно не оказало влияния на практику рецензирования и никаких изменений не принесло.

При всей, казалось бы трезвой и критической оценке сложившегося положения вещей, К. Н. Дерунов в своих

---

[1] ИРЛИ. Ф. 147, № 17, л. 33—34.

[2] Дерунов К. Н. К вопросу об упорядочении журнальной библиографии. — «Русская школа», 1909, № 11, отд. 1, с. 86—104.

теоретических построениях, касавшихся библиографии рецензий, допускал немало трудно объяснимых ошибок и не раз впадал в крайности.

На библиографию рецензий К. Н. Дерунов возлагал особые надежды, поскольку, по его мнению, она раскрывает не только внешнюю, но и внутреннюю сторону произведений печати и тем самым помогает читателю ориентироваться в выборе книг. С его точки зрения, опасность субъективизма в отборе и рекомендации материала можно парализовать, если наряду с библиографией избранной литературы будет культивироваться и библиография рецензий на специальную литературу [1].

К. Н. Дерунов противопоставлял этот вид библиографического учета количественной библиографии (исчерпывающим перечням книг), рассматривая библиографию рецензий как высшую ступень библиографической работы, как синтез качественной библиографии. При этом К. Н. Дерунов как-то забывал свои прежние наблюдения и упускал из виду, что само появление рецензий в журнале часто бывает случайным, в них не всегда рассматриваются самые ценные произведения печати, не всегда они содержат объективную оценку и нередко среди них встречаются пустые, бессодержательные заметки рекламного или описательно-информационного характера. Указатели рецензий без тщательного отбора и отсеивания малоценного материала, без критического отношения к нему скорее могут быть отнесены к «количественной», чем к «качественной» библиографии.

Против глубоко ошибочного и противоречивого деления библиографии на полезную (качественную) и бесполезную или малополезную (количественную) в свое время выступил Н. М. Лисовский, который, не касаясь парадоксальности суждений К. Н. Дерунова, показал несостоятельность и неправомерность противопоставления одного вида библиографии другому [2].

---

[1] Дерунов К. Н. К вопросу о современном положении специальной библиографии в России. Изложение доклада. — ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 80, л. 271 об. — 272; Дерунов К. Н. Русское библиографическое общество при Московском университете. — «Библиогр. известия», 1914, № 3—4, с. 307.

[2] Лисовский Н. М. О библиографии рецензий. По поводу труда К. Н. Дерунова. (Резюме доклада). — «Библиогр. известия», 1916, № 3, с. 147; Лисовский Н. М. Черновые материалы к лекции «Библиография». Автограф, л. 3—6. Хранится во Всесоюз. кн. палате. Архив науч.-метод. отдела. Фонд Н. М. Лисовского.

Из практических работ К. Н. Дерунова в области учета рецензий заслуживает внимания свод рецензий на научно-популярную литературу, опубликованный им в 1907 году в журнале «Природа в школе»[1]. Книги по механике, физике и химии сопровождались указаниями на рецензии из 27 общих и специальных журналов. Это было началом огромной работы по учету рецензий, напечатанных в русских журналах начиная с 1847 года (с журнала «Современник»). Широкую известность получил помещенный К. Н. Деруновым в «Примерном библиотечном каталоге» выборочный «Сводный указатель журнальных рецензий на книги за период 1847—1907 гг.», в котором впервые в России специально учитывались рецензии за такой длительный срок[2]. Просмотр отделов критики и библиографии 31 журнала за 60 лет дал К. Н. Дерунову свыше 10 тысяч записей. Содержание «Примерного библиотечного каталога» целиком определило отбор и размещение материала в «Сводном указателе журнальных рецензий», так как К. Н. Дерунов брал лишь рецензии на книги, включенные в каталог. Вспомогательный характер указателя рецензий, его привязанность к тексту сравнительно быстро устаревшего библиотечного каталога, до предела сокращенные библиографические описания, чрезмерно плотное и экономное их размещение — все это и в свое время и в дальнейшем мешало активному использованию и сократило жизнь ценного, практически нужного библиографического справочника.

Для «Сводного указателя журнальных рецензий» К. Н. Дерунов использовал лишь часть созданной им библиографической картотеки, над которой продолжал работать и в последующие годы.

Отбор журналов для выявления рецензий диктовался практическими и теоретическими соображениями. Для этой цели из русской периодической печати брались солидные издания, преимущественно центральные, достаточно распространенные и с прочной репутацией. За два десятилетия напряженного труда К. Н. Дерунов просмот-

---

[1] Д е р у н о в К. Н. Научно-популярная литература по естествознанию. — «Природа в школе», 1907, № 5, 6, 7.

[2] Д е р у н о в К. Н. Примерный библиотечный каталог. Избранная литература по всем отраслям знания. С прил. Сводного указателя журнальных рецензий на книги за период 1847—1907 гг. Изд. 2-е, испр. и доп. Ч. 1. Спб., 1908, с. 121—152.

То же. Ч. 2. Спб., 1911, с. 221—228.

рел в десятках библиотек свыше 300 названий русских журналов, выходивших в период с 1847 по 1928 год, и составил огромную картотеку рецензий более чем за 80 лет.

В итоге объем «Библиографии русских рецензий» к 1924 году вырос до 150—200 печатных листов [1]. В области библиографирования русских журнальных рецензий этот труд не имел себе равных, но, к сожалению, остался в картотеке [2].

Меньшего успеха, чем К. Н. Дерунов, достиг Н. А. Рубакин, который намечал поместить в своем труде «Среди книг» в качестве особого приложения указатель русских рецензий за 50 лет, с 1861 по 1910 год. В 1912 году, когда обследовались основные русские журналы, выявлялись рецензии, объем и контуры будущего указателя уже вырисовывались, издательство «Наука» ждало от Н. А. Рубакина готовой рукописи [3], но завершить учет рецензий, в силу своей загруженности, Н. А. Рубакин не успел. Второй том «Среди книг» вышел в 1913 году без намеченной библиографии. Указатель рецензий передвинули в конец третьего тома «Среди книг», работу над которым оборвала первая мировая война.

Продолжением опубликованного труда К. Н. Дерунова до некоторой степени служила библиография рецензий в «Библиографических ежегодниках» И. В. Владиславлева и в ряде периодических изданий. Владиславлев учел около 10 тысяч рецензий за 1911—1914 годы, постепенно увеличивая число просматриваемых журналов и газет с 32 названий в 1911 году до 71 названия в 1914 году.

В журнале «Библиотекарь» в течение 1910—1915 годов систематически печатался «Свод рецензий о новых русских научных и научно-популярных книгах», который ежегодно содержал около 1500 извлечений из рецензий [4]. Для этой цели просматривалось около 30 названий глав-

---

[1] Дерунов К. Н. Библиография русских рецензий (1850—1924). Орел, «Красная книга», 1924, с. 19.

[2] Хранится в архиве М. К. Деруновой.

[3] ГБЛ. Ф. 358, карт. 214, ед. хр. 54, л. 36; карт. 215, ед. хр. 1, л. 5 об. — 6, 8—8 об.; карт. 215, ед. хр. 2, л. 15 об.

[4] Свод рецензий о новых русских научных и научно-популярных книгах. — «Библиотекарь», 1910—1915. До 1915 г. в каждом номере; в 1915 г. № 2, 3—4.

Алфавитный указатель к Своду рецензий за ... год. — «Библиотекарь», 1911—1915.

нейших русских периодических изданий. Аналогичную работу вели редакции журналов «Бюллетени книжных и литературных новостей» [1], «Бюллетени литературы и жизни», «Вестник народного образования» [2], помещая краткие резюме отзывов и рецензий из журналов и газет на новые книги. Указанные журналы давали сведения о рецензиях преимущественно из общих литературных, общественно-политических и педагогических журналов.

Рецензии, публиковавшиеся в отраслевой периодической печати, крайне редко, неравномерно и случайно учитывались в некоторых библиографических ежегодниках и критических отделах отраслевых журналов.

---

[1] Отзывы о книгах. — «Бюллетени книжных и литературных новостей», 1910—1911. В каждом номере, кроме № 6.

Алфавитный указатель. — «Бюллетени книжных и литературных новостей», 1911, № 19—20, с. 542—561.

Отзывы о книгах. — «Бюллетени литературы и жизни», 1911—1918. В каждом номере, кроме 1917, № 13—14, 15—24.

Указатели к библиографической части журнала «Бюллетени литературы и жизни», 1911/1912—1915/1916.

[2] Рефераты и свод рецензий о новых книгах. — «Вестник народного образования», 1911—1916. В каждом номере.

3

БИБЛИОГРАФИЯ ЗАПРЕЩЕННЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ

Обострение политической борьбы в начале XX века вызвало усиленное развитие библиографии запрещенных изданий, прежде всего официальной.

Само понятие «запрещенная книга в России» и по своему характеру, и по содержанию не было однородным и постоянным; оно объединяло в себе несколько категорий произведений печати, распространение которых в царской России в разное время ограничивалось в разной степени.

Если из числа запрещенных изданий отбросить сравнительно небольшое количество произведений, «оскорбляющих добрые нравы и благопристойность», то есть откровенно порнографических, то оставшуюся часть составят главным образом «противоправительственные» издания, исключенные из обращения по соображениям политическим. По степени запрещения эта часть печатных произведений к концу XIX века подразделялась на две группы: 1) произведения печати безусловно запрещенные и, за исключением нескольких экземпляров, подлежащие полному уничтожению и 2) полузапрещенные, или условно запрещенные, которые физически не истреблялись, но их

распространение ограничивалось определенными рамками и определенными категориями читателей.

Первую группу составляли: а) вышедшие в свет на русском языке и языках народов России легальные издания, не разрешенные к обращению по административному распоряжению или судебному постановлению; б) нелегальные издания, напечатанные в подпольных типографиях на территории России; в) так называемая «вольная русская печать», произведения печати, выходившие на русском языке за границей и недозволенные к распространению в России; г) издания на иностранных языках, запрещенные к ввозу и распространению в России.

Во вторую группу полузапрещенных или ограниченно запрещенных изданий в свою очередь входили: а) произведения, не допущенные к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях, но свободно обращавшиеся за их пределами и не изъятые с книжного рынка; б) драматические произведения, запрещенные к постановке на сцене полностью или допущенные с изъятием отдельных мест, но разрешенные для чтения.

Главным источником сведений как для первой, так и для второй группы изданий служили официальные перечни Главного управления по делам печати: для русских книг — «Алфавитный каталог изданиям на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатыванию в России» и «Алфавитный список произведениям печати, которые <. . .> воспрещены к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях», а для иностранных — «Алфавитный список сочинениям, рассмотренным иностранной цензурой...».

Алфавитный каталог русских безусловно запрещенных изданий, вышедших в России и за границей, был впервые выпущен Главным управлением по делам печати в 1870 году, он являлся сводным списком и в дальнейшем в расширенном виде неоднократно переиздавался.

Первый «Алфавитный список произведениям печати, которые <...> воспрещены к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях» появился в 1884 году, в дополненном виде он был переиздан в 1894 и в 1903 годах[1]. Списки рассылались губернаторам для даль-

[1] Алфавитный список произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. Сост. в Глав. упр. по делам печати по 1 окт. 1903 г. Спб., 1903. 27 с.

нейшего распространения по библиотекам, департаменту полиции, охранным отделениям, полицейским и тюремным управлениям. Всякое оглашение и перепечатка списка как в отдельном виде, так и в извлечениях воспрещались «во избежание широкого рекламирования поименованных в нем изданий» [1].

Эта разновидность официального библиографического учета, порожденная политической реакцией 80-х годов, первоначально содержала около двухсот названий книг и периодических изданий, среди них немалое место занимали широко известные естественнонаучные и философские труды, русские прогрессивные общественно-политические и литературные журналы («Дело», «Отечественные записки», «Современник», «Русская мысль» и т. п.), художественная, главным образом народническая, литература. На появление первой библиографии полузапрещенных изданий отозвался находившийся в эмиграции выдающийся деятель революционного народничества С. М. Степняк-Кравчинский. По этому поводу он саркастически писал: «Список книг, изъятых из библиотек и читален, — вызвал по всей России такое изумление и смех, что не осталось места негодованию» [2].

Правительство, запрещая для публичных библиотек и общественных читален «Капитал» К. Маркса, все произведения русских революционных демократов, труды И. М. Сеченова, Т. Гексли, Г. Спенсера, Д. Милля и других ученых, тем самым пыталось влиять на формирование политических, социальных и философских взглядов читателей этих библиотек. Подобная регламентация книжного обращения полностью не остановила, но, естественно, затормозила процесс распространения книг и передовых идей и, как заметил Н. А. Рубакин, «не среди читателей вообще, а только среди тех, кто победнее» [3].

В ряде случаев репрессии способствовали повышению интереса к исключенным из библиотек книгам и вызывали быстро и с успехом расходившиеся переиздания. Н. А. Рубакин в появлении списка полузапрещенных изданий даже усматривал одну из причин оживления книжного рынка в конце XIX века, своего рода толчок для более

---

[1] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 21, 1903—1908 гг., ед. хр. 675, л. 30.
[2] Степняк-Кравчинский С. М. Россия под властью царей. М., «Мысль», 1965, с. 338.
[3] Рубакин Н. А. Опыт регламентации книжного обращения. — «Право», 1904, № 30, стлб. 1529.

ускоренного продвижения научной книги в глубинные слои читающего населения.

В 90-е годы «Алфавитный список» полузапрещенных книг значительно увеличился в объеме и несколько изменился по составу. Некоторые книги, вначале изъятые только из общественных библиотек, в дальнейшем были полностью исключены из обращения, другие не один раз помещались и выбрасывались из списка.

Таково было в общих чертах состояние официальной библиографии запрещенных изданий накануне и в первые годы XX века.

В опечатанных шкафах публичных библиотек полтора десятка лет лежали нечитанными комплекты прогрессивных журналов XIX века, русская художественная литература и публицистика, выдающиеся произведения мировой науки.

В 1903—1904 годах общественные организации, книгоиздательства, публичные библиотеки, земства, городские управы, отдельные лица усиленно добивались пересмотра списка книг, запрещенных для народных и общественных библиотек. В многочисленных обращениях и запросах, направляемых в министерство внутренних дел, библиотеки стремились показать всю несообразность и бессмысленность запрещения книг, свободно продававшихся в книжных магазинах [1].

К концу 1904 года сложилось такое положение, при котором министерство внутренних дел оказалось не в силах осуществлять постоянное наблюдение за «вредной» и «тенденциозной» литературой, несмотря на поставленные преграды, все шире распространявшейся и все настойчивее проникавшей в общественные и публичные библиотеки.

В поисках выхода из тупика министерство попыталось выдвинуть еще одно препятствие на пути книги к читателю. Комитет министров в декабре 1904 года специально рассмотрел вопрос о «политически вредных» книгах и предложил до общего пересмотра законов о печати всю сомнительную литературу направлять для отзыва в Академию наук и в ученые коллегии. Этот проект не получил

---

[1] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 21, ч. 1, 1904—1907 гг., ед. хр. 751. О пересмотре каталога книг, воспрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях, л. 2, 4, 6—8, 11, 18, 21, 25—26, 27, 33—35, 64—66.

общественной поддержки, к тому же и Академия наук категорически и определенно отклонила от себя полицейские функции надзора за чтением книг в общественных библиотеках [1].

Революционные события задержали выход очередного перечня русских безусловно запрещенных изданий, подготовленного в начале 1905 года.

Сводный «Алфавитный указатель» был уже набран, но в свет не вышел; набор, пролежав в типографии два года, в конце концов был рассыпан [2]. Оставшийся в корректуре отмененный указатель сохранил до настоящего времени интерес исторического документа.

Если не принимать во внимание количественный рост запрещений, то по своему составу «Алфавитный указатель» 1905 года мало чем отличался от предыдущих каталогов: в нем зарегистрировано почти 2000 книг, из них напечатанных в России сравнительно немного — всего 247 названий, в это же число входили и нелегальные издания. В то же время русских книг, напечатанных за границей, и зарубежных периодических изданий на русском языке в указателе числилось свыше 1700 названий. Таким образом, к началу революции 1905 года официальные списки русских запрещенных книг, так же как и в конце XIX века, заполнялись преимущественно революционными изданиями, поступавшими в Россию извне.

Установившееся соотношение отечественных и русских зарубежных запрещенных изданий, характерное для конца XIX и первых лет XX века, в дальнейшем резко меняется под влиянием освободительного движения и тех перемен, которые произошли на книжном рынке внутри России.

С введением «Временных правил» для книг и периодических изданий начался новый этап борьбы с революционной печатью. После короткого затишья, когда официально

---

[1] Извлечение из журнала Комитета министров (28 и 31 дек. 1904 г.) — «Книжный вестник», 1905, № 6, стлб. 164; Янжул И. И. Академия наук и «запрещение книг». — Там же, № 7, стлб. 193—198; О «полувредных» книгах. — Там же, № 14, стлб. 362—365.

[2] Алфавитный указатель изданий на русском языке, запрещенных к обращению и перепечатыванию в пределах империи. Сост. в Глав. упр. по делам печати, по 1 янв. 1905 г. Спб., 1905. 22, 89, 7 с. Корректурный экземпляр указателя хранится в ЦГИАЛ, см.: Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России. Архивно-библиогр. разыскания. М., Всесоюз. кн. палата, 1962, с. 4.

не действовали прежние запретительные каталоги, в Петербурге был поспешно подготовлен, выпущен и разослан всем петербургским книжным магазинам «Список книг и брошюр, подлежащих аресту», в который, за исключением двух-трех названий, сплошь вошла политическая литература, изданная с начала 1905 по 15 октября 1906 года [1]. В официальной библиографии это был первый отклик царизма на деятельность более чем 50 новых издательств, возникших в разгар революции, первые итоги искоренения революционной «крамолы».

Беспорядочно, даже хаотически, составленный, в большинстве случаев не указывающий необходимых опознавательных данных, часто приблизительно называющий ту или иную брошюру или листовку, «Список» отразил панику и беспомощность, царившую в комитетах по делам печати, и отсутствие сколько-нибудь организованного учета арестованных изданий в первое время после опубликования «Временных правил». Многое из запрещенного вошло в список без указания издательств. Эта примитивная библиография, учитывавшая 167 названий книг, брошюр и листовок революционных лет, служила практическим руководством при изъятии книг из библиотек, книжных магазинов и складов. По характеру запрещенной литературы «Список» существенно отличался от прежних запретительных каталогов: во-первых, он состоял исключительно из отечественных изданий, во-вторых, в нем преобладала массовая политическая брошюра, связанная с событиями последнего времени, и, в-третьих, в нем впервые присутствовали легальные и нелегальные большевистские издания, в частности работы В. И. Ленина («Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Доклад об Объединительном съезде РСДРП», «Роспуск Думы и задачи пролетариата»).

На основе «Списка» 1906 года Главное управление по делам печати подготовило и выпустило в начале 1907 года «Алфавитный указатель книгам и брошюрам, арест на которые утвержден судебными установлениями». Этот указатель учитывал на 31 декабря 1906 года свыше 200 названий арестованных политических брошюр. В отличие от «Списка» 1906 года «Алфавитный указатель» был более организованным и библиографически более грамотным.

---

[1] Список книг и брошюр, подлежащих аресту. Составлено по 15 октября 1906 г. Спб., [Спб. ком. по делам печати], 1906. 14 с.

Рост репрессий и соответственно запрещенной литературы вскоре привел к переизданию в дополненном виде «Алфавитного указателя», в который все шире входили книги таких издательств, как «Колокол» Е. Мягкова, «Молот», М. Малых, т-во «Знание», «Донская речь», «Пролетариат», «Наша мысль» и т. п.[1] Обилие административных и судебных взысканий, направленных против периодической печати, вызвало появление в конце 1911 года специфического для послереволюционных лет библиографического справочника — сводного «Алфавитного указателя номерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями[2]. В нем учтено около 600 периодических изданий, выходивших в России с конца 1905 по 1911 год на русском и других языках.

С 1912 по 15 апреля 1914 года списки арестованных номеров повременных изданий помещались вместе со списками запрещенных книг и брошюр в одном сводном алфавитном указателе и в квартальных дополнениях к нему; каждое его новое издание выпускалось взамен предыдущего[3]. Объединение в одном списке сведений о кни-

---

[1] Алфавитный указатель книгам и брошюрам, арест на которые утвержден судебными установлениями. Сост. Глав. упр. по делам печати по 31 дек. 1906 г. [Спб., 1907]. 20 с.

То же... по 31 марта 1907 г. [Спб., 1907]. 38 с.

То же... по 1 янв. 1908 г. (Взамен изданного Глав. упр. по делам печати такого же указателя с доп. к нему). [Спб.], 1908. 66 с. С тремя вып. Дополнений... за янв.—сент. 1908 г. [Спб.], 1908. 15, 12, 8 с.

То же... по 1 янв. 1909 г. ...[Спб.]. 1909. 104 с. С тремя вып. Дополнений... за янв.—сент. 1909 г. [Спб., 1909]. 11, 12, 11 с.

То же... по 1 янв. 1910 г. ...[Спб.], 1910. 134 с. С тремя вып. Дополнений... за янв.—сент. 1910 г. [Спб., 1910]. 8, 11, 10 с.

То же... по 1 янв. 1911 г. ...[Спб.], 1911. 155 с. С тремя вып. Дополнений... за янв.—сент. 1911. [Спб., 1911]. 10, 10, 13 с.

[2] Алфавитный указатель номерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями. (Сост. за время с 24 ноября 1905 по 1-е октября 1911 г.). Спб., [Глав. упр. по делам печати], 1911. 34 с.

[3] Алфавитный указатель книгам и брошюрам, а также номерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1 янв. 1912 г. ...Спб., 1912. 223 с. С тремя вып. Дополнений... за янв.—сент. 1912. [Спб., 1912]. 21, 15, 20 с.

То же... по 1 янв. 1913 г... [Спб.], 1913. 274 с.

То же. Изд. 2-е. [Спб.], 1914. 274 с. С тремя вып. Дополнений... за янв.—дек. 1913 г. и с 1-го янв. по 15 апр. 1914 г. [Спб., 1913—1914]. 24, 58, 26 с.

Дополнение 1-е (янв.—март 1913) вышло в 2-х изд. (1913—1914).

То же по 15-е апреля 1914 года. [Пг.], 1915 (на обл. 1916). 127 с.

гах и периодических изданиях вызвано, с одной стороны, практической целесообразностью, с другой стороны, возможно, настойчивыми просьбами библиотекарей [1].

Указатель, выходивший тиражом 4—6 тысяч экземпляров, рассылался как официальный справочник всем учреждениям и должностным лицам, наблюдавшим за изданием и распространением произведений печати. Просьбу библиотек — рассылать им «Алфавитный указатель» и «Книжную летопись» бесплатно — Главное управление по делам печати не удовлетворило.

Общее число запрещенных книг, брошюр и листовок на русском и других языках с ноября 1905 по апрель 1914 года составляет в последнем сводном «Алфавитном указателе» ориентировочно около 3000 названий и соответственно свыше 900 преследуемых периодических изданий. Число же отдельных журнальных и газетных номеров, подвергавшихся полному или частичному уничтожению, достигало нескольких тысяч единиц.

Тяжелое положение периодической печати после революции 1905 года с особой рельефностью выступает при сравнении приведенных цифр с официальной статистикой административных взысканий за предшествующее десятилетие. По справке Главного управления по делам печати, за 1895—1904 годы были временно приостановлены — 53 издания и полностью прекращены — 10, то есть в среднем в год закрывался один периодический орган [2].

Что касается содержания «Алфавитных указателей» (1907—1915), то они, так же как и «Список» 1906 года, наполнялись исключительно текущей и преимущественно общественно-политической литературой, среди которой преобладали книги, брошюры и периодические издания 1905—1906 годов. В списке репрессированных периодических изданий журналы и газеты 1905—1906 годов к концу 1911 года составляли 75%, в дальнейшие годы их доля среди запрещенной повременной печати снижается, но изъятие отдельных номеров и отдельных органов все еще продолжалось. В центре внимания находились произведе-

---

[1] Б. Ч. Обзор работ II секции Съезда. (Общественные и народные библиотеки). — «Библиотекарь», 1911, вып. 3, с. 324.

[2] Список повременных изданий, находившихся под действием наложенных на них, на основании ст. ст. 144, 154, 155, 156 и 178 Уст. о ценз. и печ., административных взысканий, с 1895 по 1905 гг. Справка. (Сост. в Глав. упр. по делам печати). [Спб., 1905]. 15 с.

ния печати, знакомящие читателей с историей революции, положением рабочего класса, профсоюзным движением, всеобщей политической забастовкой, крестьянскими войнами и т. д. По мере наступления на демократическую печать, библиография запрещенных изданий все более и более наполнялась марксистской литературой, изданной во время первой русской революции: в «Алфавитном указателе» росло число произведений Маркса, Энгельса, Ленина. Так, в конце 1913 года были запрещены произведения К. Маркса «Буржуазия и пролетариат» (Одесса, 1905), Ф. Энгельса «О России» (Спб., 1906), В. И. Ленина «Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати» (Спб., 1906) и др. Постепенно расширялся и круг преследуемых книг; в списках арестованных изданий вновь появляются имена Белинского, Герцена, Писарева, Шевченко, Л. Толстого, произведения которых после отмены запретительных каталогов на короткое время были доступны читателям и появились на полках общественных библиотек и читален.

Кроме изданий Москвы и Петербурга, в указатели попадают книги и брошюры, напечатанные в Баку, Кишиневе, Нижнем Новгороде, Одессе, Пензе и других городах; особенно активно преследуются издания Одессы.

Чиновниками местных комитетов по делам печати составлялись библиографические справочники для служебных целей. Такие справочники вышли в Одессе [1], в Баку [2], в Москве [3], в Петербурге [4], в Киеве [5]. Источниками сведе-

---

[1] Плаксин С. И. Список произведениям печати, изъятым из обращения и временно конфискованным. За время с 1 окт. 1903 г. по 15 авг. 1906 г. Одесса, 1906. 16 л.

[2] Богословский Е. А. Бакинская печать после 17 октября 1905 г. (по 1 июля 1907 г.). Библиогр. этюд с 5-ю табл. и 2-мя алфавит. указателями. Баку, 1907, 28 с.

То же... [в 1907—1909 гг.]. Баку, 1908—1909.

[3] Справочный указатель книг и журналов, арестованных с 17 октября по 1 января 1909 г. Под ред. П. И. Бернова. М., И. Д. Сытин, 1909. 160 с.

[4] Указатель книгам, брошюрам, арест на которые утвержден судебными установлениями по январь 1911 г. — В кн.: Вальденберг Д. В. Справочная книга о печати всей России. Спб., 1911, с. 259—327.

[5] Никольский А. А. Полный справочный указатель книг, брошюр, газет и журналов, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1-е января 1912 г. Киев, 1912. 155 с.; Никольский А. А. Дополнение к справочному указателю <...> за время с 1 янв. 1912 по 1 янв. 1913 г. Киев, изд. автора, 1913. 37 с.

ний для этих полуофициальных указателей служили официальная библиография, циркуляры Главного управления по делам печати, телеграммы министра внутренних дел, постановления генерал-губернатора о запрещении, аресте, изъятии из розничной продажи произведений печати, о закрытии навсегда, конфискации и приостановлении периодических изданий. Чаще всего местные указатели регистрировали все виды запрещенных изданий, вплоть до конфетных оберток, тем самым создавая довольно полную картину преследования печатного слова в отдельных городах.

Наиболее оперативную информацию о задержанных изданиях давали «Ведомости Спб. градоначальства», в которых, начиная с января 1907 и кончая декабрем 1916 года, печатались списки запрещенных изданий. Списки появлялись в газете нерегулярно, следить за ними было трудно, особенно в далекой провинции.

Более успешно эту задачу решала «Книжная летопись», программа которой специально предусматривала своевременную публикацию правительственных распоряжений, касавшихся изъятия из продажи и обращения тех или иных произведений печати, наложения, снятия и утверждения судебными органами ареста на книги, журналы и газеты [1].

Сведения о запрещенных изданиях в «Книжной летописи» были полнее и детальнее, чем в ежегодно выходившем «Алфавитном указателе». В последнем, как уже говорилось, до 1911 года не регистрировались полностью приостановленные периодические издания и арестованные номера отдельных газет и журналов, из книг учитывались лишь те, арест на которые был утвержден судом. Кроме того, «Книжная летопись», в отличие от указателя, сообщала, какая судебная палата, где и когда утвердила арест издания. И хотя все эти сведения были разбросаны в сотнях отдельных номеров летописи на протяжении десяти лет (с июля 1907 по февраль 1917 г.), они в совокупности

---

[1] До № 5 1909 г. списки запрещенных изданий специального заглавия не имели, они начинались словами: «Из числа книг, помещенных в «Книжной летописи», изъяты из продажи...». С № 5 списки назывались — «Правительственные распоряжения», с № 15 1914 г. — «Алфавитный перечень запрещенных изданий», с 1917 г. — «Перечень запрещенных изданий». Последний список, датированный 25 февраля 1917 г., опубликован в № 8 «Книжной летописи» за 1917 г.

создают более отчетливое представление о преследовании печати в предреволюционное десятилетие.

На страницах «Книжной летописи» можно встретить также единичную попытку ретроспективного учета запрещенных изданий: в 1908 году в ней появился список журналов и газет, навсегда приостановленных в 1906—1907 годах [1].

С прекращением выхода отдельных выпусков «Алфавитного указателя» регистрация в «Книжной летописи» становится с 1914 года основным официальным источником сведений о запрещенных изданиях [2].

С наступлением реакции, когда в стране жестоко подавлялось революционное движение, шли массовые аресты и тюрьмы были переполнены политическими заключенными, официальная библиография полузапрещенных изданий снова ожила. В этих условиях она воскресла прежде всего для тюремных библиотек.

Чтение в политической тюрьме играло огромную роль в общем и политическом самообразовании. В этом отношении прав Л. М. Клейнборт, отметивший в «Очерках рабочей интеллигенции», что будущий историк рабочего читателя отведет тюрьме и ссылке не менее места, чем рабочим и домашним библиотекам [3]. В обязанности прокурорского надзора того времени входил осмотр получаемых политическими заключенными книг, что было трудно осуществить при обилии общественно-политической, философской и естественнонаучной литературы, вышедшей в 1905 году и в последующие годы. У тюремной администрации возникали практические затруднения при определении запрещенных и дозволенных к чтению книг, поэтому от прокуроров судебных палат и тюремных управлений в Главное управление по делам печати в годы реакции

---

[1] Судебные приговоры по делам печати. — «Книжная летопись», 1908, № 29, с. 21—22.

[2] За 1914—1915 гг. отдельные оттиски из «Книжной летописи», сброшюрованные вместе со «Сводным годовым указателем», вышли как самостоятельные выпуски:

Алфавитный перечень запрещенных изданий. (Добавление к общему каталогу запрещенных изданий). За 1914 г. Пг., 1915. 104, 15 с.

То же... за 1915 г. Пг., 1916. 102, 10 с.

Сводные годовые указатели к «Алфавитным перечням запрещенных изданий» выходили также и отдельными оттисками.

[3] Клейнборт Л. М. Очерки рабочей интеллигенции. Т. 1. (1905—1916). Пг., «Начатки знаний», 1923, с. 57.

поступало множество запросов о каталогах книг, разрешенных для чтения арестованным по политическим делам [1]. В связи с этим заметно усилился спрос на последний, изданный в 1903 году «Алфавитный список произведений печати, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях». Хотя по своему содержанию список безнадежно устарел, совершенно не соответствовал новой политической обстановке и не мог задержать проникновение потока революционной литературы в каторжные централы и губернские тюрьмы [2], в 1908 году он без каких-либо изменений был перепечатан в «Тюремном вестнике» [3].

Вслед за списком книг, регламентирующим чтение политических заключенных, начинает развертываться деятельность по ограничению книжного состава общественных и народных библиотек. Секретный циркуляр Главного управления по делам печати (от 4 февраля 1913 г. за № 1990) предписывал комитетам и инспекторам по делам печати собрать подробные сведения о всех книгах, брошюрах и периодических изданиях, задержанных и арестованных на местах. Готовился «список таких произведений печати, которые, хотя и не поддаются инкриминированию на почве уголовных законов, тем не менее, по содержанию своему являются крайне тенденциозными и вредными...» [4].

В результате в 1914 году появляется новый «Алфавитный список произведений печати», запрещенных для публичных библиотек и общественных читален, который на этот раз не содержал ни одного названия из прежних запретительных указателей для публичных библиотек, ни одной книги, изданной ранее 1905 года. Это был, по сравнению с последним перечнем запрещенных изданий 1903

---

[1] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 21, ед. хр. 675, 1903—1908 гг. 657 л.

[2] Гамбург И. К. Так это было... М., Политиздат, 1965, с. 55, 59—60.

[3] Алфавитный указатель книг, не разрешаемых для чтения арестантам. Сост. по 1 апр. 1908 г. Спб., 1908. 32 с. (Прил. к № 11 журн. «Тюремный вестник» за 1908 г.).

На вложенном в книгу листке напечатано: «Настоящий указатель, составленный по данным Главного управления по делам печати, не обнимает собою и, следовательно, не исчерпывает всех сочинений, которые вообще могут быть воспрещены к обращению среди арестантов по усмотрению тюремного начальства».

[4] ЦГА Москвы. Ф. 31, оп. 3, 1913 г., ед. хр. 2143, л. 6.

года, целиком обновленный, в два с половиной раза выросший и по составу заметно изменившийся список[1].

После первой русской революции борьба с научной и философской книгой, неотвратимо проникавшей в общественные библиотеки, стала бессмысленной. Сотни тысяч экземпляров естественнонаучных книг беспрепятственно находили своего читателя.

«Пошла в народ» такая ранее запрещаемая книга, как «Мировые загадки» Э. Геккеля. «Популярная книжечка,— писал о ней В. И. Ленин, — сделалась орудием классовой борьбы»[2].

Комитеты по делам печати все усилия сосредоточили на преследовании публицистики и общественно-политической литературы, предназначенной для народных масс. Главную опасность для читателей публичных библиотек и общественных читален министерство внутренних дел теперь уже усматривало не в произведениях русских революционных демократов и не в народнической литературе, а в изданиях 1905—1907 годов (особенно 1905 г.), которые занимали более половины списка 1914 года. Остальную его часть заполняла общественно-политическая и художественная литература 1908—1914 годов. Если говорить о преобладающей тематике списка, то наибольшее внимание в нем явно уделялось книгам и брошюрам о социализме.

При всей пестроте политических направлений, нашедших отражение в недозволенной литературе этих лет, в списке отчетливо выделялась группа марксистских изданий 1905—1907 годов (произведения Маркса, Энгельса, Бебеля, Лафарга, Меринга, Люксембург). Здесь были книги большевистских издательств или близких к ним, или в какой-то степени занимавшихся выпуском социал-демократической литературы («Вперед», «Утро», «Пролетариат», «Колокол» Е. Д. Мягкова, «Знание», издательство С. Скирмунта, «Просвещение» и др.).

Из художественной литературы на первом месте среди изъятых книг стояли произведения Л. Н. Толстого (17 названий).

---

[1] Алфавитный список произведений печати, запрещенных г. министром внутренних дел к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях на основании примечания 1-го к ст. 175 Устава о цензуре и печати <...> Спб., 1914. 64 с.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18, с. 370.

Просматривая «Алфавитный список» 1914 года, можно легко проследить, какое место в начале века среди недопущенных изданий заняла адресованная массовому читателю рекомендательная библиография и насколько изменилось к ней отношение правительства. За весь XIX век в публичные библиотеки не допускался всего лишь один библиографический указатель («Книга о книгах» под редакцией И. И. Янжула), и тот был рассчитан на читателя-интеллигента, тогда как в списке 1914 года среди задержанных изданий 9 рекомендательных библиографий, предназначенных городскому рабочему и деревенскому читателю. Фактически запрещенных библиографий было больше, так как несколько указателей вошло в список арестованных изданий.

При всей, казалось бы, налаженности и видимой организованности, ведомственная регистрация русских запрещенных изданий полных и точных сведений не давала. «Алфавитные указатели» не содержали сведений о тиражах арестованных книг и периодических изданий, во многих случаях в них отсутствовали указания на даты выхода и издательства, объем книги и т. д. Главное же заключалось в том, что официального учета всех направленных против печати мероприятий не существовало; число конфискованных изданий фактически оказывалось больше того, что зарегистрировали официальные списки; в них учитывались только случаи утвержденного судом ареста книг и периодических изданий. Таким образом, все конфискации по распоряжениям чинов надзора за печатью, в дальнейшем не утвержденные судом, полностью выпадали из учета. Но, располагая даже неполными и преуменьшенными данными о размерах репрессий в годы реакции, все же можно смело утверждать, что за один лишь 1908 год на печать было наложено взысканий больше, чем за весь XIX век.

Для получения полной картины преследования произведений печати за 1901—1917 годы необходимо учитывать все иные источники сведений, дополняющие официальные справочники: общие и библиографические журналы, различного рода указатели, каталоги специальных библиотек.

В этом отношении интересен «Систематический каталог библиотеки С.-Петербургского губернского жандармского управления», почти исключительно состоявший из революционной литературы конца XIX — начала XX

века[1]. В фондах библиотеки хранилось много первоклассных редкостей из числа конфискованных и уничтоженных царским правительством изданий. Каталог этой неуцелевшей библиотеки, составленный жандармским полковником Энгбрехтом в узко служебных целях, включал около 4000 названий книг, брошюр, листовок и периодических изданий, отпечатанных в России и за границей типографским способом и в отдельных случаях на гектографе[2].

Регулярность и своевременность информации библиотек о запрещенных изданиях приобрела, особенно в годы реакции, немалое значение. Не случайно на Первом всероссийском съезде по библиотечному делу (1911 г.) было заслушано несколько докладов по этому вопросу (В. В. Южакова, И. Д. Езерского, Е. Ф. Проскуряковой) и возбуждено ходатайство перед Главным управлением по делам печати о бесплатной доставке библиотекам периодических полных сводок всех без исключения арестованных и изъятых по суду изданий[3].

В библиотечный и книготорговый мир сведения о запрещенных произведениях печати проникали через журналы «Книжная летопись», «Книжный вестник» и другие общие и специальные библиографические органы. С 1911 года в журналах «Библиотекарь» и «Вестник народного просвещения» систематически публиковались списки конфискованных, арестованных и окончательно запрещенных изданий.

Официальная библиография запрещенных изданий преследовала единственную цель — парализовать распространение противоправительственной литературы и в конечном счете способствовать ее полному уничтожению. Но рядом с охранительным существовало и другое направление, по своим задачам и целям противоположное правительственной регистрации. Библиографией запрещен-

---

[1] Энгбрехт [В. Э.] Систематический каталог библиотеки С.-Петербургского губернского жандармского управления. Спб., 1911. 312 с.

[2] Предусмотрительно оставленные в каждом разделе каталога чистые пронумерованные страницы в дальнейшем заполнялись новыми записями от руки по мере поступления литературы в библиотеку. Всего в экземпляр ГПБ дополнительно внесено около 400 названий, изданных за 1906—1912 гг.

[3] Езерский И. Д. Урегулирование осведомления библиотек об изданиях, подлежащих изъятию из обращения. — «Труды Первого всероссийского съезда по библиотечному делу». Спб., 1912, с. 222—224.

ных изданий занимались журналисты, общественные деятели, известные библиографы и библиофилы. Они руководствовались обычно научно-библиографическими или пропагандистскими целями, стремлением сохранить для истории сведения о нелегальных изданиях, вольной печати, легально изданных, но запрещенных и уничтоженных книгах и журналах. Вначале эти сведения могли появляться лишь в зарубежной печати [1] и только спустя некоторое время — в России [2].

Список М. К. Лемке «Уничтожение произведений печати за 1872—1904 гг.», составленный на основании материалов Н. М. Лисовского, П. А. Ефремова и некоторых секретных сведений, для своего времени был наиболее полной библиографией, хотя и страдал пробелами и неточностью описания [3].

В историко-революционном журнале «Былое» была предпринята попытка дать библиографию нелегальной и конспиративно распространенной печати. В 1907 году В. Л. Бурцев, основатель и соредактор «Былого», в качестве приложения к журналу предполагал выпустить «Опыт библиографии свободной русской прессы», печатание которого оборвалось в самом начале, возможно, в связи с приостановлением журнала и отъездом В. Л. Бурцева из России [4]. Судя по сохранившемуся корректурному оттиску первого печатного листа «Опыта», библиография должна была широко представить отдельно вышедшие и периодические издания, напечатанные на русском языке за границей и в тайных русских типографиях.

---

1 Библиография. — «Былое» (Лондон), 1903, № 3, стр. 203—209; Материалы по новейшей истории русской цензуры. Книги, рассмотренные Комитетом министров с 1872 по 1891 год. Запретительные циркуляры по бесцензурным изданиям в 1901 и 1902 гг. — «Освобождение» (Штутгарт), 1903, кн. 1, с. 185—211.

2 Богучарский В. [В. Я. Яковлев]. Из прошлого русского общества. Спб., 1904, с. 401—406. Список книг, уничтоженных с 1872 по 1902 г., перепечатан из статьи В. Богучарского «Цензурные взыскания» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 75).

3 Лемке М. К. Уничтожение произведений печати за 1872—1904 годы. — «Вестник права», 1905, кн. 4, с. 119—134; тот же список с дополнениями и исправлениями под названием «Сожженные и сваренные книги» напечатан в журн. «Книга и революция», 1920, № 5, с. 73—76; 1921, № 7, с. 78—81.

4 Бурцев В. Л. Опыт библиографии свободной русской прессы. (А — Биография). Спб., 1907. 16 с. (Прил. к журн. «Былое»). Корректура. Издание не закончено. Хранится в Гос. б-ке СССР им.

Вторая попытка — публикация секретных документов департамента полиции о деятельности тайных типографий — также связана с именем В. Л. Бурцева. В его парижском сборнике по истории революционного освободительного движения «Былое» в 1909 году появилась «Историческая записка о ходе тайного печатания в России», в которой хронологически, по мере возникновения типографий, перечислены подпольные издания [1]. Часть народовольческих листков, программ, брошюр, указанных в записке, входила ранее в «Алфавитный каталог» запрещенных изданий Главного управления по делам печати (1894, 1899).

В отличие от исследователей истории русского освободительного движения, таких известных русских библиографов, как Б. С. Боднарский, К. Н. Дерунов, Н. А. Рубакин, И. В. Владиславлев, привлекала в библиографии запрещенных изданий прежде всего современная арестованная и конфискованная книга.

Наиболее крупная работа в этой области, специально посвященная арестованным изданиям, принадлежала Б. С. Боднарскому, для которого официальный учет и регистрация конфискованных и арестованных произведений печати на страницах периодических изданий послужили основой при составлении «Справочного указателя книг и журналов, арестованных с 17 октября 1905 года» [2]. Библиография Б. С. Боднарского, охватившая около 3 тысяч названий книг, брошюр, листовок, воззваний, периодических изданий и приложений к ним, арестованных с конца 1905 по 1 января 1910 года, имела много преимуществ по сравнению с другими библиографиями тех лет. Табличное

В. И. Ленина, Отд. рукописей, Архив Н. А. Рубакина. Там же хранится составленный В. Л. Бурцевым и дополненный Н. А. Рубакиным алфавитный рукописный «Каталог книг, изданных за пределами России в 1857—1909 гг.», в котором собраны сведения об изданиях, вышедших на русском языке в Германии, Англии, Франции, Швейцарии, Италии, Японии и других странах.

[1] Историческая записка о ходе тайного печатания в России. 1861—1881 гг. (Из секретных документов деп. полиции). Сообщил Иванов. — «Былое» (Париж), 1909, № 11—12, с. 173—179.

[2] [Боднарский Б. С.]. Справочный указатель книг и журналов, арестованных с 17-го октября 1905 года. Вып. 1. По 1-е мая 1908 г. М., «Основа», [1908]. 104 с.

То же. Вып. 2. С 1 мая 1908 г. по 1 января 1909 г. [1909]. 23 с.

То же. Вып. 3. С 1 января по 1 мая 1909 г. [1909]. 11 с.

То же. Вып. 4. С 1 мая 1909 по 1 января 1910 г. 1910. 12 с. На тит. л. вып. 4 сост.: Б. Б-ий.

расположение сведений о действующих и отмененных арестах (полицейских, цензурных и судебных) и обильные примечания почти к каждому запрещенному названию давали наглядное представление о характере преследования того или иного издания. Удобная и необычная по форме библиография Б. С. Боднарского могла ответить на разнообразные вопросы: где была арестована книга, какова причина привлечения ее к суду, сумма штрафа, время наложения и отмены ареста, если книга не была полностью изъята, то какие именно страницы в ней уничтожались и т. д.

Из отпечатанного первого выпуска «Справочного указателя» было вырезано предисловие составителя, характеризующее тяжелое положение, в котором находилась русская печать с конца 1905 года.

Издавая на протяжении трех лет «Справочный указатель» (1908—1910), Б. С. Боднарский преследовал чисто практическую цель: он стремился помочь книгопродавцам, издателям, библиотекарям и другим лицам своевременной информацией о всех распоряжениях в области распространения произведений печати. Эта библиография и сейчас не утратила справочного значения: она стала ценным источником сведений по истории преследования прогрессивной русской печати в годы реакции.

Были случаи, когда указатели конфискованной и арестованной литературы сами подвергались аресту и соответствующими циркулярами исключались из библиотек и книжных магазинов. Так случилось с вышедшей в Сызрани библиографией Е. И. Аркадьева «Запрещенная литература» [1], хотя при ее составлении использовались опубликованные в печати официальные сведения.

По распоряжению Казанского временного комитета по делам печати отдельное издание «Запрещенной литературы» и «Библиографический листок» (1912, № 1—6), где она первоначально печаталась, в июле 1912 года были арестованы, а автор книги, он же и редактор журнала, привлечен к судебной ответственности [2]. Основанием для ареста послужил эпиграф к «Запрещенной литературе» — стихотворение О. Чюминой «Свободное слово, бессмертное слово...». В сочетании стихотворных строк о свободном

---

[1] Аркадьев Е. И. Запрещенная литература. Книги, брошюры, газеты и журналы, арестованные в 1911 г. Сызрань, 1912. 38 с.

[2] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 21, ед. хр. 198, 1912 г. 7 л.

слове со списком книг, изъятых главным образом из-за революционности содержания, был усмотрен вызов и «враждебное отношение к правительству и его учреждениям, наблюдающим за преступным и вредным направлением печатных произведений...» [1]. Особенное беспокойство вызвали портреты К. Маркса, А. Бебеля и К. Каутского, демонстративно помещенные Аркадьевым среди списков запрещенной литературы. Однако предъявленное Е. И. Аркадьеву обвинение, основанное скорее на эмоциях инспектора, чем на статьях закона, выглядело настолько натянутым, что прокурору Симбирской судебной палаты пришлось в декабре 1912 года уголовное преследование прекратить и арест с книги снять.

В библиографии Е. И. Аркадьева зарегистрировано около 700 изданий, арестованных комитетами по делам печати или полицией в 1911 году, среди них произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, А. Бебеля, П. Лафарга, В. Либкнехта. Художественная литература представлена такими именами, как Л. Толстой, Т. Шевченко, М. Горький, А. Серафимович. Библиография Е. И. Аркадьева оказалась полезным справочником по запрещенной общественно-политической книге, народным изданиям, рабочей печати, провинциальной прессе. Особенно разнообразно и многоаспектно отражена в нем литература по социализму, арестованная за год. Возможность использования библиографии Е. И. Аркадьева как источника для комплектования имел в виду один из рецензентов «Запрещенной литературы», когда писал: «В частности для библиотек по социализму, это был бы очень недурной указатель...» [2].

Конфискованные издания вызывали большой интерес, поэтому включение их в рекомендательные библиографические указатели служило своего рода сигналом особой ценности книги и привлекало к последней внимание читателя и библиотекаря. С этой целью К. Н. Дерунов во второй части второго издания «Примерного библиотечного каталога» поместил «Списки книг, изъятых из обращения» [3], а Н. А. Рубакин в тексте библиографии «Среди

[1] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 21, ед. хр. 198, 1912 г., л. 2 об.

[2] Зернов С. — «Заветы», 1913, № 3, отд. 2, с. 229.

[3] К. Н. Дерунов, кроме «Списка книг, изъятых из обращения», поместил в разделах каталога, среди прочей литературы, еще около 100 названий запрещенных книг. См.: Кирпичева И. К. К. Н. Дерунов. 1866—1929. Очерк жизни и деятельности. М., Всесоюз. кн. палата, 1963, с. 30—31.

книг» широко отразил конфискованные и уничтоженные издания. К сожалению, библиограф не смог выполнить в полном объеме первоначально намеченный им план — дать во втором томе «Среди книг», кроме отметок о конфискации, которым он придавал большое значение, исчерпывающий список запрещенных изданий. Интерес к собиранию и учету преследуемых произведений печати Н. А. Рубакин, однако, сохранил на долгие годы [1].

Пропагандой запрещенных произведений печати занимался и И. В. Владиславлев, помещая в «Библиографическом ежегоднике» за 1911—1914 годы «Указатель конфискованных изданий» [2], составленный на основании официальных данных, опубликованных Главным управлением по делам печати. В этот указатель включались названия книг, брошюр и журналов, полностью или частично изъятых, арест на которые утвержден в прошедшем году судом. Хотя И. В. Владиславлев не учитывал всех административных и судебных кар, наложенных на печать, в частности не регистрировал временную конфискацию книг, закрытие многих органов рабочей печати, преследование украинской прессы, тем не менее при всей неполноте сведений его указатели все же давали представление о характере и основном направлении борьбы с печатным словом накануне и в первый год мировой войны.

Вслед за политической брошюрой агитационного характера аресты постепенно распространялись и на более солидные по объему книги. О том, какое направление окончательно приняла борьба с печатью и какая именно литература особенно преследовалась, можно сказать словами И. В. Владиславлева: «Это не столько борьба с ясно выраженными революционными изданиями, сколько борьба с социал-демократической литературой по преимуществу, с социализмом вообще, часто совершенно безотноси-

---

[1] По фондам собственной библиотеки в Лозанне Н. А. Рубакин в 1922—1946 гг. составил «Список книг редких, запрещенных, уничтоженных или искалеченных царской цензурой», оставшийся в рукописи. В этом списке, который хранится в Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, учтены главным образом издания XIX в.

[2] Библиографический ежегодник. Под ред. И. В. Владиславлева. Систематический указатель литературы за 1911 год. М., «Наука», 1912, с. 175—182.

То же... за 1912 год. 1913, с. 277—286.

То же ... за 1913 год. 1914, с. 325—340.

То же ... за 1914 год. 1915, с. 298—304.

тельно к тому, в каких формах этот последний в том или ином издании получает выражение — в формах ли агитационного характера или в форме научного и теоретического трактования вопроса» [1].

В рецензии, помещенной в большевистской газете «Путь правды», учет и рекомендация конфискованных изданий рассматривались как бесспорное достоинство ежегодников И. В. Владиславлева [2].

Библиография запрещенных изданий представляет ценнейший источник для всех изучающих политическую и культурную историю страны, историю книги, журналистики и книгоиздательского дела дореволюционной России.

Известно, что В. И. Ленин горячо одобрял собирание нелегальной литературы в Библиотеке Академии наук и сам высылал в ее адрес нелегальные издания в 1905 году и позднее [3]. В фонд вольной русской печати, хранящейся в Публичной библиотеке, также поступила книжная посылка из Женевы от В. И. Ленина [4].

В разговоре с В. Д. Бонч-Бруевичем в 1907 году В. И. Ленин наметил программу собирания нелегальной прессы — подпольной и зарубежной, имеющей отношение к истории революционного движения, литературы, критики, публицистики и особенно истории большевистской партии [5]. Включение в библиографию зарубежных и конфискованных изданий заслужило его одобрительную оценку в рецензии на второй том «Среди книг» Н. А. Рубакина. И более поздние свидетельства говорят о постоянном внимании В. И. Ленина к истории русской запрещенной и нелегальной книги конца XIX и начала XX века.

В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях пишет: «...уже в Петрограде после Октябрьской революции, а потом в Москве Владимир Ильич мне однажды говорил, что совершенно необходимо начать переиздание нашими научными организациями всей нелегальной литературы

---

[1] Библиографический ежегодник. Под ред. И. В. Владиславлева. Систематический указатель литературы за 1912 год. М., «Наука», 1913, с. 278.

[2] «Путь Правды», 1914, № 78, 6 мая, с. 3. Подпись Р. Р.

[3] Кац Н. И. В. И. Ленин — читатель Библиотеки Академии наук. — «Вопросы истории КПСС», 1963, № 8, с. 89—90.

[4] История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963, с. 144.

[5] Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. В 3-х т. Т. 2. М., Изд. Акад. наук, 1961, с. 455.

прежних времен, с расшифровкой имен и событий, со всевозможными комментариями для того, чтобы влить в нашу общую литературу подробное знакомство со всем тем, что сделали предыдущие поколения за рубежом, в рамках свободной и вольной русской прессы в Западной Европе, а также в подполье — в тайных типографиях в России» [1].

Говоря об учете произведений печати, В. И. Ленин имел в виду такие периодические издания как «Искра», «Социал-демократ», все издания группы «Освобождение труда», «Вперед», «Пролетарий», «Звезда», «Правда», прокламации социал-демократического направления, выпущенные за границей и в подпольных типографиях России, старую народовольческую литературу. Для этого, как вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин считал, что «должен быть выработан план, изучена вся литература и уже изданные библиографические указатели, а если их нет, то нужно их составить» [2].

---

[1] Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. В 3-х т. Т. 2. М., 1961, с. 316.
[2] Там же.

4 РЕКОМЕНДАТЕЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Резкое изменение книжного рынка под влиянием первой русской революции (1905—1907 гг.) определило решающий перелом в развитии рекомендательной библиографии. Лишь с появлением потока демократической, революционной книги и множества периодических изданий, с насыщением книжного рынка политической брошюрой и листовкой, литературой по социализму и рабочему движению, дешевой «идейной» беллетристикой стало возможным издание общедоступных библиографических указателей.

Рекомендательная библиография эпохи первой русской революции в массе своей отличалась актуальностью тематики и оперативностью. В эти годы активно возникали новые и разнообразные формы библиографических изданий, пропагандирующих преимущественно популярную общественно-политическую литературу. Библиографические списки, листки, краткие указатели, получившие в годы революции широкое распространение, вскоре бесследно исчезали, что объяснялось, с одной стороны, их малой формой и активностью использования, с другой

стороны — преследованиями реакции. Многие из библиографических пособий в годы реакции подверглись конфискации и уничтожению. Можно с уверенностью сказать, что в списки запрещенных изданий ни в один из периодов истории русской библиографии не попадало столько библиографических указателей, сколько их попало после революции 1905 года.

Либерально-буржуазная библиография

С ростом революционного движения претерпевает существенные изменения либерально-буржуазная рекомендательная библиография, она постепенно становится консервативной и утрачивает свое влияние на массы. В этом отношении показательна та эволюция, которая происходит с некоторыми библиографическими изданиями, возникшими еще в 80-х и 90-х годах прошлого столетия и продолжавшими свою жизнь в новом веке («московские» и «петербургские» программы чтения, «Что читать народу?»).

«Московские» и «петербургские» программы чтения

В системе рекомендательных пособий, преследующих цели самообразования и предназначенных читателям различной степени подготовки, особое место заняли программы чтения, возникшие еще в последнем десятилетии прошлого века.

Почти одновременно в середине 90-х годов начали действовать две крупные культурно-просветительные общественные организации, поставившие себе целью оказание систематической помощи занимающимся самообразованием: в Москве — Комиссия по организации домашнего чтения при учебном отделе Общества распространения технических знаний [1], в Петербурге — особый отдел для содействия самообразованию в Комитете Педагогического музея военно-учебных заведений. Как московская комиссия, так и особый отдел Педагогического музея объединяли крупные научные силы, главным образом

[1] Комиссия по организации домашнего чтения основана 8 апреля 1893 г. Существовала до 1917 г.

либеральную профессуру Москвы и Петербурга. Обе организации выпускали программы чтения, получившие названия «московских» и «петербургских».

Московские программы, выходившие с конца 1894 [1] по 1914 год, соответствовали курсу высшей школы и были рассчитаны в основном на лиц, имевших среднее образование или обладавших навыками чтения серьезной научно-популярной литературы. Авторы программ строили их таким образом, чтобы читатели, часто провинциальные, имели возможность заочно пройти университетский курс.

В состав Комиссии по организации домашнего чтения в разное время входили около 300 ученых, среди которых были: Д. Н. Анучин, В. И. Вернадский, Алексей Н. Веселовский, Д. Д. Карпинский, А. А. Кизеветтер, И. Х. Озеров, Д. М. Петрушевский, М. Н. Покровский, С. Ф. Фортунатов, Ф. Ф. Эрисман и другие.

Программы московской комиссии разбивались на четыре года обучения, каждый из которых включал семь основных отделов: науки математические, физико-химические, биологические, философские, общественно-юридические, историю и историю литературы. Годичный выпуск состоял из перечня необходимых пособий по той или иной научной дисциплине, дополнительно рекомендованной литературы, подробно разработанных методических указаний, проверочных вопросов и тем для письменных работ. Кроме крупных разделов знания, программы включали и отдельные частные вопросы математики, химии философии, политической экономии и т. д. Из списков литературы по частным вопросам в дальнейшем выросли «эпизодические программы».

Московские программы выдержали от 2 (4-й год обучения) до 8 изданий (1-й год обучения). За первые десять лет вышло в свет 95 тысяч экземпляров программ, которые использовались в основном педагогами начальных городских и сельских школ, рабочими, крестьянами, мелкими служащими, военными и учащимися.

Нетрудно заметить постепенное снижение интереса занимавшихся к последующим выпускам программ и уменьшение спроса на них. В значительной степени такое положение определялось сложностью заочного обучения и трудностью рекомендуемого материала. С другой сто-

---

[1] Впервые «московские» программы были опубликованы в виде приложения в журнале «Книговедение» за 1894 г.

роны, содержание программ, особенно по общественно-юридическим наукам, не выдерживало многих требований. Раздел общественно-юридических наук был лишен политической остроты, а исключение из него в годы реакции «изъятой из обращения» литературы еще в большей степени обеднило и обесценило программы.

Сложность выпускаемых программ и вместе с тем огромная тяга к знанию лиц, имевших подготовку в объеме всего лишь низшей школы, привели к некоторым реформам издательской деятельности комиссии. Начиная с 1907 года разрабатываются программы нового типа, облегченные, соответствующие курсу среднего образования и составляющие как бы звено между начальной школой и университетом. Через три года один из разделов облегченных программ был закончен и опубликован[1]. К 1907 году относится и возникновение «Критического обозрения», библиографического журнала, основная цель которого — «поднять на уровень истинной научности дело оценки текущей литературы»; на его страницах комиссия помещала отдельные программы чтения для занимавшихся самообразованием.

Постепенно подверглись изменению и программы чтения по курсу высшей школы. С целью большей их компактности и удешевления они начинают выпускаться не по годам обучения, а по определенным дисциплинам, собирая в одном выпуске весь 4-годичный курс определенной группы наук. В 1906 году вышел «Сборник программ для чтения по вопросам государственного строя», а начиная с 1913 года программы по отдельным наукам окончательно вытеснили универсальные выпуски по годам обучения[2].

По организации материала и по составу рекомендуемой литературы московские программы для высшей школы постепенно становились более доступными. По некоторым дисциплинам в них наряду с обширными списками

---

[1] Программы домашнего чтения. Курс среднего образования. Отд. 1. Философия. Математика. Естествознание. М., 1910. VIII, 92 с. (Комиссия по организации домашнего чтения, сост. при учеб. отд. О-ва распространения технич. знаний).

[2] Программы для самообразования. (Курс высшей школы). Науки общественно-юридические. Наука о народном хозяйстве. Статистика. Правоведение. М., 1913. XX, 264 с. (Комиссия по организации домашнего чтения...).

То же... Высшая математика и науки физико-химические. М., 1914. VIII, 161 с.

начинают рекомендоваться и более облегченные и упрощенные варианты; проявляется бо́льшая гибкость как в рекомендации литературы, так и в предложенной методике занятий.

Кроме универсальных программ чтения по курсу высшей и средней школы, комиссия выпускала также эпизодические программы в двух сериях, состоявших из отдельных планов занятий по определенному вопросу или по разделу какой-либо отрасли знания. Эпизодические программы были дальнейшим шагом в сторону демократизации знания. Гибкие по форме и подвижные по содержанию, они постоянно освежались подбором новых тем и новой литературы. К составлению эпизодических программ привлекались известные ученые (А. К. Дживелегов, П. С. Коган, Д. М. Петрушевский, А. А. Флеров и другие). Всего в две серии вошло 20 программ. Первая серия выдержала два издания.

По составу и содержанию рекомендуемой литературы «московские» программы не были равноценными. Списки книг по математическим и биологическим дисциплинам составлялись крупнейшими деятелями русской науки и отражали последние достижения в этих разделах знания, тогда как программы по общественным дисциплинам, в основном разработанные буржуазными учеными, становились от издания к изданию реакционнее. Составителем программы по «Социальным теориям в XIX в.» в последнем издании (1913 г.) выступил С. Н. Булгаков, представитель религиозно-мистического направления в русской философии. Вопросы правоведения в соответствующей программе рассматривались с позиций октябристов.

«Программами домашнего чтения» в свое время заинтересовался В. И. Ленин, который в конце 1897 года в письме к родным просил прислать ему в с. Шушенское один из выпусков этого издания (на 3-й год систематического курса). Но ознакомившись с полученной программой, В. И. Ленин утратил к ней интерес [1].

Петербургские «Программы чтения для самообразования» впервые были опубликованы в 1895 году в 8-м томе «Исторического обозрения», в том же году они вышли отдельным изданием. Так начал свою деятельность Отдел для содействия самообразованию при Комитете Педагогического музея военно-учебных заведений в Петербурге (в

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55, с. 58, 60.

помещении Соляного городка), возникший по инициативе петербургских профессоров и общественных деятелей. Кроме издания программ, отдел занимался организацией публичных лекций, подготовкой сборников статей и трудов в помощь самообразованию. Первоначально он объединял 17 человек, в число которых входили Н. И. Кареев, В. И. Семевский, Н. А. Рубакин, И. П. Павлов, И. В. Мушкетов, С. А. Венгеров; вскоре коллектив работавших над программами вырос до 40 человек. Душою этого начинания был секретарь отдела, популярный среди революционно настроенного студенчества историк В. И. Семевский, который взял на себя всю переписку с читателями и составление программ по русской истории [1].

«Петербургские» программы с 1895 по 1911 год выдержали шесть изданий, их разошлось свыше 100 тысяч экземпляров, работа над седьмым изданием прервалась в годы первой мировой войны. Текст «петербургских» программ, так же как и «московских», постоянно дополнялся и изменялся. Менялся и работавший над программами коллектив, хотя отдельные его участники занимались составлением программ на протяжении многих лет. Так, автором программ по анатомии и физиологии человека во всех изданиях оставался выдающийся русский ученый, впоследствии академик И. П. Павлов.

По своему содержанию и назначению «петербургские» программы отличались от «московских». Петербургские деятели занялись составлением энциклопедической программы, стремясь помочь своим читателям в усвоении основных данных и главнейших выводов современного научного знания.

Отдел для содействия самообразованию оказывал помощь лицам, не столько стремившимся получить систематическое университетское образование, сколько заинтересованным в выработке определенного философского, нравственного, научного и общественного мировоззрения.

Общая энциклопедическая программа начиналась с основных вопросов философии, затем строилась, если не считать некоторых отступлений, по системе О. Конта: научные дисциплины следовали в порядке убывающей общности и возрастающей сложности тех явлений, которыми

---

[1] Программа по русской истории, составленная В. И. Семевским, существовала и до организации отдела, она распространялась среди студенчества в рукописном виде.

они занимались. Вначале для изучения предлагался ряд наук о неорганической природе, затем об органической, и наконец следовали науки, занимавшиеся общественными явлениями. В каждом разделе указывался порядок изучения и давалась литература с краткими аннотациями. Методические указания занимали сравнительно небольшое место и играли меньшую роль, чем в московских программах. Здесь занимавшимся предоставлялась бóльшая самостоятельность.

Одновременно с энциклопедической программой в тех же сборниках помещались специальные программы по отдельным наукам, число которых постепенно выросло с 2 до 24. Они предназначались для более обстоятельного знакомства с научными дисциплинами.

В программы по естественным наукам в первую очередь включалась литература, способствующая выработке общего мировоззрения. С этой целью рекомендовались труды Н. Г. Чернышевского. К. А. Тимирязева. И. М. Сеченова, А. М. Бутлерова, Д. И. Менделеева, Д. Н. Анучина, А. П. Карпинского, Ч. Дарвина, Т. Гексли, Г. Гельмгольца и других крупных представителей отечественной и зарубежной науки.

Но естественные науки занимали в программах сравнительно небольшое место, на первый план в них выдвигались науки гуманитарные, из которых особое предпочтение отдавалось истории. В составлении программ по истории и общественным наукам принимали участие Н. И. Кареев (социология, философия истории, всеобщая история), В. И. Мякотин. В. И Семевский. позднее П. Н. Милюков (русская история), Н. А. Карышев, В. Г. Яроцкий, позднее В. П. Воронцов (политическая экономия) и другие видные представители либерально-буржуазной и либерально-народнической историографии, социологии, права, статистики и политической экономии.

Политическая принадлежность составителей (многие из них определились в годы первой русской революции как кадеты) ощутимо сказалась на содержании и идеологическом направлении рекомендуемой литературы в программах для чтения. Особенно ясно это проступало в разделах общественных наук, где враждебное отношение к марксизму возрастало по мере обострения классовой борьбы в стране и развития революционного движения. Неприязнь к марксизму проявлялась в скудном отборе марксистской литературы, в характере ее размещения и, с

предельной откровенностью, в методических советах занимающимся самообразованием.

В основной энциклопедической программе отсутствовал «Капитал» К. Маркса, он рекомендовался лишь в дополнительной специальной программе. «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина приводилось тоже только в специальной программе, «как типичная своего рода работа». Это исследование давалось «для характеристики одностороннего освещения и разрешения вопроса о роли капитализма в русском земледелии, и в России вообще» [1]. В противовес работе В. И. Ленина «особенно рекомендовались» статьи и книги В. М. Чернова, А. В. Пешехонова, С. Н. Булгакова и других идейных противников и злейших врагов марксизма. Произведения философа-мистика, сменовеховца С. Н. Булгакова поданы в программах как «более объективные и научные»; работа же Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» сопровождалась критической статьей Н. К. Михайловского.

В начальный период своего существования «московские» и «петербургские» программы сыграли заметную роль в организации и развитии самообразования. Особой популярностью пользовались «московские» программы, которые способствовали распространению университетских знаний в сравнительно широких кругах средней интеллигенции, до некоторой степени определяли и формировали чтение молодежи средних учебных заведений [2]. Отдельные выпуски программ нередко выписывались для коллективного использования в кружках самообразования.

В 1901 году А. М. Горький мечтал создать в Нижнем Новгороде библиотеку для самообразования, составленную по московским «программам для домашнего чтения» [3]. Такого рода библиотеки уже возникали в провинции, рекомендованная программами литература приобреталась в складчину и использовалась коллективно [4].

---

[1] Программа чтения для самообразования. Изд. 6-е, вновь переработ. Спб., 1911, с. 193.

[2] Левин К. Что читает и чем интересуется учащаяся молодежь. — «Мир божий», 1903, № 11, с. 191.

[3] Архив А. М. Горького. Т. 4. Письма к К. П. Пятницкому. М., Гослитиздат, 1954, с. 26.

[4] Труды Первого всероссийского съезда по библиотечному делу. Спб., 1912, с. 427.

Советский историк, академик Н. М. Дружинин в годы студенчества (1904, 1906—1910) широко пользовался «московскими программами», которые очень помогли его самостоятельным занятиям и до и во время университетского курса [1].

Видный деятель советского государства, старый большевик Н. А. Семашко в своих воспоминаниях тоже с признательностью говорит о той роли, которую сыграли программы в его политическом самообразовании. Царская тюрьма для молодого революционера Семашко превратилась в 1896 году в заочный университет, когда ему удалось получить в руки «Программы домашнего чтения». «Я изучил, — вспоминал он много лет спустя, — рекомендуемую литературу по политической экономии, истории, полностью по экономической географии, литературе, философии...» [2]. Проверочные вопросы и методические указания по отдельным темам программы способствовали более углубленному усвоению прочитанного. «Конечно, — отмечал Н. А. Семашко, — все вопросы освещались с либерально-буржуазной точки зрения, но мы ценили главным образом детальность проработки темы, оставляя за собой соответствующие политические выводы. А эта проработка была действительно детальна» [3].

Крупный русский библиограф Н. В. Здобнов своими разносторонними знаниями в известной степени обязан «Программам для самообразования», которые в юности (1904—1906 гг.) легли в основу его самостоятельных занятий.

«Московские» и «петербургские» программы чтения, даже в пору своей наибольшей популярности и распространенности, отвечали на запросы сравнительно небольшой группы населения и растущую потребность в более упрощенной системе самообразования не удовлетворяли. Н. А. Рубакин, много занимавшийся организацией самообразования, вынужден был признать, что и те и другие программы «лежат над головою фабрично-заводского люда», для которого они трудны и недоступны.

---

[1] Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М., «Наука», 1967, с. 19—20.

[2] Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., Гослитиздат, 1960, с. 26.

[3] Семашко Н. А. Клочки воспоминаний. (От зари революции до ее рассвета). М., «Молодая гвардия», 1930, с. 18.

«Что читать народу?»

После 17-летнего перерыва, в 1906 году, вышел третий и последний том «Что читать народу?», завершивший многолетний труд учительниц Харьковской воскресной школы [1]. Три тома «Что читать народу?» (1884—1906) объемом около 2500 страниц печатного текста содержали критический обзор более чем 4000 книг для народного и детского чтения.

Организатор и редактор этого труда — Христина Даниловна Алчевская (1841—1920) приобрела широкую известность еще в 70—80-х годах XIX века своею деятельностью в области народного просвещения [2]. Писательница и издательница книг для народа, пропагандист женского образования, Х. Д. Алчевская в 1870 году открыла в Харькове воскресную школу и на протяжении полувека занималась обучением грамоте трудового населения города и деревни. Учебные занятия она сочетала с широкой постановкой внеклассного чтения, систематически проводимого среди слушателей деревенских и городских школ и среди крестьян преимущественно южнорусских губерний.

Указатель «Что читать народу?» отразил огромный многолетний опыт работы с книгой среди взрослых и детей, продолжительные наблюдения над восприятием прочитанного. Придавая особое значение непосредственным впечатлениям и оценкам слушателей, составители библиографии «Что читать народу?» ввели в свой труд отзывы присутствующих на чтении, записанные почти со стенографической точностью. Эти записи, ценные сами по себе как документ, придали указателю особый колорит. Деятельность Алчевской и кружка учительниц вызвала одобрение Г. И. Успенского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко и других деятелей русской культуры. Первый том «Что читать народу?» (1884 г.) получил много положительных отзывов в прогрессивных журналах и газетах и вскоре вышел вторым изданием (1888 г.). Таким же успехом пользовался и второй том (1889 г.).

---

[1] Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. Сост. учительницами Харьковской частной женской воскресной школы. С предисл. Х. Д. Алчевской. Спб.—М., 1884—1906. 3 т.

[2] О жизни и деятельности Х. Д. Алчевской см.: Фридьева Н. Я. Жизнь для просвещения народа. (О деятельности Х. Д. Алчевской). М., Всесоюз. кн. палата, 1963. 100 с. (Деятели книги).

В 80-х годах выход двух томов «Что читать народу?» воспринимался как новое и свежее явление в библиографии народной литературы. Указатель служил не только практическим руководством при выборе книг для чтения, в нем впервые широко использовались для оценки книг мнения и суждения самих читателей из народа. Появление этого труда вызвало широкое общественное движение, направленное на создание народных библиотек, организацию и проведение внеклассного чтения среди детей и взрослого трудового населения. Новый и своеобразный метод исследования психологии читательского восприятия, разработанный Х. Д. Алчевской и примененный в широких масштабах ее учениками и последователями, дал толчок к более глубокому изучению народной литературы, к сбору сведений о том, что и как читает народ, в чем он в первую очередь нуждается [1].

Третий том «Что читать народу?», законченный и вышедший в свет в период первой русской революции, встретил совсем иное отношение, чем первые два. Педагогическая и библиотечная общественность отнеслась к его появлению равнодушно. Он вызвал небольшое число рецензий, тон которых отличался сдержанностью и сухостью.

Составители указателя не учли тех огромных изменений, которые произошли под влиянием революционных событий в общественных настроениях, читательской среде и в самой литературе для народа, значительно расширившейся и обогащенной во всех разделах, в особенности в области общественно-политических наук. Законченный в декабре 1905 года третий том указателя в основном охватывал литературу за 1890—1903 годы, в него вошли лишь единичные названия за 1904 год и вовсе не отразились издания 1905 года. Библиография изобиловала растянутыми, назидательными, тяжеловесными изданиями, выпущенными для «читателя-простолюдина» фирмами А. Д. Ступина, М. В. Клюкина, И. Ф. Жиркова, Н. С. Аскарха-

---

[1] Н. А. Рубакин, по собственному признанию, использовал метод Х. Д. Алчевской при собирании отзывов от читателей из народа, см.: «Среди книг». Изд. 2-е. Т. 1. М., 1911, с. 166. Опыт харьковских учительниц в какой-то мере повторил в другом объеме и на другом материале сельский учитель А. М. Топоров. Он, начиная с 1912 г., проводил чтение произведений художественной литературы в крестьянской аудитории. Записи читательских отзывов, своеобразные образцы народной критики 20-х гг., собраны им в книге: Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М.— Л., ГИЗ, 1930. 284 с., выдержавшей три издания.

новой и другими. Из книг новых, прогрессивных издательств вошло немногое и не всегда лучшее.

Общественно-политическая литература в третьем томе «Что читать народу?» была представлена несравненно слабее и хуже, чем в первых изданиях «Домашних библиотек» А. В. Панова; в нем отсутствовали книги по истории освободительной борьбы, политической экономии, аграрному и рабочему вопросам; в ничтожном числе имелись книги по русской и всеобщей истории. Естественно-научный отдел уступал указателю А. И. Лебедева «Детская и народная литература», критическим обзорам в сборниках «Общее дело» и многим другим работам. Даже детская книга получила в нем недостаточное отражение.

Таким образом, уже в момент своего появления в свет третий том «Что читать народу?» отставал от своего времени и был воспринят, естественно, как безнадежно устаревший, интересный лишь своей методикой узкому кругу специалистов-библиографов. Но и в методическом отношении третий том был менее интересен, чем два предыдущих, не говоря о популярных, проникнутых демократическими тенденциями указателях А. И. Лебедева, А. В. Панова и других, сказавших новое слово в рекомендательной библиографии. Труд харьковских учительниц много потерял от неясности принципов отбора книг для чтения и формального размещения художественной литературы по издательским фирмам; он проигрывал от растянутых аннотаций и особенно от резкого сокращения наиболее ценного материала — отзывов самих читателей и слушателей.

В некоторых рецензиях явно и откровенно прозвучало осуждение указателя, в котором «ото всего пахнет елеем и ладаном» [1]. Исключением явился лишь положительный отзыв, помещенный в официозе синода, в журнале «Народное образование» [2]. Рецензент «с чувством особого внутреннего удовольствия и признательности» отметил наличие в библиографии духовно-нравственного отдела, составленного при участии священников-законоучителей. Вероятно, рецензент был не менее удовлетворен и другими отделами указателя, в значительной мере насыщенными книгами духовно-нравственного содержания. Особая «признательность» объяснялась главным образом тем, что из многих указателей того времени, даже далеких от рево-

---

[1] «Русская мысль», 1906, № 1, отд. библиогр., с. 321—323.

[2] «Народное образование», 1907, № 4, с. 596—602. Подпись: П-ий.

люционных настроений и по существу благонамеренных, постепенно исчезали отделы духовной литературы («Народная литература» Киевского общества грамотности, вып. 1—3, 1903—1906; «Толковый указатель книг для чтения» Московского столичного попечительства о народной трезвости, вып. 1—2, 1904—1907), что, конечно, не могло не тревожить синод. С этой точки зрения труд харьковских учительниц вполне соответствовал всем требованиям официальной педагогики, озабоченной организацией детского и народного чтения в духе православной церкви.

Либерально-буржуазный характер библиографии харьковских учительниц впервые был выявлен революционно-демократической критикой XIX века, в частности Н. В. Шелгуновым в его «Очерках русской жизни». В 1890 году, в связи с присуждением «Что читать народу?» золотой медали на Парижской выставке, Н. В. Шелгунов посвятил этому труду большую статью, в которой проанализировал морально-общественную сущность деятельности Х. Д. Алчевской и ее кружка. Он остановился на неверном и по своему существу фальшивом отношении к народу, свойственном либеральной буржуазии и проявившимся в работе Х. Д. Алчевской и харьковских учительниц. Народ рассматривался ими лишь как объект для наблюдения и культурного воздействия. Просветительская деятельность Алчевской брала начало в буржуазной благотворительности, а при таком сословно ограниченном отношении народ выступал, по справедливому замечанию Н. В. Шелгунова, лишь как «масса, мускульная сила, которою нужно управлять и руководить, сохраняя всегда по отношению к ней главенство и верховенство» [1].

Одна из слабых сторон деятельности харьковских учительниц заключалась в том, что попытка проникнуть в психологию рабочего и крестьянского читателя, выявить его ощущения, чувства и думы с помощью народной литературы проводилась без ясно поставленной общественной задачи. По лукавому замечанию одного из слушателей, отзывы о книгах, собранные в рабочей и крестьянской аудитории, скорее всего интересны «тим панам, що дывляться на нас, як на дыкарей!» [2].

Алчевская принадлежала к числу тех «сторонников

---

[1] Шелгунов Н. В. Соч. Изд. 3-е. Т. 3. Спб., О. Н. Попова, [1904], стлб. 1027.
[2] Что читать народу? Т. 3. М, 1906, с. 201.

легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия»[1], которые страшились революционного движения и всячески сторонились «политики». Естественно, в новых исторических условиях покровительственно барское отношение к народу, при котором взрослый читатель приравнивался к ребенку, свойственная составителям библиографии политическая светобоязнь, отказ от пропаганды наиболее прогрессивной литературы, печать робости и страха не могли завоевать библиографии «Что читать народу?» популярности и признания. В годы революции, когда в народные библиотеки хлынула революционно-демократическая литература, адресованные рабочему и крестьянину рекомендательные списки расходились во многих изданиях и в больших количествах, заключительный том «Что читать народу?» представлял уже реакционное явление, тормозившее развитие политического и общественного сознания народных масс.

То, что в свое время было угадано Н. В. Шелгуновым в деятельности Алчевской, но не всеми тогда в достаточной степени понято, стало очевидным и ясным с появлением третьего тома труда харьковских учительниц. Некогда известный и прославленный указатель вскоре был прочно забыт и через десять лет после выхода завершающего третьего тома вспоминался только немногими специалистами[2].

А. В. Панов (1865—1903)

Александр Васильевич Панов, по определению А. М. Горького, был «одним из тех людей, которые всю жизнь свою, все силы затратили скромно и бесшумно на то, чтоб подготовить социально-геологический переворот в России»[3].

В 90-х годах прошлого века А. В. Панов активно сотрудничал во многих провинциальных и столичных периодических изданиях. В ряде южных русских газет он вел библиографию народной литературы. Но главным делом его жизни была помощь занимающимся самообразовани-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7., с. 343.
[2] Суходеев И. Забытые книги. — «Народный учитель», 1916, № 15—16, с. 3—4.
[3] Горький А. М. Литературные портреты. Предисл. К. И. Чуковского. М., «Молодая гвардия», 1967, с. 312.

ем, изучение постановки самообразования в России и практическое участие в его организации. Популярность А. В. Панова особенно окрепла с появлением и распространением его библиографического указателя «Домашние библиотеки», который служил малоподготовленному читателю программой чтения и руководством для самообразования.

За участие в нелегальном студенческом кружке А. В. Панов был исключен из Казанской духовной академии и в 1892 году выслан в Нижний Новгород под гласный надзор полиции [1]. Там он заведовал лучшей библиотекой города, книжным собранием демократического Всесословного клуба [2], в работе которого деятельное участие принимал А. М. Горький.

Очевидно, в Нижнем Новгороде, не ранее, А. В. Панов познакомился с А. М. Горьким, произведения которого нашли в нем горячего поклонника и пропагандиста, А. М. Горький в свою очередь уважал и очень ценил А. В. Панова и не раз оказывал ему помощь. Спустя много лет после знакомства с А. В. Пановым, А. М. Горький написал о нем воспоминания (1924 г.), в которых обрисовал его подвижником просвещения, аскетом, фанатически преданным книге, влюбленным в нее. Создавая литературный портрет давно ушедшего из жизни рыцаря книги, А. М. Горький особо выделил сочетание в Панове «страстной нетерпимости пророка» с «удивительной нежностью к молодежи и вообще к людям» [3]. Сама же народническая позиция А. В. Панова вызывала в А. М. Горьком критическое отношение. Он видел в А. В. Панове «хранителя заветов», одного из тех «романтиков и фанатиков народничества», которых «бесполезно убеждать <...> в том, что теоретическое оружие их притупилось, заржавело, к бою не пригодно, хотя и оглушает» [4].

---

[1] Подробнее о жизни и деятельности А. В. Панова см.: Фарбер Л. М. А. В. Панов. — В кн.: Писатели-нижегородцы. (Забытые имена). Критико-биогр. очерки. Горький, Кн. изд., 1960, с. 133—154, 157; Машкова М. В. А. В. Панов. (Из истории русской рекомендательной библиографии начала XX в.). — «Труды» (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), 1962, т. X(13), с. 141—152.

[2] В заведовании библиотекой Всесословного клуба Панова в 1898 г. сменил известный библиограф К. Н. Дерунов, преемником которого в дальнейшем стала большевичка О. И. Чачина.

[3] Горький А. М. Литературные портреты, с 313.

[4] Горький А. М. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 30. М., 1956, с. 313—314.

В Нижнем А. В. Панов быстро приобрел большую популярность среди молодежи, которой он отдавал много времени, руководя чтением отдельных лиц и кружков. За эту деятельность в 1897 году Панов высылается в административном порядке в Самару, где успевает так же быстро, как и в Нижнем, установить прочные связи с местной молодежью. За Самарой последовала ссылка в Саратов. Получив после десяти лет ссылки право свободного передвижения, А. В. Панов вернулся в сентябре 1902 года в Нижний, где продолжал оставаться под надзором полиции, на этот раз негласным. Последний год своей жизни он работал в «Книжном музее» (книжный магазин при демократической газете «Нижегородский листок»), организованном с просветительской целью в 1902 году по инициативе А. М. Горького и группы нижегородских общественных деятелей.

В начале 1903 года в секретном донесении департаменту полиции охранное отделение сообщало, что А. В. Панов, известный среди нижегородских революционеров под кличкой «Жан», вел в «Книжном музее» подписку на нелегальные революционные издания и в этой работе тесно соприкасался с Я. М. Свердловым, в то время уже активным членом нижегородской социал-демократической организации. В донесении А. В. Панов фигурировал как автор «тенденциозного списка» «Домашние библиотеки» [1].

Впервые библиография А. В. Панова была опубликована на страницах двух поволжских газет. В апреле 1902 года в «Саратовском дневнике» появился его «Опыт составления каталога лучших изданий для народа» [2], продолжение которого напечатано в «Нижегородском листке» в октябре того же года под названием «Домашние библиотеки» [3]. Все отдельные издания каталога выходили под этим последним названием.

Этот указатель, вскоре занявший прочное место в русской рекомендательной библиографии, по праву можно поставить в один ряд со знаменитыми «одесским» и «челябинским» каталогами. А по распространенности среди

---

[1] Фарбер Л. М. А. М. Горький в Нижнем Новгороде. 1896—1903. Очерк жизни и творчества. Горький, Кн. изд., 1957, с. 122—123.

[2] Панов А. В. Опыт составления каталога лучших изданий для народа. — «Саратовский дневник», 1902, № 82, 11 апр.; № 85, 21 апр.

[3] Панов А. В. Домашние библиотеки. — «Нижегородский листок», 1902, № 287, 19 окт.; № 289, 21 окт.

читателей «Домашние библиотеки» оставили позади нелегально изданные каталоги 80-х годов.

Отдавая должное «челябинскому» и «одесскому» каталогам и оценивая их как указатели, построенные «весьма полно, толково, по строго выдержанной системе», А. В. Панов вместе с тем приходит к твердому убеждению, что «большой пользы почти никому они не принесли», так как были адресованы только студенчеству, «аристократии интеллигенции» и содержали много материала, недоступного провинциальному читателю. Задача А. В. Панова была иной: он задумал составить руководство для многомиллионной массы крестьян, фабричных рабочих и близко стоявшей к народу провинциальной интеллигенции.

Появление библиографии А. В. Панова повлекло за собой усиление политического надзора за деятельностью ее автора. С огромным трудом ему удалось добиться отдельного издания «Домашних библиотек», которое вышло в Нижнем Новгороде 24 декабря 1902 года, спустя два месяца после газетных публикаций. Это была несколько дополненная перепечатка списков из «Саратовского дневника» и «Нижегородского листка» [1]. Нижегородский цензор, пропустивший книгу А. В. Панова, впоследствии вспоминал об этом «с чувством стыда за свою оплошность». Объясняя Главному управлению по делам печати свой промах, он вынужден был доложить (29 января 1904 г.), что автор не представил ему корректуру и, кроме того, весь тираж книги был выпущен из типографии до подписания выпускного билета [2]. По сведениям Главного управления по делам печати нижегородское издание «Домашних библиотек» вышло тиражом 1050 экземпляров [3], в действительности оно было отпечатано в количестве 10 186 экземпляров [4].

Библиография А. В. Панова появилась в свет при явном участии и одобрении А. М. Горького, который, придавая большое значение «Домашним библиотекам» и предвидя опасность, грозившую книге, принимал меры к сохранению тиража издания. В письме к К. П. Пятницко-

---

[1] Панов А. В. Домашние библиотеки. Опыт составления предметного указателя книг для домашнего чтения. Н.-Новгород, 1902 (на обл. 1903). 71 с.

[2] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 21, ч. 1, ед. хр. 726, 1904, л. 5—6.

[3] Там же, л. 1.

[4] ГБЛ. Ф. 358, карт. 261, ед. хр. 34. Письма А. В. Панова Н. А. Рубакину. 9 л.

Домашнія библіотеки.

Опытъ составленія предметнаго указателя книгъ для домашняго чтенія.

А. В. Пановъ.

„Въ наши великіе, трудные дни
Книги не шутка: укажутъ они
Все недостойное, грубое, злое“...
Н. А. Некрасовъ.

Нижній-Новгородъ.
Типографія Н. И. Менделѣева.
1902.

му от середины декабря 1902 года А. М. Горький писал: «Посоветуйте Гусеву — хозяину «Книжного музея», — где устроить склад изданного в Нижнем каталога домашних библиотек? Нужно эту книжку рассеять в публике раньше, чем начальство соберется изъять ее из продажи» [1]. Через месяц Горький вновь возвращается к тому же вопросу: «Вам на склад пришлют еще 2000 «Домашних библиотек» Панова. Пожалуйста, примите. Объявлений о продаже — не надо. Книга эта, наверное, будет конфискована, и во что бы то ни стало нужно — сколько возможно — сохранить ее» [2].

Тираж нижегородского издания «Домашних библиотек» разошелся в несколько месяцев. Один только книжный магазин «Труд» распространил свыше 4000 экземпля-

[1] Архив А. М. Горького. Т. 4. Письма к К. П. Пятницкому. М., Гослитиздат, 1954, с. 105.
[2] Там же, с. 116.

ров указателя. Заказы многих провинциальных книжных магазинов остались неудовлетворенными, и явно требовалось новое издание. А. В. Панов просил Н. А. Рубакина послать рукопись «Домашних библиотек» одновременно в несколько городов (Ригу, Дерпт, Петербург и другие)[1], в надежде где-нибудь выпустить второе издание[2]. Не прошло и года, как в Саратове вышло второе, дополненное и переработанное издание «Домашних библиотек», тиражом 15 тысяч экземпляров, разошедшееся также необычайно быстро[3]. В саратовское издание удалось включить ряд книг, вычеркнутых из первого издания[4], и ввести новый раздел «Популярные книжки по законоведению и обществоведению».

Стремительное распространение «Домашних библиотек» в Поволжье и далеко за его пределами объяснялось прежде всего тем, что появление указателя отвечало назревшей потребности в программе чтения, рассчитанной на широкие массы малоподготовленных читателей.

А. В. Панов начинал свой указатель с произведений «разнообразных по содержанию, сильных по фабуле, красивых по изложению»[5]. Отбор книг в этот первоначальный список был произведен чрезвычайно тщательно, в него вошли только лучшие произведения русской и мировой литературы. Далее следовали расположенные в определенной последовательности тематические списки, в которых нашли отражение такие темы, как крестьянская жизнь, положение городского пролетариата, быт различных социальных прослоек, семейный и национальный вопросы, причины преступлений и т. д. Списки литературы связывались между собою кратким авторским текстом, по форме приближавшимся к беседе с читателем о книгах. Тематическое распределение рекомендуемой литературы в сочетании с живым авторским текстом в скором времени получило распространение в рекомендательной библиографии, как наиболее активная форма пропаганды.

---

[1] ГБЛ. Ф. 368, карт. 261, ед. хр. 34. Письма А. В. Панова Н. А. Рубакину 1902—1903 гг.

[2] ЦГАОР, Ф. ДП, 00, 1901 г., д. 882, л. 13.

[3] Панов А. В. Домашние библиотеки. Опыт составления систематического указателя книг для самообразования. Изд. 2-е, испр. и значит. доп. Саратов, В. К. Самсонов, 1903. 95 с.

[4] ГБЛ. Ф. 358, карт. 261, ед. хр. 34. Письмо А. В. Панова Н. А. Рубакину от 6 февр. 1903 г.

[5] Панов А. В. Домашние библиотеки. Н. Новгород, 1902, с. 6.

Широкие и разнообразные запросы народа не могли удовлетворяться только художественной литературой. Народ, по словам А. В. Панова, «вырос <...> из пеленок «книг, одобренных для публичных чтений», — ему хочется знать решительно обо всем: и «о природе, о мире, и о порядках мирских» <...> и о том, почему правда живет в загоне и преследуется, а кривда царюет над обездоленными людьми...» [1].

Из имевшейся к началу XX века скудной научно-популярной литературы библиограф отобрал для «Домашних библиотек» лучшие и доступные книги по разделам естествознания, географии, истории и общественной жизни, расположив их в порядке возраставшей трудности. В ряде случаев он испытывал «затруднения и неловкость» из-за того, что выбрать доступное и одновременно доброкачественное по отечествоведению и русской истории было действительно крайне трудно. Нужная для малоподготовленного читателя общественно-политическая литература, как известно, начала появляться на книжном рынке лишь с конца 1904 года.

Первая часть «Домашних библиотек» завершалась рекомендацией книг «по экономии и рабочему вопросу», следом за этим разделом библиограф привел практически очень нужные «концентрические» списки книг для домашних библиотек различной стоимости, от маленькой рублевой библиотечки и до библиотеки в 55 рублей, состоявшей почти из 200 книг.

А. В. Панов стремился дать народу полноценную духовную пищу. «Прислушайтесь, — писал он, — ведь и сам мужик, а тем более рабочий, перестал просить у нас «Блюхера и милорда глупого», но даем ли мы ему взамен их «Белинского и Гоголя»? Посмотрите, мужик давно стоит у наших дверей и просит «хлеба», — но не преподносим ли мы ему весьма часто вместо хлеба «камень»?..» [2]. «Мужику» и рабочему рекомендовались лучшие произведения художественной и научно-популярной литературы, изданные к началу XX века русскими прогрессивными демократическими издательствами: «Посредником», Харьковским и Петербургским комитетами грамотности, издателями М. Д. Ореховым, О. Н. Поповой, Ф. Ф. Павленковым, С. П. Дороватовским и А. П. Чарушниковым и дру-

---

[1] Панов А. В. Домашние библиотеки. Н. Новгород, 1902, с. 20.
[2] Там же, с. 33.

гими. Отбор литературы произведен с большим знанием книжного рынка: в указатель вошли все имевшиеся к тому моменту дешевые издания произведений Горького, Вересаева, Серафимовича, Гаршина, Франко и других представителей демократической реалистической литературы.

В первоначальную «рублевую» библиотеку (21 книга) А. В. Панов включил «Песнь о Буревестнике» и «Песнь о Соколе» Горького, «Конягу» Салтыкова-Щедрина, произведения Гаршина, Вересаева. Литература была доступна и по цене: стоимость первой сотни рекомендованных книг составляла восемь рублей с копейками.

Вторая часть указателя адресована уже другому кругу читателей — в первую очередь сельской интеллигенции (народным учителям, земским врачам, фельдшерам, агрономам) и учащейся молодежи. Этот список содержал более сложные и дорогие по цене книги: в него вошли преимущественно издания Павленкова, Иогансона, Водовозовой, Поповой, «Образования», «Научно-образовательной библиотеки», Алексеева и других. Здесь А. В. Панов также выделил первоочередное и для приобретения и для прочтения. В число первоочередных книг, необходимых для каждого читателя-интеллигента, вошли «Капитал» К. Маркса, «Дарвин и его учение» К. А. Тимирязева, «Курс политической экономии» А. А. Богданова и ряд других изданий. Содержание именно этого списка вызвало особую тревогу и настороженность нижегородского охранного отделения.

В ряде рецензий того времени вторая часть указателя расценивалась как менее интересная и оригинальная, чем первая; но рецензенты не учитывали одного очень важного обстоятельства — основного назначения работы А. В. Панова. Его библиография очень точно отвечала на запросы сельской интеллигенции: с чего начать приобретение книг для домашнего университета, что считать ядром или первоначальным минимумом книг для домашней библиотеки. Опыт руководства чтением и многолетние наблюдения помогли А. В. Панову удачно разрешить задачу подбора литературы для сельского интеллигента и дать в форме каталога программу систематического чтения. Весь указатель в целом интересен как предложенной системой самообразования, так и тем, насколько точно он отразил уже сформировавшиеся интересы читателя из народа и читателя-интеллигента.

А. В. Панов непрерывно совершенствовал «Домашние библиотеки», дополняя, изменяя и освежая указатель новым материалом. Если в первый вариант библиографии он включил только 633 книги, то в отдельное нижегородское издание их вошло уже 895, а в саратовское — 1161 [1].

Тяжелая болезнь (туберкулез, которым он заболел еще в дни своего первого тюремного заключения) помешала А. В. Панову довести до конца сбор материала для другой интересной его книги «Семейные или совместные (кружковые) чтения», идея которой была подсказана многолетней работой в области самообразования.

А. В. Панов умер в Нижнем Новгороде 5 декабря 1903 года, 38 лет от роду. Из донесений охранного отделения известно, что хоронили А. В. Панова нижегородские политические ссыльные. Среди венков, возложенных на могилу, был венок и от А. М. Горького; к венку «от друзей» Я. М. Свердлов присоединил ленту с надписью — «неуклонно шедшему от идущих» [2].

Борьба с распространением и влиянием «Домашних библиотек» продолжалась и после смерти А. В. Панова. В Главное управление по делам печати в декабре 1903 года из Архангельска поступил от некоего А. Ивановского донос, в котором «тенденциозная книжка» А. В. Панова рассматривалась как «пропаганда запрещенных изданий» [3]. В доказательство же преступности Панова указывалось на то, что в его библиографии много книг, изъятых

---

[1] Через три года после смерти библиографа, в 1906 г. 10-тысячным тиражом в Петербурге вышло 3-е издание (Панов А. В. Домашние библиотеки. Изд. 3-е, доп., с биогр. очерком и статьей И. В. Гессена. Спб., [«Общественная польза»], 1906. XIII, 179 с.). Оно было подготовлено друзьями А. В. Панова, но, несмотря на увеличение объема (указатель содержал почти 2000 названий) и некоторое улучшение структуры, значительно уступало предыдущим. По словам Н. А. Рубакина, третье издание было «безжалостно испорчено этими пополнениями и исправлениями» (Рубакин Н. А. Среди книг. Т. 1. М., 1911, с. 163; т. 2. М., 1913, с. 382). В нем не оказалось той тщательности и продуманности отбора книг, которая присуща прежним изданиям; имелись пропуски, и притом существенные. А. В. Мезьер справедливо осуждала издателей за то, что они не включили в «Домашние библиотеки» важнейшую социал-демократическую литературу, в том числе работы К. Маркса («Наемный труд и капитал», «Заработная плата, цена и прибыль»), брошюру А. Бебеля о политической стачке и многое другое.

[2] Фарбер Л. М. А. М. Горький в Нижнем Новгороде, с. 123.

[3] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 21, ч. 1, ед. хр. 726, 1904. 7 л.

из публичных библиотек и безусловно запрещенных к обращению и перепечатыванию. «До такого нахальства, — писал А. Ивановский, — чтобы рекомендовать запрещенные книги — с разрешения цензуры — еще ни одно издание не доходило» [1]. Библиографию А. В. Панова он предлагал повсеместно запретить, как в свое время были запрещены «челябинский» и «одесский» каталоги.

В ответ на это Главное управление по делам печати в январе 1904 года конфиденциально приняло решение «не дозволять новых изданий А. В. Панова «Домашние библиотеки» и вообще относиться к подобным изданиям с особым вниманием и строгостью» [2].

В начале 1905 года в печать проник слух о преследовании и изъятии библиографии А. В. Панова из обращения из-за «тенденциозности направления» [3]. К этому имелись все основания, и если бы не развернувшиеся революционные события, «Домашние библиотеки» безусловно попали бы в список запрещенных книг.

Библиография Панова была несомненно лучшей среди указателей, адресованных взрослому малоподготовленному читателю; она выгодно отличалась смелостью рекомендаций и полным доверием к умственным силам народа. А. С. Новиков-Прибой с благодарностью вспоминал библиографию А. В. Панова и словарь Ф. Ф. Павленкова: «Эти две книги были для меня, как две профессорские головы, — из одной я получал указания, что нужно читать, а другая поясняла непонятные слова» [4].

Книга А. В. Панова ценна своей общей демократической направленностью, отбором всего лучшего и прогрессивного, что имелось в начале XX века в русской печати, стремлением пробудить у читателя инициативу для борьбы с самодержавием и дать рабочему, крестьянину и трудовой интеллигенции широкие и полноценные знания [5].

Передовые русские библиографы — А. В. Мезьер, А. И. Лебедев, И. В. Владиславлев, А. Г. Фомин и дру-

---

[1] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 21, ч. 1, ед. хр. 726, 1904, л. 2 об.
[2] Там же, л. 3.
[3] «Книжный вестник», 1905, № 11, стлб. 295.
[4] Новиков-Прибой А. С. Собр. соч. Т. 1. М.—Л., «Земля и фабрика», 1928, с. 38.
[5] В библиотеке В. И. Ленина в Кремле среди немногих дореволюционных библиографических изданий имелась и работа А. В. Панова «Домашние библиотеки» (Н.-Новгород, 1902). См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., Всесоюз. кн. палата, 1961, № 6751.

гие — высоко оценили работу Панова. По словам Н. А. Рубакина, все, что можно было сделать до 1904 года для читателя из народа, сделал в своей книге «Домашние библиотеки» А. В. Панов. Сам тип рекомендательного указателя — библиотеку самообразования для начинающего читателя — Н. А. Рубакин окрестил по имени автора «Домашних библиотек», назвав его «пановским»[1]. О «Домашних библиотеках» Н. А. Рубакин отозвался как о пособии, которое наряду с программами чтения «сыграло огромную роль в идейном нарастании русской читающей публики»[2]. Успех его он объяснял тем, что «это было своего рода письмо к читателю, действительно дошедшее по адресу»[3].

Большевистская рекомендательная библиография

Из множества библиографических указателей различной политической окраски наиболее сильную и влиятельную группу составили рекомендательные библиографии, пропагандирующие марксистскую литературу. К ним в первую очередь относились списки литературы для кружковых занятий, программы чтения, отдельно изданные указатели С. Г. Струмилина, П. М. Лебедева (В. Керженцева), Захарова, С. Степанова, «Рабочая библиотека», «Обзор литературы по рабочему вопросу» Исторической комиссии Московского общества распространения технических знаний.

Использование библиографических списков в рабочих кружках самообразования в начале века становится обычным явлением.

О том, насколько быстро содержание программ систематического чтения отзывалось на все изменения в общественной и политической борьбе, упоминает В. И. Ленин в «Докладе редакции «Искры» совещанию (конференции) комитетов РСДРП»[4] (1902).

Выросшая из рукописных и гектографированных программ кружковых занятий и кратких списков самообразо-

---

[1] Рубакин Н. А. Среди книг. Спб., 1906, с. 181.
[2] Там же, с. 272.
[3] Рубакин Н. А. Письма к читателям о самообразовании. Пг., Н. П. Карбасников, 1919, с. 5.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 294—295.

вательного чтения рекомендательная библиография того времени была частью партийной работы, она служила пропагандистским целям, помогая читателям ориентироваться во всех вопросах современности и определить свое место в политической борьбе. На это назначение рекомендательной библиографии, на ее помощь в подготовке сознательных и умелых агитаторов обратил внимание Второй съезд РСДРП (июль — август 1903 г.), в резолюции которого («О постановке пропаганды») специально говорилось о необходимости создания систематических указателей для занятий в кружках [1].

К ранним большевистским библиографиям можно отнести краткий перечень литературы к программам для кружковых занятий, утвержденным в 1905 году на съезде литераторов-пропагандистов при ЦК РСДРП [2]. Для рабочих, занимавшихся в политических кружках низшего (6—7 лекций) и высшего типа (18—20 лекций), по теории, истории, практике и организации социал-демократии рекомендовались статьи из нелегальных большевистских газет, работы Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Каутского. В том же списке предлагалось использовать и несколько названий художественной литературы (Г. Гауптмана, Э. Золя, О. Мирбо). По некоторым темам, слабо обеспеченным литературой, выявилась необходимость составления новых брошюр и переиздания выпущенных ранее.

В годы первой русской революции, когда легальная социал-демократическая литература распространялась по стране в миллионах экземпляров, всюду проникала и жадно читалась, изменялся характер работы пропагандиста. Занятия в нелегальном кружке с десятком рабочих отступили перед иной, более массовой формой распространения политических знаний [3]. «Проходят времена, — писал в октябре 1905 года В. И. Ленин, — идейного руководства путем «шептанья» на явках и свиданиях с агентами! Надо руководить политической литературой» [4].

---

[1] Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. Протоколы. М., Госполитиздат, 1959, с. 434.

[2] Задачи пропаганды. Резолюции, принятые на съезде литераторов-пропагандистов — группы, образованной при ЦК РСДРП. — «Пролетарий», 1905, № 16, 14 (1 сент.), с. 7—11.

[3] Струмилин С. Г. Из пережитого. М., Госполитиздат, 1937, с. 231.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47, с. 76.

В этих условиях повышенного спроса на массовую, популярную политическую книгу, когда за списками лучшей литературы читатели обращались в редакции партийных и беспартийных газет и журналов, к пропагандистам и руководителям чтения, естественно, повысилось значение рекомендательной библиографии. Основное направление рекомендательной библиографии 1905—1907 годов можно охарактеризовать, как помощь в политическом просвещении широких масс, поэтому пропаганда общественно-политической литературы заняла в указателях этих лет главенствующее место.

С. Г. Струмилин «Что читать социал-демократу?» (1906 г.)

Приблизительно в мае — июне 1905 года на книжном рынке появился небольшой очерк «Богатство и труд», который быстро распространился, завоевал большую популярность в рабочих кружках и вскоре был переиздан. Этот очерк — первая научно-публицистическая работа Станислава Густавовича Струмилина (настоящая фамилия — Струмилло-Петрашкевич, род. в 1877 г.) — в то время профессионального революционера, впоследствии советского экономиста и статистика, академика, лауреата Государственной премии.

Очерк «Богатство и труд» создавался С. Г. Струмилиным как «сжатое введение в круг многочисленных вопросов современности», а для более основательного и широкого знакомства с затронутыми в книге темами предназначался помещенный в книге «Краткий указатель литературы марксизма и литературы для самообразования» [1]. Один из первых легальных списков марксистской литературы, «Краткий указатель» рекомендовал читателю среди сочинений «наиболее последовательных выразителей классовых стремлений пролетариата» (53 названия) работы Маркса, Энгельса, Ленина, Лафарга, В. Либкнехта, Люксембург, Бебеля и других. Вторая, систематически расположенная, часть указателя содержала около 500 названий книг и журнальных статей, начиная с таких тем, как история неба, земли, возникновение жизни на земле и кон-

---

[1] Струмилин С. Г. Богатство и труд. Популярно-научный очерк. Спб., «Общественная польза», 1905. 202 с. «Краткий указатель...», с. 147—202.

Ст. Струмилинъ.

Что читать соціалдемократу?

Краткіе систематическіе указатели:
1. агитаціонной литературы.
2. литературы для самообразованія.
3. алфавитный указатель соціалдемократической литературы.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ МІРЪ“.

чая вопросами современности (рабочее движение, аграрный и крестьянский вопросы, печать, самоуправление и т. д.). Конечной целью самообразовательного чтения автор ставил выработку цельного мировоззрения. Как дополнительный источник сведений о книгах рекомендовался ряд библиографий, первым в этом ряду стоял указатель А. В. Панова «Домашние библиотеки».

В годы, предшествовавшие составлению библиографии, С. Г. Струмилин неоднократно попадал за революционную деятельность в тюрьмы и ссылки. В «тюремных университетах» он широко и основательно ознакомился с имевшейся в то время философской, социально-экономической и политической литературой. Свободное владение материалом и практический опыт революционера-пропагандиста обеспечили успех брошюры «Богатство и труд» [1].

[1] Струмилин С. Г. Сила живого слова. Странички воспоминаний. — «В мире книг», 1967, № 5, с. 3.

В 1906 году, на основе краткого списка С. Г. Струмилин подготовил более развернутый указатель «Что читать социал-демократу?», вышедший отдельным изданием [1].

Указатель Струмилина пополнился книгами и статьями 1905—1906 годов и приобрел ряд черт, характерных для общественно-политической библиографии тех лет. В основу расположения материала в новом разделе («Агитационная литература») легла Программа РСДРП. Во второй половине 1910 года на библиографию С. Г. Струмилина, ранее конфискованную, был утвержден арест, и она попала в официальный список изъятых книг.

П. М. Лебедев (Керженцев) «Библиотека социал-демократа» (1905 г.)

Второй легальный указатель популярной социал-демократической литературы — «Библиотека социал-демократа» принадлежал участнику революционного движения 1905 года в Нижнем Новгороде, члену КПСС с 1904 года Платону Михайловичу Лебедеву.

Профессиональный революционер, большевик, П. М. Лебедев (1881—1940) в 1906—1911 годах был на подпольной партийной работе в Петербурге и Киеве и одновременно сотрудничал в большевистской печати. С 1912 года и до Великой Октябрьской социалистической революции П. М. Лебедев находился в эмиграции, его корреспонденции печатались в «Правде» и «Просвещении». Он выступал в печати под различными псевдонимами: Сергей К., В. Керженцев, П. Керженцев и другие; под одним из них (П. М. Керженцев) он известен в советское время. После 1917 года П. М. Керженцев — советский историк и государственный деятель.

Первый вариант «Библиотеки социал-демократа» под названием «Систематический указатель популярной марксистской литературы» был опубликован осенью 1905 года в газете «Нижегородский листок», где за три года до этого печаталась библиография А. В. Панова «Домашние библиотеки». П. М. Лебедев, скрывшийся под псевдонимом Сергей К., разработал для начинающего читателя

---

[1] Струмилин С. Г. Что читать социал-демократу? Спб., «Новый мир», [1906]. 111 с.

программу последовательного изучения основ политической экономии, особенностей капиталистического строя, задач и программы социал-демократической партии, истории рабочего движения [1].

В том же году «Систематический указатель», дополненный новой литературой, вышел отдельным изданием под названием «Библиотека социал-демократа» [2]. Тираж указателя распространялся в Москве и Петербурге через книжный магазин «Труд», тесно связанный с большевиками, а в самом Н. Новгороде, — через «Книжный музей», в котором незадолго до этого, по просьбе А. М. Горького, его друзья уберегали от конфискации и уничтожения библиографию А. В. Панова. В распространении указателя П. М. Лебедева приняла участие также нижегородская крестьянская группа РСДРП, которая в справочном отделе местной большевистской газеты рекомендовала приобретать «Библиотеку социал-демократа» всем крестьянам, желающим подробнее ознакомиться с марксизмом [3]. В результате первое издание настолько быстро разошлось, что спустя всего лишь несколько месяцев потребовалось второе издание «Библиотеки социал-демократа», а через год дополнение к нему в виде отдельной книги [4].

Указатель П. М. Лебедева служил политическому просвещению и самообразованию, что целиком определило его содержание, структуру, направление и окраску помещенных перед разделами вступительных бесед с читателем (слушателем кружка), характеристику и расположение книг по степени их трудности, ценности и необходимости.

---

[1] Систематический указатель популярной марксистской литературы. — «Нижегородский листок», 1905, № 295, 31 окт.; № 302, 10 ноября; № 307, 15 ноября. Подпись: Сергей К.

[2] Лебедев П. Библиотека социал-демократа. Систематический указатель популярной социал-демократической литературы. Н.-Новгород, [1905]. 48 с.

[3] «Нижегородская крестьянская газета», 1905, № 1, декабрь, с. 4. Текст газеты перепечатан в журн. «Исторический архив», 1955, № 1, с. 183—193.

[4] Лебедев П. Библиотека социал-демократа. Систематический указатель социал-демократической литературы с приложением программ для чтения, примерных библиотек, списков книг по трудности и поверочных вопросов. Изд. 2-е, переработ. и значительно доп. Н.-Новгород, [1906]. 112 с.

Лебедев П. Библиотека социал-демократа. Систематический указатель социал-демократической литературы. Дополнения ко 2-му изд. Спб., 1907. 40 с.

Платонъ Лебедевъ.

Библіотека соціаль-демократа.

Систематическій указатель популярной соціаль-демократической литературы.

Нижній-Новгородъ.
Типо-Лит. Т-ва Печ. Дѣла „Н. И. Волковъ и К°".

В библиографию вошли преимущественно социал-демократические издания «Молота», «Буревестника», «Демоса», «Донской речи», «Колокола», «Пролетариата», Алексеевой, Львовича, Малых и других издательств, возникших накануне или в начале революции 1905—1907 годов. Основные разделы указателя: политическая экономия, капитализм, социализм и социал-демократия, история рабочего движения — в своей совокупности представляли законченную программу политического образования. Усвоению прочитанного способствовал ряд удачно найденных методических приемов, подсказанных П. М. Лебедеву пропагандистской практикой.

Помимо систематического указателя (около 150 назв.), П. М. Лебедев в своей работе дал два списка самых необходимых книг (программа № 1 и № 2), построив их в определенной последовательности. Для лучшего усвоения основной литературы им были разработаны поверочные вопросы.

Читатель, используя библиографию П. Лебедева, не был замкнут в «искусственно суженные рамки литературы для рабочих», против чего в эти годы предостерегал В. И. Ленин [1]; «Библиотека социал-демократа» давала возможность каждому занимающемуся самообразованием овладевать «все больше и больше общей литературой» и не ограничиваться популярными изданиями для народа. Обращаясь к своему читателю, П. М. Лебедев настойчиво убеждал его: «Надо помнить, что популярные книжки не могут дать научно обоснованного миросозерцания. Они в лучшем случае только введение» [2]. Поэтому свой указатель он заканчивал перечнем крупных марксистских работ, произведениями Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова.

С целью предостеречь читателя от идеологически недоброкачественной литературы П. М. Лебедев на последних страницах «Библиотеки социал-демократа» приводил список эсеровских и «торгашеских» издательств, наиболее активно занимавшихся выпуском социалистической литературы.

Второе издание «Библиотеки социал-демократа» по сравнению с первым значительно увеличено в объеме и более детально разработано. Основное его отличие заключалось в том, что в текст вступительных бесед к центральным разделам указателя («Социализм» и «Социал-демократическая программа») введены большие выдержки из Программы РСДРП. Кроме того, в нем появились новые параграфы и соответственно рекомендована новая литература об отношении к религии, о школьном вопросе, налогах, рабочем движении в различных странах Европы и Америки, об истории революций и т. д.

В «Дополнении» (1907 г.) ко второму изданию «Библиотеки социал-демократа» появились разделы: Тактика социал-демократии, Исторический материализм, а также Справочный отдел, в который вошли библиографические пособия и различные словари.

Своеобразным продолжением «Библиотеки социал-демократа» явился «Обзор с.-д. литературы за истекший год», составленный П. М. Лебедевым и напечатанный в конце 1907 года в массовом большевистском издании —

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6, с. 39.

[2] Лебедев П. Библиотека социал-демократа. Н. Новгород, [1905], с. 3.

«Календаре для всех на 1908 год»[1]. В обзоре обращено особое внимание на раздел «Тактические вопросы», вызвавшие наиболее обширную литературу за рассматриваемый период, при этом выделены большевистские издания и указан ряд работ В. И. Ленина («Социал-демократия и избирательные соглашения», «Выбор в Думу и тактика русской социал-демократии», «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика»), в дальнейшем запрещенных. В том же «Календаре», на страницах которого выступил В. И. Ленин со статьей «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», П. М. Лебедев поместил краткий рекомендательный список «Что читать?»[2], построенный по плану и на основе «Библиотеки социал-демократа». К этому списку в свое время обращался В. И. Ленин[3].

Вскоре после выхода в свет последовало изъятие «Календаря», но это распоряжение коснулось всего лишь нескольких десятков экземпляров. Весь же тираж (60 тыс. экз.), для того времени очень большой, успел распространиться и остался вне досягаемости[4].

Изъятию подверглась и «Библиотека социал-демократа» П. М. Лебедева, преследования которой начались еще в 1907 году. За распространение социал-демократических идей, открытую пропаганду демократической республики и диктатуры пролетариата автор библиографии был привлечен к суду[5]. Приговором суда «Библиотека социал-демократа» была окончательно уничтожена в 1911 году. Но судебные кары не нанесли указателю Лебедева особенно заметного ущерба, так как к моменту своего юридического уничтожения библиография достаточно широко распространилась в революционных кружках и практиче-

---

[1] Лебедев П. М. Обзор с.-д. литературы за истекший год (с 1 июля 1906 по осень 1907 г.). — В кн.: Календарь для всех на 1908 г. [Б. м., «Зерно», 1907], стлб. 201—203.

[2] Лебедев П. М. Что читать? — Там же, стлб. 203—206.

[3] См. пометки В. И. Ленина в «Ленинском сборнике» XXV, с. 163—164.

[4] Кедров М. Из красной тетради об Ильиче. (Клочки воспоминаний). — «Пролетарская революция», 1927, № 1 (60), с. 36; Лейберов И. Невский, 110... — «Нева», 1963, № 4, с. 217.

[5] Материал о запрещении второго издания «Библиотеки социал-демократа» полностью приведен в статье: Ахун М. И. Обзор русской исторической библиографии. — В сб.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, с. 385. М. И. Ахун ошибочно относит его к первому изданию «Библиотеки социал-демократа».

ски оказалась неуловимой. Общий тираж двух изданий, дополнения и списка «Что читать» составил 130 тысяч экземпляров. «Библиотека социал-демократа» по заслугам была признана «самым лучшим справочным изданием по литературе социал-демократии» [1].

Рождение библиографических указателей нового типа, отвечающих на запросы совсем особого читателя, как писала А. В. Мезьер, «читателя партийного, ищущего в книге знаний определенного направления, желающего принимать участие в идущей у нас политической и экономической борьбе не полубессознательно, а с определенным пониманием, куда и зачем идти, и чего добиваться, и какими средствами» [2] — было настолько характерным и актуаль-

[1] Локтин А. А. — «Книга», 1906, № 2, с. 7—8.
[2] Мезьер А. В. Библиографические указатели. — «Спутник читателя», 1906, № 4, с. 4—5.

ным для того времени явлением, что почти одновременно с А. В. Мезьер на него обратил внимание и Б. С. Боднарский, выступивший с рецензией на указатель П. М. Лебедева «Библиотека социал-демократа» [1].

Захаров «В помощь читателю» (1906 г.)

Политическое просвещение широких масс имел в виду и Захаров, выпустивший в 1906 году указатель «В помощь читателю» [2]. Указатель вышел в петербургском издательстве «Эпоха», занимавшемся изданием социал-демократической литературы. Неизвестный автор, о котором отсутствуют достоверные сведения в печати, адресовал библиографию «демократическому читателю из рядов сознательного пролетариата, из обширных слоев той городской и деревенской бедноты, которая так жадно рвется к свету и пользуется таким скромным досугом для удовлетворения своих умственных интересов» [3]. В указателе систематизирована основная литература по теории научного социализма и важнейшим вопросам современной действительности.

В помощь читателю рекомендовались произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Каутского, Либкнехта, Бебеля, выпущенные к тому времени различными демократическими издательствами. В основу систематизации литературы, так же как и в «Библиотеке социал-демократа» П. М. Лебедева, положена практическая программа марксистов.

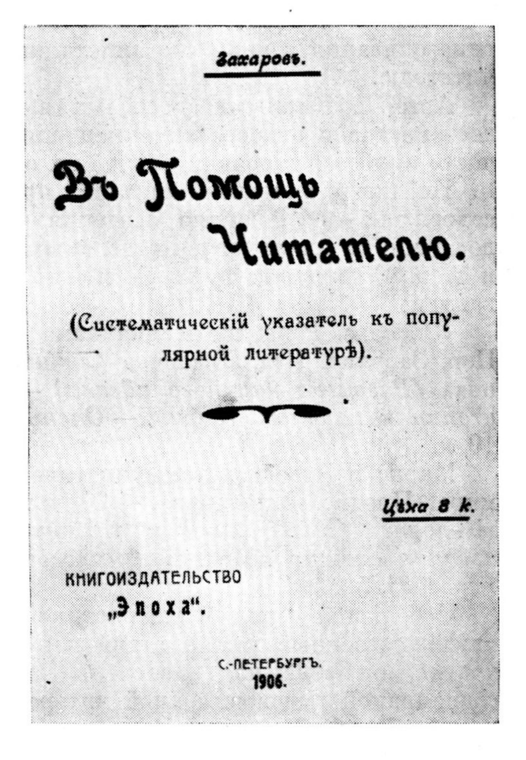
Указатель Захарова открывался разделом «Сущность капиталистического строя и основы научного социализма», затем следовала литература по рабочему, женскому, крестьянскому и национальному вопросам, о налогах, основах государственного строя, милитаризме, религии, образовании и т. д. Один из разделов посвящен буржуазным партиям и отношению к ним социал-демократов. Спискам литературы были предпосланы вступления, в которых из-

---

[1] [Боднарский Б. С.]. — «Мысль», 1906, № 30, 26 мая. Подпись: Богдан Б.

[2] Захаров. В помощь читателю. (Систематический указатель к популярной литературе). Спб., «Эпоха», 1906. 36 с.

[3] Захаров. В помощь читателю, с. 3.



лагались программные требования, особенно значительно такое вступление перед разделом под названием «Рабочий вопрос».

Литература по каждой теме подразделена на две группы: первая содержала книги для менее, вторая для более подготовленных читателей. Рекомендуемая литература расположена внутри разделов в порядке наиболее удобном для ее усвоения: при наличии ряда изданий на первое место поставлены лучшие. Для читателей, уже имеющих некоторую подготовку и желающих глубже изучить затронутые в указателе темы, предлагался особый список более сложных книг.

Характер библиографии и ее особенности наводят на мысль о том, что под фамилией Захаров, которая скорее всего служила автору псевдонимом, скрывалось лицо, хорошо знавшее политическую литературу тех лет и свободно ориентировавшееся в ней. Об этом говорят как отбор литературы и структура указателя, так и библиографиче-

ские описания, групповые аннотации и отдельные советы читателю.

Автор различными способами выявлял и подчеркивал достоинства и недостатки помещенных в указателе книг, часто прибегая к сравнительной их оценке.

Библиографические описания при всей их краткости содержали необходимые сведения о качестве перевода, доступности книги, связи отдельных изданий между собой и т. д. В качестве примера можно привести следующие записи:

«Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. Пер. Засулич. Изд. Львовича *(лучшее)* — 5 к.; Изд. Иванова *(Развитие научного идеала)* — 10 к.; «Молот» *(От утопии к научной теории. — Очень плохой перевод)* — 10 к.

Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест. «Нов. мир». Предис. Плеханова. — 20 к.; без предис. — 5 к.; «Колокол» *(Капитализм и коммунизм)* — 3 к. *Эти два издания лучшие.* «Молот» *(Философия истории. Плохой перевод).* 5 к...» [1].

Небольшой отдел беллетристики рекомендовался как «художественный комментарий к изучаемой действительности», он содержал перечень лучших произведений современной художественной литературы из дешевых изданий «Донской речи», «Вятского товарищества», «Общественной пользы», «Посредника».

Указатель Захарова быстро разошелся [2] и, казалось, тем самым ускользнул от судебного преследования. Но через семь лет после его выхода в свет, в марте 1913 года, Енисейское губернское жандармское управление переслало экземпляр библиографии в Петербургский комитет по делам печати с предложением наложить на книгу арест за наличие в ней революционной литературы, призывающей к ниспровержению существующего политического и социального строя [3], после чего против Захарова было возбуждено уголовное преследование и в августе того же года Петербургская судебная палата вынесла приговор об уничтожении указателя «В помощь читателю» [4].

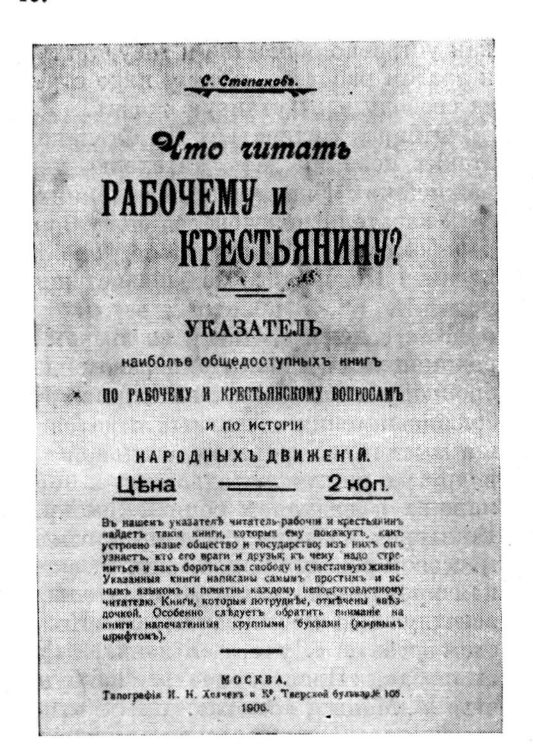
---

1 Захаров. В помощь читателю, с. 7. Курсив всюду составителя.

2 Экземпляр указателя Захарова имелся в библиотеке В. И. Ленина в Кремле, см.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, № 6786.

3 ЦГИАЛ. Ф. 777, оп. 27, 1913 г., ед. хр. 526, л. 251—251 об.

4 Там же, оп. 19, 1913 г., ед. хр. 63. 7 л.



С. Степановъ.

Что читать

РАБОЧЕМУ и КРЕСТЬЯНИНУ?

УКАЗАТЕЛЬ

наиболѣе общедоступныхъ книгъ

ПО РАБОЧЕМУ И КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСАМЪ

и по исторіи

НАРОДНЫХЪ ДВИЖЕНІЙ.

Цѣна 2 коп.

Въ нашемъ указателѣ читатель-рабочій и крестьянинъ найдетъ такія книги, которыя ему покажутъ, какъ устроено наше общество и государство; изъ нихъ онъ узнаетъ, кто его враги и друзья; къ чему надо стремиться и какъ бороться за свободу и счастливую жизнь. Указанныя книги написаны самымъ простымъ и яснымъ языкомъ и понятны каждому неподготовленному читателю. Книги, которыя потруднѣе, отмѣчены звѣздочкой. Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на книги напечатанныя крупными буквами (жирнымъ шрифтомъ).

МОСКВА.

Типографія И. Н. Холчевъ и К°, Тверской бульваръ № 10б.

1906.

С. Степанов «Что читать рабочему и крестьянину?» (1906 г.)

К тому же 1906 году относится попытка помочь совершенно неподготовленному читателю и дать указатель общедоступной литературы, рассчитанной на рабочего и крестьянина. Эту попытку предпринял С. Степанов, выпустив в Москве тиражом 15 тысяч экземпляров небольшой двухкопеечный указатель «Что читать рабочему и крестьянину?»[1], который помогал широкому читателю понять,

---

[1] Степанов С. Что читать рабочему и крестьянину? Указатель наиболее общедоступных книг по рабочему и крестьянскому вопросам и по истории народных движений. М., Изд. кн. маг. «Мысль», 1906. 16 с.

То же. Изд. 2-е, переработ. и значительно доп. Спб., «Вперед», [1906]. 24 с.

как устроено общество и государство, кто является другом и врагом рабочего, к чему надо стремиться и как бороться за свободу и счастливую жизнь.

Отбирая литературу, С. Степанов стремился с марксистских позиций дать читателю первое представление о важнейших общественных явлениях.

Указатель пользовался популярностью и вскоре в переработанном и значительно дополненном виде был переиздан в Петербурге большевистским издательством «Вперед».

Как в первом, так и во втором издании, С. Степанов рекомендовал главным образом дешевую политическую брошюру и листовки, вышедшие с конца 1905 года в большевистских легальных издательствах («Вперед», «Наша мысль», «Утро»), нелегальной «Новой волне», а также в других книгоиздательствах, в той или иной мере занимавшихся изданием социал-демократической литературы. Во втором издании особенно наглядно виден рост выпуска массовой революционной книги: в нем представлена печатная продукция свыше 70 издательств, среди которых главенствующее место занимают «Колокол», «Молот», «Донская речь», «Луч», «Жизнь», «Библиотека для всех», «Борьба», «Пролетариат», «Трибуна», «Мир», издательство М. Малых, «Эпоха».

Значительная часть упомянутых в указателе названий имелась на центральном книжном складе большевистского издательства «Вперед», который распространял как свои издания, так и приобретенные от других издательств, взятые на обмен или комиссию. Склад занимался комплектованием дешевых библиотек, используя для этого указатель С. Степанова, по которому подбирались тематические библиотечки для городского и сельского читателя.

Структура указателя, формулировки его разделов и рубрик отличались ясностью и простотой. Наиболее важные книги выделены жирным шрифтом, менее доступные отмечены звездочкой. Для второго расширенного и дополненного издания потребовалась более детальная и четкая систематизация материала. Сохранив основные разделы, автор ввел множество дополнительных рубрик, помогавших выявить литературу по разнообразным и актуальным темам.

На первое издание брошюры С. Степанова в 1915 году был наложен арест и приговором Московской судебной палаты (7 июня того же года) указатель подвергся унич-

тожению за то, что состоял «преимущественно из заглавий таких книг и брошюр, которые постепенно выявились как издания преступного содержания и подвергались аресту с преследованием главным образом по п. 2-му ст. 129», то есть за вредное политическое направление [1].

«Рабочая библиотека» (1906 г.)

В 1906 году в издательстве «Колокол» Е. Д. Мягкова вышел в свет указатель «Рабочая библиотека», составленный тремя авторами, положившими в основу рекомендуемого материала книги марксистского направления [2].

Назначение «Рабочей библиотеки» определялось в кратком предисловии: «Развитие классового самосознания пролетариата; понимание законов и тенденций исторического развития и его следствия — экономической необходимости наступления царства социализма» [3]. Составители стремились дать рабочему читателю всесторонние знания: они исходили из того, что «пролетарию, дабы развить в себе классовое самосознание, необходимо выяснить свое положение в природе и в обществе» [4]. С этой целью в первый раздел «Рабочей библиотеки» введены доступные широкому читателю книги по естественной истории, астрономии, геологии, зоологии и ботанике, биологии, всеобщей географии, политической экономии, рабочему и крестьянскому вопросам, истории.

Второй и третий разделы указателя строились как следующие ступени самообразовательного чтения, они содержали более сложную литературу по тем же дисциплинам. Третий раздел составители дополнили «аграрным

---

[1] ЦГА Москвы. Ф. 31, оп. 3, 1915 г., ед. хр. 2031. 14 л.

[2] Рыковский Н., Шраг А. и Яковлева В. Рабочая библиотека. М., «Колокол» Е. Д. Мягкова, 1906. 28 с. (Первая библиотека № 45).

Издательство «Колокол», возникшее в мае 1905 г., выпускало две самостоятельные библиотеки: первая составлялась из марксистской литературы, вторая — из народнической. В редколлегию «первой» (марксистской) библиотеки входили большевики Н. А. Рожков, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, М. Г. Лунц и другие. Под редакцией Н. А. Рожкова «Колокол» издал около сотни названий основной марксистской пропагандистской литературы.

[3] Рыковский Н., с. 3.

[4] Там же.

вопросом», которому уделили особое внимание, последовательно показав отношение к аграрному вопросу разных политических партий. Учитывая важность этой темы, составители в приложении дали перечень журнальных статей по аграрному вопросу.

Небольшая по объему «Рабочая библиотека» (около 600 книг) включала произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Лафарга, Либкнехта, Бебеля, Цеткин, Каутского, Тимирязева, Богданова, Железнова и др. Художественная литература распределялась по отделам.

Торопливо составленная, как и многие библиографии тех лет, «Рабочая библиотека» страдала существенными изъянами. Главные из них: несоответствие в ряде случаев литературы читательскому назначению, неряшливость и случайность в распределении материала, слабость и недостаточность библиографической характеристики. Но в развитии рабочего самообразования указатель все же принес пользу, о чем косвенно свидетельствует отзыв цензора, определивший библиографию как «рекламу книг революционного движения, большей частью изданных нелегально, при посредстве которых производилась и производится у нас революция и даже вооруженный мятеж» [1].

Библиографическая деятельность Исторической комиссии Московского общества распространения технических знаний

Учебный отдел Московского общества распространения технических знаний — крупная общественно-просветительная организация (1871—1917), которая после закрытия в 1907 году Московского педагогического общества и московского отдела Лиги образования приобрела особое значение. В различных комиссиях учебного отдела занималось лекционной, библиотечной, библиографической и издательской деятельностью одновременно свыше 600 человек. Среди членов Общества имелось немало лиц, принимавших активное участие в революционном движении. Деятельность различных комиссий учебного отдела не ограничивалась Москвой, она распространялась и на отда-

---

[1] Цитирую по дисс. С. С. Левиной. Из истории большевистской библиографии. М., 1953, л. 119. (Моск. гос. библиотеч. ин-т). Машинопись.

ленные провинциальные районы. Библиотечная комиссия, например, рассылала по всей стране тысячи библиотечек, направляя их через земские книжные склады в библиотеки, волостные и сельские управления, общества грамотности. Среди рассылаемой литературы были и революционные издания.

Библиографической деятельностью в учебном отделе занимался ряд комиссий: 1) по организации домашнего чтения; 2) по детскому чтению; 3) историческая комиссия.

В исторической комиссии в годы первой русской революции и позднее руководящая роль принадлежала большевикам, которые определили характер и направление работы всех ее членов.

Осенью 1906 года историческая комиссия приступила к решению задачи крупного общественного значения — к составлению специальных библиографических сборников. Намечалось издание систематических, возможно полных обзоров художественной литературы и научно-популярных книг, вышедших с 1905 года по социальным наукам, государственному праву, экономике, рабочему, аграрному, национальному и женскому вопросам, финансам, истории, народному образованию, истории освободительного движения в России. С этой целью в исторической комиссии выделились совершенно изолированные, автономные отделы, взявшие на себя составление исчерпывающих обзоров по соответствующим вопросам под руководством редакторов-специалистов.

Из намеченного комиссией огромного плана в ближайшие два года было осуществлено издание всего лишь трех библиографий: по рабочему вопросу, новейшей истории Западной Европы и беллетристике [1]. Дальнейшую библиографическую деятельность комиссии прекратила наступившая реакция.

Библиографические сборники исторической комиссии предназначались лицам, занимавшимся самообразованием,

---

[1] Библиографический сборник № 1. Обзор литературы по рабочему вопросу. Вып. 1. Профессиональное движение. Под ред. М. Г. Лунца. М., 1907. 70 с. (Историческая комиссия учеб. отд. О-ва распростр. технич. знаний).

То же. № 2. Обзор литературы по новейшей истории Западной Европы. Вып. 1. Франция, Англия, Германия. М., 1907. 62 с.

То же. № 3. Обзор беллетристики. Вып. 1. Под ред. И. П. Белоконского. М., 1908. 43 с.

Историческая Комиссія Учебнаго Отд. О. Р. Т. З.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПО РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ. ВЫП. I. ПРОФЕССІОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ. ПОДЪ РЕД. М. ЛУНЦА.

№ 1.

и практическим деятелям в разных областях общественной жизни, в частности партийным работникам. Цель составителей сборников заключалась в выделении и пропаганде наиболее существенной литературы из массы вышедшей и в предостережении от малоценной. Оценка партийной, в том числе массовой агитационной, литературы поручалась рецензентам — представителям различных политических партий, а редакторы отделов рассматривали поступившие рецензии со стороны их фактической научной точности и соответствия общим принципам задуманного издания.

Из вышедших «Библиографических сборников» наибольший интерес представлял первый («Обзор литературы по рабочему вопросу. Вып. I. Профессиональное движение»), составленный под редакцией Михаила Григорьевича Лунца (1872—1907).

Рано умерший марксист, член лекторской группы Московского комитета социал-демократической партии,

деятельный сотрудник марксистского журнала «Правда»[1], газеты «Новая жизнь» и других большевистских изданий 1905—1907 годов, М. Г. Лунц в период работы над библиографией был секретарем Центрального бюро профсоюзов. Ему принадлежал ряд печатных трудов по различным вопросам рабочего движения, фабричного законодательства и внутренней политики.

В отличие от многих библиографий того времени, «Библиографический сборник» под редакцией М. Г. Лунца давал наиболее законченный и последовательный обзор популярной общедоступной литературы по профессиональному движению, вышедшей с 1905 по апрель 1907 года. Библиография выделялась принципиальностью теоретического освещения различных вопросов профессионального движения, систематичностью подбора материала и единством редакции.

Обзор литературы содержал три раздела: история, теория и практика профессионального движения. В последнем разделе для удобства пропагандистов выделена в особую группу агитационная и популярная литература. В библиографию вошло много социал-демократических изданий, среди которых встречались конфискованные. Для «Обзора» характерна политическая и партийная направленность, открыто проступающая как в отборе литературы, так и в обстоятельных аннотациях, скорее напоминающих рецензии. Русская и переводная литература по профессиональному движению рассматривалась рецензентами с большевистских позиций, при ее оценке центральным и решающим моментом выступало отношение профессионального движения к политике, в силу этого в аннотациях уделялось много внимания связи экономического положения пролетариата с политическими условиями в стране и политической борьбой. Под этим углом зрения аннотировались и книги буржуазных экономистов (И. Х. Озерова, В. В. Португалова и других), подвергавшиеся острой, принципиальной критике.

В конце «Обзора» помещен библиографический очерк Н. Никодимова «Профессиональная пресса» (стр. 54—69), автор которого охарактеризовал периодические издания

---

[1] В «Правде» М. Г. Лунц вел отдел «Внутреннее обозрение», его корреспонденции неоднократно преследовались цензурой. М. Г. Лунц вышел из состава «Правды» вместе с группой большевиков во второй половине 1905 г.

профессиональных союзов, расположив их по отраслевому признаку [1]. Это — первая серьезная попытка дать критическую библиографию профессиональной печати. Н. Никодимов собрал ценные сведения о нелегальных, полностью или частично конфискованных, исчезнувших с книжного рынка изданиях, о редчайших в настоящее время «листках» и «бюллетенях» — зачаточных формах профсоюзных органов. Общие профессиональные периодические издания и издания отдельных профсоюзов сопровождались подробными рецензиями, в которых определены партийная принадлежность, направление и содержание журнала, причины приостановки, преемственность и связь с другими изданиями, недостатки и достоинства органа.

Изданием «Обзора литературы по рабочему вопросу» заканчивается большевистская библиография эпохи первой русской революции.

* * *

В годы реакции, разгрома издательств, типографий, книжных складов, магазинов, библиотек, резко свертывается библиография общественно-политической литературы, сокращаются возможности для издания новых библиографических указателей.

Большевистские пропагандистские кружки продолжали использовать «Библиотеку социал-демократа» П. М. Лебедева (Керженцева), «Что читать социал-демократу?» С. Г. Струмилина и другие к этому времени еще сохранившиеся социал-демократические библиографии. К имевшимся справочникам, особенно к «Библиотеке социал-демократа», тесно примыкали последующие, появлявшиеся преимущественно в периодических изданиях, большевистские библиографии.

Московский окружной комитет РСДРП в августе 1908 года выработал «Программу для пропагандистских кружков», которую сначала издал отдельной листовкой, а затем напечатал в нелегальной большевистской газете «Пролетарий» [2]. Рассчитанная на 16 лекций, программа содержала небольшой список книг (всего около 150 названий).

---

[1] Под псевдонимом Н. Никодимов выступал А. В. Шестаков (1877—1941), большевик, член Коммунистической партии с 1903 г. Позднее советский историк, член-корреспондент АН СССР.

[2] Программа для пропагандистских кружков, выработанная Московским окружным комитетом РСДРП в августе 1908 г. — «Пролетарий», 1908, № 38, 1 ноября.

Тематика лекций и последовательность изучения тем совпадала с разделами «Библиотеки социал-демократа» П. М. Лебедева, которую всем членам кружка рекомендовалось «всегда иметь под руками» и в трудных случаях обращаться к ней. Каждая лекция связывалась ссылками с конкретными страницами библиографии П. М. Лебедева, за сведениями же о научных книгах общего характера и художественной литературе занимающиеся отсылались к библиографии С. Г. Струмилина «Что читать социал-демократу?».

В 1912—1914 годах для пропаганды литературы большевиками использовались различные возможности, в первую очередь легальные периодические издания, пользовавшиеся большой популярностью среди рабочих.

Для большевистской библиографии тех лет характерна тесная ее связь с практической борьбой рабочих за политические и экономические права.

В развернувшейся кампании против страхового закона 1912 года приняли участие газета «Правда», популярный журнал «Вопросы страхования» и издательство «Прибой».

«Правда», рецензируя новую литературу по страхованию, разоблачала соглашательский характер некоторых меньшевистских брошюр [1]. В специальном библиографическом разделе журнала «Вопросы страхования» систематически помещались небольшие рецензии-аннотации, разъясняющие позицию большевиков в отношении страхования; отдельные статьи в журнале также сопровождались библиографией [2], в разделе «Вопросы и ответы» на запросы с мест помещались рекомендательные списки книг для библиотек правлений больничных касс [3]. В том же журнале в 1914 году был напечатан «Указатель литературы по страхованию» — один из наиболее ярких образцов большевистской рекомендательной библиографии [4]. Само распределение книг в указателе по трем разделам (издания последовательных марксистов, издания ликвидаторов и хозяйские издания) уже характеризовало включенный материал и определяло отношение к нему. Еще в большей степени проявилась направленность «Указателя» в анно-

---

[1] Новые книги по страхованию. — «Правда», 1913, № 57 (261), 9 (22) марта, с. 4; № 64 (268), 17(30) марта, с. 9.
[2] «Вопросы страхования», 1914, № 12, с. 7.
[3] Там же, 1914, № 10, с. 19.
[4] Там же, 1914, № 6, с. 14—15.

тациях, прежде всего вскрывающих классовый характер изданий. В разделе, выразительно названном «Хозяйские издания», брошюра В. Н. Литвинова-Филинского «Как и для чего страхуются рабочие» (Спб., 1913) сопровождалась уничтожающей характеристикой: «брошюра является «популярным» восхвалением страховых законов 23 июня 1912 г. Хозяева нередко закупают ее большими партиями и раздают даром рабочим». Столь же убийственна и другая аннотация на изданную Советом съезда горнопромышленников брошюру В. С. Петрова «Государственное страхование рабочих по законам 23 июня 1912 г.». В указателе сообщалось, что «южные горнопромышленники наградили автора брошюры премией в 200 рублей; брошюра раздается бесплатно горнорабочим» [1].

Большое внимание «Правда» уделяла вопросам самообразования рабочих. Кроме множества рецензий, в ответ на постоянные запросы читателей, газета дважды поместила в марте 1913 года небольшой список наиболее подходящих и доступных для самообразования книг по истории культуры (5 названий) и экономическим вопросам (15 названий) [2].

В 1912 году в «Правде» появился составленный С. С. Груздевым и приуроченный к Новому году рекомендательный список «Что читать детям рабочих?» — первая массовая библиография, специально предназначенная детям трудящихся. Автор четко определил исходные позиции при отборе материала для библиографии: книга по содержанию, цене и внешнему виду должна быть доступна и близка детям рабочих. «Золоченые переплеты, описания вялого буржуазно-семейного быта, кисло-сладкие поучения большинства «подарочных» изданий — не для детей рабочих». Они были отброшены. В список вошли преимущественно дешевые массовые издания И. Д. Сытина, И. И. Горбунова-Посадова и «Посредника». Для старшего возраста, кроме художественной литературы, рекомендовались многочисленные издания научно-популярного характера: Павленкова, Поповой, «Посредника» и других просветительских издательств. В кратких замечаниях по поводу рекомендуемой литературы составитель, как особенно ценное качество, выделял жизнеутверждающее со-

---

[1] «Вопросы страхования», 1914, № 6, с. 15.
[2] Книги для чтения. — «Правда», 1913, № 64 (268), 17 (30) марта, с. 19; № 76 (280), 31 марта (13 апр.), с. 18.

держание отдельных книг. Журнал «Маяк», отводивший большое место детскому творчеству и самодеятельности, Груздев охарактеризовал как «чтение здоровое и разнообразное». И вместе с тем, заключая свой небольшой обзор, составитель предупреждал всех пользующихся библиографией: «Вообще, нужно сказать, что своего чисто пролетарского издательства детской литературы у нас в России еще нет, и потому далеко еще не все из перечисленных изданий вполне свободны от нездоровых буржуазных тенденций» [1].

В декабре 1913 года издательство «Прибой» выпустило массовым тиражом календарь «Спутник рабочего на 1914 год», все содержание которого, особенно заметки о К. Марксе, А. Бебеле и Н. Г. Чернышевском, были расценены как призыв «к ниспровержению политического и социального строя в России путем бунтовщическим...» [2]. Календарь подвергся аресту и его спасла от полного уничтожения только блестящая организация распространения. Уже через два месяца, в феврале 1914 года, вышло второе, переработанное издание «Спутника рабочего», в котором был помещен «Указатель книг для рабочих библиотек и самообразования» [3]. После «Календаря для всех на 1908 год» это была еще одна попытка большевиков использовать для рекомендательной библиографии такое массовое издание, как популярный календарь.

Сравнительно небольшой «Указатель книг» (около 300 назв.) знакомил в определенной последовательности с важнейшей исторической и общественно-политической литературой, от истории первобытного мира до современных общественных и революционных движений. Все, что можно было порекомендовать из марксистской литературы рабочим клубам, профессиональным союзам, рабочим библиотекам и всем, занимающимся самообразованием, нашло в нем отражение.

В рабочей среде наблюдался определенный интерес к библиографии и нередко сами рабочие выступали в этой области с конкретными предложениями. Так, например, читатели рекомендовали редакции марксистского журнала

---

[1] Груздев С. С. Что читать детям рабочих? — «Правда», 1912, № 202, 25 дек., с. 55.

[2] ЦГИАЛ. Ф. 777, оп. 19, ед. хр. 170, 16 дек. 1913 — 24 дек. 1913, л. 1—4.

[3] Спутник рабочего на 1914 год. Изд. 2-е. Спб., [1914], с. 37—48.

«Просвещение» расширить библиографический отдел и ввести обзор журналов, а в разделе «Самообразование рабочих» помещать рекомендательные списки[1]. В одной из статей журнала «Работница» особое внимание обращалось на воспитательное значение рекомендательной библиографии и на необходимость всяческого ее развития[2]. Автор статьи, петербургская работница-металлистка обращалась к редакции журнала с вопросом: «Что читать еще работнице для развития классового самосознания, классового воспитания?» Неудовлетворенная чтением только газет и журналов, она просила указать список лучших книг для самообразования, а в дальнейшем открыть особый отдел в журнале, где трудящаяся женщина могла бы знакомиться с новой литературой разнообразного содержания. Для начала автор статьи предложила поместить список популярных книг по женскому вопросу.

Обзор литературы о К. Марксе и марксизме В. И. Ленина

В марксистском самообразовании выдающуюся роль сыграла библиография, составленная В. И. Лениным. В 1914 году В. И. Ленин написал для популярного «Энциклопедического словаря» братьев Гранат статью «Карл Маркс», к которой дал обзор литературы о К. Марксе и марксизме. Статья и библиография к ней появились в свет в 1915 году.

Перед В. И. Лениным стояла трудная задача кратко и сжато уложить огромный материал в жесткие рамки статьи строго ограниченного объема. Из-за цензурных условий из статьи были сняты главы «Социализм» и «Тактика классовой борьбы пролетариата» и она появилась в урезанном виде. Библиографию накопившейся к этому времени большой и разнообразной литературы на русском и иностранных языках пришлось сжимать до одной трети печатного листа.

В этих стесненных условиях В. И. Ленин составил обзор литературы, который до сих пор служит образцом конкретного воплощения принципов большевистской библиографии. Посылая готовую рукопись в редакцию изда-

---

[1] «Просвещение», 1914, № 3, с. 107.
[2] «Работница», 1914, № 7, с. 9.

ний Гранат, В. И. Ленин писал о том, что он «должен был выбирать *существенное* разных направлений (конечно, с преобладанием *за* Маркса)» [1]. Выбор существенного и активная пропаганда марксизма — характерные черты ленинского обзора.

Библиография марксизма состоит из двух частей. В первой части в хронологическом порядке (по годам издания) даны труды К. Маркса на русском и иностранных языках, что позволило показать литературную деятельность Маркса в исторической последовательности. Во второй части после библиографических и биографических материалов помещена литература о философии марксизма, историческом материализме, экономическом учении Маркса. Такая система расположения помогала читателю последовательно знакомиться с различными сторонами марксизма. Библиографические и иные сведения в обзоре, при всей их краткости, отличались большой точностью. В конце обзора В. И. Ленин рекомендует читателю обратиться к произведениям Ф. Энгельса, знакомство с которыми «безусловно необходимо» для понимания взглядов Маркса.

Характерной особенностью второй части библиографии является разделение авторов произведений на три резко очерченные группы: «марксистов, стоящих в существенном на точке зрения Маркса; буржуазных писателей, по существу враждебных марксизму, и ревизионистов, якобы признающих те или иные основы марксизма, а на деле заменяющих его буржуазными воззрениями» [2]. Это принципиальное деление по идейной направленности подчеркивалось и закреплялось в обзоре характеристиками конкретных авторов и произведений, часто выраженными короткой фразой или одним словом: «немарксист», «кантианец», «обширный, но не серьезный труд», «в существенных пунктах отступает от марксизма».

Незадолго до составления библиографии марксизма В. И. Ленин в рецензии на труд Н. А. Рубакина («Среди книг», т. 2) одобрил замысел библиографа разумно отобрать книги и показать их в связи с историей борьбы научно-философских и литературно-общественных идей. Теоретическое положение о необходимости продуманного отбора литературы получило практическое осуществление

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49, с. 31.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 87.

в библиографии марксизма В. И. Ленина. Составленный им в помощь марксистскому самообразованию обзор литературы остался в истории пропаганды марксизма и в русской библиографии образцом разумного отбора книг в связи с борьбой идей, примером политически острой оценки литературы с позиций большевизма.

Рекомендательная библиография других политических партий

Среди рекомендательных списков и указателей литературы 1905—1907 годов можно встретить библиографические справочники самых разнообразных политических расцветок.

Одной из первых библиографий, пострадавших от преследования, была брошюра Н. Бронского «Обзор литературы по анархизму», вышедшая в Москве в конце 1906 года тиражом в 5000 экземпляров [1]. Московское издательство «Протест» наметило план — с помощью библиографии последовательно знакомить широкие массы со всей выходящей литературой по анархизму и с этой целью запроектировало выпуск серии библиографических аннотированных указателей. «Обзор литературы по анархизму» Н. Бронского — первый и единственный выпуск этой серии — как только увидел свет, был немедленно арестован за «пропаганду анархистских идей и рекламу преступных произведений», главным образом Бакунина и Кропоткина. Несмотря на отказ прокурора Московской судебной палаты возбудить преследование против брошюры, ее арест был утвержден распоряжением московского генерал-губернатора, и библиография Н. Бронского бесследно исчезла с книжного рынка [2].

После социал-демократических справочников наиболее заметную группу составляли эсеровские библиографические указатели, авторы которых стремились прежде всего вооружить пропагандистов своей партии, ведущих занятия в различных кружках. Вместе с тем многие указатели были направлены и непосредственно рядовым членам партии, рабочим и крестьянам, причем отдельные библио-

---

[1] Бронский Н. Обзор литературы по анархизму. Вып. 1. М., «Протест», 1907. (На обороте тит. л. 1906). [2], IV, 57 с.

[2] ЦГА Москвы. Ф. 638, оп. 3, ед. хр. 31. 7 л.

графии, составленные опытными пропагандистами, отличались хорошо продуманной методикой. Такими качествами обладала, например, систематически построенная, отпечатанная тиражом в 12 тысяч экземпляров «Библиотека социалиста» Г. Нестроева, в которой учитывалась преимущественно эсеровская печать [1]. Общий объем указателя — свыше 1500 названий. Эсер-максималист Г. Нестроев имел в виду не только интеллигента-пропагандиста, но и читателя из народа, рабочего и крестьянина.

Структура «Библиотеки социалиста» была тщательно разработана. Одна из частей библиографии подробно знакомила читателя с программами различных партий, в том числе и с социал-демократической. Но явное предпочтение отдавалось эсеровской партии, программа которой полностью перепечатана в указателе, при этом к каждому ее параграфу рекомендовалась соответствующая литература. Отобранные с большими исключениями издания других партий сопровождались критической литературой (книгами и статьями из легальной и нелегальной эсеровской периодической печати).

Охранное отделение, вскоре после выхода в свет библиографии Г. Нестроева, обнаружило у переплетчика и конфисковало значительную часть тиража. В декабре 1906 года прокурор Московского окружного суда утвердил арест, и книга попала в список запрещенных изданий, а через шесть лет (январь 1913 г.) Московская судебная палата вынесла приговор — «издание брошюры уничтожить» [2].

Минимум книг для ознакомления с принципами и программой эсеров рекомендовал также «Каталог социалиста» И. Шейнкмана [3]. В пропагандистской деятельности эсеров использовались и прикнижные библиографии, приложенные к конспекту лекций Л. П. Лойко (около 500 названий) [4], к брошюре Левко [5], к различным программам

---

[1] Нестроев Г. Библиотека социалиста. Систематический указатель книг. М., «Молодая гвардия», 1906. 142 с.

[2] ЦГА Москвы. Ф. 31, оп. 3, ед. хр. 636, 1906—1913 гг. 9 л.

[3] Шейнкман И. Каталог социалиста. М., «Волна», 1906. 46 с.

[4] Л-о Л. Надо знать не меньше... Конспект лекций. Спб., 1906. 112 с. Л. П. Лойко отошла от партии эсеров в 1919 г., член ВКП(б) с 1921 г. Автор воспоминаний «От «Земли и воли» к ВКП». 1877—1923. М.—Л., ГИЗ, 1929. 248 с.

[5] Левко. Чего хотят социалисты. Спб., «Друг народа», 1906. 16 с.

занятий в рабочих кружках[1]. В Казани имела хождение небольшая библиография М. А. Обухова «Чтения в крестьянских кружках самообразования»[2]; в Нижнем Новгороде в 1906—1907 годах издавался двухнедельный библиографический журнал «За книжкой», в котором печаталось на злободневные темы множество рекомендательных списков эсеровского направления, в частности указатель книг по программным вопросам, составленный С. И. Кирсановым[3].

Всякого рода попытки отдельных библиографов или библиографических коллективов занять в развернувшейся политической борьбе нейтральную позицию или завуалировать таковую кончались поражением. Пример этому — серия библиографических указателей «В помощь читателю», выходившая в 1906 году под редакцией Б. Н. Аршеневского и других. Каждый выпуск серии, издаваемой «Донской речью» Н. Е. Парамонова, представлял сборник оригинальных рецензий (а не перепечатанных из периодических изданий) на книги и брошюры по важнейшим вопросам современности. В этой серии вышло 11 небольших книжечек, тираж которых колебался от 3 до 15 тысяч экземпляров. В них отражена изданная с конца 1905 года литература по аграрному (3 вып.), крестьянскому, рабочему вопросам, избирательному праву, истории, а также беллетристика[4]. В дальнейшем предполагалось к обзорам вновь выходящих книг присоединить отзывы и на ранее изданную литературу по тем же вопросам. В рецензиях обращалось внимание на содержание и направление книги, популярность и доступность ее для широких кругов читателей.

В программном предисловии к первому выпуску серии редакция провозгласила свою «беспартийность» и намере-

---

[1] Например, «Программа занятий в рабочих кружках», изданная Саратовским комитетом партии эсеров (1903 г.). Перепечатана в кн.: Спиридович А. И. Революционное движение в России. Вып. 2. Пг., 1916, с. 536—545.

[2] Обухов М. А. Чтения в крестьянских кружках самообразования. Казань, «Сеятель», 1906. 31 с.

[3] Кирсанов С. И. Самая необходимая библиотека. — «За книжкой», 1906, № 6, с. 11—15.

[4] В помощь читателю. Под ред. Б. Н. Аршеневского и др. Кн. 1—11. Петербург—Ростов н/Д., «Донская речь», 1906.

Первый выпуск серии («Обзор литературы по аграрному вопросу») имелся в библиотеке В. И. Ленина в Кремле, см.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, № 6811.

ние «сохранить возможно полную объективность» в оценке обозреваемой литературы. От «объективности» ничего не осталось, начиная уже с первого выпуска, посвященного аграрному вопросу. Полемика с социал-демократами и явное сочувствие эсеровской программе откровенно проглядывали в отборе и оценке обозреваемых книг. Политическая позиция редакции особенно отчетливо выявилась в обзоре, посвященном практической политике и партийной литературе.

Ряд выпусков «В помощь читателю» вскоре после выхода в свет был арестован и уничтожен. Первым в список запрещенных изданий попал библиографический обзор «История и историческая беллетристика» [1] за рекомендацию книг, содержавших «дерзкую характеристику верховной власти в России» и «подстрекательство армии к неисполнению своих обязанностей» [2]. Ранний арест (июль 1906 г.) привел к полному уничтожению «Истории и исторической беллетристики». За этим выпуском последовал арест других библиографических обзоров той же серии.

Обилие и успешное распространение революционной книги в 1905—1907 годах не могло не вызвать тревоги в правом лагере. Для публикации статей, направленных против социализма, церковники предоставили десятки своих периодических органов («Странник», «Вера и разум», «Колокол», «Церковные ведомости», «Душеполезное чтение», «Православный собеседник» и многие другие), там же время от времени появлялись и соответствующие библиографические обзоры.

В этом направлении активно действовал А. А. Бронзов, напечатавший ряд библиографических списков литературы, «обличающей социализм» [3]. В библиографическом обзоре «Против социализма» [4] А. А. Бронзов рассмотрел около 150 книг и журнальных статей, по 1911 год

---

[1] В помощь читателю. Под ред. Б. Н. Аршеневского и др. Кн. 4. История и историческая беллетристика. Вып. 1. [Спб.], А. Сурат, [1906]. 32 с.

[2] ЦГИАЛ. Ф. 777, оп. 27, ед. хр. 70, л. 58—60.

[3] Бронзов А. А. К вопросу о социализме и христианстве. — «Колокол», 1906, № 237; Бронзов А. А. К вопросу о социализме. — «Колокол», 1906, № 263; Бронзов А. А. Русская противосоциалистическая литература. — «Церковные ведомости», 1907, № 6, с. 277—280.

[4] Бронзов А. А. Против социализма. (Перечень «некоторой» русской литературы). Спб., 1911. 15 с. Отт. из журн. «Христианское чтение», 1911.

включительно, призывая главным образом сельских священников изучать социализм, чтобы вести с ним упорную, непримиримую борьбу.

Той же социальной группе, «блюстителям веры и благочестия», которые «не должны оставаться безучастными зрителями распространения социализма», направлен и библиографический список, опубликованный в «Саратовском духовном вестнике» [1].

Для борьбы с социализмом и его распространением среди учащейся молодежи и трудящихся масс служители церкви мобилизовали всю имевшуюся антисоциалистическую литературу, начиная с 60-х годов прошлого века и кончая контрреволюционными брошюрами и листовками периода реакции.

Н. А. Рубакин (1862—1946)

Выдающийся деятель русского книжного дела и народного просвещения Николай Александрович Рубакин посвятил себя борьбе с гнуснейшим, по его мнению, видом неравенства — неравенством образования [2]. Для этой борьбы он избрал девиз — «да здравствует книга, могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость» — в известной степени идущий от Н. К. Михайловского. В этом девизе Н. А. Рубакин видел суть книжного дела вообще, библиотечного — в частности.

Издатель, редактор и автор исследований, публицистических статей, научно-популярных книг, не раз переиздававшихся до и после Великой Октябрьской социалистической революции, Н. А. Рубакин за 60 лет неутомимого труда написал более 600 книг и статей, разошедшихся тиражом свыше 20 миллионов экземпляров [3].

---

[1] Указатель книг и статей в богословской литературе по вопросу о социализме. — «Саратовский духовный вестник», 1907, № 6, с. 5—6. Подпись: О. Е. В.

[2] Подробнее о жизни и деятельности Н. А. Рубакина см.: Рубакин Н. А. Автобиографическая заметка. — «Библиол. сборник», 1915, т. 1. Вып. 2, с. 28—31; Рубакин А. Н. Рубакин. (Лоцман книжного моря). М., «Молодая гвардия», 1967. 176 с. (Жизнь замечательных людей); Разгон Л. Э. Под шифром «Рб». М., «Знание», 1966. 127 с.

[3] Описание архива и список трудов Н. А. Рубакина см.: «Записки Отдела рукописей» (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина), 1963, вып. 26, с. 63—206.

Круг интересов Н. А. Рубакина в области книговедения отличался необычайной широтой: он изучал состояние русского книжного дела на рубеже XIX и XX веков, собирал материалы для его истории, занимался статистикой книжного обращения и чтения, теорией и практикой библиотековедения, постановкой самообразования и его руководством, анализом читательских интересов, рекомендательной библиографией и многими другими вопросами.

Практическое участие Н. А. Рубакина в рациональной организации и развитии самообразования среди трудовых слоев населения царской России — важнейшая его заслуга в области народного просвещения. Даже живя за границей (Н. А. Рубакин эмигрировал из России в 1907 г. и прожил в Швейцарии вплоть до своей смерти в 1946 г.), он продолжал руководить чтением многих русских самоучек, оказывая им помощь советами и консультациями.

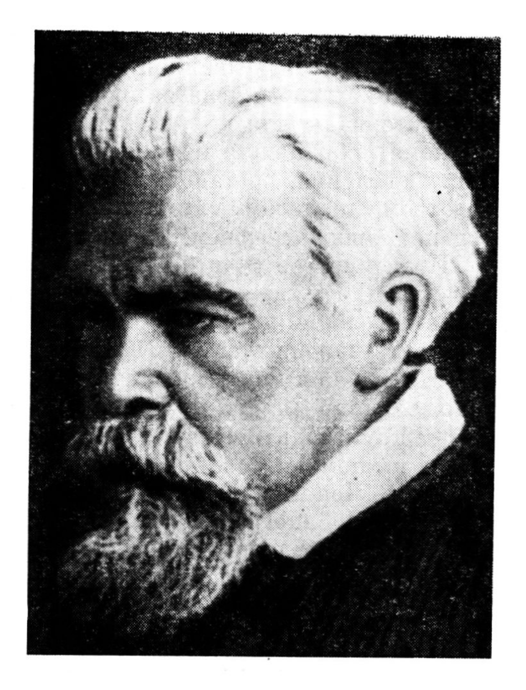
В. И. Ленин и Г. В. Плеханов ценили публицистические и библиографические работы Н. А. Рубакина. В. И. Ленин не один раз использовал в своих статьях статистические сведения о сословно-классовом составе населения царской России, почерпнутые им из книги Н. А. Рубакина «Россия в цифрах» (Спб., 1912)[1]; Г. В. Плеханов считал статьи Н. А. Рубакина «К характеристике читателя и писателя из народа» и «Наблюдения над русским читателем» — превосходными [2].

После Великой Октябрьской социалистической революции Н. А. Рубакин остался верным сыном своей родины. В одном из писем из Лозанны в Россию он выразил свое отношение к молодому советскому государству и к его врагам — белоэмигрантам. «С здешней эмигрантщиной я никогда не имел и не имею ничего общего. Всегда стоял и стою совсем в стороне от нее. Мне она противна. Мой идеал по-прежнему таков: трудовое рабоче-крестьянское государство, основанное на обобществлении собственности» [3]. Огромную личную библиотеку он использовал для информации зарубежных ученых об успехах новой советской культуры.

Обращенные к Н. А. Рубакину слова А. М. Горького: «Когда-нибудь разумные люди сумеют оценить и Вашу

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16, с. 212; т. 23, с. 258—259.
[2] Плеханов Г. В. Соч. Т. 4. М.—Л., ГИЗ, 1925, с. 120; т. 9. М.—Л., ГИЗ, 1925, с. 256.
[3] ГБЛ. Ф. 358. Письмо Н. А. Рубакина А. В. Мезьер от 20 авг. 1925 г.



Николай Александрович Рубакин (1862—1946)
фото 1925 года

настойчивую, огромную работу истинного демократа. Много сделано Вами для одухотворения массы народной — я знаю это, и очень хорошо», — оказались пророческими[1]. Столетний юбилей со дня рождения Н. А. Рубакина отмечен в Советском Союзе появлением многочисленных статей и в дальнейшем книг о жизни и деятельности выдающегося популяризатора знаний и библиографа, а также переизданием отдельных его научно-популярных книг и руководств по самообразованию.

Начало библиографической деятельности Н. А. Рубакина уходит в 90-е годы прошлого века, когда он задумал составить библиографический указатель нового типа, в виде примерного библиотечного каталога общеобразовательной общественной библиотеки, одновременно являющегося и пособием по самообразовательному чтению.

Первым опытом такого пособия можно считать составленную Рубакиным с участием А. В. Мезьер библиогра-

---

[1] Письмо А. М. Горького Н. А. Рубакину от 18 окт. 1922 г. — «Записки Отдела рукописей» (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина), 1962, вып. 25, с. 427.

фию к книге Д. Мармери «Прогресс науки» (Спб., 1896). Универсальный по содержанию, сравнительно большой по объему (около 700 назв.), указатель к «Прогрессу науки» выполнен на уровне, высоком не только для конца XIX века: редкая прикнижная библиография того времени имела систематическое расположение, была аннотирована и сопровождалась именным и предметным указателями. Второй попыткой Н. А. Рубакина дать сравнительно широкий круг чтения он сам считал библиографический указатель книг и статей по истории мироздания в книге Г. Гетчинсона «Очерки первобытного мира» (Спб., 1899).

Замысел примерного каталога и в теоретическом и в практическом отношении постепенно созревал. Оживление издательского дела в России в конце XIX века дало возможность Н. А. Рубакину приступить к составлению примерного каталога общеобразовательной энциклопедической библиотеки на более широкой основе.

В 1906 году (фактически в конце 1905 г.) вышло в свет первое издание справочного пособия «Среди книг», место и значение которого в развитии русского библиотековедения еще недостаточно оценено[1]. Вторая часть «Среди книг», собственно библиографическая, была тем примерным каталогом, который служил справочным пособием для комплектования общеобразовательных библиотек и книжных магазинов и одновременно мог быть использован как руководство для самообразования.

Намерение Н. А. Рубакина дать комплексное справочное пособие было значительно подорвано слабостью библиографической части «Среди книг». Для программы чтения пособие Н. А. Рубакина, по мнению ряда библиографов, было слишком перегружено литературой, не соответствующей целям самообразования, тогда как для примерного библиотечного каталога, напротив, в нем недоставало многих ценных капитальных трудов (особенно в разделах: изящные искусства, публицистика, педагогика, языкознание). Кроме методических просчетов, на которые обратили внимание главным образом библиотековеды и библиографы, были и другие, более существенные обстоятельства, определившие неуспех руководства Н. А. Руба-

[1] Рубакин Н. А. Среди книг. Опыт справочного пособия для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов. Спб., «Школьное и библиотечное дело», 1906. XVIII, 184, 332, XIII с.

кина. Содержание «Среди книг», уже в момент своего выхода отстававшее от требований времени и «злобы дня», не могло удовлетворить читателя периода первой русской революции. Сбор материала для каталога Н. А. Рубакин в основном закончил в 1904 году и уже в процессе печатания ввел в него в очень небольшом объеме, в виде дополнения, издания первой половины 1905 года. Масса книг, хлынувшая на книжный рынок с осени 1905 года, естественно, не попала в библиографию. Не могла способствовать популярности «Среди книг» и та «надпартийная» позиция, которую пытался занять автор каталога в годы острейшей классовой борьбы.

Второе издание указателя Н. А. Рубакина «Среди книг», над которым автор работал на протяжении десяти лет, с 1905 по 1915 год — своеобразное явление в истории русской дореволюционной рекомендательной библиографии [1]. Этот труд широтой включенного в него материала и особенностями своей структуры выделялся не только среди русских библиографических справочников, — подобных ему не знала и мировая библиография.

Между выходом первого и второго издания «Среди книг» (август 1905 и 1911—1915) в судьбе русской книги, как известно, произошли крупные изменения, которые не могли не отразиться на библиографии. При подготовке нового издания Н. А. Рубакину пришлось иметь дело с огромным массивом общественно-политической литературы, поступившей на книжный рынок в течение 1905—1910 годов, и соответственно с такими новыми разделами библиографии, как аграрный вопрос, утопический и науч-

---

[1] Рубакин Н. А. Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. Справочное пособие для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек, а также книжных магазинов. Изд. 2-е, доп. и переработ. Т. 1. Языкознание, литература, искусство, публицистика, этика в связи с их историей. М., «Наука», 1911. XXVI, 192, 424 с.

То же. Т. 2. I. История. II. Религиозно-церковный строй. III. Строй семейный и его история. IV. Строй народного образования. V. Строй политический и юридический. VI. Строй социальный и экономический. VII. Строй материальной культуры. VIII. Статистика и демография. IX. Социология. М., «Наука», 1913. XVI, 930 с.

То же. Т. 3. Ч. 1. I. Человечество в его отношении к окружающей природе. II. Национальный вопрос за границей и в России. М., «Наука», 1915. VIII, 200 с.

ный социализм, социал-реформизм, революция 1905—1907 годов, контрреволюция и т. д., организация которых представляла для него немалые трудности. Над вторым изданием Н. А. Рубакин работал в трудных условиях эмиграции, в Швейцарии, вдали от крупных русских книгохранилищ, тем не менее он значительно расширил свой труд и внес в его структуру существенные изменения.

Первое издание труда Рубакина представляло из себя сравнительно небольшой каталог (около 7,5 тысячи названий), тогда как втрое выросшее в объеме новое издание с полным правом можно назвать сравнительным обзором русских книг, проведенным по особой системе. В основу этого огромного библиографического обозрения положена «классификация явлений и областей жизни» и история научно-философских и литературно-общественных идей. Впервые в русской библиографии списки книг давались в сопровождении обширных «предварительных замечаний», с помощью которых читатель мог получить общее представление о тематике и характере книг и тем самым значительно свободнее ориентироваться в русских книжных богатствах. Мысль о раскрытии содержания произведений печати возникала у Н. А. Рубакина еще при подготовке первого издания «Среди книг», но реализовать ее в виде «предварительных замечаний» он смог лишь во втором издании своего труда. Применение этого приема в рекомендательном пособии было крупным шагом вперед в теории и практике библиографии. К сожалению, после Н. А. Рубакина никто в таких масштабах не повторил его опыта.

По мысли Н. А. Рубакина, каждый приступающий к самообразованию должен изучать не отдельные науки, а области жизни. Прежде всего читатель знакомится с тем, *что должно быть*, с идеалами и стремлениями человечества. В соответствии с этим автор ввел в первый том художественную литературу, книги по искусству, нравственности и публицистику. Следующей ступенью самообразования явится знакомство с окружающей действительностью, изучение того, *что есть* (человек и общество, человек и его отношение к окружающей природе). Данной ступени соответствовало содержание второго и в значительной степени третьего тома библиографии. И, наконец, последняя ступень, на которой читатель познает, *какими методами* он должен *искать истину*; практически это выражалось в изучении математики, логики, гносеологии. Завер-

шается путь самообразования чтением философской литературы. Заимствованная у О. Конта и своеобразно переработанная классификационная схема соответствовала идейной позиции Н. А. Рубакина, его стремлению указать путь к знанию, к «всеобщей, несомненной, полной истине».

Труд Н. А. Рубакина остался незаконченным. Вторая часть третьего тома, в которую автор предполагал включить обзор литературы о природе органической и неорганической, о космосе в целом, о научных методах (математика, логика, гносеология) и философии, не вышла в свет, хотя в 1915 году была вчерне закончена. В этой последней части предполагалось поместить также отдел библиографии, составление которого взял на себя И. В. Владиславлев, и список рецензий и критических статей, появившихся за последние 50 лет на книги, включенные во все тома «Среди книг». Из намеченных и нереализованных вспомогательных ключей особенно важны были: 1) указатель научно-философских и литературно-общественных вопросов, литература по которым указана в «Предварительных замечаниях», и 2) указатель книг по параграфам.

Причины, помешавшие завершению «Среди книг», не зависели от воли автора. Его упорное стремление довести библиографию до конца непрерывно наталкивалось на препятствия. Сказывалась к тому же оторванность Н. А. Рубакина от крупных русских библиотек, от современного русского книжного рынка; в условиях первой мировой войны все труднее становилось печатать в России библиографию, составляемую в Швейцарии.

В предисловии к первому тому «Среди книг» Н. А. Рубакин не без основания отметил, что его труд «в сущности представляет из себя коллективную работу». Он использовал ценные указания, сделанные ему многими лицами, в том числе П. Б. Аксельродом, акад. Алексеем Н. Веселовским, П. С. Коганом и многими другими. Деятельное участие в подготовке первого тома приняли Г. В. Плеханов, В. А. Келтуяла и В. И. Семевский. Особенно заслуживает внимания помощь, оказанная Г. В. Плехановым при составлении наиболее ответственной части первого тома, раздела «Публицистика и критика». Переписка Г. В. Плеханова и Н. А. Рубакина по этому поводу раскрывает историю создания «Среди книг» и помогает уяснить характер трудностей, ошибок и заблуждений, которые пришлось испытать и пережить библиографу.

Понимая публицистику очень широко, Н. А. Рубакин ввел в библиографию огромный и разнообразный материал: труды В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, критические произведения В. Г. Белинского и лекции Т. Н. Грановского, докладные записки С. Ю. Витте и религиозно-мистические рассуждения С. Н. Булгакова, проповеди Иоанна Кронштадтского и статьи крайних реакционеров В. А. Грингмута, К. П. Победоносцева и т. д.

Библиограф не только отобрал, с его точки зрения, наиболее существенное и характерное, но и попытался в своем труде систематизировать и сравнить различные течения общественной мысли, возникавшие в России на протяжении столетий, то есть взялся «сопоставить одни литературные отклики на злобу дня с другими, автора с автором, направление с направлением, библиографически выразить как сцепление, так и скрещивание и борьбу идей, течений и направлений, бороздящих верхи и низы общественной жизни,— поверхность ее и глубину» [1].

Собранный материал Н. А. Рубакин подверг детальной классификации, подразделив его: во-первых, хронологически, исторически, по десятилетиям (для XIX—XX вв.); во-вторых, по четырем главным направлениям: а) консервативно-реакционное, б) либеральное (демократическое и аристократическое), в) социалистическое, г) анархистское. Такая группировка русских публицистов должна была представить в общих и основных чертах систематизацию их по классовому характеру. «В нашей классификации публицистов, — указывал автор, — мы старались не упускать из вида классовой окраски вышеперечисленных течений общественной мысли, ибо борьба мнений — есть вместе с тем идейное отражение и выражение борьбы общественных классов» [2]. В пределах только что указанных четырех направлений публицистические произведения систематизировались по основным вопросам (политическому, социально-экономическому и религиозно-философскому), выдвигавшимся русской историей в тот или иной период (десятилетие).

Подобная классификация чрезвычайно расширяла возможности библиографии, позволив библиографу показать русскую публицистику в различных аспектах, но осуществление такой многоплановой систематизации слож-

---

[1] Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 1, с. 204 второй паг.
[2] Там же, с. 222 второй паг.

ного во всех отношениях материала и оценка его с точки зрения научности и пригодности для самообразования представляли исключительную трудность, подчас для Рубакина непреодолимую. Именно поэтому в процессе работы он постоянно обращался за советами и консультацией к отдельным ученым и особенно к Г. В. Плеханову, с которым у него в годы эмиграции установились прочные дружеские и деловые отношения.

При просмотре раздела публицистики Г. В. Плеханов внес ряд дополнений и уточнений в библиографический список, особо указав на пропуск важнейших работ В. И. Ленина. «Об алфавитном списке распространяться не буду, — писал он Рубакину, — замечу только, что из сочинений Ленина Вами не отмечены брошюры: «Что делать?» (самая характерная для него) и «Шаг вперед, два шага назад». Кроме того, так как у Вас отмечено, что Ленин и Вл. Ильин одно и то же лицо, то нужно бы отметить и книги: «О развитии капитализма в России» и «Экономические этюды». Это все, что я имел заметить здесь» [1].

Н. А. Рубакин тотчас внес исправления в корректуру, приняв все замечания. В вышедшем в свет первом томе библиографии среди произведений В. И. Ленина указывались издания трудов «Что делать» (№ 4452 б) и «Шаг вперед, два шага назад» (см. примечание на стр. 270), «Развитие капитализма в России» (№ 4385 а) и «Экономические этюды» (№ 4385). Кроме того, Н. А. Рубакин ввел дополнительно в список еще шестнадцать ленинских работ, большей частью конфискованных, разместив их под дублетными номерами (с буквами) и в примечании к списку [2]. Судя по нумерации, это пополнение библиографии сделано после замечаний Г. В. Плеханова, когда Н. А. Рубакин еще раз вернулся к списку трудов В. И. Ленина.

В «предварительных замечаниях», которые предшествовали библиографии произведений публицистов, Г. В. Плеханов отметил ряд неверных и неточных формулировок, пропусков и фактических ошибок. Следуя его советам, Н. А. Рубакин существенно изменил текст, отказавшись от ряда неудачных формулировок.

Примененная в первом томе «Среди книг» «классификация русских публицистов по жгучим практическим во-

[1] Письмо Г. В. Плеханова Н. А. Рубакину от 12 окт. 1910 г. — «Исторический архив», 1956, № 6, с. 17.

[2] Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 1, с. 266, 270 второй паг.

просам современной им общественной жизни» встретила серьезные возражения Г. В. Плеханова. Он упрекал библиографа в том, что ни в одну из рубрик классификации не попал ни один социал-демократический публицист. «Иначе самые рубрики оказываются — даже взятые в своей совокупности — неудовлетворительными вследствие своей неполноты» [1]. Н. А. Рубакину пришлось обстоятельно объяснять читателю причину подобных пропусков, а в дальнейшем, во втором томе библиографии, уделить особое внимание социал-демократической литературе.

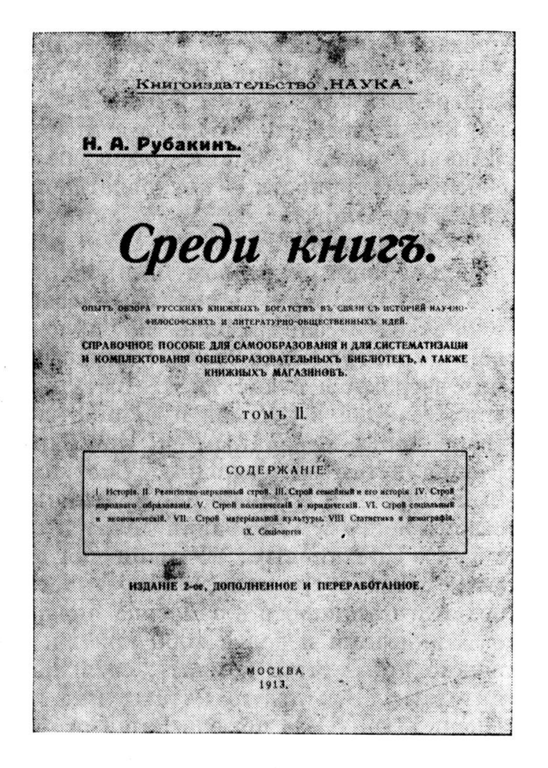
Раздел публицистики, по признанию Н. А. Рубакина, — «центральный гвоздь» первого тома — доставил ему много тревог и волнений. Недостаточное знание политических течений в русской публицистике рождало неудовлетворенность сделанным и многократные обращения к специалистам за помощью. Споткнувшись на характеристике русской социал-демократии и ее отдельных представителей, Н. А. Рубакин делится своими затруднениями с Г. В. Плехановым: «У меня для этого нет достаточного знакомства с с[оциал]-д[емократической] литературой. И без этого пришлось в 4 месяца перерыть около 1000 томов публицистики и более 4000 критич. статей о них, а изложение приходится комкать, себя же прятать за чужими цитатами. Вот эти-то цитаты мне особенно необходимы. Очень прошу Вас помочь Вашими указаниями. Далее, мне хотелось бы еще слышать Ваше мнение о моей работе в ее целом. Правильно ли я сформулировал общий ход истории русской публицистики? Не следует (и как) подчеркнуть экономическую сторону в ее общей эволюции? (здесь ведь Вы и я вполне согласны насчет эк[оном]ического фактора)» [2].

Сложность и большой объем работы над разделом публицистики привели к тому, что ряд актуальных для того времени вопросов не получил в нем отражения. Это обстоятельство вынудило Н. А. Рубакина, когда он закончил основную часть первого тома, дать в нем специальное «Дополнение», содержавшее два четко выделенных вопроса (об интеллигенции и роли личности в истории). По каждому из них автор, по принятой им схеме, дал список

---

[1] ГБЛ. Ф. 358. Письмо Г. В. Плеханова Н. А. Рубакину от 20 окт. 1910 г.

[2] ГПБ АДП. В. 371. 7. Письмо Н. А. Рубакина Г. В. Плеханову от середины ноября 1910 г.



Книгоиздательство „НАУКА"

Н. А. Рубакинъ.

Среди книгъ.

ОПЫТЪ ОБЗОРА РУССКИХЪ КНИЖНЫХЪ БОГАТСТВЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИХЪ И ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ИДЕЙ.

СПРАВОЧНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ И ДЛЯ СИСТЕМАТИЗАЦІИ И КОМПЛЕКТОВАНІЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХЪ БИБЛІОТЕКЪ, А ТАКЖЕ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ.

ТОМЪ II.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Исторія. II. Религіозно-церковный строй. III. Строй семейный и его исторія. IV. Строй народнаго образованія. V. Строй политическій и юридическій. VI. Строй соціальный и экономическій. VII. Строй матеріальной культуры. VIII. Статистика и демографія. IX. Соціологія.

ИЗДАНІЕ 2-ое, ДОПОЛНЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ.

МОСКВА.
1913.

литературы и «предварительные замечания», в которых охарактеризовал существовавшие в литературе различные точки зрения. Так же, как и ранее, и здесь при составлении «Дополнения», Н. А. Рубакин не мог обойтись без помощи Г. В. Плеханова.

Работа над вторым томом «Среди книг», в который вошли «Науки о социальной жизни человечества», была для Н. А. Рубакина, пожалуй, не менее, а более сложной и ответственной, чем подготовка и составление первого тома, и также сопровождалась обращением к крупным ученым и политическим деятелям. В просмотре и редактировании ряда разделов деятельное участие приняли Н. И. Кареев, В. И. Семевский и опять-таки Г. В. Плеханов.

Особые трудности Н. А. Рубакин встретил, подбирая и характеризуя литературу в таком крупном разделе второго тома, как «Строй социальный и экономический» (точнее в подразделе «В. Классовый состав современного общест-

венного строя. Общественные классы, их происхождение, их современное положение и их борьба») [1]. Многочисленные замечания Плеханова по этому разделу касались наиболее важных и принципиальных положений. Он решительно возражал против определения «общественный класс», заимствованного Н. А. Рубакиным у буржуазного экономиста Туган-Барановского, и настойчиво убеждал автора библиографии использовать определение Маркса [2].

Н. А. Рубакин как истый эклектик выбрал компромиссный путь, когда дорабатывал рукопись после просмотра ее Г. В. Плехановым. В «предварительных замечаниях» в рубрике «Общественные классы, их происхождение, их современное положение и их борьба» он механически соединил различные точки зрения на классовое строение капиталистического общества: не отказываясь от формулировки Туган-Барановского, он вместе с тем отвел значительное место высказываниям Маркса и полностью процитировал первый абзац 52-й главы третьего тома «Капитала» [3]. В перечень особо рекомендуемой теоретической литературы об общественных классах и классовой борьбе Н. А. Рубакин ввел много работ Маркса, Энгельса, Лафарга, но наряду с ними поместил и произведения Михайловского, Туган-Барановского, Пешехонова и других [4].

Последовательно просматривая подраздел «Классовый состав современного общественного строя», Г. В. Плеханов сделал еще ряд замечаний, многие из которых не прошли бесследно для работы Н. А. Рубакина. Под рубрикой «Общее понятие о труде. Труд производительный и непроизводительный» появились труды К. Маркса, указаны даже рекомендованные Г. В. Плехановым страницы из «Теорий прибавочной стоимости».

Не менее серьезны были замечания и в подразделе «Пролетариат. Рабочий вопрос и рабочее движение», вызванные в одном случае пропуском ценных работ, в другом — чрезмерно завышенной оценкой книг, явно того не заслуживающих. Под влиянием Г. В. Плеханова Н. А. Ру-

---

[1] ГПБ АДП. В. 371. 13. Письмо Н. А. Рубакина Г. В. Плеханову от 9 янв. 1913 г.

[2] ГБЛ. Ф. 358. Письмо Г. В. Плеханова Н. А. Рубакину от 31 дек. 1912 г.

[3] Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 2, с. 609.

[4] Там же, с. 610.

бакин незначительно, но все же снизил восторженный тон страниц, посвященных Ф. Ланге и В. Зомбарту [1].

В том же подразделе после пометок Г. В. Плеханова Н. А. Рубакин коренным образом изменил определение «социалистического направления» в рабочем движении. В новом варианте текста характеристику этого направления он заканчивал рекомендацией «Капитала» К. Маркса и «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса, в которых рабочий вопрос «особенно глубоко и разносторонне трактуется» [2].

Не чувствуя себя достаточно компетентным в социал-демократической литературе, Н. А. Рубакин при подготовке отдела «Русский социализм» прибегнул непосредственно к помощи В. И. Ленина и Л. Мартова, заказав им краткие заметки о большевизме и меньшевизме. Два последних письма Рубакина, которыми заканчивается переписка с Г. В. Плехановым по поводу «Среди книг», содержат сведения об истории публикации статьи В. И. Ленина «О большевизме». Первое упоминание об этой статье мы находим в письме Н. А. Рубакина, в котором он просит Г. В. Плеханова просмотреть все, что касается нерусского социализма и обещает прислать ему в ближайшее время обзор главнейшей литературы о социализме в России [3]. Через месяц, когда «Русский социализм» был закончен, Н. А. Рубакин обратился к Г. В. Плеханову с просьбой уделить особое внимание страницам, посвященным «социал-демократическому направлению», и предоставил ему право решить судьбу статьи В. И. Ленина: «Я знаю, что Вы занимаете особое положение, но ориентироваться в спорах б[ольшевиков] и м[еньшевиков] не умею. О меньшевиках написал 1 страничку Л. Мартов, о большевиках г. Ленин. Этому последнему, зная его полемический пыл, я написал просьбу не прибегать к полемическим выражениям по адресу меньшевиков. Он прислал мне письмо, которое Вы прочтете в тексте. Это письмо я еще не решил печатать. Не выкинуть ли? В нем есть полемика. Я обращался к Ленину с просьбой смягчить нек[оторые] выражения и получил от него категорический отказ. Тогда я ввел в текст рукописи его письмо целиком, но с оговоркой, что текст письма оставлен мною без малейших перемен. Очень прошу, просмот-

---

[1] Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 2, с. 620.

[2] Там же, с. 623.

[3] ГПБ АДП. В. 371. 15. Письмо Н. А. Рубакина Г. В. Плеханову от 20 февр. 1913 г.

рите и сделайте какие угодно изменения на полях рукописи (это дубликат). Быстрый ход моей книги заставляет думать, что она стала настольной (за $1^1/_2$ года продано более 3200 экз.). О рус[ской] социал-демократии нужно дать возможно больше возможно точных сведений» [1].

Как известно, В. И. Ленин поставил категорическое условие печатать написанную им статью «О большевизме» без каких бы то ни было изменений» [2], что крайне смущало Н. А. Рубакина. Именуя себя врагом всякой полемики, Н. А. Рубакин наивно полагал, что в своей книге он сумеет избежать острых партийных споров и сохранит позицию бесстрастного собирателя различных точек зрения. Получив в январе 1913 года от В. И. Ленина заказанную статью, он в конце марта все еще находился в нерешительности: помещать или не помещать ее во втором томе своего труда. Очевидно, колебаниям Н. А. Рубакина положил конец Г. В. Плеханов, которому предоставлялось право просмотреть отдел «Русский социализм» (в библиографии он называется «Социализм в России») и «сделать какие угодно изменения на полях рукописи». Статья «О большевизме» появилась в библиографии с кратким примечанием, которое сообщало читателям, что текст «печатается без всяких изменений, и некоторые полемические квалификации г. Ленина оставляются на ответственности автора» [3].

Таким образом, если обратиться к первым двум томам второго издания «Среди книг», то можно на многих страницах этого труда найти следы влияния выдающегося теоретика марксизма Г. В. Плеханова. Отдельные страницы «предварительных замечаний» по существу им отредактированы (см., например, обзор его трудов в т. 2, стр. 770—771) или составлены по его указаниям (см. т. 1, «Вопрос о роли личности в истории», стр. 407—408).

Г. В. Плеханов понимал значение труда Н. А. Рубакина и в силу этого предъявлял к нему серьезные требования. Общий тон его замечаний по рукописи Н. А. Рубакина можно охарактеризовать как последовательную защиту и пропаганду марксистских взглядов. Его письма к библиографу продиктованы желанием освободить «Среди книг» от эклектизма, от беспорядочного смешения различ-

---

1 ГПБ АДП. В. 371. 16. Письмо Н. А. Рубакина Г. В. Плеханову от 26 марта 1913 г.
2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48, с. 151.
3 Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 2, с. 772.

ных точек зрения. Предостерегая от чрезмерного увлечения цитатами из трудов Туган-Барановского, Иванова-Разумника, Зомбарта, Ланге и прочих представителей буржуазной науки, Г. В. Плеханов тем самым стремился удержать Н. А. Рубакина от бездумной рекомендации литературы, враждебной марксизму. Годы работы над рукописью «Среди книг» совпали с подъемом революционной деятельности Г. В. Плеханова, когда он поддерживал партийные решения о борьбе с ликвидаторством и сам активно боролся с оппортунизмом. Это обстоятельство благотворно сказалось на его отношении к труду Н. А. Рубакина. Г. В. Плеханов не в силах был преодолеть основной недостаток Н. А. Рубакина — стремление последнего занять позицию «надпартийности» и примирить в своем труде противоположные и непримиримые взгляды, но он во многом помог автору «Среди книг» дополнить, исправить и улучшить его библиографию. Благодаря Г. В. Плеханову наиболее ответственные рубрики наполнились трудами Маркса, Энгельса, Ленина, а ряд формулировок в «предварительных замечаниях» в первых двух томах освободился от эклектической шелухи и теоретической путаницы [1].

В третьем томе «Среди книг» Н. А. Рубакин обратил особое внимание на разработку национального вопроса, его теории, практики, различных форм проявления в разных государствах, особенно в России. Этот отдел, представляющий своеобразную энциклопедию и наиболее полную для того времени библиографию по национальному вопросу, занял центральное место в последнем томе. Следуя прежнему порядку, Н. А. Рубакин и здесь привлек ряд специалистов (Х. Житловского, С. Ефремова), с помощью которых старался разобраться в основных направлениях литературы по национальному вопросу. Раздел «Национальный вопрос в Литве» в «предварительных замечаниях» написан по просьбе Н. А. Рубакина литовским публицистом А. Римка.

Внушительные размеры «предварительных замечаний» и сравнительная полнота библиографии не спасли этот раздел от серьезных изъянов: недостатки, присущие первым томам «Среди книг», здесь выступили с наибольшей силой. Не имея собственной точки зрения, Н. А. Рубакин

---

[1] Подробнее см.: Машкова М. В. Г. В. Плеханов и «Среди книг» Н. А. Рубакина. — «Сов. библиография», 1963, вып. 6, с. 83—101.

в изложении национального вопроса и в классификации материала полностью следовал за буржуазными теоретиками, в первую очередь за Х. Житловским и Отто Бауэром, что уводило его далеко в сторону от сколько-нибудь объективного освещения обозреваемой литературы. В «предварительных замечаниях» к этому отделу нет ни слова о борьбе марксистов с различными проявлениями буржуазного национализма. В библиографии не упомянута ни одна статья В. И. Ленина, хотя к этому времени были опубликованы такие программные его работы, как «Критические заметки по национальному вопросу» (1913 г.) и «О праве наций на самоопределение» (1914), в которых изложены теоретические, политические и организационные принципы разрешения национального вопроса и определено отношение марксизма к национальной культуре, национальному языку, к праву нации на самоопределение.

Отдел географии, этнографии и антропологии в третьем томе дорабатывался и во многом исправлялся в процессе печатания.

Выдающийся русский антрополог и географ, академик Д. Н. Анучин просмотрел около 100 гранок этого раздела и внес серьезные поправки и в «предварительные замечания» и в текст библиографии. Он обратил внимание на большое количество пропусков существенных и важных книг, особенно в новейшей литературе, и вместе с тем указал на наличие компилятивных, слабых, утративших всякое научное значение произведений. Д. Н. Анучин посоветовал переместить часть библиографического материала, изменил в отдельных случаях текст «предварительных замечаний», в конце общего отдела географии добавил краткие характеристики некоторых русских деятелей в области географии [1].

Рождение крупного библиографического указателя нового типа, каким был труд Н. А. Рубакина, не прошло незамеченным. Реакция общественного мнения на выход «Среди книг» оказалась самой различной. Левый лагерь приветствовал появление труда Н. А. Рубакина, в одной из рецензий, например, отмечалось: «Вся книга проникнута до того ярким, светлым оптимизмом, что, читая ее, кажется, самый упрямый скептик уверует в наступающее

---

[1] ГБЛ. Ф. 358, карт. 200, ед. хр. 24. Письмо Д. Н. Анучина И. В. Владиславлеву от 31 мая 1914 г. 2 л.

пробуждение от общественной реакции последнего пятилетия»[1].

Крайне правый лагерь, который и ранее объявлял Н. А. Рубакина «чистейшим безбожником и анархистом», призывающим к революции, выступил и на этот раз с погромными речами против «Среди книг»[2].

Появление каждого тома вызывало много откликов в печати и возбуждало споры вокруг важнейших вопросов рекомендательной библиографии. «Выход в свет II тома «Среди книг», — писал редактор журнала «Библиотекарь» П. М. Богданов, — самое крупное событие в истории русской практической библиографии прошлого года, если не целого десятилетия»[3].

Н. А. Рубакин был, пожалуй, первым из русских библиографов, кто с таким постоянством и настойчивостью требовал от книжных работников не только знания книги, умелой ее рекомендации, но и изучения самого читателя, его потребностей, запросов, степени подготовленности, психологии его восприятия. Социологической стороне типизации книг и типизации читателей Н. А. Рубакин уделял много внимания в течение всей своей жизни, ей отвел он значительное место и в вводной, библиотековедческой части «Среди книг». Проблема «читатель и книга» в русском библиотековедении, по существу, серьезно исследовалась впервые Н. А. Рубакиным. Он собрал эмпирическим путем огромный материал о влиянии книги на читателя, постарался обобщить свои наблюдения и вывести некоторые закономерности. И хотя в дальнейшем изыскания в этой области завели его в тупик идеалистической теории, жестоко раскритикованной в советской печати «библиопсихологии», интерес к проблеме «читатель и книга» был пробужден.

Но самым важным вопросом, имевшим в дальнейшем принципиальное значение для развития теории и практики советской библиографии, был, несомненно, вопрос о партийной направленности библиографического труда, возникший в связи с выходом «Среди книг».

Широкая рекомендация общественно-политической, философской, исторической и художественной литерату-

---

[1] «Бюллетени литературы и жизни», 1911, № 1, с. 45.

[2] Школьная подготовка второй русской революции. Изд. 4-е. Спб., 1913, с. 197, 201, 205, 206—228; «Новое время», 1914, № 13 581, 2 янв., с. 3.

[3] Богданов П. М. — «Библиотекарь», 1914, вып. 1, с. 92.

ры, неразрывно связанная с идейной и политической позицией библиографа, с неизбежностью привела к разговору об объективизме, аполитичности и партийности библиографии. Попытка Н. А. Рубакина занять надпартийную позицию в оценке и рекомендации литературы и удержаться в этом шатком положении оказалась несостоятельной, тщетность его усилий ясно обнаружилась уже при выходе первого тома библиографии. Рассуждения Н. А. Рубакина о надпартийной точке зрения библиографа никого не ввели в заблуждение, даже журнал либерального народничества «Русское богатство», который первым выступил с критической оценкой «Среди книг». Анонимный рецензент не без иронии писал: «...как мог бы проводить «надпартийную» точку зрения г. Рубакин, который в этой самой книге причисляет себя к одному из трех оттенков этико-социологической школы социалистов, школы, настолько определенной, что народники отмежеваны от нее. Где уж там «над-партийная точка зрения»: знать бы свои силы и соразмерять с ними свои цели — от составителя библиографического указателя, право, никто бы больше не потребовал» [1]. Так же быстро был обнаружен и разгадан эклектизм Н. А. Рубакина, который он искренне и наивно принимал за объективность и терпимость к чужим мнениям [2].

Большим событием в истории русской библиографии было появление рецензии В. И. Ленина на второй том «Среди книг» Н. А. Рубакина [3]. В этом критическом отзыве, напечатанном в большевистском теоретическом журнале «Просвещение» (1914, № 4), В. И. Ленин проанализировал труд Н. А. Рубакина совсем иначе, чем в рецензиях, опубликованных до этого.

Публицистическая и библиографическая деятельность Н. А. Рубакина была хорошо известна В. И. Ленину еще до выхода второго тома «Среди книг». Он не один раз использовал первый том этой библиографии для справок и библиографических разысканий. Летом 1911 года В. И. Ленин выписывал из справочника Рубакина библиографические сведения о народнической литературе, запрещенных периодических изданиях, нелегальных жур-

---

[1] «Русское богатство», 1911, № 12, отд. новые книги, с. 143.
[2] Львов-Рогачевский В. Л. — «Современный мир», 1911, № 8, с. 349—351.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 111—114.

налах и конфискованных большевистских сборниках [1]. Мысль о рецензии возникла у В. И. Ленина после выхода второго тома библиографии, в котором он принимал непосредственное участие. Переписка с Рубакиным в период подготовки этого тома к печати дала возможность В. И. Ленину ближе и непосредственней познакомиться с замыслом и идейной позицией автора библиографии.

В. И. Ленин одобрил основной замысел библиографа — дать обзор русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей — и считал, что «ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись» [2]. О положительном отношении В. И. Ленина к данной библиографии говорят и другие факты. В том же году в списке литературы к статье «Карл Маркс», которую В. И. Ленин готовил для «Энциклопедического словаря» Гранат, он указал «для детальной библиографии марксизма» второй том «Среди книг» — единственный русский справочник, упомянутый им в небольшом перечне библиографических указателей.

И тем не менее, при всей положительной оценке библиографии Н. А. Рубакина, В. И. Ленин счел необходимым специально остановиться на ее недостатках, которые заключались в эклектизме автора и в недостаточно широком обращении к специалистам. Конкретные примеры, взятые В. И. Лениным из второго тома «Среди книг», со всей очевидностью показали, насколько иллюзорными оказались стремления Н. А. Рубакина поставить себя вне борьбы идей и вне полемики и насколько утопичен его замысел ограничить себя в обзоре русских книжных богатств беспристрастно-описательным коллекционерством различных точек зрения. Отдельные замечания В. И. Ленина, например об отношении Н. А. Рубакина к М. И. Туган-Барановскому, совпали с критическими пометками Г. В. Плеханова, сделанными им годом ранее при просмотре рукописи библиографии, и это совпадение, конечно, не было простой случайностью. Здесь выявилось единство В. И. Ленина и Г. В. Плеханова в оценке общей позиции Н. А. Рубакина и той скрытой полемики, которую он вел на страницах своей библиографии. Только, в отличие от Г. В. Плеханова, критические замечания

---

[1] Ленинский сборник XXV, с. 309—312.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 112.

В. И. Ленина носили не частный, а общий характер, и вышли за пределы анализа конкретного библиографического указателя. Теоретическое значение рецензии В. И. Ленина и заключалось именно в том, что сформулированный на частном примере принцип партийности библиографии, ее неразрывной связи с общественной борьбой, в дальнейшем лег в основу советской библиографии.

Г. В. Плеханов в начале 1914 года, так же как и В. И. Ленин, собирался выступить в печати с рецензией на труд Н. А. Рубакина и даже наметил журнал («Современник»), в котором рассчитывал ее опубликовать [1]. Рецензия скорее всего не была написана потому, что надобность в ней отпала в связи с появлением критического отзыва В. И. Ленина, с которым Г. В. Плеханов не мог не согласиться и не разделить основных его положений.

Методические вопросы, непосредственно касавшиеся структуры, принципов отбора и оценки материала в библиографии Н. А. Рубакина, тоже обсуждались на страницах периодической печати.

В некоторых рецензиях бралась под сомнение сама возможность совмещения в одном библиографическом труде различных по своему характеру задач: служить примерным библиотечным каталогом, руководством для самообразования, справочником для комплектования книжных магазинов и библиотек различного типа и одновременно быть пособием по теории книжного дела и изучению читательской психологии. Современники Н. А. Рубакина А. И. Калишевский и К. Н. Дерунов, оба к этому времени известные и крупные библиотековеды, выступили в печати против самого замысла Н. А. Рубакина — использовать библиотечный каталог в качестве рекомендательного пособия [2]. Особенно резко высказался Дерунов, который неоднократно сталкивался с Рубакиным и по другим спорным вопросам методики библиографии [3].

---

[1] ГБЛ. Ф. 358. Письмо Г. В. Плеханова Н. А. Рубакину от 9 янв. 1914 г.

[2] Калишевский А. И. — «Библиотекарь», 1911, вып. 3, с. 334—341.

[3] Дерунов К. Н. Примерный библиотечный каталог. Ч. 1—2. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1908—1911, с. 155—158; «Доклады и отчеты» (Рус. библиол. о-во). 1913, вып. 2, с. 106.

Кроме того, К. Н. Дерунову принадлежит неопубликованная рецензия «Свет во тьме» (на 2-е изд. «Среди книг»), суть которой изложена в кн.: Кирпичева И. К. К. Н. Дерунов (1866—1929). М., Всесоюз. кн. палата, 1963, с. 52—54.

Книга Н. А. Рубакина, по мнению К. Н. Дерунова, была неудовлетворительна, с одной стороны, потому, что рекомендовала читателю прочесть немыслимое число книг, свыше 20 тысяч названий, а с другой стороны, — из-за неподходящей, произвольно построенной классификации. И то и другое положение К. Н. Дерунова не было достаточно развернуто, аргументировано, а главное объективно. Он совершенно игнорировал ту совокупность средств, которые Н. А. Рубакин продуманно мобилизовал для характеристики книг разной степени трудности для читателей различной степени подготовки. Практика использования «Среди книг» показала, что из библиографии Н. А. Рубакина черпали нужные сведения и высококвалифицированные читатели (В. И. Ленин и Г. В. Плеханов) и начинающие самоучки. О последнем ясно говорит письмо А. С. Новикова-Прибоя Н. А. Рубакину: «Не нарадуюсь я, перелистывая Вашу книжку. Сохраню ее на всю жизнь. Она будет для меня лучшим советником по части чтения. Мало того, с помощью ее я сумею сделать указания по выбору книг и своим товарищам: матросам, солдатам, рабочим и крестьянам, которые больше, чем кто-либо, нуждаются в этом» [1].

Для малоподготовленного, начинающего читателя имели значение отметки о степени трудности книг и выделение литературы для библиотек трех типов (I — сельских и фабричных, II — товарищеских, III — общественных) во всех разделах «Среди книг».

Много критических замечаний вызвала и классификационная схема, примененная Н. А. Рубакиным в его библиографии. На трудном пути поисков практически удобной и вместе с тем научной системы размещения материала в крупной рекомендательной библиографии первый значительный шаг сделал Н. А. Рубакин. В его библиографии впервые в русской практике в таких масштабах и с такой степенью разработанности применялась классификация книг; при этом размещении материала создавалась своеобразная лестница знания, шествие по ступеням которой обеспечивало читателю широкое и разностороннее образование. Особенностью схемы каталога была ее демократичность. «Она должна быть такова, — утверждал Н. А. Рубакин, — чтобы подвигаться вверх могли по ней

---

[1] Письмо А. С. Новикова-Прибоя Н. А. Рубакину от 1 мая 1912 г. — «Новый мир», 1959, № 8, с. 280.

всякие, даже все читатели, даже самые неподготовленные, самые непросвещенные» [1].

Органическая и неразрывная связь основной идеи указателя и примененной в нем классификации, видимо, не была до конца понята современниками Н. А. Рубакина. Его схема подверглась критике, многим она показалась чрезмерно сложной и излишне дробной, запутывающей читателя. Это мнение разделяли А. В. Мезьер, К. Н. Дерунов, Н. Н. Бахтин, С. О. Серополко и другие библиографы. Наиболее образно его выразила А. В. Мезьер: «Автор стремился дать книжным работникам руководящую нить и затерял ее в темных извилинах построенного им лабиринта» [2]. В защиту Н. А. Рубакина можно сказать только одно: обещанные вспомогательные указатели могли бы значительно облегчить работу читателя и развеять первое впечатление о чрезмерной сложности построения указателя.

Немало упреков, в ряде случаев вполне заслуженных, вызвало и наполнение библиографии, в отдельных разделах которой были серьезные пробелы.

При всех слабостях и погрешностях труда Н. А. Рубакина никто, кроме представителей черносотенного лагеря, не отрицал прогрессивного характера и значительности появления «Среди книг». Второе издание этой библиографии создавалось, по собственному выражению Н. А. Рубакина, в «глухие и унылые годы российского безвременья», поэтому особым достоинством выступает внимание ее автора к социально-экономическим и общественно-политическим вопросам, к злободневным темам современности. По существу, такие темы, как «студенческие волнения», «полиция печати», «русско-японская война», «революция 1905—1906 гг.», «контрреволюция» и т. д. впервые получили отражение здесь. Это была единственная рекомендательная библиография, в которой специально и сравнительно широко учитывались конфискованные издания и вольная печать [3]. Главная задача, поставленная Н. А. Рубакиным, — дать основные произведения по основным

---

[1] Рубакин Н. А. Письма к читателям о самообразовании. Спб., Н. П. Карбасников, 1913, с. 345.

[2] Мезьер А. В. Обзор библиографической литературы в 1911 г.— «Русская школа», 1912, № 2, отд. критики и библиогр., с. 7.

[3] Н. А. Рубакин предполагал в виде особого дополнения дать во втором томе «Среди книг» библиографию конфискованных изданий, но не успел выполнить этого намерения.

разделам наук — была в общем выполнена. Он создал наиболее полный свод основной дореволюционной литературы по самой разнообразной, преимущественно гуманитарной тематике.

После выхода в свет третьего тома «Среди книг» Н. А. Рубакин не оставил своей работы над этой библиографией. Он продолжал ее в надежде подготовить третье издание, мысль о котором возникла еще в годы работы над вторым изданием [1]. Издательство «Наука» вело с Н. А. Рубакиным в 1914—1915 годах деятельные переговоры о переиздании первого тома, и последнее казалось вполне реальным и осуществимым [2]. Реализации этого замысла помешали разные обстоятельства: незавершенность всей работы в целом, затянувшаяся подготовка к печати третьего тома, возраставшие с каждым годом войны типографские трудности, чрезмерная загруженность и усталость самого Н. А. Рубакина. Но мысль о новом издании «Среди книг» не покидала Н. А. Рубакина, он вновь к ней возвращается после Великой Октябрьской социалистической революции. «О третьем издании я все-таки мечтаю», — писал он в 1937 году И. В. Владиславлеву [3]. Через три года в письме к известному деятелю народного просвещения Н. В. Чехову он сообщил: «...а я все эти годы усиленно работал над подготовкой третьего издания «Среди книг» [4].

С проектом обновленной, переработанной библиографии Н. А. Рубакин обращался в советские издательства в середине 20-х и конце 30-х годов. В письме к главному редактору Малой советской энциклопедии Н. Л. Мещерякову (1939 г.) он подробно изложил план и программу 3-го издания «Среди книг», над которым усиленно работал с конца 20-х годов [5]. Постепенно библиография Н. А. Рубакина превращалась в международную «Энцик-

---

[1] ГБЛ. Ф. 358, карт. 215, ед. хр. 2. Письмо И. В. Владиславлева Н. А. Рубакину от 28 сент. 1913 г.

[2] Там же, карт. 168, ед. хр. 46. Письма Н. А. Рубакина И. В. Владиславлеву, 1910—1913 гг.; карт. 215, ед. хр. 3. Письмо И. В. Владиславлева Н. А. Рубакину от 17 апр. 1915 г.

[3] Там же, ед. хр. 47. Письмо Н. А. Рубакина И. В. Владиславлеву от 1 дек. 1937 г.

[4] Седельникова М. В. Н. В. Чехов — видный деятель народного просвещения. М., Учпедгиз, 1960, с. 98.

[5] ГБЛ. Ф. 358, карт. 178, ед. хр. 41. Письмо Н. А. Рубакина Н. Л. Мещерякову от 11 янв. 1939 г. 3 л.

лопедию книги», по объему в два или три раза превышающую прежнее издание «Среди книг» (1911—1915 гг.). Этот фундаментальный труд, предназначавшийся читателям самой различной степени подготовки, был задуман как своего рода библиографический отчет о нескольких десятках тысяч литературных произведений всех народов и веков и по всем главнейшим отраслям науки, литературы и искусства; в нем предполагалось отразить не только литературу на русском языке, но и на других языках. Не удовлетворяясь раскрытием неясных заглавий книг, Н. А. Рубакин наметил включение в библиографию аналитических записей, относящихся к отдельным главам и даже страницам особо выдающихся русских и иностранных произведений. Весь материал располагался систематически, видимо, по той же схеме, какая была принята для прежнего издания «Среди книг» («по явлениям природы и жизни, внешней и внутренней, по ее областям, по ее проблемам»). Библиографическое описание Н. А. Рубакин проводил de visu, используя для этого собственное книжное собрание.

Чтобы сделать издание долговечным, предлагалось злободневную, быстро устаревающую литературу не помещать в основной библиографии, а давать ее в особых, отдельных приложениях, из года в год обновляемых. Учитывая свое пребывание за пределами родины, вне ее общественной и политической жизни, Н. А. Рубакин не решался взяться за подготовку дополнений и предлагал выполнять эту работу в Советском Союзе, силами других лиц.

Этим неосуществленным проектом заканчивается история «Среди книг». Замысел единоличного выполнения огромной «Энциклопедии книги» в условиях оторванности библиографа от родной страны, от советской действительности и нового, незнакомого ему читателя был явно утопичен. Библиографический обзор мировых книжных богатств с тех идейных позиций, на которых продолжал оставаться Н. А. Рубакин, не мог бы удовлетворить советского читателя. Осуществить эту работу в том широком плане, в каком она была задумана, — задача непосильная для одного человека, даже для Н. А. Рубакина, страстного пропагандиста книги, обладавшего исключительной энергией и работоспособностью.

Остальные библиографические труды Н. А. Рубакина, по сравнению с его «Среди книг», и менее значительны и

менее оригинальны. Он занимался составлением сравнительно небольших рекомендательных списков, в которых книги, как правило, располагались по тематическим рубрикам и степени трудности. Списки отличались современностью тематики, демократизмом направления и доступностью содержания.

В 1906 году с предисловием Н. А. Рубакина выходили в свет отдельные выпуски «Краткого списка лучших и наиболее доступных книг для сельских и фабрично-заводских читателей»[1], вызванные к жизни революцией 1905 года. Назначение списка — помочь читателям разобраться в том, «что творится теперь в русском государстве» и показать три беды народа: экономическую эксплуатацию, политическое бесправие и темноту. Эта маленькая библиография ценою в две копейки мгновенно разошлась, сразу же став библиографической редкостью. Под таким же точно заглавием в том же году был напечатан небольшой список в книге Н. А. Рубакина «Ничего с нами не поделаешь», выпущенной под псевдонимом Сергей Некрасов[2]. Такого же рода прикнижные библиографии появлялись и в других произведениях Н. А. Рубакина[3].

Новому этапу самообразования, начавшемуся в годы реакции, соответствовало библиографическое пособие Н. А. Рубакина «Круг знаний», которое шло навстречу стремлениям к широкому и разностороннему образованию[4]. Входившие в это пособие концентрические серии библиотек (их всего семь) в своей совокупности составляли круг чтения, необходимый для получения общего образования и выработки мировоззрения. Каждая серия состояла из коротеньких списков книг по разным отраслям знания со вступительной статьей автора о выборе книг. В основу «Круга знаний», как, впрочем, и во многих других библиографиях Н. А. Рубакина, положены та же схема и тот же

---

[1] Краткий список лучших и наиболее доступных книг для сельских и фабрично-заводских читателей. Сост. Книжной комиссией при Провинциальном бюро. С предисл. Н. Рубакина. Август, № 4, Спб., 1906. 31 с.

[2] Некрасов С. Ничего с нами не поделаешь. Повесть из жизни рабочих. Спб., «Народная воля», 1906, с. I—IV.

[3] Некрасов С. Кому польза и кому вред от свободы печати. Спб., «Народная воля», 1906, с. I—V; Рубакин Н. А. Дедушка Время. Спб., «Прометей», 1909, с. 89—102.

[4] Рубакин Н. А. Круг знаний. Наставление в выборе книг для товарищеских общеобразовательных библиотек. Спб., «Вестник знания», 1909. 32 с.

план занятий, которые широко и детально применены в трехтомном труде «Среди книг». Что же касается отношения Н. А. Рубакина к политическому направлению библиографии, то здесь он оставался верен себе и по-прежнему стремился изолироваться от партийной борьбы. Появление в годы революции партийных библиотек и библиографических указателей, политическая направленность которых была явной и не вызывала никаких сомнений, заставили Н. А. Рубакина несколько отступить перед реальной действительностью, но в основном он продолжал придерживаться прежних взглядов. «Общеобразовательная библиотека, — писал Н. А. Рубакин в 1909 году, — должна служить, так сказать, преддверием библиотек партийных. Она должна быть надпартийной. Она лишь должна указывать на самый факт существования разных партий на белом свете, предоставляя делать выбор между ними самому читателю» [1].

На тех же позициях Н. А. Рубакин продолжает оставаться и в статье «Как и с какой целью читать книги», появившейся в 1917 году в журнале «Читатель» [2].

И в дальнейшем, после Великой Октябрьской социалистической революции Рубакин не пересмотрел взгляды, сложившиеся еще в 90-е годы прошлого столетия.

К. Н. Дерунов (1866—1929)

Почти одновременно с Н. А. Рубакиным за осуществление идеи примерного библиотечного каталога взялся выдающийся русский библиограф и библиотековед Константин Николаевич Дерунов, автор многих работ по истории, теории и организации библиографии и библиотечного дела [3].

К. Н. Дерунов прошел путь, типичный для революционно настроенного интеллигента конца XIX века. Аресты за участие в народовольческом движении, увольнение из

[1] Рубакин Н. А. Круг знаний, с. 11.
[2] Рубакин Н. А. Как и с какой целью читать книги. — «Читатель», 1917, № 1—2 (август), с. 3—11; № 3 (декабрь), с. 2—7.
[3] Подробно о библиографической деятельности К. Н. Дерунова см.: Кирпичева И. К. К. Н. Дерунов (1866—1929). Очерк жизни и деятельности. Под ред. проф. Ю. В. Григорьева. М., Всесоюз. кн. палата, 1963. 124 с. (Деятели книги); Григорьев Ю. В. К. Н. Дерунов. (К 100-летию со дня рождения). — «Сов. библиография», 1966, вып. 5(99), с. 37—45.

Петербургского университета, высылка на три года в Ярославль под гласный надзор полиции без права жительства в столичных и университетских городах, лишения и материальные трудности не сломили К. Н. Дерунова, а воспитали в нем черты непримиримого борца с существовавшим политическим и социальным строем.

Воспитанный на идеях русских революционных демократов, К. Н. Дерунов вслед за А. В. Пановым и Н. А. Рубакиным и тем же путем приходит к решению посвятить свою жизнь просветительской деятельности. Так же, как и его современники, К. Н. Дерунов был убежден в том, что книга — распространитель знания — самое могучее, самое действенное средство борьбы за освобождение народа от социального угнетения.

Верность демократическим традициям и неизменность следования им, страстность и принципиальность в отстаивании своих убеждений — характерные черты общественной и научной деятельности К. Н. Дерунова.

К библиографии К. Н. Дерунова привела библиотечная работа, изучение теоретических и практических вопросов библиотековедения, которому он отдавал много сил и энергии. К. Н. Дерунов глубоко и досконально знал условия существования, нужды и потребности русских дореволюционных общественных и народных библиотек, все беды которых обыкновенно начинались с беспорядочного комплектования книжных фондов, с засорения их реакционной, антинаучной и антихудожественной литературой.

Плачевное состояние книжных фондов подавляющего большинства общественных библиотек натолкнуло К. Н. Дерунова на мысль о создании свода избранной литературы по всем разделам знания, или примерного каталога, который мог бы оказать реальную помощь библиотекарю в исправлении дефектов комплектования библиотеки, а читателю облегчить выбор книг для чтения. Чисто практическая, жизненная потребность в такого рода библиографическом пособии заранее обеспечивала ему успешное распространение.

Приступив в 1901 году к собиранию материала, К. Н. Дерунов в 1905—1906 годах выпустил две части «Примерного библиотечного каталога», который он сам рассматривал как предварительный опыт и «попытку первоначального отбора и такой же систематизации всей — *лучшей* по возможности, *научно-популярной* по преимуществу, литературы, появившейся у нас на *русском* языке, начиная

приблизительно с 60-х гг.»[1]. Каталог К. Н. Дерунова не был программой чтения для самообразования. Если программа чтения давала минимум познаний и содержала список необходимых книг, то примерный каталог, по замыслу составителя, должен был обеспечить необходимый максимум книг. Девизом автор каталога избрал — «дать в малом многое». Он открывал для читателя, уже получившего минимум знаний, перспективу дальнейшего пути, дальнейшего самообразовательного чтения.

Каждый раздел каталога К. Н. Дерунов стремился обеспечить книгами по истории и теории науки, исследованиями, отражавшими связь науки с общественной жизнью, избегая узкоспециальных трудов и решительно отвергая литературу низкого качества.

При составлении «Примерного библиотечного каталога» библиограф использовал собственный практический опыт в области руководства чтением, многолетние наблюдения, критические отзывы о книгах и имевшиеся к тому времени библиографические источники. Отбирая литературу по конкретным разделам знания, он широко прибегал к помощи специалистов. В просмотре списков книг в той или иной форме приняли участие около 70 ученых, среди них М. А. Антонович, Н. И. Кареев, Д. М. Петрушевский, М. Н. Гернет, В. И. Чарнолуский, С. А. Венгеров, А. Ф. Фортунатов, И. П. Павлов, В. Л. Комаров, И. П. Бородин, Г. В. Хлопин. Ряд специалистов одновременно консультировали и Рубакина в его работе над библиографией «Среди книг» и Дерунова, готовившего второе издание «Примерного каталога».

Подобно Н. А. Рубакину, К. Н. Дерунов свой каталог построил систематически, только им использована не классификация О. Конта, а научно-философское построение основных наук Г. Спенсера, видоизмененное, упрощенное и приспособленное К. Н. Деруновым для библиотечных целей. Содержание каталога распределялось по крупным разделам, внутри которых принят алфавитный порядок расположения.

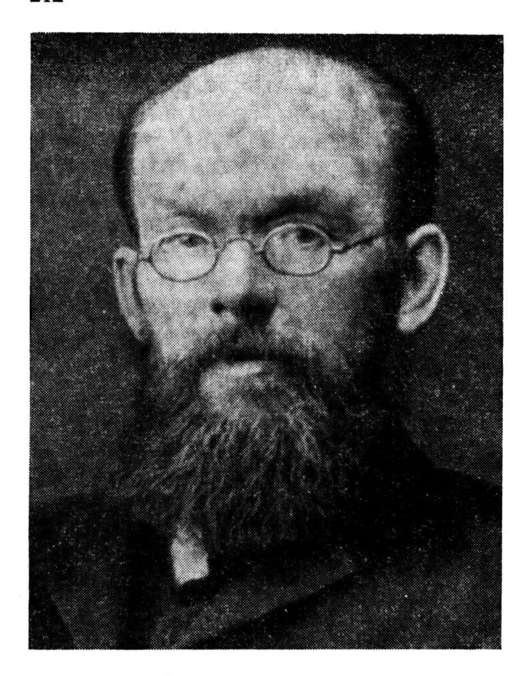
После логики и математики, которыми открывался каталог, К. Н. Дерунов поместил циклы природоведческих

---

[1] Дерунов К. Н. Примерный библиотечный каталог. Свод лучших книг на русском языке с 60-х гг. по 1905. Ч. 1. Спб., 1906. VI, 82 с.

То же. Ч. 2. С доп. по всем отделам 1-й части книг, вышедших по июль 1906 г. Спб., 1906. IX, 50 с.

Константин Николаевич Дерунов (1866—1929)
фото 1912 года



знаний, общественных наук и прикладных. Завершался каталог беллетристикой, отделом детских книг, справочниками, библиографией и периодическими изданиями. Не преследуя строго научной организации материала, К. Н. Дерунов вместе с тем дал практически удобную, целесообразную, прогрессивную для своего времени схему размещения литературы. Пропитанная материалистическими и демократическими тенденциями, классификация Дерунова положительно оценена советскими исследователями [1].

В печати на работу К. Н. Дерунова появилось несколько рецензий, в которых наряду с достоинствами отмечались и недостатки каталога. Основные упреки рецензентов были вызваны некоторой неясностью принципов отбора литературы, существенными пропусками, ошибками систематизации, отсутствием аннотаций, формальным расположением материала в отделах, при котором книги различной степени трудности стояли рядом. Высказывались и настойчивые требования более дробной группировки материала применительно к разным категориям читателей.

[1] Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. 2. М., Всесоюз. кн. палата, 1959, с. 387.

По замыслу Дерунова, примерный каталог должен быть постоянно обновляющимся библиографическим пособием, созвучным времени и его запросам, и в этом направлении он последовательно и упорно работал. Указатель текущей научно-популярной литературы по естествознанию, появившийся в 1907 году в журнале «Природа в школе» [1], был своего рода продолжением и дополнением соответствующих отделов первого издания «Примерного библиотечного каталога». О родстве указателя и каталога говорят единые принципы отбора литературы и одинаковая структура. То же можно сказать и о периодически помещаемых в журнале «Вестник Европы» полугодовых списках литературы, в совокупности отразивших за три года свыше 1000 названий [2]. Часть зарегистрированных в «Вестнике Европы» изданий использована Деруновым для второго издания «Примерного библиотечного каталога».

При работе над вторым изданием [3] Дерунов учел многие критические замечания: он исключил явно бесполезные и малосодержательные книги, ввел новую литературу, и, хотя библиография в объеме выросла незначительно, она по существу почти полностью обновилась.

О том, насколько серьезно и основательно перерабатывалось второе издание, можно судить по таким цифрам: во второе издание введено свыше 2500 новых названий и в то же время целиком исключены отделы детских книг (около 1400), периодических изданий (около 100) и почти 800 книг из остальных отделов. В итоге второе издание включало около 7500 названий, не считая рецензий.

Время, отделяющее первое издание «Примерного библиотечного каталога» от второго (1907—1910 гг.), характеризовалось развитием политической реакции, разгромом прогрессивных издательств и усилением преград для пере-

---

[1] Д е р у н о в К. Н. Научно-популярная литература по естествознанию. — «Природа в школе», 1907, № 5, 6, 7.

[2] Д е р у н о в К. Н. Сводный систематический указатель текущей научно-популярной литературы [за второе полугодие 1908 — первое полугодие 1911 г.]. — «Вестник Европы», 1909, кн. 4, 11; 1910, кн. 7; 1911, кн. 1, 7; 1917, кн. 1.

[3] Д е р у н о в К. Н. Примерный библиотечный каталог. Избранная литература по всем отраслям знания. С прил. Сводного указателя журнальных рецензий на книги за период 1847—1907. Ч. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1908. XVI, 160 с. (В помощь читателям и в руководство библиотекарям).

То же... С доп. по всем отделам 1-й части книг, вышедших по июнь 1911 г. Ч. 2. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1911, с. 161—244.

довой печати. Обходя эти преграды, Дерунов сумел ввести во второе издание каталога немало изданий, арестованных и конфискованных в годы реакции. О многих книгах, вышедших в 1905—1907 годах и помещенных в его каталоге, К. Н. Дерунов вынужден был говорить, как о «драгоценных лепестках еще чуть-чуть живых цветов». В предисловии ко второму изданию каталога он с горьким предчувствием писал: «И теперь, когда переиздаю свою книжечку, вновь чудится мне, что я все ближе и ближе подхожу к братской могиле, куда вот-вот опустят и всех тех из этой тысячи, кто еще остался в живых» [1].

Ценной частью второго издания «Примерного библиотечного каталога» является приложенный к нему «Сводный указатель журнальных рецензий в период 1847—1907 гг.», первый крупный опыт библиографии русских рецензий. Этот справочник, имеющий самостоятельное значение, надолго продлил жизнь библиотечного каталога Дерунова.

К. Н. Дерунов не оставлял мысли о новом, третьем издании «Примерного библиотечного каталога» и постепенно накапливал для него материал. В его архиве сохранился в виде корректурного оттиска из невышедшей в свет книги журнала «Библиотекарь» за 1916 год «Систематический указатель новейшей (1911—1916 г. вкл.). избранной литературы с рецензиями на нее» (Пг., 1917). Принципы отбора, схема расположения, привлечение рецензий не оставляют сомнений в том, что этот указатель мог бы служить впоследствии материалом для очередного исправленного и дополненного издания «Примерного библиотечного каталога». В этом же плане интересна и попытка Дерунова дать ежегодник избранной литературы, дополняющий ранее изданные каталоги [2].

И. В. Владиславлев (1880—1962)

Во втором десятилетии XX века в русской рекомендательной библиографии заметное место занял Игнатий Владиславович Гульбинский, выступавший под литературным псевдонимом — И. В. Владиславлев. Ему принадлежит

---

[1] Дерунов К. Н. Примерный библиотечный каталог. Ч. 1. Спб., 1908, с. V—VI.

[2] Дерунов К. Н. Указатель книг, вышедших в 1913 году. — «Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год». Спб., 1914, с. 582—596.

ряд библиографических указателей, сохранивших свою ценность и после Великой Октябрьской социалистической революции, наиболее известны из них «Русские писатели», «Библиографический указатель новейшей русской беллетристики», серия небольших выпусков «Что читать», «Библиографические ежегодники». Владиславлев редактировал два крупнейших библиографических труда: «Среди книг» Н. А. Рубакина и «Словарный указатель по книговедению» А. В. Мезьер.

Его главная заслуга в русской библиографии заключалась в разработке и внедрении в общую и отраслевую библиографию ряда совершенно новых по своей форме и характеру рекомендательных пособий, в дальнейшем получивших широкое распространение и развитие. К таким новым формам пособий прежде всего относятся «Библиографические ежегодники», отразившие основную часть русской печати за 1910—1914 годы [1], справочник «Русские писатели от Гоголя до наших дней» и серия систематических указателей «Что читать?» [2].

И. В. Владиславлев менее известен как организатор издательского дела в области библиографии, хотя справочно-библиографический отдел издательства «Наука» под его руководством осуществлял в 1910—1915 годах широкую программу издания библиографических и справочных пособий. Об этой стороне своей деятельности и об условиях, в которых она протекала, И. В. Владиславлев как-то писал А. В. Мезьер: «Понемногу осуществляю свой план — с одной стороны, подвести посильные итоги книжному рынку и периодической печати (книги, журналы, статьи, рецензии), с другой стороны, — издать ряд спра-

---

[1] Систематический каталог книг, вышедших в 1910 году, с приложением указателя рецензий. С кратким вступит. очерком И. Владиславлева о международной библиогр. классификации. М., «Наука», 1911. XII, 112 с.

Библиографический ежегодник. Систематический указатель литературы за... [1911—1914] год. Под ред. И. В. Владиславлева. М., «Наука», 1912—1915.

... за 1911 год. М., 1912. 2, [208], XXXII с.

...за 1912 год. М., 1913. 312, XXXII с.

...за 1913 год. М., 1914, 370, XXX с.

... за 1914 год. М., 1915. 330, XX с.

Продолжение этого издания «Книга в [1922—1924] году» (М., 1924—1927) было предшественником ныне широко известного «Ежегодника книги» Всесоюзной книжной палаты.

[2] О серии «Что читать?» см. главу «Библиография детской литературы», с. 355—358.

вочных пособий из избранной литературы для широкого круга читателей и ряд отдельных монографий по наиболее животрепещущим вопросам современной общественной жизни. Первую задачу преследуют «Среди книг», указатели журнальной литературы Н. Ульянова, «Ежегодники». Видное место во второй серии занимают указатели, предназначающиеся для учащейся молодежи (сейчас печ[атается] вып. III «Что читать» — «Жизнь замечательных людей»), для крестьянской среды, для рабочей среды (подготов[лена] к печ[ати] книжка: «Рабочие б[иблиоте]ки. Принципы комплектования и организации. Примерные списки для библиотек на разные суммы»). Задумана серия указателей по охране труда. Планы, к[а]к видите, широкие. Организованный поход, предпринятый против нас реакционерами (думская речь Пуришкевича и пр.), только поддерживает уверенность в том, что работы такие особенно нужны в наше время <...>. Российская библиография все еще должна завоевывать права на существование упорной борьбой» [1].

«Библиографические ежегодники» И. В. Владиславлева были задуманы как продолжение «Среди книг» Н. А. Рубакина, хотя по своей структуре и системе расположения они заметно отличались от этого труда. На связь и преемственность этих двух библиографических начинаний прямо указывает Н. А. Рубакин в предисловии к первому тому второго издания «Среди книг». Ежегодные выпуски И. В. Владиславлева содержали сведения о важнейших, опубликованных за год, книгах, журналах, статьях и рецензиях, о конфискации и запрещении произведений печати. Информация о текущей литературе, в чем ощущалась большая потребность, могла бы быть шире и обильнее, но еще при подготовке к печати первого выпуска ежегодника И. В. Владиславлев под давлением издателя сократил объем библиографии, выбросив из нее часть материала, в том числе отдел детских книг [2]. При общем состоянии текущего учета произведений печати в России, когда сведения о вышедших книгах проникали в общую печать случайно и далеко не полно, начинание И. В. Владиславлева, даже в сокращенном объеме, воспринималось общественностью как нужное и полезное дело.

---

[1] ГПБ. Фонд А. В. Мезьер. Письмо И. В. Гульбинского (Владиславлева) А. В. Мезьер от 29 сент. 1913 г., л. 1—2.

[2] ГБЛ. Ф. 356, карт. 214, ед. хр. 54. Письмо И. В. Владиславлева Н. А. Рубакину от 31 марта 1911 г.

Игнатий Владиславович Владиславлев (Гульбинский) (1880—1962)
фото 1912—1915 годов

К выпуску «Библиографического ежегодника» за 1912 год обращался В. И. Ленин. Хранящийся в его библиотеке экземпляр справочника содержит многочисленные пометки и подчеркивания, сделанные рукой В. И. Ленина [1].

Из всех многочисленных отзывов, появившихся в печати о «Библиографическом ежегоднике», особенно выделяется точностью характеристики, объективностью и партийностью оценки рецензия в большевистской газете «Путь правды» [2]. Этот обращенный к рабочей аудитории отзыв о ежегоднике за 1913 год одновременно служил и рекомендацией справочника, расценивая его как библиографическое пособие, очень удачно выполнившее свою задачу. Внимание читателей газеты обращалось на ряд бесспорных достоинств ежегодника: использование в нем содержания большевистского теоретического журнала «Просвещение», перечень рабочих и профессиональных периодических изданий, наличие литературы, посвящен-

---

[1] Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, № 6818.
[2] «Путь правды», 1914, № 78, 6 мая, с. 3. Подпись: Р. Р.

ной тактическим разногласиям марксистов и ликвидаторов, и, наконец, учет в специальном указателе конфискованных изданий. В той же рецензии читатель предупреждался и о допущенных в ежегоднике серьезных просчетах, в основном заключавшихся в систематизации литературы и отчасти в недостаточном раскрытии ее содержания. В качестве примера грубой ошибки в систематизации материала приводилась рубрика «Народничество. Новые течения и искания в его среде», где была собрана и перемешана литература различных идейных направлений и где рядом со статьями эсеров можно было найти работу В. И. Ленина «Что делается в народничестве и что делается в деревне?».

С наступлением империалистической войны издательство «Наука» отказалось печатать библиографию И. В. Владиславлева [1]. В начале 1915 года, когда издательство доживало последние дни, вышел последний выпуск ежегодника за 1914 год и на этом издание прекратилось. В общей сложности в ежегодниках за четыре года (1911—1914) зарегистрировано 26 тысяч книг, 14,5 тысячи журнальных статей и 9,8 тысячи рецензий. Учет иностранной литературы о России прекратился с началом мировой войны. Все еще надеясь на возобновление издания, И. В. Владиславлев продолжал и в последующие годы работать над библиографией [2]. К концу 1917 года он располагал материалом за 1915—1917 годы, но опубликовать его не смог. Вернулся к продолжению издания лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, когда под его редакцией вышли в свет ежегодники за 1921/1922—1924 годы.

Демократическая библиография в помощь народным библиотекам

Отмена Правил 1890 года, по которым комплектование народных библиотек и читален строго регламентировалось министерскими каталогами, немедленно отразилась на содержании библиографических указателей. Не прошло и месяца после выхода циркуляра министерства внутренних

---

[1] ГБЛ. Ф. 358, карт. 213, ед. хр. 3. Письмо И. В. Владиславлева Н. А. Рубакину от 13 марта 1915 г.

[2] ГПБ. Фонд А. В. Мезьер. Письмо И. В. Гульбинского (Владиславлева) А. В. Мезьер от 12 дек. 1917 г., л. 1.

дел об отмене правил (12 декабря 1905 г.), как начали выходить в свет библиографии, главное назначение которых заключалось в оказании быстрой и оперативной помощи библиотекам в комплектовании и руководстве чтением.

Первыми выступили библиографы-нижегородцы. В начале 1906 года в Нижнем Новгороде вышел в свет указатель «В помощь самообразованию» [1], составленный А. И. Лебедевым, автором популярной библиографии «Детская и народная литература» [2]. А. И. Лебедев заведовал складом учебных пособий нижегородского земства и по роду своей работы был тесно связан с учителями сельских начальных школ. Накануне революции 1905 года он организовал собственное книгоиздательство и мастерскую по производству световых картинок для волшебного фонаря [3].

Указатель А. И. Лебедева «В помощь самообразованию» предназначался для крестьян и рабочих, для комплектования народных библиотек в новых условиях. Обращаясь к читателю народной библиотеки, Лебедев писал: «Опираясь на научный социализм, рабочий класс надеется сбросить с себя цепи эксплуатации, а вместе с тем освободить и весь мир от тисков капиталистического производства» [4]. Рекомендуя малоподготовленному читателю лучшие книги, автор построил указатель в форме беседы. Популярный живой разговор о теме сменялся рекомендацией книг. В первых пяти главах своей небольшой книжечки А. И. Лебедев обращал внимание читателя на нравственные, общественные, экономические и политические вопросы, в последующих главах он рекомендовал естественнонаучную и историческую литературу. В основу дальнейшей систематизации материала А. И. Лебедев положил социальные отношения, выделив внутри глав ряд рубрик: эксплуатация нужды, классовая эксплуатация, эксплуатация детей, жизнь рабочих, трудовое крестьянство, обнищание народа и т. д.

Этот указатель, значительно увеличенный в объеме (с 748 до 1233 книг), вышел в 1907 году вторым изданием

---

[1] Лебедев А. И. В помощь самообразованию. Н.-Новгород, 1906. 49 с.

[2] См. главу «Библиография детской литературы», с. 325—331.

[3] В 30 томе Собрания сочинений А. М. Горького имеется примечание, говорящее о том, что А. И. Лебедев в период революции 1905 года был близок к социал-демократам и выполнял поручения нижегородского Комитета РСДРП, см.: Горький А. М. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 30. М., 1956, с. 520.

[4] Лебедев А. И. В помощь самообразованию, с. 22.

под названием «Что читать крестьянам и рабочим»[1]. Среди рекомендованных книг здесь были работы Маркса (11 названий), Энгельса, Плеханова, Лафарга, Каутского, Бебеля, В. Либкнехта, Цеткин и других деятелей мирового революционного движения.

Официальный орган синода, журнал «Народное образование», крайне неодобрительно отнесся к указателю А. И. Лебедева, прежде всего к резкому разграничению в нем двух классов — эксплуатирующего и эксплуатируемого — и к рекомендации рабочим и крестьянам изданий «Донской речи», «Посредника», «Вятского товарищества», Марии Малых и других издательств, «известных своими крайними взглядами»[2].

По судебному постановлению указатель А. И. Лебедева «Что читать крестьянам и рабочим» был изъят из обращения.

В годы реакции непрочная, неустойчивая революционность А. И. Лебедева под влиянием поражения революции и личных невзгод (конфискация и запрещение почти всех его изданий) уступила разочарованию. «Теперь я верю, — писал он Н. А. Рубакину, — что Россию спасет только культура, а в революцию не верю. Для культуры буду работать, пока сил хватит, а там пусть что будет»[3]. Дальнейшую свою деятельность А. И. Лебедев целиком посвятил библиографии детской книги.

В январе 1906 года в Нижнем Новгороде вышел еще один полезный указатель для библиотек, получивших некоторую свободу комплектования. Автор библиографии «Чем пополнить народные библиотеки по новому закону» скрылся под криптонимом — А. П.[4]. Составителями были известные в дальнейшем библиотечные деятели А. А. Покровский — в то время политический ссыльный — и А. К. Покровская.

В Нижнем Новгороде Покровские организовали на общественных началах комиссию, бесплатно рассылавшую книги, собранные путем пожертвования. Для такой деятельности книжный склад А. И. Лебедева, где работала

---

[1] Лебедев А. И. Что читать крестьянам и рабочим. Как завести библиотеку в деревне или на фабрике. Н.-Новгород, 1907. 88 с. (В помощь самообразованию № 1).
[2] Федоров В. — «Народное образование», 1907, кн. 2, с. 319—320.
[3] ГБЛ. Ф. 358, карт. 247, ед. хр. 10. Письмо А. И. Лебедева Н. А. Рубакину от 26 дек. 1908 г.
[4] А. П. Чем пополнить народные библиотеки по новому закону. Н. Новгород, 1906. 32 с.

А. К. Покровская, представлял чрезвычайно удобное место. В этот период и был составлен указатель, который содержал подробный перечень изданий, ранее недозволенных для читателей народных бесплатных библиотек, и сведения о наиболее доступных книгах и листовках по текущим вопросам государственной и общественной жизни.

Поспешно составленные, не всегда логично построенные, с крупными недочетами в систематизации и библиографическом описании материала, указатели А. И. Лебедева и Покровских тем не менее сыграли немалую роль в пропаганде ранее запрещенной для широких масс литературы, прежде всего общественно-политической, и оказали оперативную помощь народным библиотекам. В них впервые читателю бесплатных народных библиотек открыто рекомендовались произведения Маркса, Энгельса, Ленина, В. Либкнехта, Бебеля, Богданова, Баха, Салтыкова-Щедрина и многие другие, до этого никогда не бывшие на полках низовых библиотек.

После получивших прочную известность примерных каталогов Н. А. Рубакина и К. Н. Дерунова появилось множество изданий такого же рода, но более облегченных, упрощенных и рассчитанных главным образом на народные библиотеки. Составлением и изданием их занимались земства, Московское и Петербургское общества грамотности, различные культурно-просветительные, благотворительные и религиозные организации.

Из земских каталогов выделяется своим продуманным содержанием и качеством выполнения «Каталог книг для народных библиотек-читален Харьковской губернии» (Харьков, 1908), переизданный в расширенном виде в 1912 году[1].

Отмена ограничительного министерского каталога и переход народно-библиотечного дела к земству благотворно отразились на составе книжных фондов народных библиотек-читален. Особенно это чувствовалось в разделе художественной литературы, где появились произведения Горького, Вересаева, Короленко, Некрасова, Помяловского, Салтыкова-Щедрина, Решетникова. Читатели народных библиотек получили наконец возможность ознакомиться с творчеством украинских писателей: Коцюбинского, Мирного, Украинки, Франко, Шевченко и других. При

---

[1] Каталог книг для народных библиотек-читален Харьковский губернии. Харьков, 1908. 143 с. (Харьк. губ. земство).
То же. 1912. XIII, 223 с.

отборе литературы составители харьковского каталога исходили из того, что читателю народных библиотек надо дать не специфически народные книжки, а все те литературные произведения, которые читает интеллигент. Помимо потребности общего образования, каталог стремился удовлетворить и практические запросы читателей. Его составители обратили особое внимание на раздел прикладных знаний, занимавший до этого времени и в народных библиотеках и в официальных каталогах едва ли не самое жалкое положение. В первом издании каталога (1908 г.) книги в разделах «медицина» и «ветеринария», в отличие от других разделов, сопровождались краткими аннотациями; во втором издании (1912 г.) три отрасли знания (сельское хозяйство, медицина и ветеринария) были разработаны особенно тщательно, силами привлеченных специалистов. Общеобразовательный отдел каталога также был плодом коллективной, общественной работы учителей, занимавшихся на летних курсах под руководством В. А. Флерова.

Группа каталогов, изданная Олонецким губернским земством, уступала харьковским в количественном отношении, но зато превосходила их содержанием краеведческого отдела, литературой о природе, истории и современном состоянии края [1].

Из других земских каталогов наиболее удачным считался популярный «Примерный каталог народной библиотеки в 100 рублей», изданный в Костроме [2].

Из более поздних изданий подобного типа получили распространение «Примерные каталоги для народных библиотек», подготовленные справочно-библиографическим отделом книгоиздательства «Наука», первого сравнительно широко поставленного издательства, специализировавше-

---

[1] Каталог районных библиотек-читален и практические сведения по устройству народных библиотек-читален. Петрозаводск, 1911. 43, XXVII с.

Каталог передвижной библиотеки. Петрозаводск, 1911. 20 с.

Каталог школьно-народной библиотеки. Петрозаводск, 1911. 23 с.

Все три каталога вошли в «Сборник действующих постановлений (руководящего характера) Олонецкого губернского земского собрания по народному образованию до 1911 г.», сост. Т. В. Леонтьевым. Петрозаводск, 1911. 83, XXVII, 43, 23, 20 с.

[2] Примерный каталог народной библиотеки в 100 рублей. Кострома, Изд. кн. склада «Костромич», 1909. 20 с. (Костром. губ. земство).

гося на выпуске справочных и библиографических изданий[1]. Отдел под руководством И. В. Владиславлева оказывал в 1910—1915 годах помощь главным образом провинциальному читателю путем выдачи бесплатных письменных справок и издания справочно-библиографических пособий[2].

Составленные по плану Владиславлева примерные каталоги «Науки» содержали ряд библиотечек, насчитывавших в общей сложности около 1500 книг. Так же как и «Круг знаний» Н. А. Рубакина, они строились концентрически, то есть каждая предыдущая библиотечка входила в последующую. Система концентрического комплектования отличалась гибкостью и подвижностью, она позволяла подбирать библиотеку, начиная с дешевых и популярных книг и постепенно переходя к более трудным и дорогим. Каталогом могли пользоваться как справочным пособием и сами читатели. На содержании примерных каталогов «Науки» сказалась длительная борьба царизма с прогрессивной книгой: в них отсутствовали революционные издания 1905—1907 годов, совершенно не было марксистской литературы, к этому времени почти полностью конфискованной и запрещенной. Учитывая, однако, сложившиеся условия, общее направление примерных каталогов все-таки можно охарактеризовать как прогрессивно-демократическое. Оно проявилось в составе книг, в соотношении разделов, в исключении монархической и шовинистической литературы. В небольшой раздел «Вопросы религии» (3% книг), который соответствовал обязательному для народных библиотек духовно-нравственному отделу, включена не столько религиозная, сколько антицерковная и историческая литература. Из художественной литературы рекомендовались произведения М. Горького, Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, А. И. Герцена и другие, до 1905 года отсутствовавшие в библиотеках для народа.

Книгу Е. Д. Трауцкой и А. А. Покровского «Для самообразования и общедоступной библиотеки», известную и распространенную в годы империалистической войны, можно отнести к примерным каталогам, в основном она задумана и осуществлена как методико-библиографиче-

---

[1] Примерные каталоги для народных библиотек на разные суммы (от 25 до 500 рублей). М., «Наука», 1913. 104 с.

[2] ИРЛИ. Ф. 377, № 1030. Автобиография И. В. Владиславлева (10 авг. 1913 г.). 9 л.

ское пособие в помощь самообразованию [1]. Главное ее назначение служить пособием библиотекарю и учителю при рекомендации книг начинающему читателю, при составлении небольших тематических библиографических списков и при комплектовании библиотек. Методикой своего построения и некоторыми особенностями это пособие выделялось из ряда других.

Указатель Е. Д. Трауцкой и А. А. Покровского приноровлен к требованиям библиотечной практики, в этом его достоинство, преимущество и одновременно слабость. Основной автор книги А. А. Покровский (1879—1942), известный уже в те годы библиотековед, воспитавший сотни библиотечных работников на курсах при Народном университете им. Шанявского, в этом пособии практически реализовал свои теоретические взгляды на постановку самообразования в общедоступной библиотеке. Он сам просмотрел и отобрал для указателя литературу, классифицировал ее по новой для того времени десятичной системе, для читателя разработал подробные методические указания, а библиотекарю дал полезные советы по комплектованию, в частности, по такому практически важному и новому вопросу, как пропорциональность книжного состава научных отделов библиотеки.

Суть же самой системы чтения, предложенной А. А. Покровским, заключалась в том, что начинающий читатель привлекался к чтению любыми средствами, вплоть до выдачи ему книг низкого качества, играющих в библиотеке роль «приманки». Выбор таких «приманок» не отличался большой тщательностью и вкусом, и в этом отношении указатель Е. Д. Трауцкой и А. А. Покровского сильно уступал «Домашним библиотекам» А. В. Панова, где такой же методический прием применялся с бо́льшим педагогическим искусством при меньших книжных возможностях.

С этой же целью — привлечения читателя к книге — А. А. Покровский в систематическом указателе художественной литературы выделил такие рубрики, как «про любовь и женскую долю», «приключения» и т. п.,

---

[1] **Трауцкая Е. Д. и Покровский А. А.** Для самообразования и общедоступной библиотеки. Советы приступающим к самообразованию и списки книг для общедоступной библиотеки. М., Изд. кн. скл. «Для самообразования, б-ки и школы», 1915. XI, 170 с.

которые, по выражению П. М. Богданова, привели бы в ужас историка литературы [1]. Сама же беллетристика рассматривалась А. А. Покровским как подготовительная ступень к чтению книг, дающих научные сведения.

Упрощенный взгляд на самообразовательное чтение сочетался в это время у А. А. Покровского с отказом от политического воспитания читателя. В основу отбора книг в своем указателе он положил решение Первого всероссийского библиотечного съезда: «Общественные библиотеки по своему книжному составу должны быть чужды какой-либо политической, национальной или религиозной тенденции» [2] — и соответственно, из соображений «объективности», в отделе «Социализм» рядом с произведениями Энгельса поместил «Опыт противо-социалистического катехизиса», изданный под редакцией известного черносотенца, протоиерея Восторгова.

Рекомендательная библиография литературы по разным отраслям знания

Развитие рекомендательной библиографии после революции 1905 года связано с такой общественной культурно-просветительной организацией, как возникший по инициативе Н. А. Рубакина в Петербурге в конце XIX века Подвижной музей учебных пособий [3]. Эта организация обслуживала исключительно народную аудиторию: вечерние школы для взрослых рабочих и работниц (Путиловские, Обуховские, Нарвские, Смоленские, Лиговские вечерние классы), начальные училища, профессиональные, ремесленные, торговые средние учебные заведения, общество грамотности, свыше двадцати рабочих обществ образования (к 1910 г.), заводы, фабрики, ночлежные дома, столовые, чайные и бесплатные народные читальни. По свидетельству Е. Д. Стасовой, в состав музея входило немало лиц, связанных с революционными организациями [4].

---

[1] Богданов П. М. — «Библиотекарь», 1915, вып. 2, с. 176—178.

[2] Труды Первого всероссийского съезда по библиотечному делу. Спб., 1912, с. 202.

[3] Подвижной музей учебных пособий находился при Постоянной комиссии по техническому образованию Русского технического общества.

[4] Стасова Е. Д. Как мы получали и распространяли нелегальную литературу. — В кн.: Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России. М., 1955. 88 с.

При музее находился книжный склад, с самого начала организованный не с коммерческой, а с просветительной целью. Кружок лиц, руководивший его деятельностью, занимался распространением художественной литературы и лучших книг по всем отраслям знания. При складе работала особая комиссия для просмотра книг, занимавшаяся изучением существующей научно-популярной и учебной литературы, а также изданием систематических указателей и каталогов по отдельным отраслям знания. В плане работ комиссии намечалось также издание периодически выходящего указателя с отзывами о текущей литературе по всем разделам.

Комиссия приступила к библиографической работе в начале 1904 года и уже через несколько лет выпустила указатели книг по естествознанию, географии, общественным вопросам и беллетристике [1].

Библиографические справочники научно-популярной литературы Подвижного музея создавались в основном для взрослого читателя, но при этом учитывались и интересы детей; указывалась степень пригодности книги для детей различных возрастов. Работавшие безвозмездно члены комиссии следили за новой литературой и брали на учет все, заслуживающее внимания. В каталоги и указатели вносились книги, просмотренные и отрецензированные членами комиссии; все устаревшее и содержавшее крупные научные ошибки отвергалось и попадало в перечень нерекомендованных книг.

В методику библиографической работы Подвижным музеем внесены новые черты. Члены комиссии, прежде чем приступить к составлению каталога, занялись сплошным изучением деятельности передовых демократических издательств. С этой целью просматривались книги, выпущенные 20 издательствами, в том числе «Всходами», «Вятским товариществом», «Донской речью», «Знанием», М. Н. Слепцовой, О. Н. Поповой и другими. Фронтальное изучение книжного рынка в таком масштабе происходило впервые, оно оказалось под силу только большому коллективу энтузиастов. В результате для первого выпуска «Каталога книг по беллетристике» (1907) было отобрано свы-

---

[1] Указатель книг по естествознанию. Вып. 1. Спб., 1906. 88 с. То же. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1910. 140 с.; Каталог книг по беллетристике. Вып. 1. Спб., 1907. 148 с.; Указатель научно-популярных книг по географии. Спб., 1908; То же, изд. 2-е. Спб., 1914. 189 с.

ше 2000 названий книг, в основном изданных в 1900—1906 годах. На составе рекомендуемых книг заметно отразились революционные события: в каталог вошли произведения Герцена, Горького (19 названий), Писарева, Рылеева, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского и других авторов, до этого запретных и недоступных широким массам читателей. Первый раздел библиографии посвящен книгам для детей от 2 до 14 лет. Работе над каталогом предшествовало основательное изучение имевшейся библиографии.

По мере развертывания издательской деятельности Подвижного музея при нем был создан литературно-издательский отдел, связанный с книжным складом, но имевший свои особые функции[1]. При литературно-издательском отделе в свою очередь были созданы специальные комиссии (к 1911 г. их насчитывалось семь), работавшие с литературой определенных отраслей знания.

Из библиографий Подвижного музея в помощь самообразованию выделяется своим внушительным объемом аннотированный, систематический «Указатель книг по истории и общественным вопросам», составленный большим коллективом опытных библиографов. В отличие от библиографических комиссий тех лет, работавший над «Указателем» коллектив не занимался критическим пересмотром и оценкой всей существующей научной и популярной литературы по истории и общественным вопросам, а лишь отобрал и систематизировал наиболее распространенные и общепризнанные книги, пригодные для читателей различной степени подготовки: от не имеющих никаких исторических знаний до лиц, детально знакомящихся с отдельными страницами истории. При отборе книг для отдела «Общественные вопросы» составители старались руководствоваться только целями образования, сознательно оставляя в стороне политическое направление и партийный характер изданий. Даже уделяя в указателе сравнительно большое место социализму, авторы были убеждены в том, что отражают лишь факт русской действительности — обилие социалистической литературы, а не проводят какую-либо тенденцию. Черносотенная книга не нашла места в библиографии опять-таки не потому, что

---

[1] О деятельности отдела см. доклад: Литературно-издательский отдел в роли книжного руководителя. — В кн.: Труды Первого всероссийского съезда по библиотечному делу. Спб., 1912, с. 412—416.

была соответствующим образом политически окрашена, а как явная макулатура, бесполезная для занимающихся самообразованием. Той же целью просвещения руководствовались библиографы, исключая из указателя многие политические брошюры 1905—1906 годов, как издания агитационного характера, со временем утратившие научное значение.

Выполнение отдельных частей указателя не равноценно. Насколько тщательно, по отзывам историков, был подготовлен раздел «Всеобщей истории» (ред. С. Ф. Знаменский), настолько же небрежно и с большими пропусками составлен раздел «Русской истории» (ред. С. А. Князьков) [1].

Отбор литературы по общественным вопросам, проведенный под руководством кадета Н. А. Гредескула, не раз выступавшего с критикой марксизма, не отличался объективностью подачи материала.

Буржуазно-либеральный характер библиографии яснее всего проявился на отношении к марксистской литературе. Из работ К. Маркса и Ф. Энгельса в указатель вошли с краткими, сухими, ничего не говорящими формальными аннотациями «Капитал», «Наемный труд и капитал» и «Манифест Коммунистической партии»; произведения В. И. Ленина полностью отсутствовали в указателе, тогда как книги противников марксизма нашли место в библиографии и получили достаточно подробное освещение в аннотациях. В этом отношении вскоре вышедший в свет труд Н. А. Рубакина более объективно показал отразившуюся в русской литературе политическую и идейную борьбу.

После издания «Указателя книг по истории» его продолжением был небольшой «Список книг по крестьянскому вопросу в России» [2].

Особая комиссия при том же Подвижном музее учебных пособий, на этот раз под руководством Н. К. Пиксанова, составляла по образцу исторического указателя «Указатель книг по истории русской литературы», при-

---

[1] Сивков К. В. — «Вестник воспитания», 1910, № 5, отд. критики и библиогр., с. 39—44; Голубцев В. — «Русская мысль», 1910, № 9, с. 298—301; «Русское богатство», 1910, № 2, отд. новые книги, с. 144—146; Покотило Н. П. — «Педагогический сборник», 1911, № 1, с. 135—139.

[2] Список книг по крестьянскому вопросу в России. — «Русская школа», 1912, № 2, Прил., с. 107—109.

держиваясь ранее разработанных принципов отбора и построения библиографии. Из историко-литературной библиографии увидели свет лишь два извлечения из нее [1].

Медицинским просвещением народа в небольшом объеме занимались издательства («Посредник», «Жизнь и знание»), но главную роль в этой области сыграла организованная в 1893 году при Обществе русских врачей в память Н. И. Пирогова особая Комиссия по распространению гигиенических знаний в народе. Комиссия, в основном состоявшая из земских врачей, начала свою деятельность с оценки существовавших популярных изданий по медицине и гигиене. Предварительно были выработаны общие основы для критического просмотра народной литературы, которыми в дальнейшем руководствовались рецензенты. Основные требования к популярной книге сводились к научно точному и вместе с тем ясному изложению, хорошему литературному слогу и доступной цене.

Комиссия подготовила и выпустила ряд критико-библиографических сборников, в которых популярная медицинская литература подверглась обстоятельному, с большим количеством примеров, конкретному и подробному рецензированию. Нередко отзывы на книги были отрицательными. Всего вышло в свет пять сборников комиссии [2].

Тот же материал, только в сжатом виде, в форме кратких мотивированных заключений по поводу каждой книги, с указанием ее содержания и характерных особенностей, вошел в два выпуска «Библиографического указателя популярной медицинской литературы», рассчитанного в первую очередь на «просто грамотного читателя» [3]. Оба выпуска содержали сведения о вышедших с конца XIX века по 1907 год популярных изданиях по медицине (свыше 1500 названий).

В результате фронтального просмотра и тщательного анализа обращавшихся в народе изданий комиссия сама

---

[1] Список книг о Белинском. — «Русская школа», 1912, № 2. Прил., с. 109—111; Список книг о Ломоносове. — «Русская школа», 1912, № 8. Прил., с. 99—101.

[2] Рецензии народных изданий по медицине и гигиене. Вып. 1—5. 1898—1909. (О-во русских врачей в память Н. И. Пирогова. Труды Комиссии по распростр. гигиенических знаний в народе.).

Вып. 1 выдержал два издания: в 1898 и 1907 гг.

[3] Библиографический указатель популярной медицинской литературы. Вып. 1—2. М., 1908. (О-во русских врачей в память Н. И. Пирогова. Комиссия по распростр. гигиенических знаний в народе. Справочник № 1 и 2).

выступила в качестве издателя и даже составителя популярных медицинских брошюр. За два десятилетия она издала несколько миллионов листов, сотни тысяч брошюр, множество плакатов и альбомов, подняв уровень научно-популярной книги для народа. Общественное значение и связь с современностью многих изданий комиссии были таковы, что часть из них подверглась со стороны правительства преследованию и конфискации [1].

Самый крупный сдвиг в отраслевой рекомендательной библиографии наблюдался в области сельскохозяйственной литературы. Предпосылкой послужили заметные перемены, происшедшие в России накануне первой мировой войны в издании и распространении общедоступных книг по сельскому хозяйству.

Стремительно вступившее с начала XX века на капиталистический путь развития сельское хозяйство России встречало много трудностей и преград, одна из которых заключалась в агрономической неграмотности крестьянина, в отсутствии практически полезной и вместе с тем достаточно популярной литературы по различным отраслям сельского хозяйства. Растущую потребность в сельскохозяйственной книге не могли удовлетворить 3—5 названий в год, выпускаемых небольшими тиражами монополистом в этой области А. Ф. Девриеном. На смену малодоступной книге (по цене 30—40 коп.) пришли дешевые выпуски (от 3 до 6 коп.) крестьянских сельскохозяйственных библиотек И. И. Горбунова, И. Д. Сытина, П. П. Сойкина и других книгоиздателей.

Отдельные издания И. И. Горбунова выдерживали тираж до 200 тысяч экземпляров [2]. Его народный, широко распространявшийся среди сельского населения календарь, со списками полезных книг по всем отраслям деревенского хозяйства, представлял своего рода энциклопедию сельскохозяйственных знаний. Крупный книгоиздатель И. Д. Сытин, быстро уловивший запросы крепнущего зажиточного крестьянина, чаще всего кулака, нового «делового» читателя, открыл в Москве при своем издательстве «Отдел промышленного образования» и выпустил ряд книг по сельскому хозяйству и прикладным знаниям. В помощь новому читателю вышли два издания пособия

---

[1] Мицкевич С. И. Записки врача-общественника. 1888—1918. М.—Л., Медгиз, 1941, с. 162.

[2] Сорок лет служения людям. М., 1925, с. 82—87.

«Самообразование сельских хозяев» Л. А. Золотарева[1], которое знакомило с литературой различных отраслей сельского хозяйства. Руководство имело в виду не массу мелких, в большинстве своем неграмотных земледельцев, а крепких зажиточных крестьян и сельскую интеллигенцию с образованием не ниже общего или специального среднего.

Неравномерность и бессистемность появления сельскохозяйственной литературы, агрономическая беспомощность многих популярных книг, засорение библиотек вредными и устаревшими изданиями с неизбежностью приводили к необходимости изучения этой отрасли книжного дела. Учетом и оценкой существующей сельскохозяйственной книги занялись земские организации, научные и агрономические общества, редакции периодических изданий, отдельные библиографы.

Одна из серьезных попыток библиографического изучения состояния популярной литературы по сельскому хозяйству принадлежала редакции газеты «Сельский вестник», которая силами специалистов и ученых организовала просмотр и оценку имевшихся книг. В результате в 1909—1910 годах вышли в свет два выпуска коллективно подготовленного «Указателя общеполезных книг по сельскому хозяйству», которые содержали пространные критические отзывы почти о 500 книгах, изданных с конца XIX века по 1907 год[2]. В отзывах выявлялись достоинства и недостатки книг, соответствие их содержания назначению, степень пригодности для конкретной местности и т. д. Несмотря на включение ряда устаревших и малораспространенных изданий, практически используемая литература по важнейшим разделам сельского хозяйства получила в «Указателе» квалифицированную оценку специалистов.

В 1909 году возникла Комиссия по распространению сельскохозяйственных знаний при Вольном экономическом

---

[1] Золотарев Л. А. Самообразование сельских хозяев. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1906. 80 с.

[2] Указатель общеполезных книг по сельскому хозяйству (отзывы о дешевых общедоступных книгах по земледелию, полеводству, травосеянию, улучшению лугов, по сельскохозяйственным орудиям и машинам и по огородничеству и садоводству). Вып. 1. Под ред. П. П. Соковнина. Спб., 1909. 208 с. (Беспл. прил. к газ. «Сельский вестник» за 1909 г.).

То же. Вып. 2. Спб., 1910. 112 с.

обществе, которая среди многих намеченных работ запланировала систематический просмотр и рецензирование популярной сельскохозяйственной литературы. В 1913—1916 годах вышли два выпуска «Библиографического обзора популярной сельскохозяйственной литературы»[1]. Центром библиографии сельскохозяйственной литературы комиссия Вольного экономического общества не стала, но успела многое сделать в разработке методики рецензирования сельскохозяйственных изданий.

В 1912 году комиссия по просмотру популярной сельскохозяйственной литературы Киевского агрономического общества поставила своей задачей путем критического отбора и рецензирования выделить из массы сельскохозяйственных изданий наиболее доброкачественную и соответствующую условиям юга России общедоступную литературу. Эта же комиссия выступила на Всероссийском сельскохозяйственном съезде в Киеве (1—10 сентября 1913 г.) с докладом «Задачи библиографии популярной сельскохозяйственной литературы в связи с тенденциями развития общественной агрономии», в котором излагалась широкая программа преобразований как в библиографии, так и в издании общедоступных книг о сельском хозяйстве. В резолюции, принятой съездом, предусматривалась рациональная организация рецензирования текущей популярной сельскохозяйственной литературы. Работу местных комиссий должна была сводить воедино и координировать центральная комиссия.

Реализуя первую часть этой программы, комиссия Киевского агрономического общества в 1913—1914 годах приступила к изданию «Обзора текущей популярной сельскохозяйственной литературы», четыре выпуска которого содержали около 300 рецензий, составленных специалистами[2]. Заказы на первые два выпуска «Обзора» поступали в Киев из различных районов страны, даже с Дальнего Востока, поэтому вскоре они были переизданы.

«Обзоры» при всей их ценности не могли все же оказать сильного влияния на книжный рынок и тем более

---

[1] Библиографический обзор популярной сельскохозяйственной литературы. Вып. 1—2. Спб., 1913—1916. (Труды комиссии по распрост. сельскохоз. знаний Вольного эконом. о-ва).

[2] Обзор текущей популярной сельскохозяйственной литературы. Вып. 1—4. Киев, 1913—1914. (Киевское агрономическое общество. Комиссия по просмотру популяр. сельскохоз. лит.).

То же. Вып. 1—2. Изд. 2-е, просмотр. и испр. Киев, 1913. 80 с.

воздействовать на решение вопросов принципиального характера: установить типы сельскохозяйственной литературы и ее читателей, разработать методы популяризации сельскохозяйственных знаний, организовать издательское дело общественного и частно-предпринимательского профиля. Для решения всех этих чрезвычайно важных вопросов более подходил двухмесячный журнал «Вестник популярной сельскохозяйственной литературы» [1], сменивший «Обзор...» в 1914 году. Но журнал просуществовал недолго, он угас после двух номеров, не успев осуществить намеченную программу.

Рекомендательной библиографией сельскохозяйственной литературы занималась также комиссия по народным чтениям при департаменте земледелия, выпуская «Списки книг для народных сельских библиотек», рассчитанные на взрослое грамотное крестьянское население [2]. Для того же читателя на страницах периодических изданий и народных календарей печатались библиографические обзоры и рекомендательные списки сельскохозяйственной литературы [3].

Для начала XX века, как и для прошлого столетия, характерно отсутствие технической литературы для рабочих, если не считать небольшого числа популярных книг о ремеслах и ручном труде. Соответственно не появлялось и библиографических пособий для этой категории читателей.

Среди немногих отраслевых указателей, специально предназначенных малоподготовленному читателю, выделяется изданная Обществом содействия внешкольному образованию библиография Н. Р. Дубницкого «Физика для народа» [4].

Лектор Московского политехнического института Н. Р. Дубницкий (1859—1907) пропагандировал в своих публич-

---

[1] «Вестник популярной сельскохозяйственной литературы». Двухмесячный журнал по вопросам внешкольного распространения с.-х. знаний, популярной с.-х. лит. и библиогр. Ред. В. В. Колкунов. Изд. Киевского агрономического о-ва. Киев, 1914, № 1—2.

[2] Списки книг для народных сельскохозяйственных библиотек. Пг., 1914. 53 с. (Деп. земледелия).

То же. Пг., 1916. 60 с. (Деп. земледелия).

[3] Для «делового» читателя. — «Обзор книг и журналов», 1913, № 1, стлб. 488—494.

[4] Дубницкий Н. Р. Физика для народа. (С предисл. Д. Д. Галанина). М., 1910. VIII, 112 с. (О-во содействия внешкольному образованию).

ных выступлениях идею демократизации физических знаний. Рассматривая физику, как основу всякого естественнонаучного знания, он дал критический обзор всей литературы по физике, пригодной для малоподготовленного читателя, сгруппировав ее по разделам данной науки. Составление полного указателя всей литературы по физике и смежным наукам Н. Р. Дубницкий считал делом коллектива, а не библиографа-одиночки.

«Физика для всех» была подготовлена к печати в 1906 году, но опубликована в 1910 году, уже после смерти автора.

В том же году, несколько опередив библиографию Н. Ф. Дубницкого, вышло в свет ценное пособие по самообразованию опытного методиста и преподавателя физики Н. С. Дрентельна «Указатель лучших общедоступных книг по физике и физическим знаниям» [1], имевшее в виду читателя более подготовленного, располагавшего знаниями, по крайней мере, в объеме четырехклассного училища. Н. С. Дрентельну принадлежал также небольшой, обстоятельно аннотированный, систематический рекомендательный список «Что читать по физике» [2].

В годы реакции, когда преследовалась и уничтожалась революционная литература, на смену политическому самообразованию пришло самообразование общее.

На страницах журналов «Известия постоянной комиссии по устройству курсов для учителей», «Народный журнал», «Обзор книг и журналов», «Вольный университет» и других периодических изданий печатались методические указания в помощь занимающимся самообразованием и множество библиографических списков общеобразовательного характера, нередко составленных крупными специалистами и опытными библиографами.

Развитие общей и отраслевой библиографии начала XX века шло под знаком ожесточенной борьбы прогрессивной демократической интеллигенции с ограничительной политикой царского правительства в области народного чтения. Основная цель прогрессивной рекомендательной библиографии этого периода заключалась в помощи

---

[1] Дрентельн Н. С. Указатель лучших общедоступных книг по физике и физическим знаниям с руководящими характеристиками. Спб., И. Д. Сытин, 1910. VI, 131 с.

[2] Дрентельн Н. С. Что читать по физике. Спб., Изд. Ком-та по постройке учительского дома, 1913. 23 с. (Серия библиогр. указателей, № 2).

общему и политическому самообразованию. Библиографические пособия предназначались читателям самой различной подготовки, при этом, по сравнению с рекомендательной библиографией XIX века, наблюдалась значительно большая дифференциация читательского назначения по социальному, профессиональному и партийному признакам. Все чаще появляются библиографические указатели для крестьян и рабочих.

Под влиянием революционных событий и обострения классовой борьбы, рельефнее выступают различия в направлениях дореволюционной рекомендательной библиографии и отчетливее определяются идейные позиции библиографов.

5

ОТРАСЛЕВАЯ НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

В отличие от прошлого столетия в начале XX века усиленное внимание обращается на постановку текущего учета произведений печати в отраслевых периодических изданиях. К этому побуждало не столько обилие книжной литературы, сколько лавина журнальных статей, ежегодно публикуемых в научных отраслевых журналах. Отделы критики и библиографии многих периодических изданий стремились как можно полнее информировать своих читателей о новинках отечественной и зарубежной литературы по определенной отрасли знания.

С этой же целью возникают отраслевые библиографические журналы, специальное назначение которых заключалось в учете текущей научной и технической литературы. Среди библиографической периодики они занимали по численности второе место после книготорговых библиографических изданий. Но только немногие из них (4 из 31) существовали свыше двух десятилетий, остальные были крайне недолговечны. Вследствие этого в библиографических журналах отсутствовала непрерывность учета и критической оценки отраслевой литературы.

О специализированном библиографическом обслуживании отдельных отраслей науки и техники, о рождении библиографической отраслевой периодики можно говорить пока еще с большой осторожностью, только как о намечавшейся тенденции. Эта тенденция проявлялась в постепенном превращении библиографических отделов научных журналов в самостоятельно выходившие приложения к ним. В качестве таковых издавалась треть библиографических отраслевых журналов. С другой стороны, эту же тенденцию можно проследить в рождении библиографических журналов сравнительно узкого профиля, само возникновение которых обусловлено интенсивным развитием научной отрасли, ростом научных публикаций и общим состоянием библиографии конкретной науки.

Библиографическая периодика не обеспечивала все отрасли знания учетом научной и технической литературы и тем более не справлялась с задачей ее полного и критического обзора. Информация об отраслевой научной литературе по-прежнему сосредоточивалась в библиографических отделах общих и отраслевых журналов.

В так называемых «толстых» журналах библиография велась неравномерно, неполно, от случая к случаю, и касалась преимущественно произведений печати широкого гуманитарного профиля, в научных и технических журналах отделы критики и библиографии имели более специальный характер и узкое назначение.

То же стремление обеспечить ученых, врачей, педагогов своевременной информацией о новой литературе привело к изданию библиографических ежегодников в области естествознания и точных наук, медицины, сельского хозяйства, педагогики, славяноведения. По ряду причин ежегодники не могли выполнить функций текущей библиографии. Чаще всего они отражали литературу за один-два года, между отдельными начинаниями отсутствовала преемственность, а главное заключалось в том, что выход их обычно резко запаздывал.

В ретроспективной отраслевой библиографии усиливался процесс дифференциации библиографических пособий по содержанию и видам литературы. Здесь так же, как и в общей библиографии, наметился круг библиографических изданий, повторявшихся почти в каждой отрасли знания.

В каждой отраслевой библиографии множились указатели к содержанию отдельных периодических изданий и

за редким исключением отсутствовали аналогичные указатели к группам журналов родственного отраслевого характера. В ряде отраслей продолжали выходить указатели изданий научных обществ и каталоги ведомств и учебных заведений.

•

Общественные науки

Текущая библиография дореволюционной исторической литературы сравнительно с другими отраслями знания находилась в благополучном положении.

Новые книги по истории за 1901—1917 годы учитывал историк и библиограф А. И. Малеин (1869—1938)[1], он же составлял погодные обзоры журнальных статей[2]. Источниками сведений для библиографии служили органы официальной текущей регистрации произведений печати и около 400 исторических, общественно-политических и других повременных изданий. Новая литература учитывалась с разной степенью полноты: книги по археологии регистрировались более полно, по русской и всеобщей истории — с ограничениями. Общее число зарегистрированных за 1901—1917 годы книг превышает 12 000 названий, статей за это же время учтено около 10 000. Из этих цифр легко сделать заключение, что библиография в «Известиях Археологической комиссии» по полноте должна была уступать ряду других библиографических указателей, в частности «Обозрению трудов по славяноведению», в котором литература по русской истории за 1908—1912 годы представлена шире. Ценность библиографической работы, которую вел А. И. Малеин, заключалась не столько в полноте учета, сколько в ее продолжительности и непрерывности.

Литература по русской и всеобщей истории находила отражение в двух библиографических изданиях: «Научном

---

[1] [Малеин А. И.]. Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России за... [1901—1917]. — «Известия Археол. комиссии. Прибавления», 1902—1918. Вып. 1—32, кроме вып. 16.

[2] [Малеин А. И.]. Обзор статей историко-археологического содержания в русских повременных изданиях за... [1901—1917]. — «Известия Археол. комиссии. Прибавления», 1902—1918. Вып. 1—32, кроме вып. 16.

Сост. указателей за 1917 г. не установлен.

историческом журнале» (1913—1914)[1] и «Исторических известиях» (1916—1917)[2], слабо связанных между собой преемственностью некоторых обзоров исторической литературы. Каждый из них существовал менее двух лет, поэтому не мог оставить глубокого следа в исторической библиографии, хотя и содержал ценные критические статьи и обзоры текущей литературы.

«Научно-исторический журнал», рассчитанный на сравнительно узкий круг читателей, специально занимавшихся историей, был задуман как орган отечественной историографии. Главное внимание предполагалось сконцентрировать на текущем историческом материале, отразив его в критических статьях, рецензиях, обзорах журнальных статей на исторические темы. В первом выпуске «Научного исторического журнала» за 1913 год был напечатан краткий алфавитный указатель К. Н. Дерунова «Библиография русской истории за пятилетие 1908—1912».

Случайность и неполнота библиографических сведений, малое число оригинальных рецензий и замена их перепечатками не всегда доброкачественного материала не способствовали популярности первых выпусков научного библиографического журнала по исторической литературе.

В «Исторических известиях» в каждом номере публиковалась аннотированная систематическая библиография книг, статей и рецензий по русской (под ред. Ю. В. Готье и В. И. Пичеты) и всеобщей истории (под ред. Д. Н. Егорова). «Литература по русской истории» в этом журнале составлялась по точному образцу такого же обзора по всеобщей истории, четыре выпуска которого вышли в 1913—1917 годах под редакцией историка Д. Н. Егорова; в свою очередь «Русские новости по всеобщей истории» являлись прямым продолжением периодических обзоров, помещавшихся под тем же названием в журнале «Русская мысль» (1912—1915) и изданных затем отдельно.

Самым долговечным и устойчивым библиографическим изданием в области общественных наук была «Юридическая библиография», выходившая в Ярославле сначала как приложение к «Временнику Демидовского юридиче-

---

[1] Научный исторический журнал. Ред. Н. И. Кареев. Изд. И. А. Ефрон. Спб., 1913—1914, № 1—5.

[2] Исторические известия. Ред. Д. Н. Егоров. Изд. Историческое о-во при Моск. ун-те. М., 1916, № 1, 2, 3—4; 1917, № 1, 2.

ского лицея», а затем в виде самостоятельного библиографического журнала текущей русской юридической литературы [1]. Предшественником этого издания был петербургский журнал «Юридическая библиография» (1884—1886), выпускавшийся юридическим факультетом Петербургского университета.

Особенностью ярославской «Юридической библиографии» был широкий охват литературы, далеко выходивший за пределы юридических наук. В отдельных разделах специально учитывалась и частично реферировалась литература по политической экономии, статистике, социологии и другим дисциплинам. В собственно юридических разделах, таких, как «Государственное право», регистрировались книги и статьи об общественном движении в России, русских политических партиях, национальном вопросе, «политической злобе дня»; в разделе «Административное право» — по медицине, санитарии, рабочему и крестьянскому вопросам, военному делу, народному просвещению. Во всех разделах, кроме раздела «История и право славянских народов», литература учитывалась только на русском языке. Число расписываемых журналов к 1916 году выросло до 70 названий.

Списки текущей русской и иностранной литературы, отличавшиеся большой полнотой, из года в год печатались в «Журнале министерства юстиции» (1894—1917). По мнению Н. В. Здобнова, масштабы учета иностранной юридической литературы в этом журнале выделяют его из ряда других отраслевых периодических изданий.

Регистрацию текущей русской экономической литературы (книг и статей) вели журналы за 1900—1905 годы «Народное хозяйство» Л. В. Ходского и за 1906—1915 годы полно и тщательно «Известия С.-Петербургского политехнического института», в которых печатался в качестве приложения «Указатель книг по экономическим и юридическим вопросам».

---

[1] Юридическая библиография. Ярославль, 1886—1904, 1906—1907. Прил. к журн. «Временник Демидовского юридического лицея», т. 41—43, 45—76, 78—81, 83—92, 95. Выходил по мере накопления материала.

Юридическая библиография. Изд. Демидовский юридический лицей. Ярославль, 1907—1917. Периодичность — 5 вып. в год.

Продолжение «Юридической библиографии» за 1917—1922 гг. опубликовано в «Сборнике Ярославского гос. университета». Вып. 1—2. Ярославль, 1920—1923.

Один из очагов воинствующего идеализма в русской философии — журнал «Вопросы философии и психологии» (1889—1918) — на протяжении тридцати лет знакомил своих читателей с новой западной и русской философской литературой. Обширную, систематически расположенную текущую библиографию русской и иностранной философской литературы вел реакционный журнал идеалистического направления «Логос» (1910—1914).

В библиографической периодике начала XX века можно встретить отдельные примеры продуманного, всестороннего и последовательного учета специальной литературы. В одном из лучших отраслевых библиографических журналов, «Летописи военной печати» (1910—1914) [1], составителем и фактическим редактором которой был С. Д. Масловский [2], расписывалось свыше 500 русских и иностранных военных, военно-технических, научных и технических журналов и газет. За 4,5 года существования «Летописи» в ней учтено свыше 79 000 названий книг, журнальных и газетных статей по всем вопросам военного дела.

За исключением некоторых трудов, начатых еще в прошлом столетии, в начале века не появилось крупных ретроспективных библиографий, охватывающих историческую, экономическую, юридическую и философскую литературу в целом и за длительный период.

Вышедший в 1908 году второй том «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова (1841—1923) [3], посвященный раскрытию памятников русской исторической мысли с древнейших времен до XVIII века, лишь условно можно отнести к XX веку. Его замысел, структура и методы библиографического описания сложились еще в прошлом столетии. По своему характеру «Опыт русской исто-

---

[1] Летопись военной печати. [Ежемесячный библиографический журнал. Ред. С. Д. Масловский]. Изд. Николаевская военная академия. Спб., 1910—1914.

В 1910—1911 гг. «Летопись военной печати» публиковалась в библиогр. отделе «Известий Николаевской военной академии», с 1912 г. выходила отдельными выпусками с тит. л. «Известия Николаевской военной академии. Летопись военной печати».

[2] С. Д. Масловский — советский писатель-прозаик, в литературе известен под псевдонимом — С. Д. Мстиславский.

[3] Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 2, кн. 1—2. Киев, 1908. 1113, 1054 с. разд. паг.

Изд. не закончено. Большая часть рукописи 3-го т. хранится в Архиве АН СССР.

риографии» не столько историографический, сколько источниковедческий труд, в который обильный библиографический материал введен в виде списков источников и дополнительных перечней книг, журнальных и газетных статей на русском и иностранных языках с 1891 по 1908 год.

В ином плане выполнена другая крупная библиография источников по истории, «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке» С. Р. Минцлова, первый широко поставленный опыт обозрения мемуарной литературы [1].

Шесть выпусков «Обзора», из которых последний составлен дочерью С. Р. Минцлова [2] в виде дополнения к предыдущим, содержат сведения о мемуарной литературе с XVIII века по 1907 год (около 5000 названий книг, журнальных и газетных статей). В основу библиографии положено описание собственного книжного собрания историка, беллетриста и библиофила С. Р. Минцлова, дополненное просмотром библиографических указателей разного времени, антикварных и книгоиздательских каталогов.

Современники С. Р. Минцлова высоко оценили первую крупную библиографию мемуарной литературы, но вместе с тем высказали немало критических замечаний, вызванных главным образом кустарным характером ее выполнения.

Любительский характер «Обзора» проявился в методах библиографического разыскания, в пропуске важных для историка отдельных мемуаров (воспоминаний Н. В. Шелгунова, К. С. Аксакова и других), в неравномерности раскрытия содержания материала, в непоследовательности и неполноте описания и особенно в формальном размещении библиографических записей. «Обзор» составлен в хронологическом порядке, по векам и царствованиям, причем мемуары, охватывающие несколько царствований,

---

[1] Минцлов С. Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Вып. 1—5. Новгород, 1911—1912.

[2] Минцлова М. С. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Под ред. С. Р. Минцлова. Вып. 6. — «Русская старина», 1915, июнь—сент., 14 с. (второй паг.).
Изд. не закончено.

относятся к периоду, первому по времени упоминания. Такое размещение по первой записи, без соответствующих перекрестных ссылок, затрудняет использование тех же материалов по другим периодам.

Среди указателей исторической литературы значительную группу составили указатели содержания общих исторических и историко-литературных журналов («Исторического вестника» 1880—1911, «Киевской старины» 1882—1906, «Русской старины» 1897—1902, «Исторического обозрения» 1890—1915 и других).

Раскрытием содержания отдельных журналов занимались известные библиографы: предметная роспись к «Русскому архиву» составлена И. Ф. Масановым (1874—1945) [1], указатели к журналам «Былое» и «Минувшие годы» — Д. П. Сильчевским (1851—1919). Подготовленный в годы реакции указатель содержания запрещенного журнала «Былое» не был разрешен к печати. Титульный лист и обложка его были уничтожены. Но он появился в специально созданном для него библиографическом журнале «Вестник истории и литературы», первый и единственный номер которого целиком занят текстом указателя [2].

К сравнительно редкому типу библиографических пособий в русской библиографии принадлежит составленный В. А. Кудрявцевым указатель исторических статей, помещенных в ряде литературно-общественных журналов [3].

Из крупных библиографий юридической литературы полнотой материала и тщательностью описания выделяется посмертно изданный второй том «Систематического указателя русской литературы по судоустройству и судопроизводству» А. Ф. Поворинского [4]. Два тома указа-

---

1 Масанов И. Ф. «Русский архив», издаваемый Петром Бартеневым 1863—1908. Содержание его книжек и предметная роспись с азбучным указателем. М., 1908. 398 с. разд. паг.

Прил. к «Русскому архиву», 1907, № 5—12; 1908, № 1—5, 12.

2 Сильчевский Д. П. Указатель к журналу «Былое» за 1906—1907 гг. — «Вестник истории и литературы», 1908, № 1, с. 1—208, 14. Отд. отт. Спб., 1909. [2], 208, 14 с.

3 Кудрявцев В. А. Указатель исторических статей, помещенных в журналах: «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Мир божий», «Современный мир», «Образование» за 1885—1908 гг. Н. Новгород, 1910. 40 с.

4 Поворинский А. Ф. Систематический указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному. Т. 1—2. Спб., 1896—1905.

теля включали свыше 18 000 названий книг и статей с начала XVIII века по 1904 год. В некоторых разделах этот труд был продолжен С. Н. Трегубовым, применявшим в «Настольной книге криминалиста-практика»[1] редкое для русской библиографии предметное расположение материала. Ценными справочниками юридической литературы были три выпуска указателя содержания «Журнала министерства юстиции», в которых за 1894—1914 годы учтено свыше 2500 статей[2].

Для начала XX века характерно появление ряда библиографий литературы о Государственной думе, истории государственной власти в России и конституционном праве.

В области экономической литературы выполнение крупных библиографических трудов остановилось на полпути.

Составленный профессором Петербургского университета П. И. Георгиевским указатель литературы по политической экономии (1901) из-за большого объема (20 печатных листов) не был издан.

Студентами С.-Петербургского университета под руководством того же П. И. Георгиевского были подготовлены два выпуска «Указателя русской экономической литературы»[3], в которые вошло около 5000 книг и журнальных статей (из 19 русских и 6 иностранных журналов) за 1898—1902 годы. Запаздывание официальных сведений в «Правительственном вестнике» помешало включению литературы за 1903 год. Для дробно систематизированного «Указателя русской экономической литературы» материал отбирался по широкой программе, включая социологию, промышленность, рабочий вопрос, сельское хозяйство, народное образование, статистику. Он ценен краеведческим материалом, которого особенно много в разделе «Местная экономическая жизнь и ее исследование». Это была одна из первых библиографий, в которую вошли марксистские

---

[1] Трегубов С. Н. Настольная книга криминалиста-практика. Алфавитный указатель юридической литературы... Т. 1. 1894—1908. Спб., 1908. VIII, 708 с.

[2] Люблинский А. И. Систематический указатель к «Журналу министерства юстиции» за... [1894—1914 гг.]. Спб., 1904—1915.

[3] Указатель русской экономической литературы с приложением списка статей некоторых иностранных журналов. Вып. 1—2. Спб., изд. П. И. Георгиевского, 1903—1905.

Вып. 1 [1898 — май 1902]. 1903. IV, 4, 103 с.

Вып. 2. [1902]. 1905. [6], 52 с.

работы, хотя П. И. Георгиевский был противником экономического учения Маркса.

По плану П. И. Георгиевского два выпуска указателя составляли лишь часть задуманного труда. В дальнейшем предполагалось текущую литературу регистрировать в очередных выпусках и одновременно заняться созданием ретпроспективной библиографии за последнюю четверть XIX века, но издание указателя оборвалось на втором выпуске.

Продолжением этой библиографии отчасти служит «Указатель журнальных статей по экономическим вопросам за десятилетие 1904—1913 гг.», подготовленный студентами Киевского коммерческого института в экономическом семинаре К. Г. Воблого [1]. Между двумя библиографиями нет полной преемственности. Работы не совсем тесно примыкали друг к другу хронологически, кроме того, отличались и в другом отношении. Основное различие заключалось в отборе материала по видам изданий и по содержанию. Указатель К. Г. Воблого ограничен журнальными статьями и не выходил за пределы чисто экономической тематики. И хотя в киевском указателе учетный период вдвое больше, число зарегистрированных названий в нем, по сравнению с петербургским, в пять раз меньше. Такое резкое расхождение в учете экономической литературы определялось разными принципами отбора, но вместе с тем и крупными пробелами регистрации в указателе К. Г. Воблого. Из 24 русских журналов только четвертая часть в этом указателе расписана полностью за десятилетие.

Из сравнительно больших библиографий философской литературы ретроспективного характера можно назвать «Литературный указатель» И. И. Фомина, помещенный в книге того же автора «Введение в историю философии» [2]. Фомин учел свыше 1000 книг и статей по этике, эстетике, философии, истории языка и права, истории философии в России и т. д. При отборе русской философской литературы конца XIX и первых лет XX века автор нашел место для статей из журналов «Вера и разум» и «Православное

---

[1] Указатель журнальных статей по экономическим вопросам за десятилетие 1904—1913 гг. Вып. 1. Киев, 1915. XII, 220 с. (Труды экономического семинара проф. К. Г. Воблого при Киевском коммерч. ин-те. Вып. 3).

[2] Фомин И. И. Введение в историю философии. Популярно-философские очерки. М., 1905, с. 1—96 второй паг.

обозрение», но обошел молчанием имена Белинского, Писарева и Плеханова. Библиография Фомина наполнена той типичной для конца XIX века идеалистической философской литературой, которую В. И. Ленин, характеризуя содержание философского ежегодника и других библиографических указателей Я. Н. Колубовского, назвал «философской дребеденью» [1].

В период реакции и усиления мракобесия в русской буржуазной философии создается благоприятная среда для проповеди мистических идей. В этой среде появляется и выдерживает два издания «Библиография оккультизма» И. К. Антошевского [2]. Составитель библиографии, он же редактор ежемесячного журнала «оккультных наук» «Изида», собрал сведения о книгах и журнальных статьях по алхимии, астрологии, каббале, магии, хиромантии и т. п. с конца XVIII по начало XX века.

В атмосфере острой идейной борьбы на философском фронте, впервые появляется крупный библиографический указатель русской и иностранной литературы об историческом материализме [3]. Он напечатан в сборнике «Исторический материализм» в виде прикнижной библиографии книг и статей, появившихся за 1900—1907 годы (около 500 названий). Этот сборник, составленный из статей Энгельса, Каутского, Лафарга, упоминает В. И. Ленин в обзоре марксистской литературы, напечатанном в виде приложения к его статье о Марксе. После 1917 года «Исторический материализм» многократно переиздавался.

Очень обстоятельную, тщательно составленную «Русскую библиографию по истории древней философии» опубликовал А. Ященко в «Ученых записках Юрьевского университета» [4]. Материал в этом указателе расположен в хронологическом порядке, по философским школам, с дробной систематизацией внутри разделов. Не считая

---

[1] Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. Т. 3. М., Акад. наук, 1963, с. 352.

[2] Антошевский И. К. Библиография оккультизма. 1783—1909. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., изд. М. С. К., 1911. 32 с.
Изд. 1-е. Спб., 1910.

[3] Бронштейн С. Ю. (Семковский С.). Указатель литературы об историческом материализме на русском и иностранных языках. — В кн.: Исторический материализм. Сб. статей. Сост. С. Бронштейн (С. Семковский). Спб., 1908, с. 391—403.

[4] Ященко А. С. Русская библиография по истории древней философии. Юрьев, 1915. IV, 126 с. Отд. отт. из «Ученых записок Юрьевского ун-та».

рецензий, в нем учтено около 2500 названий — книги и журнальные статьи с конца XVIII века по 1914 год; наиболее значительные книги подробно аннотированны и снабжены указаниями на журнальные и газетные рецензии.

Существенным дополнением к общим и тематическим ретроспективным библиографиям философской литературы служил составленный Н. П. Корелиной указатель содержания журнала «Вопросы философии и психологии» за двадцатилетний период [1].

Библиография по психологии существовала в начале века преимущественно в виде прикнижных, часто довольно обширных, библиографических списков в учебных курсах и монографиях, кроме того, как составная часть указателей педагогической литературы.

Литература по аграрному и рабочему вопросу, женскому движению, истории революций и социализму завоевала одно из первых мест в рекомендательной библиографии, обращенной к массам. В научно-информационной библиографии эти темы находились в стадии предварительного собирания материала.

Первый список важнейших журнальных и газетных статей о стачечном движении в России за тридцать лет XIX века появился в «Трудах Вольного экономического общества» [2]. Он был составлен под руководством и с предисловием С. Н. Прокоповича.

В 1905 году, выполняя задание по военному ведомству, Н. М. Лисовский издал «Материалы для указателя литературы по рабочему вопросу», которым пользовалась учрежденная в октябре 1902 года комиссия по улучшению быта рабочих военного ведомства. За исключением немногих названий (труды К. Маркса, Н. Г. Чернышевского, Н. Флеровского) рабочий вопрос подавался в указателе в освещении русской и иностранной буржуазной литературы [3].

Через год вышел в свет «Указатель литературы по профессиональному рабочему движению» В. В. Святлов-

---

[1] Корелина Н. П. Указатель статей, рецензий и заметок, напечатанных в журнале «Вопросы философии и психологии» за двадцатилетие 1889—1909 гг. М., 1910. 32 с.

[2] К-й Н. Н. К библиографии стачечного движения в России. — «Труды Вольного экономического о-ва», 1903, № 6, с. 20—34.

[3] Лисовский Н. М. Материалы для указателя литературы по рабочему вопросу. Указатель литературы. Спб., 1905. 72 с.

ского[1]. В библиографическом отношении он был небрежен, отличался произвольной систематизацией материала, не всегда включал лучшие издания, в нем было много пропусков, в частности отсутствовала такая работа Энгельса, как «Положение рабочего класса в Англии». Но в то время это была первая крупная библиография по профессиональному движению, поэтому через полгода вышло второе ее издание, а через десять лет — третье, выпущенное большевистским издательством «Жизнь и знание».

Предпосылкой для появления библиографических пособий по женскому вопросу послужила длительная борьба за равноправие женщин в экономической, общественно-политической и культурной областях.

На рубеже двух столетий некоторых успехов достигло женское высшее и среднее специальное образование. В начале XX века в России открылись женские высшие учебные заведения: медицинский, сельскохозяйственный, педагогический и политехнический институты. В Москве, Петербурге и провинциальных городах организовывались женские сельскохозяйственные и строительные курсы.

С именем проф. И. А. Стебута, известного русского агронома, общественного деятеля, организатора сельскохозяйственных «стебутовских» курсов связано появление первой библиографии литературы по женскому сельскохозяйственному образованию. Она возникла по инициативе И. А. Стебута, в то время председателя совета Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию. В указателе, составленном Р. Э. Блашке[2], около 1000 названий русской и иностранной литературы за 1880—1904 годы. Хронологическое расположение по годам издания дает отчетливое представление о резком скачке в выпуске литературы по женскому сельскохозяйственному образованию накануне первой русской революции.

Под влиянием революционных событий 1905—1907 годов повысился интерес к общественной стороне женского

---

[1] Святловский В. В. Указатель литературы по профессиональному рабочему движению на русском языке. Спб., «Начало», 1906. 23 с.

То же. Изд. 2-е. Спб., 1907. 48 с.

То же. Изд. 3-е. Пг., «Жизнь и знание», 1917. 94 с.

[2] Блашке Р. Э. Указатель книг и журнальных статей по вопросам женского сельскохозяйственного образования. [Под ред. В. И. Срезневского]. Спб., 1905. IV, 76 с. Отд. отт. из «Сборника статей по вопросам женского сельскохозяйственного образования».

движения. Отвечая запросам времени, «Союз равноправности женщин» издал по женскому вопросу сначала небольшой библиографический список, быстро распространившийся в тысячах экземпляров, затем на ту же тему выпустил систематический указатель необходимейших пособий, изданных на русском языке. Та же общественная организация готовила к печати полную библиографию книг и журнальных статей по женскому вопросу.

В систематическом «Указателе важнейших сочинений по женскому вопросу» [1] уживались рядом книги трудные и популярные, написанные авторами разных политических направлений, но при всей пестроте идейных позиций и эклектичности содержания библиография обладала и некоторыми достоинствами. Среди особо рекомендуемых книг перечислены произведения Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Цеткин, П. Лафарга.

Среди тематических указателей особым успехом пользовалась библиография кооперативной литературы, что было связано с развитием и численным ростом всех видов кооперативных организаций в дореволюционной России. Первое место среди них занимала сельскохозяйственная и кредитная кооперация, второе — потребительская и жилищная. Рост кооперативной литературы не поспевал за ростом кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, промысловых артелей и потребительских обществ, хотя в эти годы появились специальные периодические издания по кооперации, выходило множество популярных брошюр, плакатов, листков и инструктивного материала. По неполным данным, в 1911—1915 годах кооперативной литературы издано почти в десять раз больше, чем за первое пятилетие XX века [2].

Составителями или заказчиками библиографических пособий по кооперации, так же как и в XIX веке, были различные организации. Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при Московском обществе сельского хозяйства издавал литературу по кооперации, организовывал лекции, составлял и распространял библиографические списки и указатели. По зака-

---

1 Указатель важнейших сочинений по женскому вопросу. М., изд. «Союза равноправности женщин», 1907. 15 с.

2 Гриценко И. Ф. Кооперативная литература за 67 лет в цифрах. — В кн.: Гриценко И. Ф. и Меркулов А. В. Систематический указатель русской литературы по кооперации. 1856—1924. М., Кооп. изд., 1925, с. 14.

зу петербургского отделения этого комитета теоретические работы и литературу о практическом опыте кооперативных организаций за последнюю четверть XIX века учел С. В. Бородаевский во втором издании «Указателя книг и статей о кооперации и мелком народном кредите» [1]. В отличие от первого издания составитель ограничился литературой о кредитной, производительной и потребительской кооперации, отказавшись от книг и статей о мелкой кустарной промышленности и рабочем вопросе. Частично аннотированный алфавитный указатель Бородаевского насчитывал свыше 2000 названий на русском языке и около 500 на иностранных языках [2]. В русской части использована библиография Е. И. Якушкина «Обычное право», в иностранной — каталоги петербургского отделения комитета и указатель Мюльбрехта и Штамгаммера.

Тот же комитет о сельских ссудо-сберегательных товариществах трижды издал небольшой «Указатель кооперативной литературы» [3].

Подобные же указатели издавались земскими организациями. Нижегородская земская управа организовала курсы кооператоров и выпустила указатель А. В. Португалова, рассчитанный на жителей Нижегородской губернии, но вскоре распространившийся по всей северной, центральной и восточной России [4]. Ряд небольших систематических списков кооперативной литературы издал Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского [5].

В этом же университете в 1915 году возникла мысль о составлении систематической полной библиографии кооперативной литературы за 50 лет. Предполагалось составить исчерпывающий указатель книг, исключив из

---

[1] [Бородаевский С. В.]. Указатель книг и статей о кооперации и мелком народном кредите. [Изд. 2-е]. Спб., 1903. [2], 124 с. (Спб. отд-ние ком. о сельских ссудо-сберегательных и промышленных т-вах).

[2] Н. В. Здобнов считает авторами этого указателя Мюльбрехта и Штамгаммера.

[3] Указатель кооперативной литературы. Изд. 3-е. М., 1915. VIII с. (Ком. о сельских ссудо-сберегательных и промышленных т-вах).

[4] Португалов А. В. Указатель книг для чтения по вопросам кооперации. Н. Новгород, 1913. 32 с. (Нижнегор. губ. зем. управа).

[5] [Гриценко И. Ф.]. Систематический список кооперативной литературы. М., 1915. 50 с. (Моск. гор. народный ун-т им. А. Л. Шанявского).

него лишь уставы и годовые отчеты кооперативных учреждений, и выборочно учесть статьи из важнейших периодических изданий [1]. Работа над библиографией замерла на стадии предварительного собирания материала.

Библиография литературы по общественным наукам в начале века была обширна по числу названий и разнообразна по содержанию, хотя не отличалась последовательностью и преемственностью изданий. В этот период были завершены крупные работы, задуманные и начатые еще в прошлом столетии. Характерные черты нового века — рост тематических указателей сравнительно небольшого объема, внимание к таким общественным явлениям, как профессиональное движение, женский вопрос, кооперация. Но вместе с тем революция 1905—1907 годов, история освободительного движения и социализм почти не находят отражения в библиографии научно-информационного характера.

Педагогика. Народное образование

Канун первой русской буржуазно-демократической революции отмечен небывалым оживлением русской педагогической мысли и обилием как русской оригинальной, так и переводной педагогической литературы. Достаточно сказать, что в «Указателе текущей педагогической литературы» О. В. Слюсаренко [2] за последний год XIX столетия было зарегистрировано 11 000 названий книг и статей — огромное число для того времени. Радикальные изменения в этой отрасли книжного дела произошли в связи с обострением борьбы демократической педагогики с реакционной, в связи с активным выступлением передовых педагогов против правой литературы по вопросам обучения и воспитания.

После 1905—1907 годов общественная активность в этом направлении нашла выход в деятельности педагогических и культурно-просветительных обществ, в организации педагогических кружков и комиссий. Интерес общественности и широких педагогических кругов к вопросам

---

[1] Сабашников М. и Садырин П. Об издании библиографического указателя по кооперации. (Письмо в редакцию). — «Библиогр. известия», 1915, вып. 1, с. 97—98.

[2] Слюсаренко О. В. Указатель текущей педагогической литературы за 1900 г. Вып. 1—2. М., 1900—1901.

просвещения народа, к постановке начального, среднего и внешкольного образования сопровождался обращением к педагогической литературе, которое усиливалось и углублялось проходившими в те годы многочисленными съездами деятелей по народному образованию (земскими и всероссийскими), учительскими съездами, курсами при Педагогической академии в Петербурге, впервые организованными в ряде губерний земскими курсами по внешкольному образованию. Не случайно выходившие в те годы труды многих педагогических съездов и курсов учителей оснащались солидной прикнижной библиографией, указателями журнальных и газетных статей, списками главнейших пособий и т. п.

В 1901—1917 годах в России издавалось свыше 100 периодических изданий по педагогике и народному образованию, на страницах которых обсуждались актуальные вопросы воспитания и обучения, обозревалась и оценивалась текущая педагогическая литература. Сама педагогическая пресса становится объектом для библиографического изучения. Ее классификации по изданиям, тематике и отношению к общественной жизни посвящается специальный библиографический очерк [1].

Кроме отделов критики в общей и педагогической печати, библиографией занимались специальные информационные и критико-библиографические журналы, основное назначение которых заключалось в учете и оценке книг и статей по народному образованию.

Из небольшой группы педагогических библиографических журналов широтой программы и сравнительной долговечностью выделялся «Вестник народного образования» (1911—1916) [2], фактическим редактором которого был известный деятель народного образования, педагог и библиограф В. И. Чарнолуский (1865—1941). По методике собирания и характеру отражения информации издание В. И. Чарнолуского напоминало «Бюллетени литературы и жизни», не случайно и тот и другой орган именовал себя журналом журналов.

---

[1] Зеленко В. А. Вопросы просвещения в отражении педагогических журналов. — «Русская школа», 1915, № 3, с. 43—75.

[2] «Вестник народного образования». Ежемесячный информационный справочный и библиографический журнал. Ред.-изд. Е. Ф. Проскурякова. Спб., 1911—1916. С 1916 г. подзаголовок: «Журнал журналов по вопросам образования, воспитания и самообразования».

«Вестник народного образования» отражал все стороны и отрасли народного образования (общие вопросы, дошкольное, школьное, внешкольное образование, самообразование, детское чтение), помещая библиографические списки новых книг и важнейших журнальных статей, свод отзывов периодической печати об учебной, методической и детской литературе, перечень изъятых из обращения изданий.

Первоначально программа «Вестника» предусматривала библиографическую регистрацию новых научных и научно-популярных книг, а также драматургических сочинений, но в дальнейшем пришлось ограничиться выдержками из отзывов главнейших органов печати о новых научных и научно-популярных книгах. От первоначального плана сохранился учет библиографий по психологии и общей библиографии. От самостоятельных авторских статей и оригинальных рецензий редакция «Вестника народного образования» отказалась с самого начала, ограничив себя чисто информационно-библиографическими задачами. Источником сведений для журнала служила главным образом периодическая печать (в первую очередь педагогическая и библиографическая), которая давала обильный библиографический и фактический материал.

Одна специфическая особенность выделяла «Вестник народного образования» из ряда других библиографических изданий: в 1916 году от него отпочковались два небольших библиографических журнала «Внешкольное образование и самообразование» [1] и «Народная школа» [2], сокращенные специальные издания основного журнала, предназначенные более узким группам работников народного образования. По такому же образцу В. И. Чарнолуский намечал издание в 1917 году и третьего журнала — «Библиография народного образования» (перепечатка двух отделов «Вестника народного образования»), проект которого остался неосуществленным.

---

[1] «Внешкольное образование и самообразование». Настольный ежемесячный справочник для учреждений внешкольного образования. Журнал журналов по вопросам внешкольного образования и самообразования. Ред.-изд. Е. Ф. Проскурякова. Пг., 1916, № 1—4-5. № 6—7 был набран, сверстан, но в свет не вышел.

[2] «Народная школа». Настольный ежемесячный справочник для народной школы и народного учителя. Ред.-изд. Е. Ф. Проскурякова. Пг., 1916, № 1—4-5.

№ 6—7 не был полностью отпечатан.

Специальный учет текущей педагогической литературы, оборванный в начале века, возобновился через несколько лет в виде годовых списков, в основном на страницах учительских календарей и справочников [1].

Организованные по разному принципу, с разными критериями отбора печатных произведений библиографические списки не были равноценны по объему, использованным источникам и полноте регистрации. В одних указателях учитывались только книги, в других — только журнальные статьи, в третьих — и то и другое.

Из ежегодных списков педагогической литературы заслуживает внимания составленная В. И. Чарнолуским «Библиография статей по народному образованию» за 1914 год, в которой по очень широкой программе учтено свыше 2500 статей из 78 периодических изданий [2]. Подготовленная В. И. Чернолуским библиография статей по народному образованию за 1915, 1916 и 1917 годы осталась у автора в рукописи и картотеках.

Не существовало в этот период и универсальной ретроспективной библиографии педагогической литературы за длительный период. Отдельные попытки в этом направлении предпринимались, но не дали благоприятных результатов. Библиограф А. А. Лебедев, который с конца XIX

---

[1] Чарнолуский В. И. Библиография народного образования. Книги и брошюры, вышедшие в 1906 г. — В кн.: Ежегодник внешкольного образования. Под ред. В. И. Чарнолуского. Вып. 1. М., 1907.

Шевченко Е. Указатель педагогической литературы за ... [1907/08—1910/11 учеб. год]. — В кн.: Школьный календарь на [1908/09—1911/12 учеб. год]. Спб., 1908—1911.

Бахтин Н. Н. Указатель педагогической литературы за 1911—1912 учеб. год. — В кн.: Школьный календарь на 1912—1913 учеб. год. Спб., 1912, с. 37—70.

Смирнов О. Н. Вопросы народного образования в педагогических журналах за... [1907, 1911/12, 1912/13 гг.]. — В кн.: Народный учитель. Календарь-справочник на ... [1908/09, 1912/13, 1913/14 учеб. год]. М., 1908—1913.

Указатель статей, помещенных в педагогических журналах с 1 янв. 1910 г. — В кн.: Учительский календарь-справочник... на 1911—1912 учеб. год. Под ред. В. А. Флерова и М. Л. Цитрона. Ч. 2. Петербург—Киев, 1911, с. 26—51.

Указатель статей, помещенных в педагогических журналах за 1910 г. Указатель тех же статей за 1-ю пол. 1911 г. — В кн.: Каталог педагогической библиотеки С.-Петербургского общества грамотности. Первое дополнение... Спб., 1912, с. 61—104.

[2] Чарнолуский В. И. Библиография статей по народному образованию. Вып. 1. За 1914 г. Пг., 1916. XII, 99 с.

века по 1907 год тщательно регистрировал педагогическую литературу, приостановил работу из-за невозможности издания библиографии. Такая же участь постигла и картотеку В. И. Чарнолуского, собравшего сведения о книгах и брошюрах по всем вопросам и отраслям народного просвещения с начала книгопечатания в России [1].

Потребность в полном библиографическом справочнике частично удовлетворялась всей совокупностью имевшихся библиографий. Для разыскания литературы по начальному народному образованию важным источником служил коллективно составленный систематический каталог специальной педагогической библиотеки, который учитывал (вместе с дополнением) около 8000 книг, периодических изданий, журнальных статей за вторую половину XIX и начало XX века [2]. С выходом каталога, для которого было расписано содержание двадцати педагогических журналов за десять лет, отпала необходимость обращения к ряду имевшихся в этот период разрозненных библиографий. Огромную ценность этого справочника представлял помещенный в нем систематический указатель статей, напечатанных в земских изданиях; не менее ценными были указания на отчеты, доклады, циркуляры и другой трудно находимый официальный материал различных местных учреждений.

Земские издания, содержавшие ценный фактический материал о состоянии народного образования в России, получили отражение в ряде специальных указателей. Без исчерпывающей полноты они учтены среди прочих земских изданий в капитальном труде известного земского деятеля Б. Б. Веселовского [3]. Две библиографии были изданы в порядке подготовки к общеземским съездам. К съезду по народному образованию был выпущен «Ката-

---

[1] Педагогическая энциклопедия. Т. 2. М., 1930, стлб. 604.

[2] Каталог Педагогической библиотеки по начальному народному образованию. С прил. указателя статей, помещенных в имеющихся в б-ке пед. журн. с 1900 по 1 сент. 1910 г. Спб., 1910. VIII, 210 с. (Спб. о-во грамотности).

То же. Первое дополнение с прил.: 1) Указателя статей, помещенных в пед. журн. за 1910 г. 2) Указателя тех же статей за 1-ю пол. 1911 г. 3) Указателя статей и материалов по народному образованию, напеч. в земских изданиях. Спб., 1912. VIII, 232 с. (Спб. о-во грамотности).

[3] Систематический указатель литературы по земским вопросам. — В кн.: Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. Т. 1. Спб., 1909, с. 593—628; т. 4. Спб., 1911, с. 1—104.

лог-указатель земской литературы» (свыше 1000 названий), из которого наглядно видно, что введению всеобщего обучения и внешкольному образованию в земской литературе уделялось преимущественное внимание [1]. Вторая библиография, составленная И. М. Богдановым к общеземскому съезду по статистике народного образования [2], содержала издания 36 земств по основной и текущей статистике народного образования с конца XIX века по 1913 год. Список изданий В. Ф. Караваева ценен подбором малотиражных официальных изданий и отчетов земских управ [3].

Книжная литература по общим вопросам воспитания и отдельным предметам обучения для преподавателей низшей школы нашла отражение в «Учительском календаре» на 1911—1912 учебный год [4], а для преподавателей средних учебных заведений в «Педагогическом календаре» за тот же год [5].

В календарях-справочниках отбор, дробную систематизацию и в ряде случаев оценку книг проводили известные педагоги. Для редакции отдельных разделов были приглашены А. И. Малеин («Древние языки»), А. К. Анохин («Физическое воспитание»), Б. Е. Райков («Зоология»), К. Ф. Лебединцев («Математика») и другие специалисты. Отчасти повторяя друг друга, оба указателя сообщали сведения о большом массиве педагогической книги (не менее 8000 названий), изданной за последнюю четверть XIX и первое десятилетие XX века.

---

[1] Каталог-указатель земской литературы по народному образованию. — «Труды Первого общеземского съезда по народному образованию», М., 1912, прил., с. 112—127, 220—222.

[2] Богданов И. М. Обзор земских изданий по статистике народного образования. — В кн.: Сводка сведений о состоянии земской статистики народного образования. Харьков, 1913, с. 146—226. (Орг. бюро по созыву Общеземского съезда по статистике народного образования).

[3] [Караваев В. Ф.]. Список изданий земских и городских самоуправлений по народному образованию. К 1 янв. 1912 г. Спб., изд. газ. «Школа и жизнь», 1914. IV, 60 с.

[4] Библиографический указатель. — В кн.: Учительский календарь-справочник для преподавателей городских двухклассных сельских училищ и второклассных школ на 1911—1912 учеб. год. Под ред. В. А. Флерова и М. Л. Цитрона. Ч. 2. Петербург—Киев, «Сотрудник», 1911, с. I—VIII, 1—207.

[5] Библиографический указатель. — В кн.: Педагогический календарь-справочник на 1911—1912 учеб. год. Изд. 2-е. Ч. 2. Петербург—Киев, 1911, с. I—VIII, 1—474.

Более выборочными были в то время довольно распространенные примерные списки для педагогических библиотек, комплектующихся литературой по истории педагогики, школоведению, гигиене детского и школьного возраста, психологии, психопатологии, методике преподавания и т. д.[1] Нередко подобные педагогические библиотеки содержали разделы книг для общего и политического самообразования учителей и воспитателей[2].

В противовес обращенной к учителю прогрессивной библиографии существовала иная, официальная пропаганда литературы, пропитанная враждебным отношением к демократическому движению, активно рекомендующая чтение монархической, религиозной и религиозно-философской литературы[3].

Дополнением к общим указателям педагогической литературы служили крупные указатели содержания отдельных педагогических журналов, в частности, официального органа синода — «Народного образования»[4], «Журнала министерства народного просвещения»[5] и «Педагогического сборника»[6]. Тщательно выполненный, удобный для разыскания указатель С. А. Переселенкова рассматривался современниками (Н. К. Пиксановым, Н. Н. Бахтиным и другими) как образец для аналогических работ.

Содержание педагогической литературы не ограничивалось общими вопросами воспитания и обучения. После революции 1905—1907 годов рождаются и выдвигаются на первый план совершенно новые проблемы и соответственно появляются библиографии новой тематики. Впервые отдельными изданиями выходят библиографические указатели по всеобщему обязательному обучению, внешколь-

---

[1] Педагогическая библиотека. — «Просвещение», 1907, № 1, 2, 4—7.

[2] Красновский А. А. Примерный список книг для педагогической библиотеки. Казань, 1916. 17 с.

[3] Виноградов В. В помощь самообразованию учителей. Беседы о чтении. — «Народное образование», 1907, № 1—3.

[4] Т[уми]м А. Систематический указатель к журн. «Народное образование» за .... [1896—1912]. Вып. 1—2. Спб., 1908—1913.

[5] Указатель статей, помещенных в неофициальной части «Журнала министерства народного просвещения» за время с... [1892 по 1910 г.]. [Вып. 2—3]. Спб., 1902—1911.

[6] Переселенков С. А. Систематический указатель статей, напечатанных в неофициальной части «Педагогического сборника» за пятьдесят лет (1864—1914). Пг., Глав. упр. военно-учеб. заведений, 1915. X, 288 с.

То же... к официальной части. Пг., 1917. 160 с.

ному образованию, педагогической психологии и т. д. Составляются библиографические списки книг и статей на такую ранее не дозволенную тему, как положение школ для нерусского населения.

В начале XX века особых успехов достигает педагогическая психология, выводы которой применялись как в воспитании, так и в преподавании отдельных предметов. Всероссийские съезды по педагогической психологии вызвали два издания специального каталога [1], двумя изданиями вышел библиографический обзор Н. Е. Румянцева [2]; в дальнейшем литература по педагогической психологии нашла место в ряде общих указателей, в примерных списках книг для педагогических библиотек, в прикнижных библиографиях к курсам лекций и руководствам по педагогике и психологии.

Среди кратких списков и обзоров литературы по внешкольному образованию, почти не затрагивающих журнальных статей, своей законченностью и тщательностью выполнения выделяется «Систематический указатель» Е. Н. Медынского и И. И. Лапшова [3], в котором характеризуется строго отобранная книжная и журнальная литература с конца XIX века по 1916 год. Широкий круг просмотренных источников (100 периодических изданий), разумное самоограничение при отборе материала по смежным областям, четкое расположение, краткие деловые аннотации — все это делает указатель Медынского и Лапшова ценным справочником и позволяет рассматривать его как своеобразный библиографический итог написанному по внешкольному образованию за несколько десятилетий.

В это же время делается первый шаг, пока еще в плане теоретической разработки, к созданию библиографии литературы по истории высшего образования в России. Толчком послужили крупные юбилеи: двухсотлетие русской гражданской печати, столетие ряда высших учебных заве-

---

[1] Каталог книг по психологии, психопатологии, педагогике, гигиене, анатомии и физиологии. Спб., К. Л. Риккер, 1906. 72 с.
То же. Изд. 2-е, переработ. Спб., 1909. 128 с. (Пед. музей военно-учеб. заведений).

[2] Румянцев Н. Е. Обзор литературы по психологии детства. Спб., 1910. 44 с.
То же. Изд. 2-е. Спб., 1912. 114 с.

[3] Медынский Е. Н. и Лапшов И. И. Систематический указатель книг и статей по внешкольному образованию. М., «Наука», 1916. VIII, 230 с.

дений, 150-летие Московского университета. Программа коллективного научно-библиографического исследования русского университетского вопроса, подробно изложенная историком С. Г. Сватиковым на заседании Русского библиологического общества в 1915 году, была одобрена, но для ее осуществления в то время не было реальных возможностей [1].

Довольно распространенная в начале века форма библиографической информации и пропаганды печатных произведений в виде сборников рецензий почти не нашла распространения в общей библиографии педагогической литературы. Задуманное А. Е. Флеровым критическое обозрение важнейшей педагогической литературы за десять лет (1895—1905) не было доведено до конца и прекратилось на втором выпуске [2]. Два выпуска его указателя вышли как сборники рецензий, заимствованных из ранее вышедших библиографий, педагогических и общественно-литературных журналов. Механическое соединение различных мнений и критических отзывов, при отсутствии общего продуманного плана и собственной твердой позиции, ограниченность и случайность включенного материала не способствовали популярности указателя и вызвали отрицательные рецензии в педагогической печати.

Более успешное применение этот метод нашел в библиографии учебной и учебно-методической литературы.

На рубеже двух веков, в особенности после первой русской революции, в методике преподавания отдельных предметов в начальной и средней школе появляется новое направление. В передовых школах на смену словесно-догматическим методам пришло обучение на началах наглядности и самодеятельности учащихся. Методике преподавания и учебной литературе уделяли большое внимание учительские съезды и курсы, кружки и предметные комиссии. Обзоры новейшей русской учебной и учебно-воспитательной литературы по различным предметам помещались в общих и педагогических журналах и сборниках («Русская школа», «Естествознание в школе»). Сравнительно

---

[1] Сватиков С. Г. Русские университеты и их историческая библиография. I. Доклад, прочит. 11 марта 1915 г. в общем собрании Русского библиол. о-ва. II. Программа русской университетской библиографии. Пг., 1915. 20 с. (Русское библиол. о-во).

[2] Флеров А. Е. Указатель книг по вопросам воспитания и обучения. Критический обзор педагогической литературы. Вып. 1—2. М., Изд. кн. маг. К. И. Тихомирова, 1905—1906.

большое число библиографических указателей учебной литературы выходило отдельными изданиями, что было новым явлением в библиографии.

Критико-библиографическую деятельность в этом направлении особенно активно развивали педагогические коллективы: Подвижной музей в Петербурге подготовил и издал обзор русских школьных хрестоматий (1908); Педагогический музей военно-учебных заведений аналогичные библиографические указатели выпустил по географии и естествознанию (1909); Первый всероссийский съезд преподавателей математики издал библиографию учебной математической литературы (1912); критико-библиографические обзоры учебной литературы по истории за двадцать с лишним лет составила группа слушательниц историко-филологического отделения Высших женских курсов в Киеве (1913); сборники рецензий о книгах для школы и учащихся издавал Московский городской музей наглядных пособий; обзорами книг и статей по методике преподавания, учебников и пособий по истории занималась Историческая комиссия учебного отдела Общества распространения технических знаний.

Среди пособий, критически обозревающих учебную и методическую литературу, появляются подробно аннотированный библиографический указатель Б. Соллогуба и В. Симоновского [1], детально систематизированная, с предметными ключами и вступительными заметками к каждому разделу большая библиография Н. М. Соколова и Г. Г. Тумима [2].

Библиография по педагогике и народному образованию, создаваемая педагогическими коллективами или единоличными усилиями энтузиастов, во всех случаях имела в виду учителя, его потребности и запросы. Не случайно списки, обзоры, указатели книг чаще всего помещались в школьных и учительских календарях, педагогических жур-

---

[1] Соллогуб Б. и Симоновский В. Указатель лучших, по отзывам печати, учебников, наглядных учебных пособий и методических руководств на русском и украинском языках. Спб., «Обществ. польза», 1909. XIX, 420 с.

О библиографической деятельности В. В. Симоновского см.: Симоновская-Ромадина Н. Н. Библиограф-краевед В. В. Симоновский. — «Сов. библиография», 1962, № 6, с. 30—32.

[2] Соколов Н. М. и Тумим Г. Г. Кабинет родного языка. Систематич. указатель книг и пособий по преподаванию русс. яз. в начальной и средней школе. М., 1913. 160 с.

То же. Изд. 2-е, испр. и доп. Пг., 1917. 219 с.

налах, трудах учительских съездов и курсов — изданиях, близких преподавателю-практику.

Участие прогрессивных деятелей учительского движения в составлении библиографических справочников обеспечило близость библиографии к жизненно важным проблемам народного образования, к практическим нуждам начальной и средней школы. Отсюда — современность и актуальность тематики подавляющего числа библиографических изданий, непрекращающееся внимание к текущему учету и анализу учебных и методических пособий. Критико-библиографическая деятельность в этом направлении способствовала утверждению в передовых школах дореволюционной России более совершенных методов воспитания и обучения.

Художественная литература. Литературоведение

Отраслевой текущей литературной библиографии (художественной литературы, критики и литературоведения) в начале века не было. Списки новой литературы в книготорговых библиографических изданиях, в «Бюллетенях литературы и жизни», в критико-библиографических отделах литературно-общественных журналов не обеспечивали регулярности и преемственности информации о новых книгах. В отношении книг функцию текущего учета более успешно выполняла официальная общая регистрация произведений печати (сначала в «Правительственном вестнике», а затем в «Книжной летописи»). Что же касается текущего учета журнальных статей по истории русской литературы, то их регистрация, начатая в 1901 году в «Литературном вестнике», прекратилась в том же году [1].

В то же самое время общая ретроспективная библиография художественной литературы и литературоведения достигла более заметных успехов, чем текущая. В этой области в начале века работали такие крупные библиографы, как А. В. Мезьер, Н. А. Рубакин, А. Г. Фомин, И. В. Владиславлев, И. Ф. Масанов, В. П. Семенников, и литературоведы: Н. К. Пиксанов, В. В. Сиповский, Н. Л. Бродский, Н. К. Гудзий и множество других.

---

[1] Лященко А. И. Журнальные статьи по истории русской литературы. — «Литературный вестник», 1901, т. 1—2.

Бесспорно самым значительным событием в литературной библиографии начала века было появление «Русской словесности» А. В. Мезьер, собравшей материалы по русской литературе почти за тысячелетний период ее существования [1]. В появлении этого труда решающую роль сыграл Н. А. Рубакин, который выступил инициатором и издателем библиографии. Сама идея сопоставления развития художественной литературы с ходом развития истории, критики и публицистики, положенная в основу «Русской словесности», была подсказана Мезьер «Этюдами о русской читающей публике» Рубакина (1895).

Источниками при составлении «Русской словесности» послужили имевшиеся к тому времени библиографические указатели, библиотечные каталоги, снабженные прикнижной библиографией ученые труды, указатели к журналам и другие пособия. Из газетного материала А. В. Мезьер брала лишь важнейшее. При наличии специальных библиографических указателей она указывала лишь основную литературу, отсылая за более подробными сведениями к существующим библиографиям. Объем «Русской словесности» (25 000 записей, не считая рецензий) не позволил автору включить детскую и народную литературу, эти разделы русской книги потребовали бы значительного расширения указателя.

Перечням древней и новой русской литературы была предпослана обширная вводная часть, в которую вошел общий обзор библиографических трудов и отдельных работ по библиографии допетровской письменности и книг гражданской печати.

Произведения древнерусской литературы в первой части «Русской словесности» были сгруппированы по векам, с XI по XVII век включительно.

Над второй частью «Русской словесности» (XVIII—XIX вв.), содержание которой было несравненно ближе библиографу, А. В. Мезьер работала, по собственному признанию, с огромным воодушевлением. «Идеи, настроения, общественные течения и направления последних двух столетий, нашедшие себе библиографическое отражение во II томе, — это наши собственные настроения и идеи; мы

---

[1] Мезьер А. В. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Библиогр. указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой. Книги и журн. статьи. Ч. 1—2. Спб., 1899—1902.

ими живем и дышим, они нам близки, понятны и дороги» [1].

Список русских писателей XVIII—XIX веков, произведения которых заняли основную часть второго тома, составлен Мезьер по наиболее полным курсам истории русской литературы. Перечень произведений писателя сопровождался указаниями на критические статьи, рецензии и библиографии. В расположении материала в этой части библиографии А. В. Мезьер стремилась к определенной последовательности, сначала указывая собрания сочинений и отдельные произведения писателя, затем биографический материал и, наконец, работы, характеризующие его творчество в целом, монографии и статьи об отдельных произведениях. Этот метод «персональных гнезд», впервые широко примененный А. В. Мезьер, оказался очень удобным в справочном отношении и быстро привился в русской литературной библиографии.

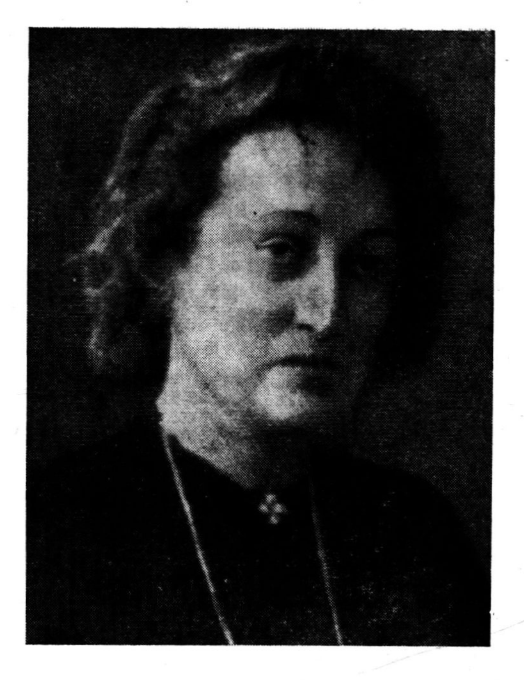
Для ознакомления с эпохой А. В. Мезьер в соответствующие разделы помещала труды, характеризующие основные этапы движения русской общественной мысли. С той же целью в «Русскую словесность» вводилась литература о просветительских начинаниях XVIII века, о зарождении и развитии Академии наук, Московского университета и других учреждений, о масонстве, декабристах, славянофилах и западниках. В одной из заключительных глав библиографии получило отражение развитие марксизма в России и его борьба с народничеством.

Научно-библиографическая общественность проявила живейшее внимание к «Русской словесности», уже появление первого тома библиографии вызвало в печати много различных рецензий (Д. И. Абрамовича, С. Ашевского, С. Н. Браиловского, П. Е. Щеголева и других). Отмечая превосходный замысел работы в целом, некоторые рецензенты упрекали А. В. Мезьер в невыдержанности плана, пропуске отдельных имен и названий, отсутствии единообразия в распределении материала под рубриками, ошибках в раскрытии псевдонимов, неточности описаний и т. д. Особенно много критических замечаний навлекла на себя первая часть библиографии, которая признавалась более слабой, чем вторая. При всей суровости отдельных оценок тем не менее ни один рецензент не смог отрицать общественного и научного значения труда А. В. Мезьер.

---

[1] Мезьер А. В. Русская словесность... Ч. 2, с. II.

Августа Владимировна Мезьер (1869—1935)
фото около 1912 года



Справедливости ради надо сказать, что критические замечания в момент выхода библиографии были значительно суровее и придирчивее, чем более поздние высказывания в советской литературе. Видимо, практическая необходимость в подобном указателе была настолько велика, что отдельные дефекты работы, спустя десятилетия, не казались уже столь значительными. Постепенно за «Русской словесностью» утвердилась слава одного из наиболее ценных и совершенных справочников в русской библиографии. Очень скоро этот труд стал библиографической редкостью, и в печати не раз поднимался вопрос о необходимости его переиздания.

С выходом «Русской словесности» библиография художественной литературы и литературоведения в России сделала крупный шаг вперед. В труде А. В. Мезьер был подведен библиографический итог всему сделанному русскими писателями, учеными, публицистами и критиками в области русской литературы за весь период ее существования. Достоинство и своеобразие «Русской словесности» заключались в том, что развитие литературного процесса было показано А. В. Мезьер на широком общественном

фоне, с учетом крупных явлений политической, научной и культурной жизни страны. Строго придерживаясь историко-литературного профиля и не включая материала, не имевшего непосредственного отношения к литературе и литературоведению, библиограф, охватывая огромный период, сумел учесть все важное и ценное для исследователей.

Постепенное перемещение научных интересов от народной словесности и древней письменности к новой и новейшей литературе оказало сильное и непосредственное воздействие на дальнейшее развитие библиографии в начале XX века. Указатели памятников древнерусской литературы и рукописной книги постепенно уступали свое преимущественное положение библиографическим пособиям по литературе последних веков. В этом первая особенность литературной библиографии начала века. Вторая особенность заключалась в расширении круга читателей, использующих библиографические указатели.

В создании библиографических справочников, доступных широким слоям населения, особенно энергично работали И. В. Владиславлев, Н. К. Пиксанов и А. Г. Фомин, каждый из которых сумел внести свой особый вклад в ретроспективную научно-вспомогательную библиографию, преследующую в равной мере как справочные, так и рекомендательно-педагогические цели.

В историю русской дореволюционной библиографии прочно вошел указатель И. В. Владиславлева «Русские писатели» [1]. Первая его работа, изданная в конце 1908 года в небольшом провинциальном городке и сначала, по свидетельству автора, не замеченная читателем, вскоре завоевала широкую известность и выдержала несколько изданий [2]. Такой успех был закономерен. Справочник Владиславлева во многом отвечал запросам демократического читателя, поэтому недолго оставался в тени и неизвестности.

Второе издание «Русских писателей» заметно отличалось от первого общим расположением, объемом, выросшим почти в четыре раза за счет новых имен писателей и новых названий, иной обработкой материала, более широ-

---

[1] Владиславлев И. В. Русские писатели от Гоголя до наших дней. — Опыт библиогр. пособия по новейшей литературе. Бердянск, 1909 (на обл. 1908). III, 74 с.

[2] ИРЛИ. Ф. 377, № 1030, л. 6.

ними хронологическими рамками и более четко выраженной рекомендательностью [1]. Последнее проявилось в выделении ядра крупных писателей и ведущих произведений, на которых особенно концентрировалось внимание читателя, а также списков важнейшей биографической и критической литературы. Предлагая новые, более демократические формы пропаганды литературы, Владиславлев в «Русских писателях» открыто выступил против библиографии для немногих, которую он называл «служанкой верхов образованного общества».

При дополнении и переработке библиографии Владиславлев не все из намеченного сумел выполнить. Он предполагал ввести во второе издание «Русских писателей» подробное описание важнейших русских журналов за сто лет с характеристикой их направления, историей цензурных гонений, налагавшихся кар и т. д. Именно такое расширение справочника имел в виду библиограф, приглашая в начале 1913 года Д. А. Фурманова, тогда еще никому не известного начинающего автора, и поручая ему описание основных русских журналов XIX века [2].

Опираясь на «Русскую словесность» А. В. Мезьер и в то же время продолжая ее, библиография Владиславлева служила для всех, изучающих русскую прозу, поэзию, критику и публицистику второй половины XIX и начала XX века, пособием «характера руководящего». На методике составления «Русских писателей» сказалось сильное влияние Мезьер, в частности в использовании «персональных гнезд», хотя в остальном Владиславлев был самостоятелен и внес в структуру и содержание библиографического справочника много нового и свежего.

Первое издание «Русских писателей» грешило многими недочетами: раздел прозы в нем открывался Тургеневым, а не Гоголем, как явствовало из заглавия библиографии, рекомендация критической литературы не отличалась выдержанностью и принципиальностью, библиографические описания нуждались в большей точности и единообразии. Но годы, отделяющие второе издание «Русских писателей» от первого, не прошли для Владиславлева даром, он много и интенсивно работал в общей и литературной

---

[1] Владиславлев И. В. Русские писатели XIX—XX столетия. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., «Наука», 1913. 244 с.
Два последующих изд. вышли в 1918 и 1924 гг.

[2] Фурманов в воспоминаниях современников. М., «Сов. писатель», 1959, с. 24—25.

библиографии. Хорошей школой для него оказалось и участие в подготовке к печати «Среди книг» Н. А. Рубакина. Кроме того, Владиславлев составил для «Энциклопедического словаря» братьев Гранат «Биобиблиографический указатель новейшей русской беллетристики (1861—1911)»[1], по отзыву большевистской «Правды», «очень интересный в справочном отношении»[2], содержавший сведения о поэтах и прозаиках второй половины XIX и начала XX века и по своему объему (около 600 имен писателей) значительно превосходивший все имевшиеся по XX веку биобиблиографии. Приобретенный опыт позволил Владиславлеву с большей глубиной и основательностью подойти к составлению второго издания «Русских писателей».

В 1912 году вышло в свет типографское издание книги Н. К. Пиксанова «Три эпохи», родившейся из практических семинарских занятий по новой русской литературе со студентами филологических факультетов[3].

По структуре и содержанию «Три эпохи» не были обычным библиографическим пособием. Объединенные в циклы по историко-литературному или культурно-историческому признаку, конкретные, детально разработанные темы для самостоятельных студенческих работ сопровождались библиографическими списками. По своему типу это пособие ближе всего примыкало к самообразовательным «эпизодическим программам» Московской комиссии домашнего чтения, на что указывал и сам автор. Для более основательного изучения отдельных тем читатель отсылался к библиографическим указателям Мезьер и Владиславлева.

Следующее издание книги Н. К. Пиксанова (1913) вышло значительно измененным: в нем появились новые темы, старые обновились или дифференцировались, для занимавшихся самообразованием рекомендовались проверочные вопросы к темам, соответственно увеличилась и

---

[1] [Владиславлев И. В.]. Биобиблиографический указатель новейшей русской беллетристики (1861—1911). — Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». Изд. 7-е. Т. XI. М., [1912], стлб. 609—738.

[2] «Правда», 1912, № 202, 25 дек., с. 6.

[3] Пиксанов Н. К. Три эпохи. Екатерининская. Александровская. Николаевская. Темы и библиография. Спб., 1912. 47 с. (Семинарий по новой русской литературе).

Литогр. изд. «Семинария по русской литературе» выходили в Спб. в 1909 и 1910 гг.

расширилась библиография, определеннее сформулировано само назначение пособия [1].

Совершенствуясь от издания к изданию, «Три эпохи» положили начало новому типу библиографического справочника, по терминологии А. Г. Фомина, тематическо-методическому, так называемым семинариям по русской литературе, прочно укрепившимся в советской библиографии в 40—50-х годах.

Многократные переиздания, дополнения и переработки свидетельствовали о популярности и практическом использовании пособий Владиславлева и Пиксанова, это же подтверждали и многочисленные положительные отзывы, появившиеся в печати того времени.

Если говорить о крупных и популярных библиографических работах, надолго сохранивших свое значение, необходимо упомянуть о двух прикнижных библиографиях, помещенных в многотомной «Истории русской литературы XIX века». В них вошли важнейшие историко-литературные труды общего содержания, книги и статьи по отдельным периодам и отдельным писателям за XIX век [2]. В последнем томе того же издания помещен своего рода биобиблиографический словарь («Хронологические даты к жизни и деятельности писателей») с краткими сведениями о русских писателях (от И. С. Аксакова до П. Ф. Якубовича) и «Синхронистические таблицы», где художественная литература XIX века в ее типичных и наиболее читавшихся произведениях представлена на фоне событий общественной и политической жизни, журналистики, критики и публицистики [3].

По материалам литературного архива С. А. Венгерова и различным иным источникам А. Г. Фомин для другого многотомного издания составил «Библиографию новейшей русской литературы», в которой учет общих пособий и

---

[1] Пиксанов Н. К. Три эпохи. Екатерининская. Александровская. Николаевская. Темы. Библиография. Вопросники. Пособие для высшей школы и самообразования. Изд. 2-е, совершенно переработ. Спб., 1913. VIII, 84 с. (Семинарий по новой русской литературе).

[2] Русская литература в первой половине XIX века. — Русская литература во второй половине XIX века. — В кн.: История русской литературы XIX века. Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Т. 2. М., «Мир», 1909, с. 398—419; Т. 5. 1912, с. 441—480.

[3] Бродский Н. Л. Синхронистические таблицы. — Хронологические даты к жизни и деятельности писателей. — Там же. Т. 5, с. 481—525, 528—553.

библиография наиболее видных представителей русской литературы XX века доведены до середины 1914 года [1]. По числу названий библиография А. Г. Фомина значительно превосходила все вместе взятые библиографические труды по литературе XX века, но по числу включенных имен писателей она уступала «Биобиблиографическому указателю новейшей русской беллетристики» И. В. Владиславлева.

Начало XX века было плодотворным для рождения новых типов библиографических указателей. Обращает на себя внимание появление ряда указателей, посвященных литературному направлению, теме, жанру и даже отдельному произведению.

В годы реакции вышел в свет характерный для тех лет библиотечный каталог «Модернисты» [2] — первый опыт историко-библиографического обзора развития модернизма в мировой литературе и символизма в России. Это пособие, ограниченное книжными фондами провинциальной библиотеки и спорное по отбору и критическим оценкам включенного материала, осталось единственным в дореволюционной библиографии указателем русских и иностранных книг и статей об определенном литературном направлении.

Новыми как по форме, так и по содержанию были и тематические указатели художественной литературы А. В. Мезьер, Н. Н. Ермолинского и Д. Г. Зандберг, которые использовали художественную литературу в качестве иллюстрации к русской и всеобщей истории [3]. Из указателей, посвященных жанру, можно назвать обширную биб-

---

[1] Фомин А. Г. Библиография новейшей русской литературы. — В кн.: Русская литература XX века (1890—1910). Т. 2. Под ред. С. А. Венгерова. М., «Мир», 1917, с. 135—205.

[2] Модернисты, их предшественники и критическая литература о них. Каталог б-ки О-ва взаимного вспомоществования приказчиков-евреев... Под ред. С. Г. Повеса и Л. Р. Когана. Одесса, 1908. 84 с.

[3] Мезьер А. В. Указатель исторических романов, оригинальных и переводных, расположенных по странам и эпохам. Спб., 1902. [2], 120 с.

Первоначально напечатан в «Русской школе», 1901, № 2—4.

Ермолинский Н. Н. Иллюстрации к русской истории. Указатель драматич. сочинений исторических и бытовых. Спб., 1910. 79 с.

Зандберг Д. Г. Историческая беллетристика в школе. Опыт систематич. критич. указателя. Ч. 1. Всеобщая история. Под ред. Д. Н. Егорова. М., 1912. 75 с.

лиографию романов и повестей XVIII века, впервые составленную В. В. Сиповским [1].

Очень близко к осуществлению было намерение И. Ф. Масанова выпустить в свет подготовленный им «Словарь псевдонимов русских писателей», но его на первых же шагах на этом пути постигла неудача. После появления в газете «Русь» фельетона А. В. Амфитеатрова, в котором раскрытие псевдонимов квалифицировалось чуть ли не как шантаж и помощь полицейскому сыску [2], Масанов немедленно прервал печатание своего труда. От этого начинания сохранились единичные экземпляры двух первых листов и начало третьего [3].

В библиографии литературоведения начала века персоналии составляли основную массу указателей. Это объяснялось, с одной стороны, спецификой данной отрасли библиографии, особым вниманием к творчеству конкретных лиц, постепенным накапливанием печатных произведений о жизни и творчестве того или иного писателя, с другой стороны, обилием юбилейных дат в начале века. Юбилеи литературных деятелей усиливали общественный интерес к творчеству многих писателей, в ряде случаев вызывали массовые издания и с неизбежностью приводили к необходимости учета юбилейных произведений печати. Таковы причины выхода указателей литературы о Гоголе, Жуковском, Гончарове, Лермонтове, Некрасове, Никитине и многих других представителей русской литературы XIX века.

В годы первой русской революции впервые появилась возможность более широкой публикации литературы, а следовательно, и библиографических материалов о Герцене, Огареве, Рылееве, Салтыкове-Щедрине, Шелгунове и других. После сорокалетнего молчания, например, появилось несколько очень важных, хотя и несовершенных, указателей литературы о Н. Г. Чернышевском, с неизбежными пропусками крупных и важных статей, с очень приблизительными опознавательными записями. В данном случае имеется в виду первый крупный перечень статей о

---

[1] Сиповский В. В. Из истории русского романа и повести. (Материалы по библиографии, истории и теории русского романа). Ч. 1. XVIII век. Спб., Изд. 2-го отд-ния АН, 1903. IX, 336 с.

[2] «Русь», 1904, 19 окт., № 308.

[3] Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей. [М., М. Я. Параделов, 1904]. 39 с. Без тит. листа и обложки.

Н. Г. Чернышевском [1], два отдельно изданных указателя М. Н. Чернышевского [2] и некоторые прикнижные библиографии о великом русском революционном демократе.

Персональная библиография до революции складывалась из трех типов изданий. Один из них учитывал произведения писателя, второй — литературу о нем, третий — тексты произведений писателя и одновременно критические материалы. Последний тип издания, смешанный, встречался наиболее часто.

Слабее всего развивалась научная библиография текстов. В числе немногих указателей этого типа встречались библиографические пособия широко и интересно задуманные, но библиографически беспомощно выполненные. Примером таких неудач могут служить библиографии поэтов И. Анненского [3] и В. Брюсова [4]. Приблизительность библиографических сведений, воспроизведенных иногда по памяти в этих указателях, лишала их необходимой точности и достоверности.

Из наиболее удачных и квалифицированно составленных работ этого типа выделяются «Библиография сочинений А. П. Чехова» И. Ф. Масанова [5] и «Пушкин в печати» Н. Я. Синявского и М. А. Цявловского [6]. В первой библиографии кропотливо учтены произведения А. П. Чехова, в том числе его ранние тексты, не вошедшие в собрание сочинений, неизвестные и затерянные на страницах периодических изданий 80-х годов прошлого века. Работа И. Ф. Масанова была расценена современниками как важ-

---

[1] Чернышевский М. Н. Указатель статей о Н. Г. Чернышевском и его сочинениях. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 10, ч. 2. Спб., 1906, с. 125—141.

[2] Чернышевский М. Н. Библиографический указатель статей о Н. Г. Чернышевском и его сочинениях за время 1854—1909. Спб., 1909. 33 с.; Чернышевский М. Н. О Чернышевском. Библиография 1854—1910. Изд. 2-е, испр. и значит. доп. Спб., 1911. 78 с.

[3] Архиппов Е. Библиография Иннокентия Анненского. М., «Жатва», 1914. 36, IV с.

Первоначально напечатана в журн. «Жатва», 1914, № 5.

[4] Библиография Валерия Брюсова 1889—1912. М., «Скорпион», 1913. [8], 55 с.

[5] Масанов И. Ф. Библиография сочинений А. П. Чехова. М., 1908. 28 с.

То же. — «Русский архив», 1906, № 6, с. 281—306.

[6] Синявский Н. Я. и Цявловский М. А. Пушкин в печати. 1814—1837. Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. М., Л. Э. Бухгейм, 1914. VII, 195 с.

ное открытие. Вторая библиография, «Пушкин в печати», сообщала в хронологическом порядке (по годам публикации) сведения о прижизненных изданиях А. С. Пушкина. С ее помощью можно было установить точные даты появления в печати отдельных произведений поэта. Позднее переизданный указатель Н. Я. Синявского и М. А. Цявловского рассматривался советскими учеными как первый опыт научной библиографии текстов современного типа.

Среди персональных указателей второго типа, учитывающих литературу о писателе, своей новизной выделялась «Библиография воспоминаний о Тургеневе» С. П. Петрашкевич-Струмилиной[1]. Для этой библиографии, выполненной под руководством Н. К. Пиксанова, характерен продуманный отбор материала, использование широкого круга источников, точность библиографического описания и строго выдержанное по определенной схеме аннотирование, наиболее соответствующее целевому назначению пособия. Тщательно отработанная Н. К. Пиксановым новая методика библиографирования воспоминаний послужила образцом для последующих персональных указателей мемуарной литературы, появившихся уже в советское время.

При всем видимом росте и численном перевесе персоналии литературных деятелей крайне редко выходили в те годы в виде отдельных книг. Этому препятствовала, кроме трудности распространения отдельно изданных библиографий, недостаточность печатного материала о жизни и творчестве многих русских писателей. За небольшим исключением (указатели о Пушкине, Л. Толстом, Достоевском, Чехове, Брюсове) персональные библиографии печатались либо в виде кратких перечней в собраниях сочинений, например Баратынского, Гаршина, Грибоедова, Добролюбова, Кольцова, Левитова, Лермонтова, Лескова, Островского, Решетникова, А. Толстого, Тютчева, Чернышевского, либо в виде прикнижных библиографий в монографиях и сборниках, посвященных творчеству писателя (К. Аксакова, Короленко, Мамина-Сибиряка, Некрасова, Писемского, Салтыкова-Щедрина, Фета, Чехова и др.), либо в виде списков в журналах (Мельников-Печерский, Огарев, Островский, Рылеев и др.).

Некоторые библиографические списки, такие, как «Материалы для библиографического указателя произведений

---

[1] Петрашкевич С. П. Библиография воспоминаний о Тургеневе. — В кн.: Тургеневский сборник. Пг., 1915, с. 135—215.

А. С. Грибоедова и литературы о нем» Н. К. Пиксанова, были началом специального глубокого исследования творчества писателя. Они были необходимым предварительным этапом научного исследования творчества писателя.

Количественно разрастаясь, персональная библиография, вне зависимости от ее подчиненного, вспомогательного характера, сама нуждалась в теоретической разработке основных принципиальных положений. Неслучайно анализ состояния библиографии такого крупного писателя, как Толстой, послужил исходной точкой для развития некоторых теоретических положений персональной библиографии.

Произведения Л. Н. Толстого на русском и иных языках и посвященные ему сотни названий книг и тысячи журнальных и газетных статей, ежегодно выходившие в миллионах экземпляров, получили отражение в разнообразных по типу указателях. Здесь были и крупные работы ретроспективного характера, и тематические небольшие списки, и обзоры переводов произведений Толстого на иностранные языки, и такая новая форма среди персоналий, как ежегодники «Толстовская библиография». Все они в совокупности, однако, не создавали достаточно прочной библиографической базы для изучения творчества Л. Н. Толстого.

Сложность учета огромной литературы о Толстом и неудовлетворенность состоянием ее библиографии закономерно привели к попытке теоретического осмысления некоторых вопросов персональной (по терминологии того времени, индивидуальной) библиографии [1].

А. Л. Бем в обзоре печатных и рукописных библиографических работ о Толстом (Ю. Ю. Битовта, Б. С. Боднарского, А. П. Сергеенко, П. Д. Драганова, А. Г. Фомина и др.) высказал ряд соображений, интересных не только для конкретной персональной библиографии, но и гораздо шире.

Суть высказываний Бема сводилась к тому, что сама необъятность литературы о крупном писателе входит в противоречие с кустарными методами ее учета, отсюда тщетность усилий отдельных библиографов создать полную персональную библиографию и неизбежность коллективного труда в этой области. Следующим шагом было

---

[1] Бем А. Л. К истории изучения Толстого. Пг., 1916, с. 20—45. (Библиол. сборник, т. 1, вып. 3, с. 124—149).

признание необходимости самоограничения (по времени или содержанию), сужение библиографической задачи до известных строго определенных, точно установленных пределов. Говоря современным языком, только при соблюдении этого условия окажется возможным создание системы библиографических указателей и сохранение преемственности между отдельными библиографическими трудами.

Стремление отойти от шаблонных методических решений привело Бема еще к одному заключению: персональную библиографию крупного писателя было бы анахронизмом строить в традиционном алфавитном или хронологическом порядке. Он предлагал, с его точки зрения единственно верное решение, — систематизировать материал по тем или иным вопросам, характерным для творчества писателя. При этом Бем решительно высказывался за необходимость индивидуальной схемы расположения в персональных библиографиях. В каждом отдельном случае схема определяется не формальными признаками, а особенностями творчества избранного писателя и состоянием литературы о нем. Отбор изданий для указателя, а в научной библиографии Бем не считал обязательным исчерпывающую полноту материала, продуманная систематизация и единообразное библиографическое описание требовали от исполнителя высокой подготовленности и специальных знаний. Отсюда, естественно, возникали определенные требования к библиографу, который «...не может быть просто регистрирующей машиной, а должен стоять на уровне современного ему понимания и изучения творчества писателя» [1].

В своей совокупности дореволюционная библиография художественной литературы, критики и литературоведения отразила огромный массив печатных материалов. Ценными источниками библиографических сведений для этих разделов русской книги служили также общие библиографии, созданные в XX веке Рубакиным, Владиславлевым, Венгеровым, Языковым и многими другими библиографами.

По обширности учтенного материала, по многочисленности и разнообразию библиографических пособий библиография художественной литературы, критики, публицистики и истории литературы была впереди многих отраслевых библиографий.

---

[1] Бем А. Л. Указ. статья, с. 33.

Славяноведение

Библиография славяноведения, объединявшая учет произведений печати по истории, литературе, языкознанию и культуре славянских народов, занимала промежуточное место среди отраслевых библиографий гуманитарного профиля. Этому комплексному, общеотраслевому направлению наибольшее внимание уделяла Академия наук, в меньшей степени — Русское библиографическое общество, Московская комиссия домашнего чтения, отдельные библиографы.

С 80-х годов XIX века вплоть до 1917 года библиографией славяноведения занимались крупные ученые: А. Н. Пыпин, Т. Д. Флоринский, В. Н. Бенешевич и другие [1]. В начале XX века продолжалась выборочная текущая информация о новой славяноведческой литературе, начатая еще в конце прошлого столетия. В «Университетских известиях» (Киев) с 1898 по 1913 год периодически печаталась серия критико-библиографических обзоров крупного слависта Т. Д. Флоринского, в которых получили оценку важнейшие труды по славянской филологии. Почти в те же годы (1892—1916) рефераты о новых книгах по славяноведению печатались в «Филологических записках» (Воронеж).

В ином плане, но тоже с участием крупных русских славистов, велась библиография славяноведения в Петербурге Отделением русского языка и словесности Академии наук. Под руководством крупнейших русских ученых были подготовлены библиографические указатели «Славяноведение в повременных изданиях» [2] за 1900 год и «Славяноведение в 1901 году» [3]. В первом ежегоднике учитывались журнальные статьи и рецензии, во втором — добавились книги и брошюры. Вначале предполагалось издание ежегодных систематических указателей журналь-

---

[1] О развитии славяноведческой библиографии в России см. статью: А. Н. Горянинов. Из истории русской славяноведческой библиографии второй половины XIX — начала XX века. — «Труды» (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина), 1963, т. 7, с. 143—175.

[2] Славяноведение в повременных изданиях. Систематический указатель статей, рецензий и заметок за 1900 год. Спб., 1901. XVI, 115 с. (Акад. наук).

Первоначально указатель печатался в виде приложения в «Известиях От-ния русского языка и словесности», 1901, т. 6, кн. 2.

[3] Славяноведение в 1901 году. Систематический указатель трудов по языкознанию, литературе, этнографии и истории. Спб., 1903. XXII, 236 с. (Акад. наук).

ных статей по славяноведению, с последующим объединением их в особые тома с общим вспомогательным аппаратом. Но уже во втором ежегоднике за 1901 год намеченная программа была расширена за счет учета отдельных изданий и привлечения более обширного журнального материала. В нем, например, впервые в России учитывались статьи из некоторых мадьярских и финских журналов. В первом ежегоднике расписывалось содержание 168 повременных изданий, во втором — 350. Число зарегистрированых названий соответственно выросло с 2500 до 5000. Оба указателя содержали материал исключительно о зарубежных славянских странах. Книги о России за 1901 год из-за большого объема предполагалось дать в специальном выпуске, который готовился, но не вышел.

Опыт издания первых ежегодников показал, насколько организация текущей научной библиографии русской и иностранной литературы по славяноведению — сложная и трудоемкая задача. Возможность продолжения издания библиографических ежегодников по славяноведению обсуждалась на Предварительном съезде славистов в 1903 году, где высказывалось пожелание издать хотя бы библиографию о зарубежных славянских странах за 1902—1903 годы, но выпуск ежегодников так и не возобновился.

Прошло несколько лет, и независимо от предыдущих библиографических начинаний вновь возникла попытка наладить текущий учет славяноведческой литературы. В связи с подготовительными работами Комиссии по изданию памятников древнерусской письменности при Отделении русского языка и словесности Академии наук было предпринято издание обширного «Обозрения трудов по славяноведению», которое сначала печаталось на страницах академического журнала, а затем по мере расширения объема самостоятельным изданием [1].

---

[1] Обозрение трудов по славяноведению. 1908—1913. Сост. В. Н. Бенешевич, В. И. Срезневский, М. Р. Фасмер, А. А. Шахматов. Под ред. В. Н. Бенешевича. Спб.—Пг., Акад. наук, 1909—1918.

1908—1909. Вып. 1—4. — «Известия Отд-ния русского языка и словесности Акад. наук», 1909, т. XIV, кн. 1—4.

1910. Вып. 1—2. — Там же, 1910, т. XV, кн. 2—3.

1911. Вып. 1—2. — Там же, 1911, т. XVI, кн. 1, 4; 1912, т. XVII, кн. 1—2.

1912. Вып. 1—3. Спб.—Пг., Акад. наук, 1913—1914. 536 с.

1913. Вып. 1—3. Пг., Акад. наук, 1915—1918. 685 с.

Именные указатели к «Обозрению» за 1908—1910 гг. печатались в «Известиях...», 1910, т. XV, кн. 1, 4. Указатель за 1911 г. вышел отдельным изданием (Пг., 1915).

Содержание библиографии по славяноведению понималось чрезвычайно широко, как «обзор трудов научной мысли всего славянства», включая Россию, точнее как учет произведений печати по гуманитарным наукам всех славянских стран (языкознанию, этнографии, истории, литературы, искусства).

В составлении библиографии приняли участие академик А. А. Шахматов, В. И. Срезневский, М. Р. Фасмер, В. Н. Бенешевич, в дальнейшем к работе была привлечена группа молодых ученых, объединившихся в самостоятельный кружок.

Хронологические, территориальные, языковые и прочие границы работы были предельно широко раздвинуты. За 1908—1913 годы учитывались книги, брошюры, журнальные и отчасти газетные статьи, рецензии и заметки по славяноведению на русском, украинском, белорусском и других славянских и европейских языках, как изданные в России, так и за ее пределами. Необъятность печатных произведений и научный характер «Обозрения» заставили составителей исключить из библиографии только популярную, публицистическую, учебную и детскую литературу.

Методика учета литературы в «Обозрении» не была единой и выдержанной на всем протяжении издания библиографии. Если для первых выпусков просматривалось около 100 журналов и сборников, то в последние годы число расписываемых периодических изданий выросло до 500. «Обозрение» ставило своей целью регистрировать текущую литературу по славяноведению с древнейших времен до середины XIX века, вместе с тем допускались отступления для материала более позднего времени, нарушающие общий план издания. Существенные изменения структуры библиографии и порядка расположения материала затрудняли использование указателя, но при всех общих и частных недочетах, непоследовательности и случайности включения некоторых названий «Обозрение» остается ценнейшим справочником по литературе славяноведения. Достаточно сказать, что только за 1912—1913 годы в нем учтено около 20 000 названий.

Масштабы библиографии и все возраставший ее объем неизбежно привели к большой задержке издания, последние выпуски «Обозрения» выходили с опозданием на несколько лет. Назревала необходимость в иной организации всей работы, в создании единого крупного научного центра, координирующего библиографическую деятельность

ряда стран в области славяноведения. Первый шаг в этом направлении сделал редактор «Обозрения» В. Н. Бенешевич, который в 1912 году на совещании представителей славянских академий выступил с предложением организовать международный институт славянской библиографии. Предполагалось, что в дальнейшем каждая отдельная страна будет учитывать литературу, изданную в пределах ее границ, и все вместе взятые славянские страны создадут таким образом серию национальных библиографий по всем разделам славяноведения. Международному институту славянской библиографии отводилась роль методического центра, руководящего составлением библиографии по отдельным странам. Идею международного института библиографии славянства поддержал в 1915 году А. Л. Бем [1].

Война, затормозившая развитие научно-информационной библиографии славяноведения, в то же время обострила интерес широких кругов населения к истории, литературе и культуре славянских народов. Этим объясняется появление двух указателей С. Вознесенского «Славянство в русской журналистике» [2] и «Русская литература о славянстве» [3], в которых за большой сравнительно срок (с конца XIX века по 1914 год) учтено около 3000 названий книг и журнальных статей на русском языке по общим вопросам славяноведения и отдельным славянским народностям. Указатели С. Вознесенского отвечали общественной потребности, хотя следы поспешности и недостаточно продуманного использования источников значительно снизили их качество.

В этом отношении критико-библиографические обзоры А. В. Мезьер, тоже рассчитанные на широкие слои читателей, оказались более удачными [4].

В итоге в обширной области славяноведческой литературы в начале XX века не было создано библиографического справочника, полностью отразившего литературу по

---

1 «Библиол. сборник», 1915, т. 1, вып. 1, с. 43.

2 Вознесенский С. Славянство в русской журналистике 1896—1914 гг. (Указатель статей). Пг., 1915. 64 с.

3 Вознесенский С. Русская литература о славянстве. (Опыт библиогр. указателя). Пг., 1915. 229 с.

4 Мезьер А. В. Что читать по славянскому вопросу. — «Русская школа», 1914, № 11, отд. критики и библиогр., с. 1—9; Мезьер А. В. Новое о славянских странах и славянских народах. — «Русская школа», 1915, № 7—8, отд. критики и библиогр., с. 1—11.

всем вопросам славяноведения за весь период. Между существующими указателями не было преемственности во времени и содержании, плане и методике. Наиболее ценный труд «Обозрение трудов по славяноведению» содержал сведения о литературе только за шесть лет.

Естествознание и точные науки

Текущая библиография литературы по отдельным отраслям естествознания и точных наук велась в отделах критики и библиографии специальных журналов и ежегодников: «Метеорологическом вестнике», «Русском зоологическом журнале», «Журнале Русского ботанического общества», «Вестнике русской флоры», «Почвоведении» и многих других. «Ежегодник по геологии и минералогии России» Н. И. Криштафовича до начала первой мировой войны реферировал русскую и иностранную литературу по своему профилю.

В 1914 году в области естественных наук впервые возникает отраслевой библиографический журнал узкого профиля и назначения — «Вестник русской прикладной энтомологии» [1], появление которого на первый взгляд кажется случайным и неожиданным.

Прикладная энтомология в России в начале века переживала сильный подъем: открывалось множество станций, бюро и иных учреждений, изучающих вредителей сельского хозяйства и борьбу с ними. Внимание к энтомологии сопровождалось ростом соответствующей литературы (монографий, журнальных статей, популярных брошюр и т. д.), что в свою очередь вызвало необходимость текущей библиографии. По количеству изданных энтомологических исследований 1914 год был исключительным годом, ни до, ни после него в дореволюционной России такого подъема не наблюдалось. Накануне первой мировой войны русские энтомологические издания занимали одно из первых мест в мировой энтомологической литературе [2].

---

[1] «Вестник русской прикладной энтомологии». Изд. Отд. земледелия и опытной организации Киевского о-ва сельского хозяйства и с.-х. промышленности. Киев, 1914—1916. Т. 1—2. Последний номер (т. 2, № 4) вышел в 1917 г.

[2] Богданов-Катьков Н. Н. Русская литература по прикладной энтомологии (преимущественно сельскохозяйственная). Л., 1924, стр. XI.

В хорошо поставленном библиографическом отделе журнала «Русское энтомологическое обозрение» реферировалась сравнительно небольшая часть новых русских энтомологических исследований, учет же текущей энтомологической литературы в других библиографиях безнадежно запаздывал, отставая на 5—7 лет.

Эти обстоятельства привели к рождению реферативного библиографического журнала «Вестник русской прикладной энтомологии», главную задачу которого составляла исчерпывающая текущая информация о новой литературе по энтомологии.

Еще не успев окрепнуть, журнал попал в трудные условия, которых не выдерживали и более устойчивые издания. В годы первой мировой войны, даже при сокращении ежегодно публикуемых исследований, «Вестник русской энтомологии» не мог справиться с учетом всей русской текущей литературы по своему профилю. Читатели журнала справедливо жаловались на неполноту отражения литературы, неравномерность и разнородность помещаемых в нем рефератов [1]. Неблагоприятные условия существования «Вестника русской прикладной энтомологии» сначала привели к запаздыванию отдельных его номеров, а затем и к полному прекращению журнала.

При библиотеке химической лаборатории Московского университета в 1916 году начал издаваться «Бюллетень русской химической литературы» [2], в котором регистрировалась появившаяся в России за последние 15 лет литература по химии и смежным наукам. Каждый раздел бюллетеня составлялся под редакцией профессоров Московского университета, позднее крупных советских ученых, химика-органика В. В. Челинцева, физико-химика А. В. Раковского, физика А. И. Бачинского и других. «Бюллетень» был задуман как настольный библиографический справочник для химических библиотек, особенно необходимый для лабораторий, станций, заводов и учебных заведений провинции. Публиковавшиеся в нем «Библиографические известия о книгах, монографиях, диссертациях и

---

[1] «Сельское хозяйство и лесоводство», 1915, т. 248, № 6, с. 344—346.

[2] «Бюллетень русской химической литературы». (Библиографические известия по всем отраслям химии). Ред. В. В. Челинцев. Изд. при библиотеке химической лаборатории Моск. ун-та. М., 1916, вып. 1. (Весенний семестр). — Вып. 2. (Осенний семестр). 1917, вып. 1. (Весенний семестр). — Рец.: «Природа», 1916, № 5—6, стлб. 764—766.

статьях из русских журналов по химии» (около 3500 назв.), однако, далеко не полно отражали русскую химическую литературу, вышедшую в XX веке. Возможно, в дальнейшем он стал бы полезным пособием для студенческих занятий и молодых химиков, если бы не прервался на третьем выпуске.

После семилетнего перерыва, по постановлению X съезда русских естествоиспытателей, в 1901 году возобновилось издание второй серии алфавитно-предметного «Указателя русской литературы по математике, чистым и прикладным естественным наукам» — ежегодника книг, статей и рецензий на русском и иностранных языках[1]. Ежегодник издавался на средства Киевского общества естествоиспытателей, первую его серию редактировал Н. А. Бунге, вторую — зоолог В. К. Соминский.

В конце XIX века Россия приняла предложение участвовать в создании «Международного каталога научной литературы» («International catalogue of scientific literature»). С этой целью в 1901 году было организовано при Академии наук Бюро международной библиографии[2], в состав которого вошла группа ученых, специалистов различных отраслей естествознания и математики: Н. А. Меншуткин (химия), Е. А. Гейнц (метеорология), И. И. Боргман (физика), С. К. Костинский (астрономия), Ю. М. Шокальский (география), И. П. Бородин (биология и ботаника), Д. Ф. Селиванов (математика и механика). Председателем Бюро был избран академик А. С. Фаминцын.

Вскоре было принято решение, кроме собирания сведений и посылки библиографических карточек для между-

---

[1] Указатель русской литературы по математике, чистым и прикладным естественным наукам. Серия 2—3. Т. 1—8. 1899—1906. Под ред. В. К. Соминского. Киев, Киевское о-во естествоиспытателей. 1901—1913.

[2] Подробно о деятельности Бюро международной библиографии см.: Шафрановский К. И. и Соркин А. М. Бюро международной библиографии при Петербургской Академии наук. — «Сов. библиография», 1957, вып. 47, с. 54—60; Соркин А. М. К истории Бюро международной библиографии. — «Вестник Академии наук СССР», 1959, № 7, с. 97—98; Соркин А. М. Из истории международных связей Петербургской Академии наук в области библиографии в начале 20 века. — «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 4, с. 95—101; Соркин А. М. Из истории первого библиографического учреждения в системе Академии наук. — «Труды БАН и ФБОН Академии наук СССР», 1962, т. 6, с. 234—250.

народного каталога, издавать в России на основе тех же карточек ежегодные указатели «Русская библиография по естествознанию и математике» [1]. Таким образом, работа Бюро международной библиографии с первых же лет пошла по двум руслам: участие в международном каталоге и издание русских ежегодников.

Бюро международной библиографии проводило учет книг и статей по широкому циклу наук (математика, физика, химия, астрономия, биология, ботаника и т. д.). До 7 тома указатели учитывали только русские оригинальные научные работы; начиная с 7 тома, границы библиографии были расширены за счет включения научно-популярной литературы. Классификационная схема для всех указателей оставалась неизменной, что оказалось удобным при использовании библиографии в справочных целях. Аннотации отсутствовали, не было даже формальных примечаний к неясным заглавиям книг и статей.

Выход уже первых томов библиографии разрешил многие неудобства в регистрации научной литературы, прежде всего ликвидировал разбросанность библиографических сведений по разным изданиям. Но из-за материальных затруднений издание томов «Русской библиографии по естествознанию и математике» запаздывало на 3—4 года, и этим нарушалась своевременность текущей информации, что вызывало справедливые нарекания ученых. Со временем библиография полностью утратила характер текущего справочника и рассматривалась только как ценный источник сведений о русской научной книге определенного периода.

В девяти выпусках «Русской библиографии по естествознанию и математике» содержится 60 тысяч названий русских научных работ за 1901—1913 годы. За первые тринадцать лет XX века это наиболее полная и достоверная библиография в области физико-математической и естественнонаучной литературы, сохранившая свое справочное значение до настоящего времени. Второе ее значение заключалось в информации мировой научной общественности о работе русских ученых в начале века.

Библиографическая деятельность двух крупных научных организаций — Киевского общества естествоиспыта-

---

[1] Русская библиография по естествознанию и математике, составленная состоящим при Академии наук С.-Петербургским бюро международной библиографии. Т. 1—9. 1901—1913. Спб.—Пг., 1904—1917.

телей и Бюро международной библиографии отразилась на судьбе русской математической библиографии.

С прекращением выхода первой серии указателей Киевского общества естествоиспытателей регистрацию математической литературы вел геометр, библиограф Д. М. Синцов (1867—1946)[1], который помещал в «Известиях Казанского физико-математического общества» (1897—1902) ежегодную «Bibliographia mathematica Rossica», прекратившуюся с выходом указателей Бюро международной библиографии.

Длительная задержка в издании томов «Русской библиографии по естествознанию и математике» вызвала обсуждение вопроса о состоянии текущей математической библиографии на математической секции XII съезда русских естествоиспытателей и врачей[2]. Возникло предложение организовать составление информационных библиографических указателей по математике. В итоге появились два выпуска «Русской математической библиографии» за 1908—1909 годы, составленных Д. М. Синцовым[3].

В области ретроспективной библиографии математической литературы работали Д. М. Синцов и известный библиограф и историк математики В. В. Бобынин (1849—1919). Поскольку В. В. Бобынин долгие годы учитывал математическую литературу за XIX век в целом, Д. М. Синцов занялся библиографическими обзорами, характеризующими продуктивность местных научных центров. Им была составлена «Харьковская математическая библиография» за сто лет, содержание которой не ограничивалось математикой, а включало литературу по физике, астрономии и метеорологии[4].

---

[1] Подробно о жизни и деятельности Д. М. Синцова см.: Лукомская А. М. Библиографическая деятельность Д. М. Синцова. (Из материалов к истории физико-математической библиографии). — «Труды БАН и ФБОН Академии наук СССР», 1955, т. 2, с. 206—214.

[2] Синцов Д. М. Доклад об организации русской математической библиографии на заседании математической секции XII съезда русских естествоиспытателей и врачей. — «Дневник XII съезда русских естествоиспытателей и врачей», 1910, № 6, с. 223—224.

[3] Русская математическая библиография. Списки сочинений по чистой и прикладной математике, напечатанных в России в ... [1908—1909 гг.]. Под ред. Д. М. Синцова. Вып. 1—2. Одесса, «Mathesis», 1910—1912. В составлении 1-го выпуска принимал участие П. М. Ерохин.

[4] Синцов Д. М. Харьковская математическая библиография. Список книг, брошюр и статей по математическим наукам, напеча-

Что же касается капитальной «Математической библиографии» русской литературы за XIX век В. В. Бобынина [1], то она, несмотря на решение Московского математического общества выделить на ее издание специальные средства, так и не вышла в свет, хотя в конце 1914 года была близка к окончанию [2].

В библиографии естественных наук в начале века выделяется высоким качеством выполнения ряд трудов, учитывающих литературу о флоре различных частей России. Авторами их являются крупные ученые, ботаники, для которых собирание и изучение литературы были необходимыми этапами научной работы.

Первым в этом ряду по времени появления стоит труд главного ботаника Петербургского ботанического сада В. И. Липского «Флора Средней Азии» [3]. Используя фонды крупных универсальных и отраслевых научных библиотек, В. И. Липский (1863—1937) составил подробно аннотированную, алфавитно расположенную библиографию, в которой не только перечислил литературные источники, но и дал краткую характеристику растительности разных частей Средней Азии на основании включенной литературы.

Содержание научных исследований изложено им так подробно, что во многих случаях отпадает необходимость прибегать к подлинникам. В. И. Липскому принадлежит также биобиблиографический словарь ботаников, связанных своей деятельностью с Петербургским ботаническим садом [4].

С такой же обстоятельностью составлены две библио-

танных в Харькове с 1805 по 1905 г. — «Записки Харьковского ун-та», 1915, кн. 1, с. 1—43; кн. 2, с. 49—84. Отд. отт. Харьков. 84 с.

[1] О библиографической деятельности В. В. Бобынина см.: Лукомская А. М. В. В. Бобынин. — «Сов. библиография», 1949, вып. 2, с. 71—82.

[2] Протоколы заседания Московского математического общества. — «Математический сборник», 1915, т. 29, вып. 4, с. 485—486, 491—492.

[3] Липский В. И. Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы. Ч. 1. Литература по флоре Средней Азии. Спб., 1902. 245 с. (Труды Тифлисского ботанического сада, 1902, т. 7, вып. 1).

[4] Липский В. И. Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с имп. Ботаническим садом. — В кн.: Имп. С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713—1913). Ч. 2—3. Спб., 1913, с. 1—536.

графии А. Ф. Флерова «Калужская флора»[1] и «Окская флора»[2]. Первая работа (56 названий) выполнена по заданию Калужской земской управы, наметившей план общего естественно-исторического изучения Калужской губернии в связи с предполагавшимися почвенными исследованиями и практическими мероприятиями в области сельского хозяйства. Ботанико-географическое исследование составляло лишь часть этого плана. Вторая библиография обширнее первой (свыше 400 названий) содержала обзор литературы о флоре девяти губерний центральной части Европейской России за 1739—1908 годы.

В качестве предварительной работы для научного издания о флоре Сибири Д. И. Литвинов (1854—1929) подготовил «Библиографию флоры Сибири»[3], в которую включил литературу (более 1300 названий) по систематике высших растений, ботанической географии и истории исследования флоры Сибири с первых шагов и до начала XX века. Кроме печатных произведений, в библиографию вошло сравнительно большое количество рукописей XVIII и XIX веков.

Перечисленными трудами известных ученых не исчерпывалась библиография естествознания в начале века. Общества по изучению местного края, земства, университеты, отдельные естествоиспытатели и любители природы в свою очередь занимались естественно-историческим изучением страны. В результате научной деятельности местных обществ появляются краеведческие указатели, существенно дополняющие библиографию естествознания. В качестве примера можно привести изданную в Каменец-Подольске библиографию А. Н. Прусевича, в которой впервые собрана литература (около 600 названий) по геологии, ботанике и зоологии Подольской губернии[4], и указатель А. С. Козменко — первый опыт свода литературы о Тульской губернии, включивший за 1613—1913

---

[1] Флеров А. Ф. Калужская флора. Ч. 1. Литература по флоре Калужской губернии. Калуга, 1907. VI. 61 с.

[2] Флеров А. Ф. Окская флора. Ч. 1. Обзор литературы по флоре Окских губерний; ч. 2. История исследования окской флоры. — «Труды Спб. ботанического сада», 1907—1908, т. 27, вып. 1, с. 1—286; вып. 2, с. 699—722.

[3] Литвинов Д. И. Библиография флоры Сибири. Спб., 1909. X, 460 с. (Труды Ботанического музея Академии наук, вып. 5).

[4] Прусевич А. Н. Библиография естествознания Подолии. — «Записки о-ва подольских естествоиспытателей и любителей природы», 1912, т. 1, с. 99—144.

годы свыше 1000 названий по географии, геологии, почвоведению, лесоводству и сельскому хозяйству [1].

Одновременно с работами крупных ботаников появляются библиографические обзоры литературы по флоре Крыма, Волыни, Подолии и отдельных губерний (Тульской, Костромской, Орловской, Воронежской).

Учет литературы по всем вместе взятым естественным и точным наукам, еще возможный в текущей библиографии, в ретроспективном плане становится слишком громоздким и сложным делом. В этом направлении усиливается процесс обособления библиографии отдельных наук, появляются крупные работы по отдельным вопросам конкретной отрасли знания.

Многообразная по тематике, обильная по числу источников, в ряде случаев образцовая по методам выполнения библиография естественных наук насчитывала немало первоклассных трудов, не утративших своего значения и для советских исследователей.

Медицина

Текущая библиография медицинской литературы велась в ряде журналов: «Систематический указатель русской медицинской литературы» И. М. Рахманинова печатался в «Медицинском обозрении», там же печатались рецензии и рефераты по всем отраслям медицины; «Библиографический указатель» русской медицинской литературы (составители М. Романов и Н. Е. Осокин, позднее А. В. Сивре) публиковался в «Казанском медицинском журнале»; раздел библиографии в «Военно-медицинском журнале» ценен до настоящего времени; в конце каждого тома журнала «Хирургия» помещались обзоры литературы по хирургии и смежным с нею областям; новая литература по туберкулезу учитывалась в «Вестнике общественной борьбы с туберкулезом»; в «Журнале невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова» в течение 1901—1911 годов печатался «Указатель статей по неврологии и психиатрии из периодических изданий...»

И все же разбросанность библиографических списков

---

[1] Козменко А. С. Указатель литературы по естественно-историческому изучению Тульской губернии. М., 1914. X, 98 с. (Труды гидрол. отд. Тульского губ. земства).

по разным журналам, отсутствие преемственности в регистрации, неполнота учета создавали недостаточную осведомленность русских врачей в отечественной литературе. Это обстоятельство породило новое явление в медицинской библиографии — издание ежегодных обзоров медицинской литературы силами квалифицированных специалистов.

В 1912—1914 годах вышли два тома «Ежегодника русской медицинской печати» под редакцией профессора Московского университета, известного хирурга, позднее заслуженного деятеля науки РСФСР А. В. Мартынова (1868—1934) [1]. Они были задуманы как продолжающиеся, предельно полные, систематически расположенные указатели книг и статей из важнейших медицинских журналов. Для этой цели расписывалось более 150 периодических изданий. В редактировании разделов ежегодника и составлении рефератов приняли участие 28 крупных специалистов, профессоров московских высших медицинских учебных заведений.

В двух выпусках ежегодника зарегистрировано около 18 тысяч названий оригинальных русских и переводных работ по различным разделам медицины. В обзоре за 1911 год из 7,5 тысячи названий около 2 тысяч реферировано, в обзоре за 1912 год, в котором свыше 10 тысяч названий, три четверти материала снабжены рефератами. Четкая систематизация, квалифицированная характеристика книг и статей, сравнительно полное библиографическое описание позволяют отнести ежегодники 1911—1912 годов к лучшим дореволюционным пособиям по медицинской литературе.

Другое библиографическое начинание — «Ежегодный обзор русской литературы по психиатрии и неврологии» за 1913 год, вышедший под редакцией М. А. Захарченко [2], напоминает своей структурой и принципами отбора материала ежегодники А. В. Мартынова. Он также подготовлен коллективом специалистов, в составлении рефератов для него приняли участие 18 сотрудников. Ограниченный более узкой областью обзор содержал около 800 названий

---

[1] Ежегодник русской медицинской печати, издаваемый под ред. П. Ф. Богданова, Г. В. Власова, В. А. Воробьева и др. Глав. ред. А. В. Мартынов. Т. 1. Обзор 1911 г. М., 1912. XXIV, 610 с.
То же. Т. 2. Обзор 1912 г. М., 1914. XXIV, 965, CLXXVI с.

[2] Ежегодный обзор русской литературы по психиатрии и неврологии. Обзор за 1913 г. Под ред. М. А. Захарченко. М., 1914. 177 с. Прил. к журн. «Вопросы психиатрии и неврологии».

оригинальных русских и переводных трудов, журнальных и газетных статей по психиатрии и неврологии. Меньший объем обзора, по сравнению с «Ежегодником русской медицинской печати», позволил составителям уделить больше места рефератам и авторефератам, но в тщательности библиографического описания он уступал ежегодникам А. В. Мартынова.

Издание регулярных ежегодных обзоров встретило на своем пути немало трудностей, оно оказалось непривычным и чрезвычайно сложным делом в условиях русской действительности. Одна из серьезных преград заключалась в трудности добывания сведений о медицинской периферийной печати. Начавшаяся первая мировая война усугубила эти трудности и работа над ежегодниками медицинской литературы прекратилась.

Общемедицинской ретроспективной библиографии в начале XX века не было создано, к этому времени медицинская литература представляла слишком крупный раздел русской книги, ее учет за все время существования был бы под силу только специальному учреждению, которое располагало бы для этого достаточными материальными возможностями. Для русской медицинской литературы конца XIX и начала XX века удобным справочником был многократно переиздававшийся каталог книжного магазина К. Л. Риккера. Детально систематизированное 13-е издание каталога с дополнениями давало представление о медицинской литературе, вышедшей с конца XIX века по 1912 год[1]. Примерно за тот же период учитывались диссертации по медицине и ветеринарии в третьем издании справочника Н. П. Петрова (около 2500 назв.)[2]. Списки диссертаций печатались также в книготорговых каталогах К. Л. Риккера.

Отдельные отрасли медицины находили отражение в библиографических пособиях, изданных, как правило, научными обществами или университетами.

Наиболее благополучно обстояло дело с учетом общественной медицинской литературы, сильно разросшейся

---

[1] Указатель русской медицинской литературы. Изд. 13-е, доп. по 1-е янв. 1905 г. С прил. алфавитного указателя авторов и предметов. Спб., К. Л. Риккер, 1905. XII, 396 с.

То же. Дополнение к 13-му изд. (с 1 янв. 1905 по 1 авг. 1912 г.). Спб., 1912. XIV, 265 с.

[2] Петров Н. П. Библиографический указатель русских диссертаций по медицине и ветеринарии. Вып. 1. Изд. 3-е, доп. Спб., «Практическая медицина», 1907. 91 с.

не только за счет земских изданий, но и всех остальных отраслей общественной медицины (фабрично-заводской, городской, железнодорожной и прочей). В этой области медицинской библиографии большую роль сыграл Д. Н. Жбанков (1853—1932) — земский врач, крупный земский деятель, активный участник пироговских съездов, который в «Библиографическом указателе по общественной медицинской литературе» за 1890—1905 годы учел свыше 12 тысяч книг и статей по организации и состоянию всех видов общественной медицины [1]. Для своего труда он использовал земские издания, протоколы и труды съездов врачей, медицинских обществ. Распределение материала в ряде разделов по губерниям позволяет использовать библиографию Д. Н. Жбанкова в краеведческих целях.

«Библиографический указатель по общественной медицинской литературе» хронологически примыкает к другой работе Д. Н. Жбанкова, «Библиографическому указателю по земско-медицинской литературе» (М., 1890), создавая тем самым непрерывную линию учета земских изданий по медицине.

Труды Д. Н. Жбанкова в свою очередь продолжил К. И. Шидловский, который составлял сначала ежемесячные, а затем погодные списки статей из текущей периодики за 1904—1911 годы (более 7500 назв.) и О. Н. Клирикова, поместившая в журнале «Общественный врач» библиографический указатель по общественной медицине за 1914 год (свыше 1300 назв.) [2].

Все упомянутые указатели с большой полнотой отражали литературу о деятельности общественных медицинских учреждений со второй половины XIX века и до первой мировой войны.

В краеведческом отношении интересна библиография А. Н. Прусевича, изданная Подольской земской управой.

В 1912 году врачебно-санитарное бюро Подольской земской управы предприняло изучение губернии в сани-

---

[1] Жбанков Д. Н. Библиографический указатель по общественной медицинской литературе за 1890—1905 гг. М., 1907. XVI, 329 с. (О-во русских врачей в память Н. И. Пирогова).

[2] Шидловский К. И. Библиографический листок периодической литературы по общественно-медицинским вопросам [за 1904—1911 гг.]. — «Журнал О-ва русских врачей в память Н. И. Пирогова», 1904—1908; «Общественный врач», 1909—1911.

Клирикова О. Н. Библиографический указатель по общественной медицине за 1914 г. — «Общественный врач», 1915, № 4 и 5. Отд. отт. М., 1915. 50 с.

тарном отношении. Библиографическим итогом всей предшествовавшей работы в этом направлении был указатель А. Н. Прусевича, включавший за 200 лет сведения о литературе (около 1000 названий) по истории эпидемий и состоянию санитарии и гигиены Подольской губернии [1]. Для указателя были использованы земские издания, губернские и епархиальные ведомости и другие краеведческие источники.

Профессор Юрьевского университета С. Д. Михнов, используя книжные фонды крупных библиотек и периодические издания, составил указатель акушерско-гинекологической литературы (свыше 5000 назв.) за весь период ее существования до XX века [2].

Впервые появились сравнительно крупные библиографии по физическому воспитанию и спорту С. К. Архангельского [3] и Г. А. Дюперрона [4].

В отраслевой библиографии существенными источниками сведений о специальной литературе служат указатели содержания отраслевых журналов и трудов научных обществ. Но в этом направлении медицинская библиография развивалась слабо. Далеко не все издания выходили с годовыми и полугодовыми перечнями статей, а указатели за более длительные сроки появлялись совсем редко. К числу таких немногих справочников относятся указатели к «Медицинскому обозрению» [5] и «Казанскому медицинскому журналу» [6].

Из медицинских биобиблиографий начала XX века наиболее значителен «Биографический словарь профессоров медицинского факультета Харьковского университе-

---

[1] Прусевич А. Н. Библиографический указатель по медицине и гигиене Подольской губернии с 1714 по 1913 год включительно. Каменец-Подольск, 1914. 74 с. (Врачебно-санитарное бюро Подольской губ. земской управы).

[2] Михнов С. Д. Систематический указатель русской акушерско-гинекологической литературы с ее возникновения до 1901 года. — «Ученые записки Юрьевского ун-та», 1908, № 4—8; 1909, № 1—6. Отд. отт. Юрьев, 1909. XXXIII, 572 с.

[3] Архангельский С. К. Указатель литературы по телесному воспитанию, развитию и образованию. Спб., [1909]. 78 с.

[4] Дюперрон Г. А. Библиография спорта и физического развития. Систематическая роспись всех книг, брошюр, журналов, вышедших в России по 1913 г. включительно. Пг., 1915. VII, 263 с.

[5] Спримон В. Ф. Указатель оригинальных статей журнала «Медицинское обозрение» за 31 год. (1874—1904). М., 1905. 110 с.

[6] Яхонтов К. М. Указатель статей, помещенных в «Казанском медицинском журнале» за 1896—1913 годы. — «Казан. медицинский журнал», 1914, т. 14. Отд. отт. Казань, 1914. 25 с.

та» [1], в котором каждая биография заканчивается перечнем трудов.

На высоком профессиональном уровне выполнена библиография Н. И. Пирогова, составленная А. Г. Фоминым по материалам литературно-библиографического архива С. А. Венгерова и другим источникам [2]. Кроме наиболее полного перечня трудов Н. И. Пирогова и литературы о нем, А. Г. Фомин дал обзор самых ценных и заслуживающих внимания исследований и показал состояние разработки архивных материалов, связанных с деятельностью Н. И. Пирогова.

Из крупных прикнижных библиографий выделяются своим объемом список литературы по общим и специальным вопросам курортологии (около 1500 названий) в книге Л. Б. Бертенсона [3] и библиография по школьной гигиене, составленная выдающимся русским гигиенистом Г. В. Хлопиным (1863—1929) [4].

Для медицинской библиографии нерешенной задачей остался учет текущей литературы, точнее, повседневная регистрация журнальных статей по всем разделам медицины. Неудачи с выпуском библиографических ежегодников и попытки ежемесячной библиографической регистрации в медицинских журналах показали всю сложность организации регулярной текущей библиографии при возрастающем объеме научных публикаций. Что касается ретроспективного учета, то здесь удовлетворительного состояния достигли немногие отрасли медицины.

Сельское хозяйство

По наблюдениям Н. В. Здобнова, сельскохозяйственная библиография — единственная отраслевая библиогра-

---

[1] Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Под ред. И. П. Скворцова и Д. И. Багалея. Харьков, изд. Харьк. ун-та, 1905—1906. VI, 472, 314, XVI с.

[2] Фомин А. Г. Материалы для изучения Пирогова. Библиографический указатель сочинений, лекций, докладов и сообщений Пирогова и литературы о нем. — В кн.: Памяти Николая Ивановича Пирогова (1810—1910). Сборник статей. Спб., [1911], с. 55—105.

[3] Библиография. — В кн.: Бертенсон Л. Б. Лечебные воды, грязи и морские купания в России и за границей. Изд. 4-е, совершенно переработ. и значит. доп. Спб., К. Л. Риккер, 1901, с. 700—746.

[4] Хлопин Г. В. и Никитин А. В. Библиография по школьной гигиене. — В кн.: Бургенштейн Л. и Нетолицкий А. Руководство по школьной гигиене. Ч. 2. Спб., К. Л. Риккер, 1914, с. 569—639.

фия, к которой в последние десятилетия прошлого века правительство проявляло особое внимание. Учет литературы по сельскому хозяйству в целом, организованный в конце XIX века министерством земледелия и государственных имуществ, продолжал получать материальную поддержку и в новом столетии. То же министерство поощряло издание библиографических пособий по некоторым актуальным вопросам сельского хозяйства.

Первое место в дореволюционной библиографии сельскохозяйственной литературы принадлежит А. Д. Педашенко (1864—1925), который создал широко известные, надежные библиографические справочники по сельскохозяйственной печати за несколько десятилетий [1]. Агроном по образованию, заведующий статистическим отделом министерства земледелия (до 1917 г.), А. Д. Педашенко на протяжении 37 лет (с 1889 г. и до конца жизни) вел учет литературы по сельскому хозяйству на русском языке и языках народов России. За это время он выявил сотни тысяч названий книг и статей, значительная часть которых (около 215 тыс.) вошла в опубликованные при его жизни ежегодники «Указатель книг, журнальных и газетных статей по сельскому хозяйству за ... (1889—1911 гг.)» [2].

Об объеме материала, извлеченного из периодической печати, говорит количество годовых комплектов (4032), просмотренных Педашенко в процессе составления им указателей за эти годы. Для указателя за 1911 год он использовал 264 периодических издания, общее число зарегистрированных названий за этот год составило свыше 18 тысяч.

Библиографическая деятельность А. Д. Педашенко, которую можно назвать научным подвигом, падает на период усиленного развития сельскохозяйственной литературы в России. Если его предшественники учли за 150 лет (с 1738 по 1888 г.) около 16 тысяч названий книг и

---

[1] О жизни и деятельности А. Д. Педашенко см.: Михеев Н. М. А. Д. Педашенко и его роль в русской сельскохозяйственной библиографии. — «Сов. библиография», 1954, вып. 37, с. 40—52; Михеев Н. М. Библиографические указатели сельскохозяйственной литературы. М., Сельхозгиз, 1956, с. 12—15, 146—147.

[2] Педашенко А. Д. Указатель книг, журнальных и газетных статей по сельскому хозяйству за ... [1889—1911 гг.]. Спб.—Пг., 1890—1915. 23 т. (Деп. земледелия и сельской пром. м-ва земледелия и гос. имуществ).

статей по сельскому хозяйству, то он за 29 последующих лет зарегистрировал около 327 тысяч.

«Указатель» Педашенко за 1912—1917 годы остался в рукописи (112 тыс. названий, 63 машинописных тома), за исключением небольшой части библиографии за 1916 год, напечатанной по несколько измененной программе в 1917 году[1]. К использованию неопубликованного библиографического наследия А. Д. Педашенко советские библиографы вернулись вскоре после смерти библиографа, когда по его материалам были изданы «Указатели» за 1918—1922 и 1923—1925 годы. В 1958 году Центральная научная сельскохозяйственная библиотека подготовила и выпустила литографским способом ежегодник Педашенко за 1913 год (в 15 выпусках). С 1966 года начали выходить отдельные выпуски ежегодника за 1912 год.

Библиография Педашенко создавалась по широкой программе и хорошо продуманной системе. Детально разработанная схема расположения предусматривала регистрацию литературы не только чисто сельскохозяйственного профиля, но и по таким разделам, как рабочий вопрос, торговля, пути сообщения, промыслы населения, ремесла, строительное и инженерное искусство. При составлении «Указателя» автор его пользовался советами известных русских ученых И. А. Стебута и А. Ф. Фортунатова, с последним он консультировался по классификационной схеме, примененной в ежегодниках.

Благодаря широте учета и длительному периоду регистрации, «Указатель» Педашенко до настоящего времени сохранил свое значение библиографического справочника и богатейшего источника для изучения истории русской дореволюционной книги по сельскому хозяйству.

По сравнению с ежегодниками А. Д. Педашенко, выход которых чем дальше, тем больше запаздывал, о новинках сельскохозяйственной литературы более оперативно информировали периодические издания: «Сельское хозяйство и лесоводство», «Сельскохозяйственный вестник Юго-Востока» (Саратов), «Вестник сельского хозяйства», «Хозяйство» (Киев) и другие. Тщательно следили за новой литературой «Журнал опытной агрономии», «Труды Бюро по прикладной ботанике». В каждом номере «Вестника животноводства» помещались рефераты русской животно-

---

[1] Педашенко А. Д. Указатель книг по сельскому хозяйству за 1916 г. — «Известия м-ва земледелия», 1917, № 28—29, 31—33.

водческой литературы. Особенно много внимания библиографии уделял журнал «Сельское хозяйство и лесоводство», печатавший списки новых книг, рецензии и рефераты.

К сожалению, в регистрации и рецензировании новой литературы в периодических изданиях отсутствовали последовательность и систематичность, поэтому состояние текущей регистрационной и критической библиографии сельскохозяйственной литературы серьезно беспокоило научную общественность.

Крупным событием в истории русской библиографии было совещание по сельскохозяйственной библиографии в Петербурге (14—15 февраля 1914 г.), созванное после Первого всероссийского сельскохозяйственного съезда [1].

Программа совещания не замыкалась кругом вопросов сельскохозяйственной библиографии, хотя в центре обсуждения, конечно, оставались важнейшие проблемы сельскохозяйственной литературы и ее библиографии. Решения совещания были направлены на упорядочение издания и пропаганды сельскохозяйственной книги, особенно популярной, большее ее расчленение по зональному признаку и читательскому назначению.

Для повышения уровня библиографической работы в стране совещание признало необходимым образование на местах библиографических комиссий, объединяемых общей центральной организацией, издание библиографического журнала и важнейших библиографических указателей ретроспективного характера. Среди ближайших задач было намечено издание указателя популярной литературы за последние семь лет и «Указателя литературы за 28 лет», непосредственно примыкающего к «Росписи отдельных книг по сельскому хозяйству, напечатанных с 1730 по 1884 г.» И. П. Педе и Н. С. Нестерова.

Совещание по сельскохозяйственной библиографии, озабоченное нерациональной постановкой рецензирования сельскохозяйственной книги в периодических изданиях, пыталось внести плановое начало в эту область. В докладе П. М. Дубровского, специально посвященном этому вопросу, предлагалось основным сельскохозяйственным изданиям координированно вести рецензирование всех выходя-

---

[1] О работе совещания см.: Вадиковская Л. М. Совещание по сельскохозяйственной библиографии в Петербурге (14—15 февраля 1914 года). — «Сов. библиография», 1958, вып. 50, с. 33—44.

щих по сельскому хозяйству книг [1]. По подсчетам докладчика, общее число рецензий, планомерно публикуемых в 28 органах печати (по две рецензии в каждом выпуске журнала) могло бы значительно превысить число ежегодно выходящих в стране книг по сельскому хозяйству, следовательно, при разумной организации критико-библиографической деятельности журналов можно было бы легко решить задачу сплошного рецензирования новой литературы.

При всей внешней убедительности предложение П. М. Дубровского было неосуществимо. В условиях ведомственной разобщенности и частного характера многих периодических изданий проект координированного планового рецензирования всей новой литературы был утопичен.

Для первых десятилетий XX века, слабо обеспеченных сводными библиографическими пособиями по сельскохозяйственной книге, до некоторой степени были полезными книготорговые каталоги (А. С. Суворина, т-ва М. О. Вольфа, А. Ф. Девриена, Н. Киммеля, издательства «Агроном») и каталоги библиотек Вольного экономического общества и Ученого комитета министерства земледелия и государственных имуществ [2]. Книги, периодические издания и ведомственные материалы самого министерства земледелия и государственных имуществ вошли в указатели И. И. Мамонтова [3].

Из ретроспективных библиографических указателей по отдельным отраслям сельского хозяйства издано мало, но то немногое, что вышло, было подготовлено выдающимися русскими учеными, заложившими научные основы развития отдельных отраслей сельского хозяйства.

---

[1] Дубровский П. М. О постановке библиографического отдела в сельскохозяйственных периодических органах печати. — «Труды Вольного экономического общества», 1914, № 1—2, с. 138—140.

[2] Блашке Р. Э. и Шмаров М. А. Каталог Ученого комитета министерства земледелия и государственных имуществ. Спб., 1901. 588 с.

То же. Второе дополнение. Сост. М. А. Шмаров. Спб., 1904. 2, 108 с.

То же. Третье дополнение. Сост. М. А. Шмаров. Спб., 1913. 10, 109—612, CXXIII с.

[3] Мамонтов И. И. Указатель изданий министерства земледелия и государственных имуществ по сельскохозяйственной и лесной части, вышедших со времени учреждения этого ведомства (1894—1900). Изд. 2-е. Спб., 1900 (на обл. 1901). XII, 831 с. (М-во земледелия и гос. имуществ).

То же... [за 1901—1903 гг.]. Спб., 1903—1906.

Основоположник луговодства и луговедения, автор многочисленных научных трудов, впоследствии лауреат Государственной премии А. М. Дмитриев (1878—1946) составил «Указатель литературы по травосеянию и луговодству на русском языке» [1], второй крупный ученый, основоположник теории сельскохозяйственных машин В. П. Горячкин (1868—1935) издал в 1913 году «Опыт перечня книг по земледельческой механике» [2]. Библиографию литературы по лесоводству продолжал вести ученый-лесовод, профессор Петербургского лесного института П. Н. Вереха (1838—1917). Его «Русская лесоводственная библиография XVIII и XIX столетий» [3], дополненная списками изданий за 1901—1902 годы и перечнем ранее пропущенной литературы [4], включает около 2000 названий книг и статей по лесному делу. П. Н. Вереха учел ценный, часто трудно находимый в других источниках материал, но библиографический уровень его труда, особенно в основной части, не высок. Во многих записях отсутствуют необходимые сведения о выходных данных, объеме произведения, названии периодического издания, из которого извлечена та или иная статья.

Главное управление землеустройства и земледелия в последние годы XIX века приступило к систематической работе по укреплению песков и оврагов в Воронежской, Харьковской, Черниговской и других губерниях. В процессе этой работы собиралась и изучалась литература, которая затем вошла в указатель А. В. Костяева [5].

Экономика сельского хозяйства, статистические дан-

---

[1] Дмитриев А. М. Указатель литературы по травосеянию и луговодству на русском языке. (Книги, брошюры, листки, журнальные и газетные статьи и заметки) с 1763—1904 гг. Спб., 1906. 134 с. (Деп. земледелия).

[2] Горячкин В. П. Опыт перечня книг по земледельческой механике. [1764—1912]. Спб., 1913. IV, 96 с. (Бюро по сельскохозяйственной механике).

[3] Вереха П. Н. Русская лесоводственная библиография XVIII и XIX столетий. Спб., 1900. 90 с. Прил. к «Известиям С.-Петербургского лесного ин-та», 1900, вып. 5.

[4] «Известия С.-Петербургского лесного ин-та», 1900, вып. 7, 8; 1903, вып. 10; «Лесной журнал», 1905, вып. 8.

[5] Костяев А. В. Систематический указатель отдельных изданий и журнальных статей на русском языке по вопросам: укрепления и облесения песков, оврагов, горных потоков, берегов рек, облесения солонцеватых почв, устройства железнодорожных опушек, степного лесоразведения и лесоразведения вообще на разных почвах. Спб., 1906. VI, 7—52, III с. (Глав. упр. землеустройства и земледелия. Лесной деп.).

ные о распределении землевладения нашли отражение в «Библиографическом указателе литературы по статистике землевладения» В. В. Святловского[1]. Вопросы организации частновладельческого хозяйства, его производительности, применения в нем сельскохозяйственной техники рассматривались в специальных журналах, отчетах и трудах. К началу века накопился богатый материал, характеризующий экономическое состояние частновладельческих хозяйств, который был использован П. М. Богдановым (1871—1919) в «Указателе русской литературы по описанию отдельных русских частновладельческих хозяйств»[2]. Богданов учел свыше 900 описаний хозяйств, относящихся к главнейшим отраслям сельского хозяйства—полеводству и животноводству.

Для комиссии по исследованию вопроса об условиях сельскохозяйственного найма и о положении сельских рабочих (при Вольном экономическом обществе) секретарь комиссии В. В. Хижняков составил хронологический указатель книг и статей за 1861—1899 годы (свыше 300 названий) о русском сельском пролетариате[3].

По сравнению с другими отраслями научного и прикладного знания, дореволюционная библиография сельскохозяйственной литературы выглядела наиболее организованной и развитой. Здесь действительно создавался прочный фундамент для последующих работ по библиографии сельского хозяйства. Но даже при сравнительно благополучном положении, материальной поддержке государства и заинтересованности общественных организаций и в ней легко обнаружить недочеты, свойственные всей дореволюционной библиографии. Текущая библиография сельскохозяйственной литературы не обладала такими необходимыми качествами, как непрерывность и своевременность информации. Пробелы, образовавшиеся в начале века в регистрации текущей литературы, не ликвидированы до сих пор.

---

[1] Святловский В. В. Библиографический указатель литературы по статистике землевладения. Спб., 1904. [4], 121, V с. (Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. 8).

[2] Богданов П. М. Указатель русской литературы по описанию отдельных русских частновладельческих хозяйств за 1765—1902 гг. Спб., 1904. V, 116 с. (Деп. земледелия м-ва земледелия и гос. имуществ).

[3] Хижняков В. В. Вопрос о сельскохозяйственных рабочих в русской литературе пореформенного времени. — «Труды Вольного экономического о-ва», 1903, № 4—5, с. 14—32.

Техника

Информацию о технической литературе читатели находили главным образом на страницах отраслевых периодических изданий. Такие журналы, как «Вестник общества технологов» (1894—1914) и «Журнал русского металлургического общества» (1910—1916) имели хорошо поставленные реферативные отделы. Все отрасли строительного дела охватывала текущая библиография в журнале «Зодчий», в котором за 1902—1917 годы учтено свыше 3000 названий.

Отраслевая библиографическая периодика в области техники развивалась слабо. Общетехнического библиографического журнала в России не существовало, если не считать «Вестника технической литературы магазина Г. В. Гольстена» (1902—1916), преследовавшего узко книготорговые цели, и двух кратковременных начинаний, связанных между собой общими целями и общей программой: ежемесячный «Обзор технических журналов русских и иностранных», издававшийся в Киеве в 1907—1909 годах инженером А. И. Кортацци (1874—1934), и одноименный журнал в Одессе (1912—1913) [1].

Оба журнала стремились дать возможность русскому читателю-инженеру быть в курсе новейших достижений в области отечественной и зарубежной техники при затрате минимума времени. И тот и другой журнал не ограничивался кратким изложением содержания статей и прибегал к обстоятельным рефератам с приведением формул, расчетов, чертежей, рисунков, графических таблиц, диаграмм. Реферировались главным образом статьи из иностранных технических журналов. В первом «Обзоре» расписывалось 100 технических журналов, из них 61 — на иностранных языках; сколько просматривалось журналов при составлении второго «Обзора» — неизвестно, но число их явно сократилось. Реферативный журнал в таком небольшом объеме, естественно, не мог дать русскому инженеру сколько-нибудь надежную библиографическую информацию даже по основным, ведущим отраслям техники.

---

[1] «Обзор технических журналов русских и иностранных». Ежемесячный журнал. Ред.-изд. А. И. Кортацци. Киев, с № 3—4 1908— Одесса. 1907—1909.

«Обзор технических журналов русских и иностранных». Ред. В. Г. Рейсих. Изд. Одесское отд-ние Русского технического о-ва. Одесса, 1912, № 1—3, 1913, № 4. Напечатан в журн. «Записки Одесского отд-ния Русского технического общества».

В сравнительно благополучном положении находилась единственная техническая отрасль — железнодорожное дело, по которому текущая библиография велась непрерывно с 1883 по 1917 год. В аннотированном, систематически расположенном «Библиографическом указателе» статей железнодорожной периодической литературы ежегодно расписывалось около 50 периодических изданий, из них 35—40 иностранных [1]. Подавляющую часть материала составляли статьи из иностранных журналов. Учитывалась литература по различным вопросам железнодорожного дела, включая политику, экономику, право, историю, географию, современное развитие, технику (детально подразделенную), эксплуатационную службу, статистику, отчетность, личный состав. За все время существования журнала в нем зарегистрировано около 43 000 названий [2]. Библиографию на протяжении 1901—1917 годов вел инженер путей сообщения, профессор С. Д. Карейша (1854—1934), автор многих научных трудов и учебников по железнодорожному делу [3].

Библиография, существовавшая в научно-технических журналах, не обеспечивала техническую интеллигенцию достаточной информацией о всей технической литературе. В виде опыта крупный русский библиотековед, библиотекарь Петербургского политехнического института Е. Н. Добржинский (1864—1938) составил указатель «Русская техническая библиография» [4], в которую вошла за 1907 год литература по всем отраслям технических знаний, кроме «сельскохозяйственной технологии».

Ежегодник Добржинского интересен во многих отношениях. Его составление показало, какие трудности стояли перед регулярным текущим учетом русской техниче-

---

[1] Библиографический указатель [железнодорожной периодической литературы]. Ред. С. Д. Карейша. Изд. VIII отд. Русского технического о-ва. Спб., 1883—1917. Прил. к журн. «Железнодорожное дело». Выходил 6 раз в год.

[2] Теплов Д. Ю. Информационно-техническая библиография в СССР. Краткий исторический очерк. М.—Л., Акад. наук СССР, 1962, с. 9—10.

[3] Тихомирова М. П. С. Д. Карейша и его вклад в библиографию железнодорожного дела.—В кн.: Тезисы докладов XI научно-технической конференции кафедр ЛИИЖТ. 1949. Л., 1949, с. 158—159.

[4] Добржинский Е. Н. Русская техническая библиография. 1907. Спб., 1909. IV, [2], 174 с. Отд. отт. из «Известий С.-Петербургского политехнического института».

ской литературы. Библиография журнальных статей в нем не могла претендовать на исчерпывающую полноту, так как даже в библиотеках Петербурга отсутствовали некоторые технические журналы. Еще труднее добывались сведения о книгах. «Книжная летопись» не обеспечивала полноты регистрации, поэтому 20% сведений о книгах Е. Н. Добржинский, по его словам, заимствовал из других источников (книгопродавческих каталогов, объявлений, технических журналов). Использованные источники не были безупречными, они не всегда сообщали точные и достоверные сведения, к тому же вносился разнобой в библиографические описания. Всего учтено за год 915 книг и свыше 3000 статей из 56 журналов. В библиографии преобладали книги, изданные ничтожным тиражом, в среднем 200—250 экземпляров. В библиографическом отношении указатель Добржинского стоял на высоком уровне. Его отличает тщательно разработанная классификационная схема и удобный вспомогательный аппарат.

Выдающихся работ в области библиографии технической литературы, надолго сохранивших справочное и научное значение, в начале XX века не было издано. По разным разделам техники эпизодически появлялись обзоры и указатели литературы, не связанные общей темой и хронологической преемственностью.

Знаменателен сам факт появления первой крупной ретроспективной библиографии по воздухоплаванию в первые годы нового столетия, хотя настоящий интерес к авиации пробудился в России несколько позже. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, появляется множество научных и научно-популярных журналов по воздухоплаванию, официальная книжная статистика отмечает в этот период скачок в издании соответствующей литературы. Библиография, однако, несколько опередила широкий общественный интерес. Еще в 1903 году вышел «Указатель русских книг и статей по воздухоплаванию и голубиной почте с 1783 по 1901 год» А. М. Securely Кованько [1], составленный им по экземплярам его собственной библиотеки.

Для библиографии Кованько характерна методическая беспомощность в отборе, расположении и аннотировании

---

[1] Кованько А. М. Указатель русских книг и статей по воздухоплаванию и голубиной почте с 1783 по 1901 год. Спб., 1903. [2], 123 с. Отд. отт. из «Записок Русского технического о-ва», 1903.

материала. Частично аннотированный указатель содержал свыше 2000 названий книг, рукописей, журнальных и газетных статей, собранных более чем за сто лет, но ценная научная литература тонула в нем среди большого количества балласта. В общем алфавитном ряду труды А. Ф. Можайского и К. Э. Циолковского перемежались с фельетонами из «Петербургского листка» и мелкими заметками из популярных иллюстрированных журналов. Осталось неясным, с какой полнотой составитель обследовал военно-технические журналы и труды Русского технического общества.

Работа над некоторыми библиографиями, начатая еще в прошлом веке, продолжалась в новом столетии. К ним относится «Указатель русской литературы о золотом промысле» [1], изданный в 1907 году по инициативе «Комиссии для собирания и разработки сведений о сибирской золотопромышленности и для составления программы исследования золотоносных районов» при Горном департаменте. Библиографические сведения о золотопромышленности собирались в течение десяти лет группой лиц под руководством горного инженера А. А. Белозерова. Указатель первоначально имел 10 000 записей, но после доработки и исключения иностранной литературы в нем осталось 4500 названий литературы по истории, законодательству, экономике, статистике и технике золотого промысла. Это одна из крупных библиографий по русской золотопромышленности. Она была продолжена за 1901—1906 годы в журналах «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще» и «Золото и платина».

За счет средств Совета съезда горнопромышленников Юга России в Екатеринославе был издан реферативный обзор П. Леонтовского «Литература об обрушении и оседании пород в рудниках и о влиянии их на дневную поверхность» [2], через год в том же Екатеринославе был опубликован обзор литературы о топливе, его обработке и

---

[1] Указатель русской литературы о золотом промысле. (По 1899 г. включительно). По материалам, собранным под руководством А. А. Белозерова. Спб., 1907. XVI, 459 с. (Комиссия для собирания и разработки сведений о сибирской золотопромышленности и для составления программы исследования золотоносных районов).

[2] Леонтовский П. Литература об обрушении и оседании пород в рудниках и о влиянии их на дневную поверхность. Вып. 1. Екатеринослав, 1913. 320 с.

сжигании, составленный горным инженером П. Г. Рубиным [1].

Обе библиографии содержали главным образом иностранную литературу, что было характерно для многих библиографий того времени.

Для библиографии русской литературы по горному делу имели значение составленные А. П. Карпинским и Н. Я. Нестеровским указатели содержания «Горного журнала», примыкающие к ранее изданным [2].

Довольно интенсивно развивалась библиография по отдельным отраслям строительного дела, где только начинала создаваться литература. По огнестойкому сельскому строительству появляется несколько библиографических указателей, учитывающих литературу за XIX и начало XX века. Автор одного из указателей М. И. Белавенец [3] на Киевском областном съезде по земскому пожарно-страховому делу (1913 г.) выступил с широкой программой распространения и библиографирования литературы по огнестойкому строительству [4]. Начиная с 1914 года в журнале «Сельское огнестойкое строительство» в отделе «Библиография» появляются алфавитные списки текущей литературы и печатается «Библиографический указатель по огнестойкому строительству».

С развитием книжного дела в России и с организацией в 1902 году союза писчебумажных фабрикантов связано появление «Библиографического списка сочинений по писчебумажному делу» Н. А. Резцова [5]. Указатель печатался в течение двух лет в журнале «Писчебумажное де-

---

[1] Рубин П. Г. О горючих материалах как источнике тепловой энергии для промышленных целей. Ч. 2. Обзор литературы. Екатеринослав, 1914. VIII, 279 с. (Товарищеский кружок инженеров Екатеринославского района).

[2] Карпинский А. П. Указатель статей «Горного журнала» с 1896 по 1901 год включительно. Спб., 1902. [2], III, 101 с.

То же... с 1902 по 1905 год включительно. Спб., 1906. [2], III, 62 с.

То же... с 1902 по 1911 год включительно. Сост. Н. Я. Нестеровский. Спб., 1914. VIII, 168, V с.

[3] Белавенец М. И. Библиографический указатель по глиноведению, и в частности, по технике черепично-гончарного производства и огнестойкого сельского строительства. Спб., 1912. 24 с.

[4] Белавенец М. И. О библиографии огнестойкого строительства. Тезисы доклада. Киев, 1913. 1 с. (Обл. съезд по земскому пожарно-страховому делу в Киеве 26 авг. — 5 сент. 1913 г.).

[5] Резцов Н. А. Библиографический список сочинений по писчебумажному делу. Спб., 1906. 42 с.

ло» и после пополнения вышел отдельным изданием (600 названий). Библиография Н. А. Резцова очень ясно выявила почти полное отсутствие оригинальной русской литературы по писчебумажному делу.

Исследования в области технических наук публиковались преимущественно на страницах отраслевых периодических изданий, поэтому в области техники указатели содержания журналов приобретали особую ценность. Но и они появлялись крайне редко.

На уровне и объеме русской библиографии технической литературы сказались медленные темпы выпуска технической книги, неравномерность издания ее по различным отраслям техники и узкий круг потребителей. Общее состояние научно-информационной библиографии в области техники накануне Великой Октябрьской социалистической революции лучше всего характеризуют слова Н. Э. Сума, сказанные им по совсем другому поводу, в рецензии на один из указателей Владиславлева: «Работающим в области библиографии известно, какой хаос царит в этой крайне важной области — полное отсутствие специальной литературы, справочников, указателей и т. д. сильно затрудняет работу, а иногда даже и заставляет бросать начатое исследование» [1].

Встречая на своем пути множество трудностей, развитие научно-информационной отраслевой библиографии протекало так же неравномерно, как и само издание научной и прикладной книги в России.

Слабой и неупорядоченной областью оставалась библиография технической литературы, в зачаточном состоянии находилась библиография книг по искусству, учет литературы по библиотековедению и книговедению только зарождался.

Во всех без исключения отраслях научной литературы требовал неотложного решения вопрос о налаженной, непрерывной регистрации текущей печатной продукции. Возникновение «Книжной летописи» несколько упорядочило учет отраслевой книги, способствовало регулярности и оперативности информации о новых книгах в специальных журналах и облегчило составление ежегодников медицинской, сельскохозяйственной, технической и прочей литературы. Но содержание подавляющей части русских научных журналов оставалось нераскрытым. Регулярный

---

[1] «Записки Русского технического общества», 1916, № 5, с. 109.

учет текущей журнальной литературы требовал солидной материальной поддержки и участия научных коллективов.

В ретроспективной отраслевой библиографии крупные общеотраслевые труды с большим учетным периодом вытесняются библиографическими указателями, составленными по отдельным вопросам или темам. Объяснялось это огромным объемом накопившейся к началу века научной литературы, исчерпывающая регистрация которой становилась трудно достижимой. С другой стороны, дифференциация самой научной работы приводила к необходимости составления справочников по частным вопросам и проблемам.

Среди слабо развивающихся видов отраслевых библиографических пособий продолжали оставаться учет отраслевых периодических изданий, биобиблиография ученых и библиография второй степени.

6 КРАЕВЕДЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Развитие капитализма в России во многом определило дальнейшую судьбу краеведения и тем самым судьбу библиографии местной и краеведческой печати. Рост промышленности и поиски новых месторождений полезных ископаемых, расширение внутренних и внешних рынков сбыта, углубление капиталистических отношений в деревне и переселенческое движение из центральных губерний России в необжитые окраинные земли Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии — все это послужило предпосылкой для более интенсивного стационарного и экспедиционного изучения природных и экономических условий различных районов страны.

Для краеведческой литературы прошлого столетия характерны такие издания губернских статистических комитетов, как «Памятные книжки», в которых на протяжении многих десятилетий накапливался ценный исторический, этнографический, статистический и библиографический материал об отдельных губерниях России. То же можно сказать и о неофициальной части многих губернских ведомостей, где жизнь того или иного края в различных ее про-

явлениях находила отражение в экономических, бытовых и этнографических очерках и заметках.

В конце XIX века к статистическим комитетам, нередко единственным центрам исследования губернии в географо-экономическом и статистическом отношении, добавились губернские ученые архивные комиссии, уделявшие много внимания сбору и выявлению исторических документов и положившие начало систематическому изучению истории края. Половина всех губерний России в начале XX века имела ученые архивные комиссии, которые, несмотря на реакционность их состава и ограниченность материальных и издательских возможностей, все же опубликовали в своих «Трудах» немало исторических и библиографических материалов, документов и исследований, посвященных той или иной губернии. В «Трудах» одной из лучших архивных комиссий, Владимирской, библиография местной и краеведческой печати была широко и основательно поставлена, благодаря энергии известного библиографа-краеведа А. В. Смирнова, организатора и редактора этого издания [1].

Типичные для прошлого столетия источники краеведческих сведений к началу XX века постепенно перестают быть единственными и основными. С развитием провинциальной периодической печати, особенно с появлением частных газет, объединивших вокруг себя местные литературные силы, значение губернских и епархиальных ведомостей незаметно сходит на нет. Неофициальные части этих газет, содержащие наиболее интересный материал для изучения экономики, статистики, истории, археологии и этнографии края в ряде ведомостей сокращаются или исчезают совсем.

Для начала XX века весьма показательно возникновение новых общественных организаций на местах, общее оживление научной деятельности в ряде городов и, как следствие, заметное увеличение печатных сведений об отдельных областях и краях России. Под влиянием общественного подъема в годы первой русской революции краеведческое движение ширится и получает повсеместное распространение. Изучением края в естественнонаучном, экономическом и этнографическом отношении начинают заниматься различные научные общества: Общество для

---

[1] Масанов Ю. И. Александр Васильевич Смирнов (1854—1918).— «Сов. библиография», 1948, вып. 5(24), с. 110—119.

исследования природы Орловской губернии (1905), Архангельское общество изучения Русского Севера (1908), Общество изучения Смоленской губернии (1908), Вологодское общество изучения Северного края (1909), Общество любителей естествознания в Туле (1910), Общество подольских естествоиспытателей и любителей природы в Каменец-Подольске (1911), Костромское научное общество по изучению местного края (1912), Общество изучения Олонецкой губернии (1913) и др. Все нарождавшиеся в разных местностях России общества в той или иной степени занимались библиографией литературы о своем крае. Как правило, они имели самостоятельные печатные органы, на страницах которых среди прочих материалов публиковались библиографические списки, указатели и обзоры краеведческой литературы. На выступление провинциальных обществ в роли библиографов, на признание ими важности и необходимости библиографии для жизни края в свое время впервые обратила внимание А. В. Мезьер, не проходившая мимо новых и примечательных явлений в русской библиографии. Она справедливо связывала возникновение местных научных обществ и их библиографическую деятельность с ходом развития русской промышленности и торговли [1].

Краеведческие указатели начала XX века, опубликованные местными научными обществами, следовали за изданиями, повторяя их тематику; они включали литературу о торгово-промышленной жизни отдельных губерний и областей, строительстве железных дорог, связывающих центральную Россию с ее далекими окраинами, журнальные и газетные статьи о развитии производительных сил страны и освоении огромных богатств Севера, Дальнего Востока, Средней Азии и т. д.

Параллельно с организацией местных научных обществ общественная инициатива в области краеведения проявлялась в создании краеведческих музеев, которые возникали не только в губернских, но в отдельных случаях даже в уездных городах. Такие научно-просветительные учреждения дореволюционной провинции, как местные музеи комплексного профиля, поднимали у населения интерес к изучению природы, экономики и истории своего края. Это-

---

[1] Мезьер А. В. Местная библиография России. («Общества изучения края» в роли библиографов). — «Библиогр. известия», 1913, № 4, с. 263—268.

му способствовали и так называемые «местные отделы» общественных библиотек, постепенно наполнявшиеся краеведческой литературой. В каталогах ряда библиотек (Саратовской, Томской и особенно Вятской) краеведческие отделы занимали значительное место.

Создание подобных отделов в общественных библиотеках всячески поощряли Н. А. Рубакин, Л. Б. Хавкина, А. В. Мезьер, В. И. Чарнолуский и другие прогрессивные библиотековеды и библиографы. Назначение краеведческих отделов в общественных библиотеках Н. А. Рубакин видел не в «собирании печатных редкостей, трактующих о данном географическом уголке», а в развитии общественного сознания и общественной активности. Местную печать он рассматривал как литературный материал громадной важности для исторического изучения русской общественности [1]. Эта оценка местных отделов общественных библиотек была поддержана и Первым всероссийским съездом по библиотечному делу.

Краеведческая общая библиография создавалась в основном членами местных научных обществ и губернских ученых архивных комиссий, библиографами-краеведами, которые все свое внимание и многолетний труд отдавали учету литературы, посвященной близкой им губернии. Так, известный библиограф А. В. Смирнов, выступая во всех жанрах краеведческой библиографии, создавал различные указатели литературы о Владимирской губернии, С. Д. Соколов всю жизнь занимался учетом литературы о Саратовском крае, П. Н. Столпянский посвятил ряд трудов Оренбургской губернии, И. Ф. Павловский — Полтавской, П. А. Дилакторский — Вологодской, А. А. Щеголев — Тамбовской, А. Ф. Шидловский — Европейскому Северу, А. Н. Попов до 30-х годов XX века вел библиографию по Архангельскому краю и т. д.

Небольшие коллективы (Комиссия сибирской библиографии при Русском библиографическом обществе, Архангельское общество изучения Русского Севера и другие) пытались решать объединенными усилиями крупные библиографические задачи, но в основном краеведческая библиография, так же как и в XIX веке, продолжала создаваться одиночками.

В предреволюционной краеведческой библиографии

---

[1] Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 1. М., «Наука», 1911, с. 97—98.

сложились почти все виды и формы краеведческих библиографических изданий, вплоть до впервые появившегося в России, пока еще очень несовершенного, недолго существовавшего, библиографического краеведческого журнала («Кавказский книжный вестник», Тифлис, 1900—1901).

Сравнительно большое число ежегодных публикаций об отдельных местностях России ускорило рождение текущего учета краеведческих произведений печати [1].

Текущая библиографическая регистрация не отличалась строгой регулярностью, исчерпывающей полнотой и долговечностью существования. В ряде случаев это были единичные начинания без продолжения, но уже сам факт почти одновременного появления текущего учета в ряде мест говорил о реальной потребности в постоянной информации краеведческого содержания, в создании более надежной и прочной библиографической базы для будущих краеведческих библиографических указателей общего и отраслевого характера.

Существовавшие в начале века общие ретроспективные краеведческие указатели делились на несколько неравных по объему групп: 1) указатели комплексного характера, отражавшие литературу по всем отраслям знания, 2) библиография местных периодических изданий, 3) указатели

---

[1] Городецкий Б. М. Материалы для библиографии Северного Кавказа. Библиогр. обзор литературы о Северном Кавказе за [1906—1909 гг.]. — «Известия О-ва любителей изучения Кубан. области», 1909, вып. 4; 1912, вып. 5; 1913, вып. 6.

Библиографический указатель литературы по Северу. — «Известия Арханг. о-ва изучения Русского Севера», 1910, № 6—24; 1911, № 1—18, 20, 22—24; 1912, № 1—10, 13—14, 16, 20, 24; 1913, № 1—2.

Библиографический указатель литературы, имеющей отношение к Олонецкому краю. — «Известия О-ва изучения Олонец. губ.», 1913, № 1—8; 1914, № 1—8; 1915, № 1.

Библиографический указатель литературы, имеющей отношение к Европейскому Северу (с 1 янв. 1915 г.). — «Известия О-ва изучения Олонец. губ.», 1915, № 2—3, 4, 5—8.

Панков А. В. Библиографический указатель статей и книг по туркестановедению. [С 1 окт. 1912 г. по 1915 г. включит.].— «Известия Туркестан. отд. РГО», 1914, № 10, вып. 1; 1915, № 11, вып. 1; 1916, № 12, вып. 2; 1917, № 3, вып. 1. За 1914 г. указатель сост. в соавторстве с В. П. Панковым и Е. К. Бетгером, за 1914—1915 гг. — с Е. К. Бетгером.

Непеин А. С. Библиографический указатель литературы о Вологодском крае за 1915 г. — «Известия Вологод. о-ва изучения Сев. края», 1916, вып. 3.

Попов А. Н. Библиографический указатель литературы по Архангельскому краю. (С 1 янв. 1915 г.). — «Известия Арханг. о-ва изучения Русского Севера», 1915, № 3—12; 1916, № 1.

содержания местных периодических изданий, 4) биобиблиографические словари местных деятелей или уроженцев.

Граница между этими группами пособий в ряде случаев условна. Так, например, литературу об уроженцах края или сведения о местных периодических изданиях можно было встретить в указателях общего характера.

Первую, наиболее значительную группу краеведческой библиографии составили комплексные указатели, в которых учитывались за тот или иной период все виды произведений печати (книги, статьи, карты, планы и прочие издания). В них находила отражение литература о природе, истории, экономике и культуре края в целом, часто вне зависимости от места ее издания.

В начале века вышла в свет составленная главным образом по местным источникам библиография С. Е. Зверева по Воронежскому краю (около 1400 названий) [1], И. Ф. Масанов опубликовал первый том (около 5000 названий) фундаментальной библиографии по Владимирской губернии [2], В. П. Ласковский продолжил «Новгородику» [3], начатую им еще в конце XIX века, к 100-летнему юбилею присоединения Бессарабии к России была издана «Bessarabiana» П. Д. Драганова [4], важнейшую литературу о Кавказе собрал Д. Д. Пагирев в своей огромной общекавказской библиографии (8000 названий) [5], работу В. И. Межова продолжил В. Д. Городецкий в «Библиографии Туркес-

---

[1] Зверев С. Е. Книги, брошюры и листы Воронежской печати, с присоединением некоторых рукописей местных авторов и их сочинений, равно и книг, до Воронежского края относящихся, напечатанных вне Воронежа. — «Труды Воронежской ученой архив. комиссии», 1904, вып. 2, отд. 2, с. 1—114.

[2] Масанов И. Ф. Библиография Владимирской губернии. Т. 1. Под ред. А. В. Смирнова. Владимир, 1905. [4], 538, II с. (Труды Владимирской ученой архив. комиссии. Прил. к кн. 7).

[3] Ласковский В. П. Новгородика. (Опыт словаря сочинениям, заключающим в себе описание Новгородской земли и ее истории. Дополнение 3-е. Новгород, 1908. 31 с. (Сборник Новгородского о-ва любителей древности, 1908, сб. 1).

[4] Драганов П. Д. Bessarabiana ... Кишинев, 1911 (на обл. 1912). 278 с.

[5] Пагирев Д. Д. Перечень некоторых книг и заметок о Кавказе. — В кн.: Пагирев Д. Д. Алфавитный указатель в пятиверстной карте Кавказского края. Тифлис, 1913, прил., с. 309—530; Пагирев Д. Д. Предметный указатель к «Перечню некоторых книг, статей и заметок о Кавказе»... Тифлис, 1914. 14 с. (Записки Кавказского отд. Рус. геогр. о-ва, кн. 30, добавление).

тана» (свыше 3500 названий) [1], источники и пособия для изучения Саратовского края (свыше 3000 названий) учел С. Д. Соколов [2]. В то же время П. А. Дилакторский закончил «Опыт указателя литературы по Северному краю», который при жизни библиографа не был издан.

К перечисленным библиографиям, которые составляют лишь незначительную часть комплексных краеведческих пособий начала XX века, можно добавить также «Указатель главнейших источников и пособий» о разных местностях России, печатавшийся в виде прикнижной библиографии в многотомном издании «Россия».

Вторую, немногочисленную, группу краеведческих пособий составила библиография местных периодических изданий, которая обычно печаталась в виде списков или библиографических обзоров на страницах местной печати. По этим спискам и обзорам уже отчетливо можно проследить попытки краеведов-любителей исследовать возникновение и развитие периодической печати в различных местностях России. На первых порах история местной печати создавалась в виде библиографических обзоров с вкрапленными в них историческими сведениями, поэтому библиографическими по форме были краткие очерки Г. Кипшидзе о русской и грузинской периодической печати на Кавказе [3], более поздние исследования Г. Н. Прозрителева и Б. М. Городецкого о периодических изданиях на Северном Кавказе [4], приуроченная к 200-летнему юбилею русской прессы статья П. Н. Столпянского об оренбургской повременной печати [5], собранные Н. Петровским историко-биб-

---

[1] Городецкий В. Д. Библиография Туркестана. Т. 1. Сост. при участии М. Н. Городецкой. Ташкент, 1913. 6, II, 152 с.

[2] Соколов С. Д. Источники и пособия для изучения Саратовского края. Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей, заметок, напечатанных вне Саратовского края. Изд. 2-е, испр. и значит. доп. Саратов, 1910. VI, 84 с.

Дополнения к библиографии печатались в «Трудах Саратовской ученой архив. комиссии», 1912, вып. 29, с. 177—197; 1914, вып. 31, с. 77—116.

[3] Периодическая печать на Кавказе. Тифлис, 1901. 51 с.

[4] Прозрителев Г. Н. Печатное дело на Северном Кавказе (Ставропольская губерния). — «Труды Ставроп. ученой архив. комиссии», 1910, вып. 2, отд. 2, с. 1—12 шестой паг.

Городецкий Б. М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. — «Известия О-ва любителей изучения Кубан. области», 1912, вып. 6, с. 73—166.

[5] Столпянский П. Н. Официальная и официозная пресса в Оренбургском крае. — «Труды Оренбургской ученой архив. комиссии», 1903, вып. 12, с. 1—63. Отд. отт.

лиографические материалы о начальном периоде казанской печати[1]. В это же время впервые появляются насыщенные библиографическими сведениями статьи по истории периодической печати Архангельска[2] и Иркутска[3], печатаются списки местных изданий в виде внутрикнижных библиографий[4].

Третья группа — наиболее типичные и характерные для краеведческих пособий указатели содержания местных периодических изданий, по своей структуре и методике описания чаще всего ничем не отличавшиеся от ранее выходивших указателей к губернским и областным газетам и журналам.

Содержание местных периодических изданий, не столь обильных по материалу, как столичная печать, вполне поддавалось библиографическому учету. За очень короткий срок вышли указатели к Владимирским, Курским, Могилевским, Олонецким, Черниговским и другим губернским ведомостям[5] и в изобилии — к епархиальным ведомостям. Раскрытие содержания епархиальных ведомостей значительно опередило в этот период составление такого же рода указателей к другим, более ценным по материалу, изданиям краеведческого содержания. Сравнительно редко создавались указатели к земским изданиям («Саратовская земская неделя», «Земский сборник Черниговской губернии», «Сборник Пермского земства») и к частным провинциальным газетам («Волгарь», «Тифлисский листок», «Новое обозрение», «Северный Кавказ»).

Юбилейные даты многих губернских ученых архивных комиссий послужили поводом для появления указателей содержания трудов комиссий. По мере того, как отмеча-

---

[1] Петровский Н. По поводу столетия казанской печати. — «Известия О-ва археол., истории и этногр. при Казан. ун-те», 1911, т. 27, вып. 3, с. 220—233.

[2] Попов А. Н. Периодическая печать в Архангельске. — «Известия Архан. о-ва изучения Русского Севера», 1914, № 8, с. 225—232; № 9, с. 257—263.

[3] Романов Н. Периодическая печать г. Иркутска [с 1857 по 1916 г.]. — «Сибирская летопись», 1916, № 9—10, с. 389—448.

[4] Пресса... [Туркестанского края с 1869 по 1910 г.]. — В кн.: Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Вып. 2. Ташкент, 1911, с. 285—296.

[5] Об указателях к губернским ведомостям см.: Озерова Г. А. Источники краеведческой библиографии. (Губернские ведомости и указатели их содержания). — «Труды» (Гос. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), 1957, т. 3(6), с. 123—141.

лись пятилетия, десятилетия и более длительные сроки существования комиссий, выходили в свет указатели содержания трудов Тамбовской (1905), Таврической (1905), Саратовской (1908), Нижегородской (1909), Вятской (1910), Оренбургской (1914), Екатеринославской (1915), Пермской (1915) и других ученых архивных комиссий. Таким образом, историко-археологический материал, опубликованный на страницах «Трудов», «Действий», «Известий» многих комиссий, становился доступным для разыскания и использования.

К четвертой группе краеведческих библиографических пособий относятся местные областные биобиблиографические словари, которыми дореволюционная Россия была очень бедна. В начале века вышло небольшое число универсальных биобиблиографий краеведческого характера, составленных, как правило, членами местных ученых архивных комиссий. Чаще всего они печатались на страницах губернских ведомостей или в трудах ученых архивных комиссий. Среди них были и предварительные списки имен, и частично собранные материалы для будущих областных словарей, и приближавшиеся к исчерпывающим справочникам указатели с преобладанием либо биографических, либо библиографических сведений.

В ряде губерний биобиблиография местных деятелей и уроженцев находилась еще в зачаточном состоянии. Опубликованный А. А. Щеголевым «Список замечательных лиц и писателей» Тамбовской губернии представлял собою очень краткий, никак не обработанный перечень имен [1]. Скудные, приблизительные сведения, приводимые в нем, трудно даже назвать биобиблиографическим словарем. «Список деятелей печатного слова в Оренбурге» П. Н. Столпянского[2] тоже не выходил из рамок предварительных материалов для биобиблиографического краеведческого словаря, хотя здесь перечень имен сопровождался указаниями на некоторые печатные труды. Более подробные сведения содержал небольшой биобиблиографический список «Кто и как изучал Кубанскую область», принадлежав-

---

[1] Щеголев А. А. Материалы для библиографии Тамбовской губернии. — «Известия Тамб. ученой архив. комиссии», 1909, вып. 53, с. 1—34 третьей паг.

[2] Столпянский П. Н. Список деятелей печатного слова в Оренбурге. — «Труды Оренбургской ученой архив. комиссии», 1916, вып. 33, с. 117—129.

щий Б. М. Городецкому [1], и его же материалы для биографического и библиографического словаря лиц, связанных с Северным Кавказом.

В большинстве случаев это были подготовительные материалы для библиографического словаря, выдержанного в «пантеонной традиции», то есть ограничивающего отбор имен умершими выдающимися деятелями из уроженцев губернии. При выборе имен первое место отводилось биографиям духовных лиц, купцов-благотворителей, административных деятелей, местных оригиналов, за которыми следовало небольшое число представителей интеллигенции губернских городов (педагоги, врачи, историки местного края и т. д.). Таковы, например, биобиблиографии А. А. Дмитриева [2], И. В. Добролюбова [3], А. В. Смирнова [4].

Неторопливое, с отступлениями и подробностями, повествование о жизни местного деятеля, часто по объему несоразмерное с его действительным значением в культурной жизни края, сопровождалось кратким перечнем произведений и литературы о нем. В подобного рода библиографиях господствовало алфавитное расположение, по именам деятелей, но иногда биографические очерки печатались без видимого порядка (А. В. Смирнов). Отсутствие многих имен, неравномерность биографических характеристик, неполнота и приблизительность библиографических данных, часто глухое упоминание вместо точной записи — все это говорило о несовершенных методах выявления и собирания материала, о недостаточно разработанной методике краеведческого биобиблиографического словаря.

---

[1] Городецкий Б. М. Кто и как изучал Кубанскую область.— «Известия О-ва любителей изучения Кубан. обл.», 1912, вып. 5—6, с. 7—24.

[2] Дмитриев А. А. Материалы для биографии памятных деятелей из пермских уроженцев. — «Труды Пермской ученой архив. комиссии», 1902, с. 28—75.

[3] Добролюбов И. В. Библиографический словарь писателей, ученых и художников уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. С доп. С. Д. Яхонтова. Рязань, 1910. [4], 338, [14] с.

[4] Смирнов А. В. Портретная галерея уроженцев и деятелей Владимирской губернии. [Вып. 1—3]. — «Труды Владимирской ученой архив. комиссии», 1900, кн. 2; 1902, кн. 4; 1904, кн. 7; Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы. (Материалы для биобиблиогр. словаря). Вып. 1—5. Владимир, 1846—1917. Ранее печатались под загл.: «Замечательные уроженцы и деятели Владимирской губернии». — «Владимирские губ. ведомости», 1896—1898, 1902, 1906—1907, 1910—1911, 1915—1917.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции в краеведческой биобиблиографии начинает проявляться тенденция отхода от «пантеонной традиции», в этом сказалось сильное влияние библиографической деятельности С. А. Венгерова. В ряде мест появляются словари иного типа, отражавшие сведения не об избранных лицах, а о местных деятелях в их массе, о всех так или иначе повлиявших на культурную и общественную жизнь края. Этот поворот слегка ощущался в «Кратком биографическом словаре ученых и писателей Полтавской губернии» И. Ф. Павловского [1] и более заметно определился в «Кратком словаре писателей-нижегородцев», вышедшем под редакцией В. Е. Чешихина-Ветринского [2].

Оба словаря наряду с именами деятелей, отошедших в вечность, включали сведения о живых современниках, как об уроженцах, так и о всех тех, кто в какой-либо мере работал над изучением местного края. По образцу Венгерова, в основу библиографической характеристики ряда живых деятелей И. Ф. Павловский положил подробные автобиографии, чем увеличил достоверность и ценность включенных данных.

«Краткий словарь писателей-нижегородцев» и по своей структуре и по принципиальным установкам в отборе имен очень близко подходит к «Критико-биографическому словарю» Венгерова во втором его издании. Это тот же остов будущего, более подробного словаря, канва для собирания более обстоятельных сведений о связанных с краем деятелях печатного слова. При отборе имен писателей для нижегородского словаря принимались во внимание значимость культурного вклада и время деятельности писавшего. Чем глубже в века, тем меньше преград ставилось при включении того или иного лица в библиографию. Имена лиц, оказавших влияние на культурную и общественную жизнь Нижегородского края, вводились без ограничений, в результате чего политическая ссылка начала XX века получила в словаре широкое отражение. И хотя многие све-

---

[1] Павловский И. Ф. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII века. Полтава, изд. Полтав. ученой архив. комиссии, 1912. 2, VI, 238 с.; Первое дополнение... Полтава, 1913. 87 с.

[2] Люди Нижегородского Поволжья. Вып. 1. Краткий словарь писателей-нижегородцев. Под ред. В. Е. Чешихина (Ч. Ветринского). Н.-Новгород, 1915. VI, 50 с. (Действия Нижегор. губ. ученой архив. комиссии).

дения о политических ссыльных бедны и обрывочны (таковы заметки о П. М. Лебедеве, Н. С. Семашко, С. И. Мицкевиче, В. Н. Фигнер, К. Н. Дерунове, А. В. Панове, А. А. и А. К. Покровских и других), они в совокупности представляют полезный источник для изучения истории края. О принципиально иных позициях при отборе имен говорит уже само число включенных в словарь писателей-нижегородцев, в нем около 1200 имен, тогда как в биобиблиографии А. А. Дмитриева это число не превышало нескольких десятков, а у А. В. Смирнова — сотни имен.

К числу лучших дореволюционных краеведческих биобиблиографий относится работа С. Д. Соколова «Саратовцы — писатели и ученые», к сожалению, незаконченная печатанием [1]. Она производит впечатление продуманной и тщательно подготовленной библиографии, автор которой дифференцированно подошел к отбору и включению материала, ограничившись краткими сведениями о писателях и ученых с крупным именем и более пространно характеризуя менее известных. К достоинствам словаря можно отнести четко поставленную цель, пропорциональность биографических и библиографических сведений, точные указания использованных источников, полноту и единообразие библиографического описания. В ряде случаев использованы автобиографии, за которыми библиограф обращался к своим землякам, писателям и ученым — уроженцам Саратовской губернии.

Ценность краеведческих биобиблиографий заключалась в использовании наряду с общей печатью и универсальными биобиблиографическими справочниками местных материалов, в первую очередь губернской периодической печати, рукописных мемуаров и автобиографий, послужных списков и других документов из архивов местных учреждений.

Подобно С. А. Венгерову, только в иных масштабах и пределах, краеведы-библиографы производили учет умственного вклада, внесенного отдельными краями и городами в общую сокровищницу культуры и просвещения России в XIX — начале XX века.

Общая краеведческая библиография составляла лишь часть пособий (и притом сравнительно небольшую), ис-

---

[1] Соколов С. Д. Саратовцы — писатели и ученые. (Материалы для биобиблиогр. словаря). — «Труды Сарат. ученой архив. комиссии», 1913, вып. 30; 1915, вып. 32; 1916, вып. 33.

пользуемую в краеведческих целях. Краеведческий материал отраслевого характера, по сельскому и лесному хозяйству, путям сообщения, промыслам, кооперации, медицине и народному образованию в изобилии помещался в общих и отраслевых указателях некраеведческого содержания. Существовало немало библиографий с четко выделенными краеведческими разделами. Примером могут служить «Указатель русской экономической литературы» под редакцией П. И. Георгиевского. «Обзор земских изданий по статистике народного образования» И. М. Богданова, «Библиографический указатель по общественной медицинской литературе» Д. Н. Жбанкова, ежегодники по сельскому хозяйству А. Д. Педашенко и многие другие указатели, в которых расположение материала позволяло легко выявлять литературу об экономике, народном образовании, медико-санитарном обслуживании, сельском хозяйстве различных районов России.

Такое положение не исключало составления и издания отраслевых библиографий, специально посвященных определенной местности. Они создавались обычно на местах и печатались в трудах местных научных обществ. Часть библиографических указателей издавалась по инициативе и на средства земских учреждений как предварительные материалы для изучения губернии в естественно-историческом отношении.

По своему качеству отраслевая краеведческая библиография в ряде случаев была выше многих кустарно выполненных краеведческих библиографий общего характера, так как библиографические указатели нередко составлялись крупными учеными, профессионально владевшими литературой своей отрасли и для которых ее выявление, систематизация, критическая оценка и описание были необходимым предварительным этапом научной работы. Отсюда свойственная этим указателям продуманность отбора и расположения материала, тщательность и последовательность библиографического описания, подробные, чаще всего реферативного типа аннотации, хорошо разработанная система вспомогательных ключей.

Общее число отдельно изданных или опубликованных в периодической печати краеведческих указателей в начале века превысило несколько сот названий, среди которых встречалось немало первоклассных работ, выполненных крупными учеными. При более углубленном отношении к учету произведений печати общий уровень предреволю-

ционной краеведческой библиографии все же оставался невысоким. Отдельные ее участки развивались неравномерно, все еще продолжали выходить неумело составленные указатели, отличавшиеся неполнотой материала и несовершенством библиографического описания. Здесь, так же как и во всей русской дореволюционной библиографии, существовало много белых пятен в учете местной и краеведческой печати и вместе с тем осталось много начатых, но не завершенных, или законченных, но не опубликованных трудов большого научного значения.

Краеведческая библиография развивалась под сильным влиянием общей и отраслевой библиографии широкого профиля, заимствуя из этих источников как библиографические сведения, так и методические приемы организации и описания материала. Теория и методика собственно краеведческой библиографии в этот период специально не разрабатывались.

Коллективное начало, хотя и получило некоторое развитие в области краеведческой библиографии (Комиссия сибирской библиографии при Русском библиографическом обществе, совместное собирание библиографического материала по Северу, Олонецкому и Архангельскому краям и т. д.), отнюдь не стало господствующим и не дало ощутимых практических результатов.

7

БИБЛИОГРАФИЯ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В начале века довольно интенсивно протекал процесс обогащения литературы, специально предназначенной для детей различных возрастов; круг чтения непрерывно расширялся как за счет лучших образцов мировой литературы, так и за счет роста оригинальной русской книги.

Начатый еще в XIX веке спор о праве детской литературы на самостоятельное существование продолжался и в XX веке, но непрекращающееся развитие собственно детской художественной и научно-популярной книги значительно укрепило позиции ее защитников. Библиограф А. И. Лебедев, внимательно наблюдавший за развитием и состоянием русского книжного рынка, с полным основанием мог заметить: «Сколько бы мы не старались доказывать теоретически, что детям следует предоставить для изучения общую литературу, детские книги будут расти, как грибы, и нет сил задержать этот рост» [1].

---

[1] Лебедев А. И. Детская и народная литература. Вып. 1. Изд. 6-е. Н. Новгород, 1912, с. 9.

В России никогда не было такого количества детских журналов, как в конце XIX — начале XX века. Многие из них просуществовали десятки лет, постепенно объединив вокруг себя детских писателей и привлекая авторов «большой» литературы. Во главе лучших детских журналов стояли крупные педагоги и общественные деятели: В. П. Острогорский, Д. И. Тихомиров, А. Н. Альмединген, И. И. Горбунов-Посадов. В таких журналах, как «Детское чтение» (1869—1906), «Юная Россия» (1906—1917), «Родник» (1882—1917), печатались Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, И. А. Бунин, А. С. Серафимович, К. М. Станюкович, М. М. Пришвин и другие писатели.

Русскую научно-популярную книгу для детей создавали М. Н. Богданов, Д. Н. Кайгородов, В. В. Лункевич, С. П. Меч, Н. А. Рубакин, С. А. Порецкий, А. А. Чеглок и многие другие талантливые популяризаторы научных знаний.

Развитие детской литературы не прошло незамеченным общей и педагогической печатью. Многочисленные статьи, преимущественно педагогического характера, касались таких важных и принципиальных вопросов, как идейность, тенденциозность, художественность детской книги, значение специальной детской литературы, особенности возраста в чтении, критерии оценки детской книги, задачи и направление библиографии детской литературы. Наибольшее внимание этим вопросам уделяли старейший журнал «Педагогический сборник», «Русская школа», «Педагогический листок», «Вестник воспитания», «Воспитание и обучение», «Школа и жизнь». По инциативе А. М. Горького в журнале «Летопись» (1915—1916) печатались обзоры детской литературы за истекший год. Свод рецензий из общих и специальных журналов на библиографические указатели и книги по детскому чтению давал информационный библиографический журнал «Вестник народного образования» (1911—1916), выходивший при ближайшем участии известного деятеля народного образования В. И. Чарнолуского. Нараставший интерес к вопросам детского чтения привел к появлению двух критико-библиографических журналов, специально посвященных книге для детей — «Новости детской литературы» (1911—1916) и «Что и как читать детям» (1911—1917) [1].

---

[1] См. главу «Общая библиографическая периодика», с. 384—387.

Общественные организации и отдельные педагоги на рубеже столетий стремились представить как общую картину детских читательских интересов, так и характерные особенности восприятия литературы детьми: отношение их к определенному виду литературы (беллетристике, научно-популярной книге), жанру (басням, сказкам), к творчеству конкретных писателей и т. д.

Дальнейшее развитие детского чтения как никогда нуждалось в библиографическом учете всех пригодных для детей произведений печати, в систематизации их по возрастам, содержанию и жанрам, в определении их ценности в художественном и воспитательном отношении. Но специального текущего учета в начале века не существовало, детские книги регистрировались среди прочих произведений печати в официальном органе «Правительственный вестник», и только начиная с 1907 года, с возникновения «Книжной летописи», несколько упорядочивается общая библиография изданий для детей. Ежегодная статистика произведений печати, организованная А. Д. Тороповым в Главном управлении по делам печати, учитывала среди прочих показателей и выпуск детской книги как на русском, так и на языках других народов царской России [1]. Официальный учет ограничивался только этим. Методы статистического учета в отношении детских книг совершенно не были разработаны. Отсутствовали основные сведения, характеризующие детскую книгу по содержанию, возрастам, тиражам, повторности изданий и т. д. Вместе с тем выделение детской книги из общей массы произведений печати в статистических ежегодниках Торопова было шагом вперед. Ежегодники Е. М. Чарнолуской («Библиографические указатели книг по детскому чтению, вышедших в [1911—1912 гг.]») [2], регистрирующие все разделы детского чтения, служат более надежным источником сведений, чем статистика Главного управления по делам пе-

---

[1] [Торопов А. Д.]. Статистика произведений печати, вышедших в России в [1910—1915 гг.]. Спб., [Глав. упр. по делам печати], 1911—1916. 6 т.

[2] Чарнолуская Е. М. Библиографический указатель книг по детскому чтению, вышедших в 1911 году. Книги для детского чтения и о детском чтении; книги по вопросам искусства в школе и в жизни ребенка, по детским играм, занятиям и развлечениям. Год 1-й. Спб., изд. газ. «Школа и жизнь», 1912. IV, 128 с.

То же. Год 2-й. Спб., изд. газ. «Школа и жизнь», 1913. VIII, 135 с.

чати[1], но, к сожалению, в них детская книга учтена всего лишь за два года. Не было к началу XX века и сколько-нибудь полной ретроспективной библиографии. Вышедшие в конце XIX века библиографические указатели отражали лишь незначительную часть русской детской книги.

Официальное руководство чтением детей и подростков в царской России представляло собой прочно сложившуюся, разветвленную систему, в которой точно определялись границы чтения детей — читателей бесплатных народных читален и библиотек, учащихся низших школ, церковноприходских школ, городских училищ, средних учебных заведений, коммерческих училищ, кадетских корпусов и прочих учебных заведений. Чем ниже по социальной лестнице стояла школа, тем у́же становился круг чтения, жестче отбор дозволенных книг, скуднее и беднее библиотека для учащихся.

Для библиотек при церковно-приходских школах функции контроля и ограничения детского чтения выполнял училищный совет при святейшем синоде, с большим рвением и педантичностью вытравливавший все живое и талантливое из списков одобренных книг.

Не многим лучше было и положение библиотек низших училищ ведомства народного просвещения и бесплатных народных читален. Массовая религиозно-нравственная брошюра полностью занимала книжные полки, поглощая, несмотря на свою относительную дешевизну, скудный бюджет школьных и народных библиотек. В «Каталоге книг для употребления в низших училищах» (по июнь 1901 г.)[2] раздел книг духовного содержания достигал почти 800 названий и составлял наибольшую часть каталога.

Состояние этих библиотек кратко и точно характеризует А. В. Мезьер: «Школьно-народная библиотека — это

---

[1] По сведениям Чарнолуской, в 1911 г. только на русском языке издано детской и юношеской литературы не 928 названий, как это показано Главным управлением по делам печати, а 1828 названий, то есть почти в два раза больше. Соответственно в 1912 г. зарегистрировано 1930 названий, что тоже значительно превышает официальную цифру детских изданий.

[2] Каталог книг для употребления в низших училищах ведомства министерства народного просвещения и для публичных народных чтений (по июнь 1901 г.). Спб. 1901. [4], 263 с.; Каталог книг и периодических изданий, допущенных в ученические библиотеки низших учебных заведений ведомства министерства народного просвещения (по сентябрь 1905 г.). Спб., 1905. VIII, 231 с.

библиотека без русских знаменитейших и известнейших писателей» [1].

Установленный министерством народного просвещения порядок просмотра и одобрения книг привел к случайности, бессистемности и хаотичности книжного состава русских школьных библиотек.

Сложившуюся систему контроля народного и детского чтения удалось несколько расшатать в годы первой русской революции, но полностью освободиться от мертвящей опеки официальных каталогов библиотеки низших учебных заведений так и не смогли. Положение их продолжало оставаться тяжелым, хотя они и получили 28 февраля 1906 года право комплектоваться наравне с публичными библиотеками и читальнями. Стесненные условия, в которых они находились, не позволяли им воспользоваться в полной мере этим правом. К тому же введенные министерством народного просвещения новые правила 9 июня 1912 года вновь и окончательно утвердили обязательность официального каталога для библиотек низших учебных заведений [2].

«...У нас, — писал В. И. Ленин, — помимо общих преследований печати, помимо диких мер *против* библиотек вообще, издаются еще во сто крат более стеснительные правила *против* народных библиотек! Это — вопиющая политика народного *затемнения,* вопиющая политика помещиков, желающих *одичания* страны» [3].

Библиотеки средних школ, менее стесненные ограничениями, тоже не удовлетворяли интересов и запросов читателей. Официальный каталог для библиотек средних учебных заведений не содержал многих произведений русской литературы, в том числе Некрасова, Писарева, Шелгунова и других представителей передовой отечественной культуры.

О неблагополучном положении и непопулярности этих библиотек среди учащихся появлялись тревожные сигналы даже на страницах специальных научных журналов [4].

---

1 Мезьер А. В. — «Русская школа», 1913, № 1, отд. критики и библиогр., с. 9.

2 Текст Правил 1906 и 1912 гг. см. в кн.: Звягинцев Е. А. Правовое положение народных библиотек за 50 лет. М., 1916, с. 39—43.

3 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24, с. 270.

4 П. Е. К вопросу о внеклассном чтении книг в средней школе. — «Филол. записки», 1902, вып. 1, с. 5.

Официальная реакционная педагогика предельно тормозила руководство детским чтением, направляя его в определенное казенное русло, тогда как передовые педагоги усиленное внимание обращали на разработку общих и частных вопросов теории, методики и организации детского чтения. Детское чтение рассматривалось ими как могучий фактор формирования личности, содействующий умственному, нравственному и эстетическому образованию подрастающего человека. В педагогических журналах того времени появляются статьи о психологии детского чтения, о типах читателей, о руководстве чтением в семье и школе, о постановке внеклассного чтения учащихся разных учебных заведений и т. д.

Одновременно с этим проводятся наблюдения над чтением отдельных детей, экспериментальным путем исследуются читательские интересы определенного возраста, разрабатывается, пока еще ощупью, методика изучения чтения, собираются устные и письменные отзывы о прочитанном, проводятся опросы и распространяются анкеты среди тысяч читающих детей.

Вопросы детского чтения и детской литературы в различном объеме и различных аспектах обсуждались почти на всех общепедагогических, библиотечных, земских и других съездах и совещаниях. Особенно много внимания вопросам детской литературы уделил Первый всероссийский съезд по семейному воспитанию (1912—1913), но и этот съезд не смог наметить путь к разрешению наиболее существенных проблем в области детского чтения и библиографии детской литературы. «Печать бессилия и робости, — отмечала газета «Правда», — лежит на всех работах съезда, на всех прениях, резолюциях его» [1]. Мысли, высказанные в докладах и известные уже по педагогической и библиографической печати, практического разрешения не получили. Координация действий отдельных библиографических коллективов отсутствовала, так же как не было единства в выработке и применении основных принципов критики детских книг.

Требовался созыв всероссийского съезда, специально посвященного всестороннему обсуждению вопросов детского чтения и библиографии детской литературы. Инициатива созыва такого съезда принадлежала учебному от-

---

[1] Либеральное бессилие. — «Правда», 1913, 9 янв.

делу Московского общества распространения технических знаний, она была поддержана общественными деятелями Петербурга. В организационное бюро по созыву съезда вошли известные педагоги и библиографы: Н. В. Чехов, А. Е. Корольков, А. И. Колмогоров, Е. А. Елачич, А. М. Калмыкова, М. В. Бередникова и др. Уже было намечено время созыва съезда (декабрь 1913 г.) и детально разработан проект программы [1]. Сама подготовка к предстоящему съезду внесла оживление в разработку теоретических вопросов детского чтения, но съезд, на который возлагалось столько надежд, не был разрешен министерством внутренних дел.

Система опеки детского чтения ограничивала библиографов, заставляла многих из них приспосабливаться к существующей практике и искать какой-то выход из создавшегося положения. Этим объясняется появление множества примерных списков, рекомендательных каталогов и указателей, составители которых стремились выбрать из числа разрешенных книг наиболее приемлемое и пригодное для детского чтения. Подобной издательской деятельностью в области рекомендательной библиографии для детей занимались земские и частные книжные склады, книжные магазины, общественные организации и отдельные лица. Ценность и прогрессивность библиографических пособий, построенных на основе министерских каталогов, часто определялись не столько их содержанием, сколько тем, что они отбрасывали из официально рекомендованного репертуара детского чтения.

А. И. Лебедев «Детская и народная литература» (1900—1915 гг.).

При жесткой регламентации чтения детей все же появлялись библиографические указатели, не считавшиеся с мнением ученого комитета министерства народного просвещения. Одна из таких попыток коренной реорганизации постановки детского чтения в начале XX века принадлежала А. И. Лебедеву.

Педагог, библиограф, заведующий книжным складом нижегородского земства, книгоиздатель, деятельность которого протекала в Нижнем Новгороде, А. И. Лебедев

---

[1] Опубликован в журн.: «Новости детской литературы», 1913—1914, № 2, с. 17—22.

(1866—1940) составил и издал несколько учебных руководств для начальной школы, ряд библиографических указателей и брошюр на актуальные общественно-политические темы.

В Нижнем Новгороде под председательством А. И. Лебедева кружок передовых учительниц начальных школ занимался просмотром и рецензированием дешевых изданий «для детей и юношества» и отбором лучшей литературы. Легальная просветительская деятельность в этом кружке переплеталась с нелегальной пропагандистской работой [1]. Результатом коллективных усилий членов кружка явился указатель «Детская и народная литература», отредактированный и опубликованный А. И. Лебедевым в «Образовании», педагогическом журнале прогрессивного направления [2].

По традиции библиография предназначалась одновременно и детскому и взрослому читателю, но по существу это был первый опыт систематизации детского чтения, развернутый рекомендательный указатель с большим введением, в котором обосновывалась необходимость педагогически обдуманного выбора книг для детей и подводились итоги педагогическим исканиям в этой области. В то время сама постановка вопроса — ввести систему в детское чтение — воспринималась многими скептически. Даже редакция педагогического журнала, помещая указатель А. И. Лебедева, недоверчиво и осторожно отнеслась к самой возможности руководства чтением детей. «Мы едва ли бы настаивали, — отмечалось в редакционном примечании, — на проведении такой или иной системы при чтении книг: 1) не всегда ее легко провести, а во 2) не в ней собственно и дело: важно, чтобы книги, даваемые детям, могли благотворно влиять на них, а порядок, в котором это влияние будет действовать, не так уже важен» [3].

---

[1] Сведения о работе кружка нижегородских учительниц сообщила автору А. К. Покровская. Высланная из Петербурга в Нижний-Новгород за участие в политической демонстрации, А. К. Покровская в 1901—1902 гг. принимала участие в работе кружка. О библиографической работе нижегородских учительниц см. также: Бабушкина А. П. История русской детской литературы. М., Учпедгиз, 1948, с. 450.

[2] Лебедев А. И. Детская и народная литература. Заметки для воспитателей и библиотекарей. — «Образование», 1900, № 10, с. 62—73; № 11, с. 78—94; № 12, с. 58—72.

[3] «Образование», 1900, № 11, с. 79.

Предложенная Лебедевым система чтения имела неожиданный и даже выдающийся успех, указатель вызвал много положительных рецензий в педагогических и литературно-общественных журналах и привлек к себе внимание воспитателей и библиотекарей. На протяжении сравнительно короткого времени, с 1901 по 1915 год, в Нижнем Новгороде вышло шесть отдельных изданий первого выпуска «Детской и народной литературы» (книги для детей младшего и среднего возраста) и три издания второго выпуска, предназначенного для старшего возраста и юношества [1]. Указатель, выдержавший столько изданий, особенно в провинции, — явление, небывалое в русской библиографии.

В годы первой русской революции Лебедев, занятый общественной деятельностью, отошел от библиографии детской литературы, хотя и продолжал следить за вновь выходящими книгами для детей, просматривая издания ряда книжных фирм полностью, учитывая отзывы печати, внимательно изучая появившиеся библиографические справочники. Вернувшись после нескольких лет перерыва к работе над «Детской и народной литературой», А. И. Лебедев просмотрел для 1-го выпуска до 20 000 названий и более 10 000 — для 2-го выпуска. В итоге библиография выросла более чем в 4 раза: в первом издании оба выпуска содержали 1400 названий, в последнем — около 6000 названий. Готовя последнее издание 2-го выпуска, А. И. Лебедев включил в него в основном литературу за 1905—1915 годы, то есть совершенно обновил его.

В эти новые издания А. И. Лебедев ввел литературу для дошкольников, которая насчитывала к этому времени уже сотни названий; таким образом, указатель в последнем своем варианте охватывал литературу для читателей от 5 до 17 лет. Кроме литературы для дошкольников, в 6-е

---

[1] Лебедев А. И. Детская и народная литература. Опыт руководства для систематического чтения. (Заметки для родителей, библиотекарей и народных учителей с указанием избранных книг). Вып. 1. Книги для детей младшего и среднего возраста (от 7 до 14 лет). Н.-Новгород, 1901. 90 с. — То же. Изд. 2-е, значит. доп. Н.-Новгород, 1902. 106 с. — То же. Изд. 3-е, без изм. Н.-Новгород, 1903. 106 с. — То же. Изд. 4-е, вновь доп. Н.-Новгород, 1904. 112 с. — То же. Изд. 5-е, переработ. Н.-Новгород, 1908. 132 с. — То же. Изд. 6-е, вновь переработ. Н.-Новгород, 1912. 208 с. — То же. Вып. 2. Старший возраст (14—17 лет). Н.-Новгород, 1904, [4], 122 с. — То же. Изд. 2-е, доп. Н.-Новгород, 1905. 137 с. — То же. Изд. 3-е, переработ. вновь. Н.-Новгород, 1915. 240 с.

издание 1-го выпуска включена в небольшом количестве педагогическая литература для родителей.

Выпуская одно издание за другим, А. И. Лебедев не всегда успевал серьезно заниматься просмотром накопившейся литературы, тщательно работать над текстом указателя и своевременно включать вновь появившиеся книги в соответствующие разделы. Множество новых названий он помещал только во вспомогательном алфавитном перечне.

Следы спешки и недоработанности, погрешности систематизации, отсутствие сколько-нибудь внятно составленных библиографических описаний не помешали широкому распространению и популярности указателей А. И. Лебедева. Успех библиографии объяснялся тем, что из всей массы накопившейся к тому времени детской литературы автор отобрал для чтения наиболее ценное и доброкачественное, соответствующее педагогическим и литературным требованиям [1].

Применяемые Лебедевым критерии отбора не отличались большой четкостью и определенностью, тем не менее они позволили ему оценить книгу с передовых позиций и многое из официально признанного оставить за пределами своего указателя. Во-первых, отбросить массовую религиозную брошюру, в изобилии рассылаемую по народным библиотекам различными обществами распространения духовно-нравственной литературы. Во-вторых, полностью исключить широко рекомендуемые министерскими каталогами монархические издания. В-третьих, не вводить дорогих изданий, по своему содержанию, оформлению и цене не рассчитанных на детей трудящихся. В указателе можно встретить лишь единичные названия книг, выпущенных Вольфом, Девриеном, Битепажем и другими издателями, специально поставлявшими на рынок дорогие подарочные издания. Показательно, что ни одной повести

---

[1] Сформулированные в указателе принципы оценки детской художественной и научной книги в значительной степени сложились под влиянием каталога «Что читать детям дошкольного возраста?», составленного родительским кружком при Педагогическом музее военно-учебных заведений (Спб., 1896. 80 с.). Эти принципы изложены позднее А. И. Лебедевым в докладе «О детском чтении» на Первом всероссийском съезде по семейному воспитанию (дек. 1912 — янв. 1913 гг.), где встретили одобрение. Теми же требованиями с некоторыми вариациями руководствовались и различные библиографические комиссии, работавшие с детской книгой.

Чарской, широко разрекламированной книгоиздательской фирмой Вольфа и популярной в буржуазной среде, не было рекомендовано Лебедевым.

Успех указателя определила ориентация на дешевые издания демократических фирм, в первую очередь на издания «Посредника», «Вятского товарищества», Орехова, Потапова, Павленкова, Калмыковой, журналов «Детское чтение» и «Всходы». Особенно широко рекомендовались в нем издания «Посредника», цена которых обычно не превышала $1\frac{1}{2}$—3 копеек.

В первые годы работы над указателем Лебедев испытывал большие затруднения. «По цензурным условиям, — писал он Н. А. Рубакину, — мне пришлось исключить из книжки все сочинения, не допущенные в общественные библиотеки, иначе книга не увидела бы света» [1]. Начиная с 1904 года в руководстве Лебедева появляются издания «Донской речи», по дешевизне не уступавшие, а по качеству превосходившие издания «Посредника». Позднее в «Детской и народной литературе» встречаются книги, выпущенные товариществом «Знание», Скирмунтом и другими издательствами, близкими к революционному движению.

Включение литературы прогрессивных издательств открывало детям возможность знакомства с творчеством Вересаева, Горького, Дмитриевой, Конопницкой, Короленко, Мачтета, Свирского, Скитальца, Станюковича, Телешова, Франко, Мезьер, Рубакина и других современных писателей, произведения которых не только не получали отражения в официальных каталогах, но большей частью попадали в списки запрещенных к обращению изданий. Таким образом, уже отбор литературы определил идейную направленность руководства чтением детей и подростков.

Характерно, что буржуазно-либеральная критика усмотрела в подборе книг в указателе Лебедева «односторонность» и преобладание не художественного критерия, а общественной точки зрения. Основные обвинения сводились к тому, что слишком много внимания уделено книгам, отражающим темные стороны жизни (нужду и эксплуатацию, национальный гнет, бесправное положение женщины в царской России и т. д.). «Для создания мировоззрения

---

[1] ГБЛ. Ф. 358, карт. 247, ед. хр. 10. Письмо А. И. Лебедева Н. А. Рубакину от 7 марта 1904 г.

юношей, — писала кадетская газета «Речь», — рискованно разворачивать перед ними исключительно мрачные картины жизни» [1], которые они найдут в произведениях Серафимовича, в таких сборниках, как «Песни труда и неволи», «Несчастные», «Женская доля» и других.

Библиотекарей, воспитателей и родителей привлекала в указателе, кроме содержания, и предложенная система чтения. Лучшая детская литература рассмотрена, оценена и классифицирована Лебедевым в логически обоснованном порядке, с помощью которого можно было последовательно руководить чтением детей, начиная с раннего детства и вплоть до юношеского возраста.

Уже в самом подборе легких, доступных книг для детей младшего возраста и распределении их по жанрам и темам (сказки, жизнь природы, жизнь людей), Лебедев преследовал определенные воспитательные цели. Так, в разделе «Жизнь людей» он группировал книги по таким темам, как ранняя эксплуатация детского труда, талантливые дети из народа, нравственные поступки людей и и т. д.

Еще яснее проступает воспитательная тенденция в системе и последовательности чтения детей среднего возраста (10—13 лет), в самом характере и содержании основных разделов библиографии: 1) труд и совместная жизнь людей; 2) семья — первичная форма общежития; 3) выработка характера и убеждений; 4) наблюдения над жизнью людей и общественные работники; 5) чему учит природа [2]. В вводных замечаниях к первому разделу автор счел нужным уделить особое внимание педагогическому и общественному значению труда, как первой обязанности каждого человека; подбирая литературу, характеризующую общественную жизнь, библиограф выделил темы, раскрывающие характер различных социальных групп, в частности такие, как «крестьянская жизнь» «жизнь кулаков и эксплуататоров», «быт ремесленников и рабочих» и т. п. В тематике и подборе литературы получила освещение борьба с националистическими и милитаристскими тенденциями, столь характерными для общественной жизни того времени.

---

[1] «Речь», 1915, № 351, с. 3.

[2] Позднее Лебедев поставил первым разделом «Сказки, легенды, былины, сборники стихов и рассказов», создавая этим звено, связывающее чтение детей младшего и среднего возраста.

Рассматривая свое руководство, как один из первых опытов распределения материала по определенному плану, Лебедев не настаивал на обязательности предложенной системы. Главной его целью было обратить внимание на необходимость планомерного чтения детей. «Сейчас,— писал он в последнем издании своего указателя, — едва ли можно говорить о строго научной постановке вопроса о детском чтении, так как в этом направлении очень мало сделано в смысле уяснения психологии читателей при помощи эксперимента. Еще менее приходится говорить о научных критериях для оценки степени пригодности книг на той или иной ступени развития» [1].

«Детская и народная литература» А. И. Лебедева не имела ярко выраженной политической окраски, но нет сомнений в ее демократической направленности.

Лебедев создал новый тип рекомендательного указателя для детей, который знакомил ребенка с суммой художественных и научно-популярных книг и одновременно способствовал развитию определенного мировоззрения. «Это не простой систематический указатель, — отозвалась о нем О. И. Капица, — это система чтения для воспитательного воздействия» [2]. Острая социальная тематика, подбор лучшей прогрессивной литературы, направленной на воспитание моральных и общественных сторон характера ребенка и подростка, внутренняя последовательность «Детской и народной литературы» определили успех указателя и обеспечили ему долгую жизнь.

М. В. Соболев «Справочная книжка по чтению детей всех возрастов» (1903—1907 гг.).

После выхода книги А. И. Лебедева вторым крупным событием в библиографии детской литературы можно считать появление в 1903 году «Справочной книжки по чтению детей всех возрастов» М. В. Соболева [3]. Этот труд, переизданный через четыре года, преследовал совсем иные цели, чем руководство А. И. Лебедева.

---

[1] Лебедев А. И. Детская и народная литература. Вып. 1. Изд. 6-е. Н.-Новгород, 1915, с. 4.

[2] «Русская школа», 1912, № 11, отд. критики и библиогр., с. 22.

[3] Соболев М. В. Справочная книжка по чтению детей всех возрастов. Спб., 1903. VIII, 468 с. Издано при содействии Глав. упр военно-учеб. заведений.

То же. Изд. 2-е, доп. Спб., А. Ф. Маркс, 1907. XX, 580 с.

Педагог, известный библиограф и автор ряда статей по организации детского чтения М. В. Соболев входил в родительский кружок при Педагогическом музее военно-учебных заведений в Петербурге, который занимался теоретической и практической разработкой вопросов детского чтения.

Созданию «Справочной книжки» предшествовала многолетняя работа М. В. Соболева с детской книгой и тщательное знакомство с библиографией и литературой по детскому чтению. До этого он издал несколько библиографических пособий: «Указатель статей, помещенных в детских журналах и сборниках (за 1875 и 1885 гг.)», «Библиотека избранных сочинений для детей младшего и среднего возраста» (Спб., 1882) и «К елке» (Спб., 1890; 2-е изд. М., 1895), в которых собрал и распределил по возрастам одобренную педагогической критикой литературу для детского чтения. По существу, «Справочная книжка» вышла как расширенное и усовершенствованное издание его прежних работ.

В одной из своих статей М. В. Соболев так характеризует назначение и место «Справочной книжки» среди других указателей: «В руках воспитателей и родителей наряду с обзорами, указателями, сборниками рецензий и каталогами должна быть еще справочная книжка, которая содержала бы возможно полный список детских книг, не имеющих за собой многолетней давности, знакомила бы в коротких словах с содержанием их, указывала бы материал для более подробного ознакомления с данной книгою и сверх того содержала бы какие-либо сведения для суждения о достоинстве ее» [1].

«Справочная книжка» в первом издании насчитывала свыше 3600 номеров (за 1870—1902 гг.), а во втором — около 4500 номеров (за 1870—1906 гг.) [2]. Составитель стремился создать полный каталог собственно детской книги, а из книг для народа взял лишь те, которые получили отзывы в педагогических журналах.

Оба издания основаны на широком знакомстве с библиографией детской и народной литературы. Для второго

---

[1] Соболев М. В. Справочники по детскому чтению. — «Педагогический сборник», 1903, № 8, с. 153.

[2] Число включенных названий значительно превышает число номеров, так как под одним номером часто регистрировались различные издания одной книги, выпуски серий и сборников, тома собраний сочинений, произведения по одной теме.

издания использованы вышедшие к этому времени указатели Лебедева, Чехова, Флерова и др. Почти под каждым названием Соболев давал краткое содержание книги, указание на рецензии в педагогических журналах, отзывы в библиографических указателях, одобрения учебных ведомств и учреждений.

Книги в указателе распределены по возрастам, начиная с дошкольников и кончая юношеством. Раздел, посвященный старшему возрасту, малоинтересен и по наполнению случаен. В возрастных границах книги расположены по отраслям знания — по системе, обычно принятой для каталогов того времени.

Использование отзывов педагогических журналов в библиографии детской литературы с момента выхода труда М. В. Соболева получило довольно широкое распространение. Самостоятельная критическая оценка всей массы детских изданий становилась уже непосильной задачей для отдельных лиц, поэтому к компиляции имеющихся печатных рецензий и заимствованиям из ранее вышедших библиографических справочников прибегают в дальнейшем многие библиографы (А. Е. Флеров, А. А. Громбах и др.).

Библиография детской литературы в 1905—1907 годах

Практическая деятельность в области библиографии детской литературы в начале века уже давала возможность библиографам-педагогам делать некоторые обобщения теоретического и методического характера. Так, в 1905 году в первых номерах журнала «Русская школа» появляется большая статья П. Н. Казанцева «Что читать?» [1], автор которой настаивал на необходимости составления коллективными усилиями «минимального каталога чтений с наивозможно тщательным выбором книг». Опираясь на опыт А. И. Лебедева и других библиографов, П. Н. Казанцев выдвинул ряд предложений по структуре, содержанию, принципам отбора и объему типового «Указателя книг для чтения». Не ограничиваясь теоретическими положениями, он дал схему указателя и очень краткий, но тщательно отобранный, предварительный пе-

---

[1] Казанцев П. Н. Что читать? — «Русская школа», 1905, № 1, отд. пед. хроники, с. 61—77; № 2, отд. пед. хроники, с. 40—56.

речень изданий, рекомендуемых детям, начиная с дошкольного возраста и кончая подростками. Будущий «Указатель книг для чтения» мыслился как широко аннотированная, сравнительно небольшая по количеству включенных названий библиография, в которой детскому читателю рекомендовалось в год не более 40—50 книг, а на весь школьный возраст приходилось около 500 названий.

Структура библиографии определялась, с одной стороны, возрастными различиями детей (дошкольный возраст; второй курс, 7—13 лет; третий курс, 14—17 лет, «последний концентр для завершения мировоззрения»), с другой стороны, ее назначением — последовательно знакомить читателя с окружающим миром (природой, человеком, трудом). Основное содержание указателя, преследующего широкие воспитательные и образовательные цели, составляли книги о труде и общественных отношениях. И хотя внешнему облику детской книги, ее доступности и привлекательности, правильному и образному языку (без «сюсюкания») П. Н. Казанцев уделяет большое внимание, самым важным критерием при отборе и оценке книг для него служило содержание произведения. «Наша обязанность, — отмечал он, — окружать детей реальным мировоззрением» [1].

Направляя чтение детей от известного к неизвестному, от простого к сложному, П. Н. Казанцев стремился к тому, чтобы чтение служило самообразованию и соответствовало этапам развития ребенка. При этом он исходил из последовательности развития ребенка, считаясь с возрастными особенностями психологии его восприятия. Обычное и распространенное в детской библиографии деление книг по отделам (беллетристика, география, геометрия и т. д.) П. Н. Казанцев отвергал, как искусственное и ничем не оправданное; он выступал защитником и пропагандистом тематического распределения книг в указателях, считая такую группировку наиболее приемлемой, «естественно разумной», оправданной законами умственного развития детей.

Мысли П. Н. Казанцева постепенно получили развитие в практической деятельности отдельных библиографов, хотя его предложение — коллективно составить рекомендательную библиографию детской литературы — и

---

[1] Казанцев П. Н. Указ. статья, с. 69.

не было немедленно реализовано. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что многие передовые библиографы приняли участие в общественной и политической борьбе (Лебедев, Чехов и др.) и на время оставили разработку вопросов детского чтения. С другой стороны, просветительная деятельность общественных организаций, пробужденных к жизни революционным движением, еще не успела дать заметных результатов в области библиографии детской литературы.

Вместе с тем, вслед за А. И. Лебедевым, М. В. Соболевым и П. Н. Казанцевым, делались новые попытки учета и рекомендации детской литературы. В рекомендательной библиографии, составляемой специалистами, все большее значение приобретает система внеклассного чтения детей, связь его со школьной программой, закрепление и углубление полученных в школе знаний путем дальнейшего общения с детской книгой.

Мысль связать внеклассное чтение с учебным курсом, возникшая из практических нужд школы, особенно четко реализуется в систематическом «Указателе книг для детского чтения» А. Е. Флерова [1], в котором детская литература дана концентрами, применительно к расположению учебного материала, изучаемого на уроках объяснительного чтения. Последовательность чтения в указателе определялась программой широко распространенного учебника для начальной школы «Вешние всходы» Д. И. Тихомирова.

Учитель-практик с 20-летним педагогическим опытом, А. Е. Флеров отобрал для своего указателя свыше 800 названий детских книг, лично ему известных и проверенных на практике, в чтении детей. Критериями для отбора послужили те же требования, которые предъявлялись в свое время к детской книге особой комиссией родительского кружка при Педагогическом музее военно-учебных заведений в Петербурге. Подробные аннотации составлены Флеровым на основе ранее изданных библиографий детской и народной литературы (за 1884—1903 гг.) и рецензий из лучших педагогических журналов. При всех недостатках (пропуски многих ценных изданий, компилятивный характер и растянутость отдельных аннотаций, излишняя

---

[1] Флеров А. Е. Указатель книг для детского чтения (в возрасте 7—14 лет). Опыт критического обзора детских книг... М., изд. кн. маг. Д. И. Тихомирова, 1905. XVIII, 523 с.

снисходительность оценок и т. п.) указатель А. Е. Флерова оказался практически полезным пособием для народного учителя, давая ему возможность ориентироваться в основной детской литературе и организовать внеклассное чтение детей в определенной системе.

В том же году кружок тифлисских учительниц (Л. Э. Зевич, М. П. Лопырева, Е. Е. Соловьева, Е. И. Тихеева и Л. И. Тихеева) составил и выпустил в Петербурге каталог «Школьные библиотеки для детей до 15-летнего возраста», который через три года вышел вторым дополненным изданием в Москве [1]. Участники кружка работали в Тифлисском педагогическом музее и одновременно в воскресной школе и дешевой библиотеке, на базе которой сложилась методика групповых чтений, нашедшая затем развитие и применение в каталоге. По некоторым сведениям, и Тифлисская воскресная школа, и дешевая библиотека (руководила ею О. В. Кайданова-Берви) были связаны с закавказской социал-демократической организацией; частыми посетителями библиотеки были А. М. Горький (1892 г.) и деятели тифлисской социал-демократической организации [2].

Каталог представлял собою опыт систематизации внеклассного чтения, в основу которого положено разделение книг на три основные группы: 1) чтение, дополняющее школьную программу; 2) чтение по интересующим вопросам; 3) чтение по свободному выбору учащихся. Весь материал расположен в систематическом порядке; художественная литература, выделенная в особый раздел, распределена по тематическому признаку. Темы (число их во втором издании достигло сорока) чрезвычайно разнообразны. Среди них: семья, школа, дружба, жестокость людей, сироты и покинутые дети, война, жизнь рабочих людей, рабство, стремление к свободе, любовь к природе и т. д. Многие из тем возникли под влиянием текущих событий общественной жизни.

---

[1] Школьные библиотеки для детей до 15-летнего возраста. Каталог сост. кружком учительниц. Спб., 1905. [4], 68 с.

То же, изд. 2-е, доп. и переработ. М., 1908. XV, 96 с.

[2] Связь дешевой библиотеки и воскресной школы с тифлисской социал-демократической организацией, со слов участницы кружка, учительницы Е. Е. Соловьевой, указывает З. С. Живова в своей диссертации «Рекомендательная библиография детской литературы (Очерки истории 1860—1917 гг.)» М., 1941, с. 130. (Моск. гос. библиотеч. ин-т). Машинопись.

В ряде случаев распределение книг по темам проведено в каталоге искусственно, мало обоснованно и случайно, не всегда проявлена достаточная разборчивость и в рекомендации книг. Аннотации редки, случайны и по объему небольшие; библиографические описания очень несовершенны, они кратки и не единообразны. И все-таки при полной неискушенности в методике библиографической работы, явных промахах в отборе и распределении книг, каталог «Школьные библиотеки» получил хорошие отзывы таких квалифицированных ценителей, как Н. А. Саввин, О. И. Капица, Н. В. Чехов, и пользовался успехом, о чем говорит повторность издания.

В 1906 году вышла рекомендательная библиография А. Е. Королькова «Что читать детям?» [1], построенная как свод рецензий на лучшие детские книги. Источником рецензий составителю послужили прогрессивные педагогические журналы за ряд лет («Русская школа», «Образование», «Воспитание и обучение» и другие).

Выступление в детской библиографии А. Е. Королькова, преподавателя 3-й московской мужской гимназии, не было случайным и кратковременным. Оно связано с его постоянным интересом к вопросам организации детского чтения. Положение ученических библиотек и постановка внеклассного чтения в городских училищах являлись темами выступлений Королькова на съездах деятелей народного образования (в 1904 и 1912 гг.). Его личная коллекция библиографических указателей детских книг демонстрировалась на выставке Первого всероссийского библиотечного съезда (1911 г.), позднее она была пожертвована собирателем в справочный отдел библиотеки-читальни учительского дома в Москве. Ему принадлежала «Библиография по вопросам детской литературы и детского чтения», приложенная к известному труду Н. В. Чехова «Детская литература» (1909 г.). Продолжение этой библиографии Корольков напечатал в «Практической школьной энциклопедии» (М., 1912).

Указатель А. Е. Королькова «Что читать детям?» интересен тем, что в нем сформулированы основные теорети-

---

[1] Корольков А. Е. Что читать детям? Сборник рецензий на лучшие детские книги и журналы (указано около 1600 названий). С прил. плана систематизации книг для детского чтения. Пособие при изучении детской литературы. М., 1906. XVIII, 285 с.

То же, изд. 2-е, испр. и доп. (Указано 2325 названий). М., 1908. XVI, 320 с.

ческие положения, характерные для рекомендательной библиографии демократического направления. Корольков следовал за Лебедевым и Казанцевым, когда утверждал необходимость тесной и непрерывной связи чтения детей с жизнью и школой. «Книга не должна отвлекать ребенка от более могучего учителя — самой жизни, она должна служить дополнением, иллюстрацией к явлениям жизни; все прочитанное ребенком должно находиться в постоянной тесной ассоциации с его личными и самостоятельными наблюдениями и мыслями. Научно-популярная литература должна освещать и углублять проходимое в школе. Только при этих условиях у юноши вырабатывается стройное мировоззрение, получается связная система знаний и представлений. Для всего этого в чтении должна быть система» [1].

«Пробный план систематизации», предложенный Корольковым, рекомендует чтение художественной литературы по темам, начиная с очень близких ребенку (семья, картины детства) и кончая темами широкого общественного звучания (борьба за освобождение родины, война, мир отверженных, жизнь евреев). В тематике чтения много сходного с «Детской и народной литературой» Лебедева и «Школьными библиотеками для детей до 15-летнего возраста» тифлисского кружка учительниц; общее для всех перечисленных указателей — выделение на первое место тем, затрагивающих разные стороны общественных отношений.

В библиографии детской литературы этого периода были и попытки дать капитальную работу по детской книге.

В 1903 году Московская губернская земская управа приступила к составлению систематического каталога для школьных и народных библиотек. Пересмотреть для этой цели всю народную и детскую литературу и заново оценить ее было для земства непосильной задачей. Поэтому был выбран иной путь — просмотр и систематизация рецензий и отзывов, имеющихся в периодической печати и библиографических указателях. По мере сбора и объединения всего выявленного критического материала, картотека собранных рецензий росла, и становилось ясным, что издание намеченного «Сборника сводных отзывов» в полном объеме потребует значительных затрат. Намерение

---

[1] Корольков А. Е. Что читать детям? М., 1906, с. VI.

объединить в библиографическом справочнике разбросанные в печати отзывы о всей народной и детской литературе полностью не было реализовано. Удалось издать лишь единственный выпуск, посвященный географии (свыше 800 названий) [1].

В целях якобы большей объективности отзывов принимались во внимание лишь указатели, составленные коллективами (Педагогическим музеем, различными комиссиями, земствами), и отвергались единоличные труды (Лебедева, Панова, Рубакина, Соболева и других). Исключение сделано лишь для специальной библиографии Я. И. Руднева. Такое формальное ограничение упростило работу составителей, но одновременно и обеднило библиографию.

В 1907 году состав Московской земской управы изменился: в нее вошли консервативные представители крупного поместного дворянства, в том числе черносотенцы, в результате — учебный отдел управы закрылся, ассигнования на нужды народного образования резко сократились. о продолжении и завершении начатой библиографической работы не могло быть и речи.

В годы первой русской революции детская книга начинает привлекать внимание таких крупных библиографов, как Н. А. Рубакин и К. Н. Дерунов, до сих пор не занимавшихся вопросами детского чтения.

В 1906 году выходит первое издание известного справочного пособия Н. А. Рубакина «Среди книг», в котором детской литературе посвящен специальный раздел [2]. При составлении примерного каталога книг Н. А. Рубакин стремился избежать как «широкой беспринципности», так и «педагогической узости» в отборе литературы. Он резко возражал против превращения ребенка в «объект для педагогических манипуляций» и, защищая его от педагогического произвола, заявлял: «За ним тоже необходимо признать своего рода гражданскую свободу и право на самоопределение, а не только вменять ему в обязанность довольствоваться тем, что ему дают гг. старшие, слушаться и повиноваться им, и это как по отношению к всему его поведению, так и по отношению к выбору книг» [3]. Из это-

---

[1] Народная и детская литература с 1880 по 1905 г. Сборник сводных отзывов. Под ред. А. А. Громбаха. Вып. 1. География. М., Изд. Моск. губ. земства, 1906. X, 178, 18 с.

[2] Рубакин Н. А. Среди книг. Спб., 1906, с. 238—247 второй паг.

[3] Там же, с. 159.

го в общем справедливого положения следовал неверный практический вывод: детям-читателям, по мнению Рубакина, необходимо предоставить право неограниченного выбора книг и полностью отказаться от какого-либо руководства их чтением. «Каждому маленькому читателю, — говорил он, — должен быть дан в руки целый каталог хороших книг, — пускай сам читатель выбирает из них что знает и как знает, и научается при этом выбирать, соображаясь с своим умом и вкусом, а не с возрастом» [1].

Соответственно этому заявлению Рубакин в своем пособии отказался от деления литературы по возрастам. Раздел «Детские книги» организован по типу отделов для взрослых. Чтение литературы, начиная от сказок и кончая книгами о космосе, должно привести читателей-детей к постепенному накапливанию знаний и к осмысленному пониманию окружающей действительности, но систематичность и последовательность детского чтения не обеспечивалась ни отбором, ни расположением литературы. Рубакин дал всего лишь краткий неаннотированный список некоторых детских книг, в нем не было имен Пушкина, Гоголя, Толстого, Гаршина, Короленко, Горького и других авторов, произведения которых прочно вошли в круг детского чтения. Отсутствовала не только «большая» русская литература, но и произведения Гюго, Войнич, Джованиоли, Вазова, без которых и в то время трудно было представить избранную библиотеку детских книг. Не было в списке и многих научно-популярных изданий, доступных детям старшего возраста. Распределение литературы по содержанию грешило случайностью: так, например, к географическим книгам Рубакин отнес «Хижину дяди Тома».

Теория свободного выбора книг возникла у Рубакина как реакция на суровую регламентацию детского чтения, царившую в библиотеках низших и средних учебных заведений; это был своеобразный протест против воспитания в детях с помощью книги смирения, повиновения и непротивления устоям самодержавного строя. Но та свобода выбора книг, которую провозглашал Рубакин, была свобода мнимая. Отказ от руководства чтением детей, от гражданского и политического их воспитания фактически только усиливал влияние реакционной официальной педагогики.

---

[1] Рубакин Н. А. Среди книг. Спб., 1906, с. 160 второй паг.

Теория свободного чтения не нашла поддержки и последователей среди передовых библиографов. Бедная по содержанию, случайная по наполнению, предложенная Рубакиным библиография и по количеству названий и по качеству уступала работам А. И. Лебедева, А. Е. Королькова и кружка тифлисских учительниц.

Первым обратил внимание на крупные промахи Рубакина К. Н. Дерунов. Он резко выступил против теории свободного чтения, но сам не выдвинул никакой положительной программы. Более того, ошибки, допущенные в библиографии детской литературы самим Деруновым, были не менее серьезны, чем промахи Рубакина.

В конце 1906 года К. Н. Дерунов издал «Примерный библиотечный каталог», во второй части которого имелся большой раздел «Детские книги» [1]. Цель автора — рекомендовать в помощь читателю избранную литературу, вышедшую на русском языке по всем отраслям знания за период с 1860 по 1906 год, дать «в малом многое» — распространялась и на издания для детей. Основные методические вопросы раздела «Детские книги» решены непоследовательно и противоречиво. Хотя этот раздел по своему объему значительно превышал аналогичный раздел пособия Рубакина, в нем также были многочисленные пропуски хороших детских и юношеских книг (отсутствовали произведения Аксакова, Гаршина, Горького, Гюго, Бичер-Стоу, Войнич и других) и вместе с тем в изобилии рекомендовались издания невысокого качества (Лукашевич, Любич-Кошуров, Соловьев-Несмелов, Федоров-Давыдов, Чарская).

В таком существенном вопросе, как распределение книг по возрастам, Дерунов следовал за Рубакиным, хотя и исходил из других позиций. «Где границы детского возраста?» — спрашивал он, и на том основании, что возрастные деления, применяемые в библиографии, крайне условны и непостоянны, что нет единства в определении возрастных групп, совсем отказался от разделения книг по возрастам. Для классификации книг по содержанию, по мнению Дерунова, также «не пришел еще час». В итоге, прекрасно сознавая порочность формального решения, Дерунов был вынужден для раздела «Детские книги», насчи-

---

[1] Дерунов К. Н. Примерный библиотечный каталог. Свод лучших книг на русском языке с 60-х гг. по 1906 г. Ч. 2. Спб., 1907, с. 15—38.

тывающего почти 1400 книг, принять алфавитное расположение, менее всего пригодное для руководства чтением детей.

Дерунова, так же как и Рубакина, постигла неудача, он сам остался неудовлетворенным своей работой. Ни один отдел его каталога не принес ему столько огорчений, сколько раздел «Детские книги». «...Ни один из них не мутил так глубоко и бурно «душевного спокойствия», разума и совести моих, как эта проклятая проблема детского чтения...», — признавался он спустя пять лет, выпуская второе издание своего каталога уже без раздела «Детские книги» [1]. Дерунов пришел к заключению, что составление библиографии детской литературы — задача слишком ответственная и даже в известной степени чуждая его каталогу, и отказался «играть даже ничтожную и неответственную роль в этой трагедии взаимного непонимания между детьми и теми, кто сочиняет для них книжки, кто строит для них библиотеки и кто руководит их чтением...» [2].

Успешное решение задач библиографии детской литературы Дерунов справедливо связывал с деятельностью педагогических коллективов, с вовлечением в эту область специалистов-библиографов.

Общественная инициатива в библиографии детской литературы в 1907—1916 годах

После первой русской революции критика, просмотр и рецензирование детских книг, составление и издание рекомендательных библиографических пособий полностью переходит к общественным организациям и отдельным кружкам педагогов, детских писателей и библиографов.

К числу наиболее активных коллективов принадлежали комиссия по детскому чтению (с 1911 г. отдел детского чтения) при учебном отделе Московского общества распространения технических знаний, литературно-издательский отдел Подвижного музея учебных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию Русского технического общества (Петербург), Библиотечная комиссия Петербургского общества содействия дошкольному

---

1 Дерунов К. Н. Примерный библиотечный каталог. Ч. 2. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1911, с. 237.

2 Там же.

воспитанию детей, кружок педагогов-писателей при книжном магазине С. А. Скирмунта «Труд» (Москва).

По образцу столичных комиссий и кружков и в провинциальных городах организуются объединения при местных педагогических обществах (например, при Томском педагогическом обществе), общественных библиотеках и других организациях. В России к 1914 году насчитывалось около 15 специальных детских библиотек, при которых работали кружки, объединявшие людей, заинтересованных вопросами детского чтения.

Комиссия по детскому чтению при учебном отделе Московского общества рапространения технических знаний

Комиссия по детскому чтению, которой принадлежит особое место среди коллективов, занимавшихся библиографией детской литературы, первоначально возникла в отделе семейного воспитания Московского педагогического общества. Когда Общество было закрыто (1907 г.), члены комиссии примкнули к московскому отделу Лиги образования, где и возобновили свою деятельность. Осенью 1907 года, после внезапной ликвидации Лиги образования, комиссия по детскому чтению влилась в учебный отдел Общества распространения технических знаний, где на ее основе была организована новая комиссия в несколько ином составе. В марте 1911 года московский администрацией было закрыто шесть комиссий учебного отдела этого Общества, в том числе и комиссия по детскому чтению. Но последняя не прекратила своей деятельности и продолжала существовать, только на этот раз в качестве особого отдела детского чтения при том же учебном отделе. Председателем комиссии была М. Х. Свентицкая, известный русский педагог и детская писательница, в 20—30-х годах автор и редактор многих книг для детей.

Комиссия по детскому чтению в сентябре 1907 года открыла в Москве на средства, собранные путем паевых взносов, библиотеку избранных детских книг на имя М. В. Бередниковой [1]. Это была одна из первых специальных детских библиотек, которая послужила экспериментальной базой для рациональной постановки детского чтения.

---

[1] По уставу комиссия не могла самостоятельно открыть общественную библиотеку.

Вокруг библиотеки М. В. Бередниковой объединился коллектив педагогов, библиотекарей и библиографов, ранее работавших в различных просветительных обществах, который поставил своей задачей — прийти на помощь родителям, воспитателям, библиотекарям и другим лицам, не имевшим возможности следить за детской литературой. В обсуждении вопросов детского чтения принимали участие Ц. П. Балталон, А. И. Колмогоров, М. Х. Свентицкая и другие известные педагоги.

Комиссия приступила к просмотру существующих детских книг и журналов, к изданию каталогов, ежегодных сборников рецензий и библиографических указателей, наибольшее внимание при этом уделялось отбору и оценке книг.

В основу суждения о детских книгах были положены по существу те же принципы, какими руководствовался родительский кружок при Педагогическом музее военно-учебных заведений в Петербурге, А. И. Лебедев, М. В. Соболев, Н. В. Чехов, А. Е. Флеров и другие передовые библиографы.

В 1908 году вышло первое издание «Каталога избранных книг для детского чтения» [1], составленного членами комиссии и изданного библиотекой М. В. Бередниковой. В «бередниковский» каталог, как его называли, вошло около 2000 книг, одобренных и рекомендованных комиссией. Каталог быстро приобрел популярность в библиотечной среде. Требования на него поступали из самых различных мест России и из-за границы.

Дальнейшая работа комиссии сосредоточивается главным образом на критической библиографии. В 1909 году комиссия выпустила сборник рецензий «Новые книги для детей от 4 до 16 лет» [2], хронологически примыкавший к ранее изданному каталогу. В него включены рецензии на всю просмотренную комиссией за три года литературу (около 400 названий). Объем рецензий колебался от $^1/_2$ до $1^1/_2$ страниц печатного текста. В тех случаях, когда мнение членов комиссии по поводу той или иной книги не было единодушным, в целях объективности приводилось

---

[1] Каталог избранных книг для детского чтения. М., изд. детской б-ки М. В. Бередниковой, 1908. 127 с.

[2] Новые книги для детей от 4 до 16 лет (1907, 1908, 1909 гг.). Первый сборник рецензий. М., изд. детской б-ки М. В. Бередниковой, 1909. 228 с.

несколько рецензий. Таким образом, оценка книги и её дальнейшая судьба выносились на суд общественности. Наиболее интересную часть сборника составляли рецензии на нерекомендованные книги (в числе которых — произведения Л. А. Чарской, А. А. Федорова-Давыдова и многих других), так как они более всего позволяют судить об исходных позициях и принципах оценки детской литературы того времени.

На основе каталога и сборника рецензий в 1910 году был составлен и издан рекомендательный список «Книги-подарки для детей от 3 до 15 лет» [1]. Цель списка — чисто педагогическая: пропаганда хороших изданий в противовес роскошной по внешнему виду, ярко оформленной книге, нередко, в сущности, книжной макулатуре, которая выпускалась коммерческими издательствами как книги-подарки. Список содержал раздел дешевых книг-подарков, в который вошли издания, стоившие не дороже 10—12 копеек.

К тому времени, когда тираж первого издания (5000 экз.) полностью разошелся, вышло второе, значительно дополненное и переработанное издание «Каталога книг для детского чтения» (1912) [2]. Новое издание существенно отличалось от первого: в него вошли все просмотренные книги, а не только избранные. Нерекомендованные книги, выделенные в особый отдел, сопровождались аннотациями с мотивировкой, почему та или иная книга отбрасывалась и не допускалась в детскую библиотеку. Структура того и другого каталога почти совпадала: названия книг распределены в них по возрастам, начиная с дошкольного и кончая подростками (17—18 лет), в пределах возраста — по отделам, внутри отдела — по алфавиту авторов и заглавий. Интересно, что в каталоге полностью отсутствовал раздел духовно-нравственной литературы, обязательный для всех официальных каталогов.

Обстоятельно составленные «бередниковские каталоги» в свое время служили надежными указателями. В отличие от многих библиографических справочников тех лет, они составлялись не путем компиляции, не на основе ранее вышедших указателей или напечатанных рецензий, а

---

[1] Книги-подарки для детей от 3 до 15 лет. М., изд. детской б-ки М. В. Бередниковой, 1910. 24 с.

[2] Каталог книг для детского чтения. [Изд. 2-е]. М., изд. детской б-ки М. В. Бередниковой, 1912. [6], 261 с.

в результате личного просмотра книг специалистами в области детской литературы. При всех своих недостатках (пропуск отдельных названий, бедность подбора книг для научных и специальных разделов, формальное размещение материала, отсутствие вспомогательного аппарата и т. д.), каталоги оказали большую помощь в комплектовании библиотек, в организации и постановке рекомендательного чтения, в борьбе с недоброкачественной книгой. Рассматривая книгу как важный фактор воспитания, рецензенты-педагоги выступали против искусственности сюжета, манерности, фальши, пошлости, серости, шаблона, назойливого морализирования, против бездарных переделок, неточности исторических фактов и других недостатков, типичных для детской литературы дореволюционной поры.

В этом же направлении развивалась работа комиссии и в области детской журналистики. В 1914 году ею был издан критико-библиографический обзор «О журналах для детского чтения» [1], в котором подробно разбиралось содержание наиболее распространенных русских детских журналов (всего 18 названий), иногда за длительный период их существования.

Основное назначение обзора — борьба с влиянием обывательских взглядов, реакционных тенденций, проявлявшихся в широко распространенных и популярных журналах, и пропаганда лучшей прогрессивной периодической печати для детей. Авторы обзора подвергли суровой критике широко распространенное и разрекламированное товариществом Вольфа «Задушевное слово», глупый, почти бессмысленный журнал сатириконцев «Галченок» (1911), реакционно-шовинистический журнал «Ученик» (1910) и другие издания, одобренные и рекомендованные министерскими каталогами. Вместе с тем в обзоре высоко оценены такие детские журналы, как «Маяк», «Всходы», «Родник», «Юная Россия». В критический библиографии детской литературы эту коллективно выполненную работу можно считать одной из лучших. Оценка детской журналистики, данная в обзоре, во многом совпадала с выступлениями в этой области Н. В. Чехова, В. А. Зеленко, П. М. Шестакова и других передовых деятелей детской литературы.

---

[1] О журналах для детского чтения. М., изд. детской б-ки М. В. Бередниковой, 1914. 134 с.

Просмотр детских книг и журналов комиссия сочетала с другой, не менее значительной работой, — с обзором произведений русских писателей. С целью расширения рамок детского чтения, были просмотрены и рекомендованы для издания произведения А. Н. Островского, А. П. Чехова, А. М. Горького, Л. Н. Андреева, Н. Н. Златовратского, Г. И. Успенского и других авторов.

Комиссия попыталась влиять и на существующую издательскую практику, с тем чтобы улучшить некоторые издания, испорченные и изуродованные переделками и переводами.

Империалистическая война помешала дальнейшему развертыванию библиографической и издательской деятельности комиссии. Вся ее критико-библиографическая работа в годы войны сосредоточилась на страницах журнала «Новости детской литературы» (1911—1916), издававшемся при ближайшем участии комиссии по детскому чтению.

Литературно-издательский отдел Подвижного музея учебных пособий

Вторым крупным педагогическим коллективом, занимавшимся библиографией детской литературы, был Подвижной музей учебных пособий в Петербурге. При литературно-издательском отделе музея была создана комиссия по детским книгам с широкой программой и продуманным планом действий.

К этой комиссии отошла вся работа по библиографии детской литературы, в первую очередь создание многотомного «Систематического указателя книг для детей и юношества», который мыслился как полный и по возможности обстоятельный обзор всех отделов детской литературы, за исключением научно-популярных книг [1]. Намечались следующие выпуски указателя: 1. Сказки и другие произведения народного эпоса. 2. Рассказы, повести, сборники произведений детской литературы. 3. Произведения русских и иностранных классиков и писателей. 4. Историческая беллетристика и биографии. 5. Географическая и этнографическая беллетристика, путешествия. 6. Рассказы из жизни животных. 7. Пьесы для детского театра.

---

[1] Научно-популярная литература входила в указатели, составленные другими комиссиями литературно-издательского отдела.

Над составлением «Систематического указателя» работал большой коллектив (25 человек) на протяжении более чем 12 лет. Комиссия тщательно изучала имеющуюся детскую литературу и одновременно следила за вновь выходящими книгами. Каждая книга прочитывалась и рецензировалась не менее чем двумя членами комиссии, оценка принималась только после коллективного обсуждения и утверждения рецензий. Методика рецензирования, выработанная в комиссиях Подвижного музея, позднее была заимствована комиссией по изучению детских книг («бередниковские каталоги») и библиотечной комиссией Общества содействия дошкольному воспитанию детей.

В результате многолетнего труда в 1915 году вышла в свет первая часть указателя («Сказки»), содержащая обстоятельный обзор как сказок, так и других произведений народного эпоса для детей и юношества [1]. В эту часть вошли и лучшие образцы сказочной литературы и произведения среднего достоинства; в особый список выделены книги, не одобренные и не рекомендованные комиссией. Всего в указатель включено 650 названий сборников и отдельных произведений, изданных на русском языке, преимущественно в 1900—1914 годах. В составлении библиографии сказок приняли участие опытные педагоги, много лет проработавшие с детской книгой. Редакция «Сказок» осуществлялась О. И. Капицей.

Исследователь, историк, библиограф и пропагандист детской литературы, О. И. Капица (1866—1937) много лет посвятила изучению устного народного творчества и детского фольклора, деятельно работала в области библиографии детской и научно-популярной литературы. Ей принадлежат лучшие обзоры библиографических справочников по детским книгам, напечатанные в журналах «Русская школа» (1912, 1914), «Новости детской литературы» (1912, 1915) и в «Указателе книг по истории и общественным вопросам» (Спб., 1909). В предреволюционные годы О. И. Капица доказывала необходимость организации

---

[1] Систематический указатель книг для детей и юношества. Ч. 1. Сказки. Сказки народные, произведения народной словесности, былины, легенды, предания, сказания, сказки разных авторов. Указатель обработали на основании отзывов комиссии: Е. В. Арцимович, О. А. Белявская, В. И. Databases Добродеева, М. В. Имшенецкая, О. И. Капица, В. А. Коротнева, А. В. Пешехонова, А. М. Фатеева. Под ред. О. И. Капицы. Пг., 1915. XI, [3] с., 274 стлб. (Подвижной музей учебных пособий. Лит.-изд. отд.).

специальной библиотеки как базы для научного изучения детской литературы [1].

В спорах о пользе и вреде сказок, о значении их для детей О. И. Капица всегда выступала горячей сторонницей этого жанра. Эту же точку зрения разделял и коллектив, работавший над составлением библиографии «Сказки». Указатель Подвижного музея был своеобразным ответом противникам сказок; он задуман и выполнен как руководство, с помощью которого педагоги, библиографы и родители могли ориентироваться в обширной сказочной литературе на русском языке, выбрать лучшее в художественном отношении, отделить ценное от плохого.

В методическом отношении указатель «Сказки» явился крупным шагом вперед. Хорошо продуманное систематическое расположение давало возможность каждому пользующемуся указателем установить, что именно из мирового сказочного материала известно на русском языке, творчество каких народов отсутствовало в русских изданиях или слабо и недостаточно представлено. В особый раздел выделен народный эпос и сказки народов России (кроме русского). В отличие от многих руководств того времени, библиографическое описание в «Сказках» отличалось полнотой, последовательностью и единообразием. Аннотации и особенно вводные замечания к разделам и темам (сказки отдельных народов, творчество крупных сказочников) содержали ценные сведения: сравнительную характеристику русских изданий, указания на источник сказки, качество перевода или переделки, степень сохранения народного характера произведения, насыщенность сказки этнографическим материалом, пригодность ее детям, характер и соответствие иллюстраций содержанию.

В указателе осуществлена не только художественная, но и педагогическая оценка сказок, хотя составители и оговорили в предисловии, что подобной задачи перед собой не ставили. Эту оценку содержали как аннотации и вводные замечания, так и специально выделенные в конце указателя списки книг, особенно желательных для детских библиотек, и перечни нерекомендованных изданий.

В результате многолетних коллективных усилий в библиографии детской литературы появился первый крупный справочник по определенному жанру. Он служил одновре-

---

[1] Капица О. И. Показательная библиотека детской книги. — «Новости детской литературы», 1913—1914, № 1, с. 6—7.

менно и рекомендательной библиографией и путеводителем по сказкам для исследователя. Заключенный в нем этнографический материал мог быть широко использован педагогами, историками и географами.

Этой последней задаче — использованию сказочной литературы как источника этнографических сведений — служил также аннотированный список сказок, составленный О. И. Капицей [1].

Библиотечная комиссия Общества содействия дошкольному воспитанию детей

В улучшении руководства детским чтением многое было достигнуто Обществом содействия дошкольному воспитанию детей, организованным в 1907 году в Петербурге по инициативе Н. В. и М. А. Чеховых. Первым председателем Общества был избран Н. В. Чехов, крупный педагог, библиограф и историк детской литературы. С 1910 года Общество возглавила известная общественная деятельница А. М. Калмыкова.

Общество объединяло многих педагогов Петербурга, в его библиотечную комиссию вошли деятели, имевшие непосредственное отношение к библиографии, авторы библиографических справочников и статей по методике и руководству детским чтением. Опыт такой работы имели многие члены комиссии: Г. Г. Тумим, Е. И. Тихеева, М. И. Сулима, М. Я. Морозова, Е. Г. Соловьева, Г. К. Соломин и другие.

Члены библиотечной комиссии Общества рецензировали текущую детскую литературу, помещая обзоры и отзывы о книгах и журналах во многих периодических изданиях. В дальнейшем комиссия предполагала издать большой аннотированный «Каталог книг для детей до 15 лет», но работа над ним не была полностью завершена, и увидел свет лишь первый выпуск «Книги для детей дошкольного возраста», составленный М. Я. Морозовой в виде библиографического обзора книг для малышей [2]. Материалом для обзора послужили коллективно подготовленные отзывы о

---

[1] Капица О. И. Народные сказки для детей старшего возраста как этнографический материал. — «Что и как читать детям», 1915, № 10, с. 287—294.

[2] Книги для детей дошкольного возраста. Вып. 1. Сост. библиотечной комиссией при Обществе содействия дошкольному воспитанию детей. Спб., 1912. 64 с.

книгах. В библиографии приводился текст разных рецензий в виде выдержек из протоколов комиссии.

Обзор «Книги для детей дошкольного возраста» из массы существовавших в то время справочников и каталогов детской книги заметно выделялся оригинальностью своей структуры, яркой педагогической направленностью, четкостью оценок и страстностью тона.

Борьбу за детского читателя, за его вкус, нравственное и эстетическое воспитание члены Общества начинали с детей дошкольного возраста, одного из важнейших в жизни ребенка. Коллектив педагогов-специалистов, входивших в библиотечную комиссию, просмотрел основную массу имевшихся в обращении книжек-картинок, книжек-игрушек и художественной литературы, предназначенной для дошкольников, и детально разработал принципы ее оценки. В обзор вошло свыше 400 названий, которые распределены по группам: 1) хорошие; 2) удовлетворительные; 3) посредственные; 4) с хорошим текстом, но плохими рисунками; 5) с хорошими рисунками, но плохим текстом; 6) изданные в нежелательной форме; 7) плохие; 8) вредные.

Насколько уровень дореволюционной детской книги для дошкольников был низок, можно судить по группе хороших книг, составивших в названиях лишь 21 процент, а по тиражам — и вовсе ничтожную величину. «Можно с уверенностью сказать, — отмечала в своем обзоре М. Я. Морозова, — что большего хлама, большей нелепости в книжках ребенок не встретит ни в одном из последующих периодов своей жизни...» [1]. В силу этого наибольшее внимание и место в обзоре уделено отрицательным явлениям в детской литературе. Считая необходимым выбросить из детского чтения все неудовлетворительное, автор открывает обзор разделом «вредных» книг и заканчивает «хорошими».

В библиографии детской литературы этот указатель остался единственным наиболее полным критическим обзором дошкольной литературы, выполненным специалистами-педагогами.

Первый выпуск «Книг для детей дошкольного возраста» быстро разошелся и вскоре возникла необходимость его переиздания. При подготовке нового издания библиотечная комиссия решила еще раз вернуться к отрицательным отзывам о некоторых особо популярных книгах и пе-

---

[1] Книги для детей дошкольного возраста. Вып. 1, с. 3.

ресмотреть их. Этот шаг был вызван возражениями против якобы чрезмерно строгой критики и завышенных требований, предъявляемых библиотечной комиссией к дошкольной литературе. Для объективности суждений к рецензированию привлекли известных писателей и художников, таких, как А. А. Блок, А. Н. Бенуа, А. М. Ремизов.

А. А. Блок написал для библиотечной комиссии несколько обстоятельных рецензий, в которых высказал ряд тонких суждений о характере детской дошкольной литературы [1]. Отзывы А. А. Блока и А. Н. Бенуа предполагалось ввести в новое издание указателя [2], но, к сожалению, оно не было осуществлено. Не были выпущены и намеченные к изданию сборники рецензий книг для детей младшего, среднего и старшего возраста.

Кружок при книжном магазине С. А. Скирмунта «Труд»

Кроме общественных организаций, внимание к детскому чтению проявляли и частные кружки. Один из таких кружков, созданный при известном книжном магазине С. А. Скирмунта «Труд», объединял довольно большую группу преподавателей, детских писателей, популяризаторов научных знаний и многих других, интересовавшихся воспитанием подрастающего поколения. В него входили: А. Н. Анненская, В. Л. Бианки, В. А. Герд, Н. И. Лихарева, Ю. И. Менжинская, А. П. Нечаев, С. А. Порецкий, М. П. Родэ, Е. К. Соломин, О. П. Флоровская и др.

В 1908 году вышел в свет аннотированный указатель «О детских книгах» [3], результат работы большого коллектива. В составлении его участвовало свыше 30 педагогов и писателей, которые просмотрели более 3500 детских книг. Значительная часть их вошла в указатель с обстоятельными аннотациями (1900 названий), остальные, не получившие одобрения, даны перечнем, без указания мо-

---

1 Блок А. Записные книжки 1901—1920. М., «Художественная литература», 1965, с. 269—276.

2 Краткое содержание отзывов А. А. Блока и А. Н. Бенуа изложено в статье: Философов Д. В. Степка-растрепка. — «Речь», 1915, № 344, с. 4.

3 О детских книгах. Критико-библиогр. указатель книг, вышедших до 1 янв. 1907 г., рекоменд. для чтения в возрасте от 7 до 16 лет. Сост. кружком преподавателей и писателей под ред. А. Анненской и др. М., «Труд», 1908. XV с., 831 стлб.

тивов, почему та или иная книга не рекомендовалась[1]. Хронологически указатель включал художественную и научно-популярную литературу с 90-х годов XIX века до 1907 года. Предполагаемое продолжение указателя с обзором детской литературы, вышедшей после января 1907 года, не было осуществлено.

Перед кружком стояла задача создать руководство по детскому чтению, для чего требовалось учесть, обозреть и вновь произвести оценку всей имеющейся детской литературы. Опыт предшественников в этом направлении был пересмотрен и подвергнут критике. Ранее вышедшие указатели (М. В. Соболева, А. Е. Королькова, А. Е. Флерова, А. И. Лебедева и других) не удовлетворяли членов кружка ни своим наполнением, ни критериями отбора. В процессе самостоятельной критической работы членами кружка были выработаны собственные принципы оценки книг.

От научно-популярной книги той или иной области знания составители требовали соответствия ее содержания научным данным и живого популярного изложения. В предисловии к указателю, сбивчивом и противоречивом, были сформулированы и критерии отбора детской художественной книги, которая должна пробуждать деятельную любовь к людям, к природе, ко всему живому, воспитывать уважение к труду, правдивость, мужество, внутреннюю необходимость добра.

Детская художественная литература рассматривалась составителями указателя с позиций буржуазного гуманизма, как выражение общечеловеческих идеалов добра, истины и красоты. Общественные функции литературы, которые так подчеркивались А. И. Лебедевым в его «Детской и народной литературе», здесь не только не учитывались, но и просто игнорировались. «Чтение, — отмечалось в предисловии к указателю, — является не только единственным стимулом умственного развития, но тем убежищем, в котором молодая душа инстинктивно ищет спасения от окружающей ее темной действительности»[2]. Знакомство с жизнью признано было задачей «неудобоисполни-

---

[1] Эта часть указателя вызвала злобные нападки монархиста и черносотенца В. М. Пуришкевича, усмотревшего в списке отвергнутых книг «учебные книги национально-патриотического характера и без политики» (Пуришкевич В. М. Перед грозой. Правительство и русская народная школа. Спб., 1914, с. 46).

[2] О детских книгах, с. XII—XIII.

мой»; мотивировалось это тем, что яркие описания мрачных сторон жизни расстроят нервы юных читателей, разовьют в них слишком пессимистический взгляд на жизнь и на людей. Изоляция детей от темных сторон жизни обеспечивалась прежде всего отбором рекомендуемой художественной литературы. В указателе отсутствовали многие произведения, остро критикующие общественные отношения, обнажающие неприглядные стороны российской действительности. Из детского чтения сознательно исключались произведения Помяловского, Чехова, Свирского, Горького, Серафимовича, Мельшина (Якубовича), Мачтета, Франко и других, вместе с тем широко рекомендовалась дворянско-буржуазная детская литература (Е. Тур, В. Желиховская, К. Лукашевич, Л. Чарская и т. п.), в которой проповедь добра и милосердия носила отвлеченный характер и не будила сомнений в справедливости существующего строя.

В рекомендации художественной литературы здесь можно видеть явный шаг назад. Отступление проявилось не только в откровенном отказе от демократических позиций, но и в недостаточном внимании к эстетической и художественной ценности включенных книг, в огульном осуждении «фантастического» жанра, в необоснованных пропусках и библиграфическом неряшестве. Исключение Майн-Рида, Купера, Жюля Верна из библиографии не нашло поддержки и одобрения у читателя-подростка. Даже спустя полвека после выхода в свет указателя, член-корреспондент Академии наук СССР Н. Н. Яковлев в своих воспоминаниях осуждает составителей «О детских книгах», давших отрицательную оценку произведениям Майн-Рида. По словам ученого, большая любовь к природе в свое время была пробуждена в нем чтением книг именно этого автора [1].

Раздел научной литературы в отличие от художественной обладал многими достоинствами и преимуществами даже по сравнению с «бередниковскими» каталогами, руководством А. И. Лебедева и другими библиографиями. Указатель с большой полнотой охватывал детскую научную книгу начала XIX века. Особенно ценны аннотации научных разделов указателя, составленные и отредактированные специалистами.

---

[1] Яковлев Н. Н. Воспоминания геолога-палеонтолога. М., «Наука», 1965, с. 11.

И. В. Владиславлев «Что читать?» (1911—1918 гг.)

Среди библиографических пособий, предназначенных детям и подросткам, особую популярность приобрела серия широко распространенных указателей систематического домашнего чтения для учащихся «Что читать?» (вып. 1—3), составленных И. В. Владиславлевым [1].

На протяжении восьми лет (1911—1918) И. В. Владиславлев работал над этой серией, которая, по его замыслу, должна была дать обзор популярной литературы, предназначенной для общего первоначального самообразования.

Первый выпуск (1911 г.), рассчитанный на детей от 9—10 до 12—13 лет, включал лучшие образцы оригинальной и переводной детской литературы, произведения русских и иностранных классиков. Второй выпуск (1911 г.) предназначался подросткам от 13 лет. И в том, и в другом выпуске составитель сознательно отдавал преимущество русским писателям перед иностранными, признавая за отечественной литературой идейное превосходство, глубину воспитательного воздействия и большую социальную значимость. Во второй выпуск вошли, помимо русских и иностранных классиков, лучшие произведения авторов современной художественной литературы. Эта особенность заметно отличала указатели Владиславлева от других библиографий детской литературы. В третьем выпуске (1914 г.), посвященном жизни замечательных людей, собран биографический материал о 150 выдающихся деятелях общественной жизни, науки, литературы и искусства.

Серия осталась незаконченной. Для детей и подростков доступны лишь первые три выпуска. В последующих изданиях эти выпуски переработаны и назначение их рас-

---

[1] Владиславлев И. В. Что читать? Указатель систематического домашнего чтения для учащихся. Вып. 1. М., «Наука», 1911. 56 с.; То же. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., «Наука», 1914. 84 с.; То же. Изд. 3-е, доп. [С предисл. Н. А. Рубакина]. М., 1917. 94 с.; То же. Изд. 4-е, доп. С предисл. Н. А. Рубакина. Пг.—М., «Книга», [1918]. 132 с.; Владиславлев И. В. Что читать? Указатель систематического домашнего чтения для учащихся. Вып. 2. Художественная литература. Критика. История литературы. [С предисл. Н. А. Рубакина]. М., «Наука», 1911. IV, 92 с.; То же. Изд. 2-е. М., «Наука», 1915. 130 с.; То же. Изд. 3-е. М., «Наука», 1917. 118 с.; То же. Изд. 4-е, пересмотр. и доп. Пг.—М., «Книга», [1918]. Владиславлев И. В. Что читать? Вып. 3. Жизнь замечательных людей. М., «Наука», 1914. 176 с.

ширено: они использовались не только учащейся молодежью, но и взрослыми читателями, приступавшими к самообразованию.

Свою позицию в библиографии и отношение к руководству детским чтением Владиславлев довольно отчетливо охарактеризовал в автобиографии: «Отдаваясь библиографической работе, — писал он, — ценил всегда в ней, прежде всего ее жизненную сторону, ее общественное и научное значение. Чуждый страсти к библиографическому коллекционерству, как таковому, интересовался библиографией главным образом как одним из могучих орудий распространения и популяризации знаний. Памятуя свои детские годы и свой собственный трудный и тернистый путь читательства, с особенным интересом работал над вопросами детского чтения, над пособиями, предназначающимися для учащейся молодежи» [1].

В указателях «Что читать?» Владиславлев раздвинул границы детского чтения и ввел в него, не опираясь ни на какие официальные одобрения, и новый материал и новые темы. Точка зрения Владиславлева на необходимость реформы детского чтения нашла отражение в предисловии Н. А. Рубакина ко второму выпуску.

Н. А. Рубакин в резкой и категорической форме выступил против сложившейся практики библиографической работы для детей, защищая необходимость изменения самих принципов рекомендательной библиографии. Существующие указатели и каталоги, по мнению Н. А. Рубакина, излишне регламентировали чтение и мешали детям выйти за рамки детской литературы [2]. Он приветствовал выход указателей Владиславлева, в которых в основу домашнего чтения положено знакомство с лучшими произведениями не только детской литературы, что давало возможность детям проявить большую свободу и самостоятельность в выборе книг.

«Теория свободного чтения» Н. А. Рубакина, с которой он так неудачно выступил в 1906 году, нашла в указателях «Что читать»? ограниченное и разумное применение. Организация самостоятельного выбора книг детьми в данном случае опиралась на продуманный отбор лучшей литературы и не исключала руководства чтением.

---

[1] ИРЛИ. Ф. 377, № 1030. Автобиография И. В. Владиславлева (7 авг. 1913 г.), л. 5.

[2] Владиславлев И. В. Что читать? Вып. 2. М., 1911, с. III.

Указатели Владиславлева способствовали повышению уровня детского чтения и самообразования. Выпуск третий — «Жизнь замечательных людей» — первый отдельно изданный указатель биографической литературы, использовался педагогами как средство борьбы с «пинкертоновщиной», мутной волной захлестнувшей книжный рынок предреволюционных лет. «Ни одну еще работу свою, — писал об этом выпуске автор, — не хотелось мне видеть скорее в руках тех, для кого она предназначается, как эту. Светлые образы и великие могилы особенно нужны в такие подлые времена, как теперешние. И особенно для нашей вянущей и разочарованной молодежи...» [1]. Интересно отметить совпадение высказываний Владиславлева со взглядами А. М. Горького на воспитательное значение биографической литературы. В декабре 1916 года Горький писал Р. Роллану о необходимости в годы «глупой» войны, в разгар шовинизма и человеконенавистничества, непрерывно напоминать детям о том, что мировая культура создавалась представителями всех народов. «Напомним им, что у всех народов были — и есть сейчас — великие люди, благородные сердца! Это необходимо сделать именно в эти дни победоносной жестокости и зверства» [2].

Каждое новое издание выпусков «Что читать?» вызывало множество рецензий в общей и педагогической печати. Большинство рецензентов (О. И. Капица, А. В. Мезьер, Н. А. Саввин, Н. Н. Бахтин) отмечали жизненность задач указателей, актуальность тематики, своевременность их появления, продуманный отбор литературы, содержательность сведений и т. д. Вместе с тем распространение выпусков «Что читать?» вызвало ожесточенные нападки черносотенцев. Библиографическая деятельность Подвижного музея, кружка при книжном магазине «Труд» и особенно Владиславлева и Рубакина обратили на себя внимание Союза русского народа. Библиография демократического направления приводила ультраправый лагерь в ярость и исступление, вызывала рецензии погромного характера. В одной из таких рецензий Рубакин и Владиславлев квалифицировались как «упорные духовные растлители наших детей школьного возраста», а пропаганда произведений Горького, Гаршина, Некрасова, Л. Толстого и

---

[1] ГПБ. Фонд А. В. Мезьер. Письмо И. В. Владиславлева А. В. Мезьер от 24 февр. 1914 г.

[2] Горький А. М. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 29. М., 1955, с. 375.

Белинского в указателе «Что читать?» расценивалась черносотенцами как подготовка второй русской революции [1]. Борьба Союза русского народа с влиянием указателей Владиславлева и других прогрессивных библиографов нашла поддержку в официальных кругах [2].

Н. В. Чехов. Н. А. Саввин

С развитием библиографии детской книги неразрывно связана не только ее критика, но и появление первых очерков истории и теории русской детской литературы. В этой области выступили педагоги-библиографы Н. В. Чехов (1865—1947) и Н. А. Саввин (1878—1934), которые попытались в своих трудах осветить основные вопросы современной детской литературы, наметить главнейшие ее виды и направления и охарактеризовать пройденный ею путь.

Видное место в истории и библиографии детской литературы принадлежит Н. В. Чехову — представителю демократического учительского движения, активному участнику всероссийских съездов по народному образованию, впоследствии заслуженному деятелю науки, члену Академии педагогических наук РСФСР.

В 80-х годах XIX века, будучи еще студентом, Чехов занимался изучением детской и народной литературы в кружке, которым руководила А. М. Калмыкова. К этому времени относится начало его библиографической работы — составление справочника по народной и детской литературе [3].

Первая его напечатанная библиография — «Книги для детского чтения, учебники и учебные пособия» — вышла накануне 1905 года и представляла в известном отношении итог развития детской литературы [1]. Она давала общее представление о всей массе существовавших в продаже детских книг и учебных пособий накануне 1905 года, но как справочник по детской литературе значительно ус-

---

[1] Школьная подготовка второй русской революции. Изд. 4-е. Спб., 1913, с. 206.

[2] Синод отпустил 3000 р. на покупку книги «Школьная подготовка второй русской революции» и бесплатную рассылку ее по народным школам.

[3] Шкляр Н. Н. В. Чехов. — «Детская литература», 1940, № 8, с. 58—59.

тупала библиографии Соболева, выполненной более тщательно и точно.

Во время революции 1905—1907 годов, несмотря на поглощенность общественной работой, Н. В. Чехов занимался разработкой теории и практики детского чтения. В 1907 году вышел в свет его «Спутник самообразования», который содержал статью-беседу о том, как выбрать книгу для ребенка и подростка и как руководить их чтением [2]. К беседе приложен «Список хороших книг» и «Опыт программы систематического чтения» на 5 лет, от 10—11 до 15—16 лет, с различными вариантами планового чтения. Исходя из предложенного Чеховым образца, руководитель чтения мог составить программу по своему усмотрению, применительно к индивидуальным особенностям ребенка. «Список хороших книг» и «Опыт программы систематического чтения» задуманы интересно, но выполнены поверхностно и в библиографическом отношении небрежно: в списках отсутствовали годы издания, перепутаны издательства, допущено множество опечаток. Более всего отвечала запросам времени беседа о руководстве чтением, о необходимости его систематичности. Потребность в подобном справочнике явно ощущалась, и он вскоре был переиздан в 1908 и 1912 годах.

Через два года после выхода «Спутника самообразования» Н. В. Чехов издает наиболее известную свою работу — «Детская литература» [3], для того времени подробный очерк детской литературы в ее историческом развитии и современном состоянии. В этой монографии, содержавшей много библиографических сведений о детских книгах, намечены и сгруппированы вопросы, вокруг которых кипели и не прекращались споры в периодических изданиях и на педагогических съездах.

Основные принципы, главнейшие виды и течения в русской детской литературе почти одновременно с Чеховым

---

[1] Чехов Н. В. Книги для детского чтения, учебники и учебные пособия. (Более 10 000 назв.). Ред. П. М. Шестаков. М., изд. кн. маг. П. Д. Путиловой, 1904 (на обл. 1905). 168 с.

[2] Чехов Н. В. Спутник самообразования. Беседы о выборе и чтении книг. С прил. списка хороших книг по всем отраслям литературы. М., И. Д. Сытин, 1907. 106 с.

[3] Чехов Н. В. Детская литература. С прил. «Библиографии по вопросам детской литературы и детского чтения», сост. А. Е. Корольковым. М., «Польза», 1909. XIV, 256 с. (Пед. акад. в очерках и монографиях. Под общ. ред. А. П. Нечаева).

исследовались также Н. А. Саввиным. Преподаватель нижегородского коммерческого училища, критик и библиограф детской литературы, сотрудник многих педагогических журналов, Н. А. Саввин особенно известен своими ежегодными библиографическими обзорами детской литературы за 1908—1915 годы [1].

Начиная с 1908 года в «Опыте ежегодника детской литературы» подвергалась разбору печатная продукция истекшего года, при этом сопоставлялись статистические данные за ряд лет, специально выделялась и внимательно рассматривалась деятельность крупных книгоиздателей, анализировались немногие теоретические работы, вышедшие в области детского чтения за год. Такие ежегодные систематические обзоры общего состояния детской литературы, журналистики и библиографии, с выделением наиболее значительных и характерных явлений прошедшего года, появились в истории детской книги впервые и, к сожалению, остались единственными в своем роде.

При разборе детских книг и журналов Саввин защищал идейную направленность детской литературы, тесную связь ее с жизнью. С этих позиций он выступал в годы реакции против ущербности, упадочничества, против литературного распада, тлетворное влияние которого распространилось и на детскую книгу. Борьба за реалистическую книгу для детей — крупная заслуга Н. А. Саввина.

С помощью его ежегодников многие, особенно провинциальные, педагоги, воспитатели, библиотекари, не имевшие возможности непосредственно знакомиться с выходящей детской книгой и следить за критическими отделами специальных журналов, получали представление об основных изданиях истекшего года и наиболее интересных явлениях в детской литературе. Списки книг, рассмотренных в ежегоднике по возрастам и основным разделам знания, обыкновенно давались в конце ежегодника, составляя библиографию наиболее значительных изданий за год. В поле зрения Саввина попадали также все наиболее важные библиографические справочники по детской книге.

---

[1] Саввин Н. А. Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература и журналистика за 1908 г. М., Изд. ред. журн. «Педагогический листок», 1910. 123 с. (Учительская б-ка); То же... за 1909—1910 гг. М., 1911. 90 с.; То же ...за 1911 г. М., 1912. 96 с.; То же... за 1912 г. М., 1913. 63 с.; То же... за 1913 г. М., 1914. 76 с.; То же... за 1914 г. М., 1915. 66 с.; То же... за 1915 г. М., 1916. 72 с.

Практическая полезность, своевременность появления, а главное соответствие общественным и педагогическим требованиям определили жизнеспособность лучших указателей детской литературы. При слабом, часто ничтожном распространении библиографических пособий в дореволюционной России, указатели А. И. Лебедева, М. В. Соболева, А. Е. Королькова, Н. В. Чехова, И. В. Владиславлева и многих других получили широкое признание, неоднократно переиздавались, а некоторые из них продолжали выходить новыми изданиями и после Великой Октябрьской социалистической революции.

Успех и продолжительность использования библиографических пособий по детской литературе во многом определялись тем, что их составители обычно совмещали библиографическую деятельность с общественной и педагогической. Библиографы, они же педагоги, выступали в печати с теоретическими статьями по различным вопросам детской литературы, одновременно были организаторами и участниками педагогических съездов, лекторами по детской литературе на учительских курсах, руководителями кружков рассказывания, рецензентами детских книг. Они же были инициаторами и организаторами первых экспериментальных детских библиотек, в которых изучались читательские интересы детей, проверялась эффективность той или иной системы чтения, трудность или доступность книг определенному возрасту.

8

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА

Русская дореволюционная библиографическая периодика развивалась менее стремительно, чем периодическая печать в целом, ее удельный вес в общей массе повременных изданий даже постепенно падал, хотя по абсолютному числу названий в начале XX века она заметно опередила предыдущее столетие и достигла сравнительно больших успехов.

Весь XIX век насчитывал 78 библиографических изданий, а на протяжении только семнадцати лет XX века выходило в свет 114 повременных библиографических листков, бюллетеней, журналов, продолжающихся сборников рецензий и рефератов, причем подавляющая часть из них появилась в новом столетии. Причину такого скачка надо искать прежде всего в развитии книжного дела в России, в борьбе крупных издательских фирм за монопольное владение книжным рынком.

При численном росте библиографической периодики условия ее издания в начале века были особенно сложными. Только немногие библиографические журналы крупных книжных фирм отличались сравнительной долговеч-

ностью. Срок существования остальных в среднем не превышал 3 лет, многие исчезали, не прожив и года.

Количество ежегодно выходящих изданий колебалось от 19 (1901 г.) до 37 названий (1907 г.). Последнее число самое высокое и для данного периода и для всей истории русской библиографической периодики. Но никакие цифровые показатели не могут отразить внутренних, скрытых процессов, протекавших в жизни библиографических изданий и характерных для начала века. За цифрами не видно, какими обстоятельствами сопровождалось рождение или гибель того или иного библиографического органа, какие поощрения со стороны правительства получали одни журналы и какие кары сыпались на другие, нельзя заметить медленной агонии и насильственной смерти многих изданий. В 1905—1907 годах, например, возникло 25 новых журналов и в то же время прекратило свое существование — 16. А в следующем, очень тяжелом для русской печати, 1908 году, появилось всего лишь два новых библиографических издания, из них один черносотенный — «Книжный справочник для народа и войск» и другой — «Вестник истории и литературы», единственный номер которого целиком был занят указателем содержания журнала «Былое».

Историю библиографической периодики дореволюционной России характеризуют не только существовавшие периодические издания, а также и те проекты и начинания, которые по тем или иным причинам остались нереализованными или оборванными в самом начале.

Еще в 1902 году библиограф Е. И. Аркадьев пытался получить разрешение на издание небольшого «Библиографического листка» в г. Сызрани, но неблагоприятный отзыв об Аркадьеве, направленный симбирским губернатором в Главное управление по делам печати, помешал осуществлению этого замысла [1]. И только в новых условиях, спустя четыре года, Е. И. Аркадьев смог выпускать «Библиографический листок» — первое научное библиографическое издание в провинции.

Не увидела свет и ежедневная библиографическая газета «Книжный труд», заявку на издание которой подал в начале 1905 года прогрессивный издатель С. А. Скирмунт. Департамент полиции накопил к этому времени компрометирующий материал против С. А. Скирмунта, при-

---

[1] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 14, ед. хр. 85, л. 1—17 об.

влекавшегося в 1903 году к суду по делу Московского комитета РСДРП. В процессе дознания попутно было установлено, что на имя С. А. Скирмунта, главы книгоиздательства «Труд», высылалась нелегальная литература. Всех этих данных было вполне достаточно, чтобы отклонить прошение об издании газеты [1].

Интересен случай использования права на издание библиографического органа совсем для других целей. Разрешение на выпуск библиографической газеты «Книжный рынок» Московскому комитету РСДРП удалось использовать для издания большевистской рабочей газеты, несколько номеров которой вышли под двойным названием «Вперед. Книжный рынок» накануне декабрьского восстания 1905 года [2].

Среди библиографических журналов встречались отдельные издания, которые с трудом и значительной натяжкой можно отнести к периодике. Так, например, Н. М. Лисовский, стремясь сохранить право на издание журнала, на протяжении ряда лет заполнял страницы «Библиографа» (1902, 1905—1914) своей работой «Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг.», фактически же «Библиограф» как журнал прекратил свое существование в 1894 году. Весьма спорно причисление к периодическим изданиям и «Библиографического сборника» (1907—1908) Исторической комиссии, три выпуска которого, по существу, были отдельно вышедшими библиографическими указателями, а не номерами журнала; под видом периодического издания, «Вестника истории и литературы» (1908), вышел составленный Д. П. Сильчевским указатель содержания запрещенного журнала «Былое» (1906—1907).

Можно было бы привести еще ряд примеров такого же рода, эти частные случаи и отклонения от нормы не меняют общего характера библиографической периодики и той тенденции ее развития, которая проявилась в тяготении к большей типизации изданий, в явном стремлении к структурной четкости и определенности, в дифференциации их по содержанию, читательскому и целевому назначению.

Пеструю, разнородную массу библиографических изданий, трудно поддающуюся строгой классификации, можно

---

[1] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 8, ед. хр. 1967. 10 л.
[2] Там же, ед. хр. 2089, л. 1—9.

лишь условно и приблизительно подразделить на несколько не равных по величине и значению групп: 1) Официальная учетно-регистрационная, представленная журналом «Книжная летопись»[1]; 2) Книготорговая, самая многочисленная и разнообразная по типам и формам изданий; 3) Отраслевая научная, по численности занимавшая второе место после книготорговой периодики[2]; 4) Критико-библиографическая, рассчитанная на широкий круг читателей; 5) Библиотечно-библиофильская.

Деление по основному назначению крайне относительно, так как в ряде случаев между указанными категориями трудно провести ясную и четкую границу. Книготорговые журналы в массе своей выполняли функции учетно-регистрационной библиографии, а в отдельных случаях содержали элементы критической и рекомендательной библиографии, библиофильские и библиотечные — по своему содержанию приближались к отраслевым научным изданиям и т. д. Такие своеобразные журналы, как «Бюллетень книжных новостей», «Бюллетени литературы и жизни» с трудом укладываются в какую-либо схему.

Книготорговая библиографическая периодика

Наиболее крупную группу библиографический периодики (свыше 43%) составляли книготорговые издания (47 назв.), преимущественно сосредоточенные в Петербурге. В других городах их выходило сравнительно мало[3].

Вызванные к жизни ростом конкуренции на книжном рынке, небольшие по объему книготорговые библиографические издания содержали перечни книг чаще всего определенного издательства или книжного магазина. Многие из них издавались с целью упорядочить книжное обращение и лучше организовать посредничество между читателем и книгопродавцем-издателем. О назначении журнала

---

[1] О «Книжной летописи» см. главу «Общая текущая библиография», с. 45—59.

[2] О журналах различных библиографических объединений («Библиографические известия», «Литературный вестник», «Известия Одесского библиографического общества») см. главу «Библиографические организации», с. 418—420, 427—428, 434—435.

[3] С 1901 по 1917 г. выходило книготорговых библиографических изданий: в Петербурге — 31 название, в Москве — 7, в Киеве — 4, в Одессе — 3, в Тифлисе — 1, в Ярославле — 1.

или газеты часто говорило само их наименование («Книжные новости магазина....», «Бюллетень книжного склада...», «Листок книжных объявлений...» и т. п.). Разнообразные по форме и срокам выхода (ежедневные листки объявлений, ежемесячные бюллетени новых поступлений, периодически издаваемые каталоги книжных магазинов и т. д.), они служили исключительно книготорговым интересам и, как всякие быстро устаревающие рекламные издания, в массе своей не представляли большой библиографической ценности. Только некоторые из них («Книжный вестник» Русского общества книгопродавцев и издателей, «Вестник технической литературы книжного магазина Г. В. Гольстена», «Новости коммерческой литературы») частично выполняли функции учетно-регистрационных органов или, в целях большей доходчивости и распространения, превращались в научно-популярные развлекательные журналы с элементами рекомендательной библиографии, в своей основе оставаясь коммерческими изданиями («Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», «Вестник литературы», «Книжный мир» П. П. Сойкина).

До революции 1905—1907 годов всякие попытки сколько-нибудь изменить или расширить программу издания, сделать журнал живее и интереснее, наталкивались, как правило, на противодействие властей и терпели неудачу.

Это положение подтверждается историей ряда журналов, в частности наиболее долговечного, вполне благонамеренного, в материальном отношении сравнительно устойчивого органа Русского общества книгопродавцев и издателей «Книжного вестника» (1884—1916), само рождение которого было сопряжено с большими трудностями и проволочками [1].

С момента основания журнала правление Общества неоднократно и безуспешно ходатайствовало о расширении программы «Книжного вестника», которая не отвечала назначению журнала, делала его бесцветным бюллетенем, малополезным даже для книготорговцев.

---

[1] «Книжный вестник». Журнал книжно-торговой, издательской и литературной деятельности в России. Спб., 1884—1916. С 1888 по 1901 г. ежемесячный журнал; с 1897 по 1901 г. выходил как приложение к еженедельному торговому бюллетеню «Книжный вестник» (1896—1901), с 1902 по 1916 г. — еженедельный журнал. В «Книжном вестнике» печатался отдел «Книжные новости», который выходил также отдельными оттисками, а в 1907—1908 гг.— в виде отдельного приложения.

Несколько расширить программу издания удалось только за месяц до январских событий 1905 года, когда уже начинало сказываться влияние надвигавшейся революции. Таким образом, потребовалось два десятилетия, чтобы получить право на печатание кратких статей, заметок и хроники по книжному, издательскому и печатному делу, биографий и некрологов деятелей книжного мира, корреспонденций внутренних и заграничных, судебных отчетов (без права обсуждения судебных решений) [1].

Революционные события заметно отразились на содержании книготорговой периодики, в том числе и на «Книжном вестнике», на страницах которого появилось много разнообразного материала, ценного для истории книжной торговли и издательской деятельности в России. В годы первой русской революции в этом журнале открыто обсуждались судьбы русской печати. К этому же времени относится и появление в журнале списков и обзоров арестованных, запрещенных и конфискованных изданий и заметок о них (1906—1915 гг.). В годы реакции тон журнала стал заметно сдержаннее и умереннее. Библиография в нем постепенно отодвинулась на второй план отчетами, протоколами и хроникой общества книгопродавцев и издателей.

Стремление изменить программу и оживить тем самым содержание журнала было свойственно и другим книготорговым периодическим изданиям.

Редактор-издатель небольшого книготоргового бюллетеня «Книжник» (Спб., 1898—1912) Н. Ф. Розанов дважды пытался получить разрешение расширить программу издания за счет включения сведений из области книговедения и библиографии и дважды получал отказ. И в том, и в другом случае не удалось преобразовать «Книжник» в библиографический журнал в полном смысле этого слова и пришлось ограничить его содержание перечнями вышедших и выходящих в свет произведений печати [2].

Такое же сопротивление встречали и попытки использовать книготорговый журнал в иных, не книготорговых, целях.

В этом отношении интересна судьба ежемесячного критико-библиографического журнала Г. Г. Генкеля

---

[1] ЦГИАЛ. Ф 776. оп. 8, ед. хр. 233, л. 102—108.
[2] Там же, оп. 8, 1897—1902, ед. хр. 1116. 17 л.

«Книжные новости», выходившего в Петербурге с марта 1899 по июнь 1901 года.

Журнал в первый год своего существования резко выделялся из ряда обычных книготорговых изданий. В нем явно велась последовательная и активная пропаганда прогрессивной народной книги, помещались подробные и оригинальные, а не заимствованные из толстых журналов, рецензии и отзывы, публиковались рекомендательные списки литературы. В одной из рецензий, например, рекомендовалась запрещенная для общественных и народных библиотек пьеса Г. Гауптмана «Ткачи»; там же была опубликована библиография литературы о Фурье и фурьеризме, вопреки строжайшему запрещению касаться в печати подобных тем.

Направление и содержание журнала определял фактический его редактор М. Н. Семенов, доставлявший властям немало хлопот и затруднений своим постоянным стремлением вывести «Книжные новости» за пределы программы книготоргового рекламного листка и придать ему черты серьезного критико-библиографического органа. Бывший издатель закрытого в 1897 году органа легальных марксистов «Новое слово», М. Н. Семенов находился под негласным надзором и многие стороны его деятельности были хорошо известны департаменту полиции. Последний был подробно осведомлен о связи М. Н. Семенова с находящимся в Цюрихе эмигрантом В. Д. Бонч-Бруевичем, по указанию которого в Петербург высылались рукописи и печатные издания, в частности, в одной из адресованных М. Н. Семенову посылок было обнаружено 18 брошюр К. Маркса. Полиции известно было и то, что М. Н. Семенов готовился выпустить в издательстве О. Н. Поповой «значительное количество книг тенденциозного содержания, предназначенных для народного чтения», а рукописи ряда книг он должен был получить от В. Д. Бонч-Бруевича [1].

Приобретение М. Н. Семеновым в 1898 году книжного магазина Лейферта «Знание» рассматривалось департаментом полиции как возможность шире и самостоятельнее заняться изданием и распространением марксистской литературы.

Все эти обстоятельства сыграли решающую и даже роковую роль в судьбе библиографического журнала

[1] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 21, 1898—1903 гг., ед. хр. 333. 7 л.

«Книжные новости». Когда в начале 1900 года Г. Г. Генкель решил переуступить право на издание «Книжных новостей» М. Н. Семенову, департамент полиции признал подобную передачу делом «безусловно нежелательным» [1], М. Н. Семенов, видимо, чувствуя безнадежность положения, сам отказался от своего ходатайства и полностью устранился от участия в журнале. С тех пор издание «приняло вполне спокойный и строго определенный характер» [2], больше оно не давало поводов к замечаниям, быстро превратилось в заурядный книготорговый листок объявлений и вскоре совсем зачахло.

Таким образом, существование книготорговых периодических изданий строго регламентировалось, и всякое отклонение от утвержденной программы, всякое, даже незначительное, изменение сроков выхода или названия журнала немедленно пресекалось. Издатель «Ежедневных бюллетеней юридического книжного магазина «Право» Ф. В. Бусыгин был привлечен к суду (1911 г.) и оштрафован за добавление к заглавию листка слова «ежедневные» [3]; те же меры были применены и по отношению к журналу «Новости педагогической литературы и наглядных пособий» (1912 г.), в названии которого вместо слов «учебных пособий» появилось — «наглядных пособий» [4].

Листки, бюллетени новостей и прочие библиографические издания мелких книжных фирм выходили обычно очень короткое время. Конкуренцию и трудные условия существования, особенно в годы первой мировой войны, смогли выдержать лишь несколько библиографических журналов, много лет выпускавшихся крупными монополистами книжного рынка. До 1917 года дожили три органа, начавшие выходить еще в конце прошлого века: «Вестовой» В. А. Березовского — журнал, который учитывал и рекламировал массовую военную книгу (1894—1917), «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф» (1897—1917) и «Книжные новости» (1897—1917) А. С. Суворина.

По содержанию и внешнему облику наиболее интересными из книготорговых библиографических изданий были

---

[1] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 8, 1898—1901 гг., ед. хр. 1197, л. 33—34.
[2] Там же, л. 52.
[3] ЦГА Москвы. Ф. 31, оп. 3, ед. хр. 1375. 20 л.
[4] Там же, ед. хр. 1556. 10 л.

«Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», выходившие с октября 1897 по март 1917 года [1].

Небывало дешевый в первые годы издания, обильно снабженный иллюстрациями, портретами, снимками обложек и книжных знаков книготорговый бюллетень крупной фирмы издавался с явной установкой на широкое распространение [2]. И по своему содержанию он выгодно отличался от подобных ему изданий. В «Известиях» т-ва Вольф помещались, хотя и поверхностные, но занимательные статьи по литературе, истории книги, библиографии и библиотечному делу, печатались рецензии и заметки о книгах, регулярно из номера в номер публиковалась разнообразная хроника новостей книжного, литературного и научного мира. Заметки и очерки по истории книги и библиографии, занимавшие в журнале и без того небольшое место, в дальнейшем постепенно вытеснялись статьями литературного характера.

Библиографическая часть журнала (систематические списки новых русских и иностранных книг, ежегодные каталоги газет и журналов, перечни важнейших журнальных статей, рецензии, обзоры, объявления), так же как и литературная, служила основной цели — рекламе книг, продававшихся в книжных магазинах фирмы Вольф.

При всем беззастенчиво рекламном характере «Известий», этот буржуазно-либеральный бюллетень все же сыграл известную роль в распространении библиографических сведений, особенно по сравнению с другими родственными ему изданиями, само существование которых оставалось почти не известным вне узкого круга книгопродавцев и издателей. Это был единственный библиографический журнал, который в виде исключения выдавался в

---

[1] «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф». Иллюстрированный библиографический журнал. Ред. Л. М. Вольф. Изд. Т-во М. О. Вольф. Спб., 1897—1917. Фактическим редактором был С. Ф. Либрович. С окт. 1899 г. журнал выходил под назв. «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии»; с 1907 г. — «Вестник литературы и Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии»; с № 4 1907 г. — «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии». Периодичность: до 1905 г. — ежемесячный; с 1905 г. — двухнедельный; с 1906 г. — еженедельный; с 1907 г. — ежемесячный.

[2] Подписная плата за «Известия» до окт. 1899 г. — 35 коп. в год, с окт. 1899 г. — 1 р. в год.

1905 году узникам Шлиссельбургской каторжной тюрьмы [1]. В руки заключенных попадала лишь библиографическая часть «Известий», но и она, в условиях полной изоляции от внешнего мира, служила источником какой-то информации о происходящих в стране событиях. Может быть, никогда библиографический журнал не пользовался таким успехом, каким пользовались «Известия» т-ва Вольф в Шлиссельбургской тюрьме, и никогда не прочитывались с такой жадностью и вниманием строчки библиографических описаний, с какой они читались заключенными. «Этот библиографический листок, содержавший в себе почти один только перечень книг, был для нас настоящим кладом, откуда мы почерпали все сведения о великой русской революции», — писал М. В. Новорусский, освобожденный из Шлиссельбургской крепости в конце октября 1905 года [2]. Видимо, учитывая успех издания, администрация тюрьмы вскоре изъяла из обращения «Известия».

Сообщения о выходе «Известий» и о подписке на журнал привлекли внимание В. И. Ленина, в то время находившегося в сибирской ссылке, в с. Шушенском. «Я хочу посмотреть, что это за изданьице», — писал Владимир Ильич в октябре 1897 года в письме к родным. «Программа этого библиографического издания так широка, а цена так дешева, что невольно является сомнение, не утка ли это? Посмотрим» [3]. Получив в конце года номер «Известий», Владимир Ильич отмечает: «Журнальчик Вольфа, по началу, недурен и дешев баснословно» [4]. Из последующей переписки можно установить, что «Известия» получались в Шушенском и в 1898 году и в начале 1899 года [5]. Есть предположение, что журнал Вольфа использовался

---

[1] Новорусский М. В. Читатели «Известий» в Шлиссельбургской крепости. Страницы из воспоминаний. — «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1908, № 9, ч. 1, стлб. 169—172; «Известия» в Шлиссельбургской крепости. Заметки Лукиана Сильного. — Там же, 1910, № 6, стлб. 163—165; Ашенбренер М. Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет. — «Былое», 1906, январь, с. 81; Гернет М. История царской тюрьмы. Т. 5. М., Госюриздат, 1956, с. 209; Петров К. Страничка истории библиотеки Шлиссельбургской крепости. — «Библиотекарь», 1957, № 10, с. 54.

[2] «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1908, № 9, ч. 1, стлб. 171.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55, с. 58.

[4] Там же, с. 60.

[5] Там же, с. 99, 100, 114, 137, 149.

В. И. Лениным не только с библиографическими целями. Отдельные номера этого издания служили удобным средством для конспиративной переписки, они отсылались из Шушенского с письмами, написанными между строк журнала химическими чернилами [1].

Некоторое сходство с «Известиями» Вольфа имел журнал петербургского издателя П. П. Сойкина «Книжный мир», в котором реклама собственных изданий П. П. Сойкина составляла главное содержание, а остальная часть отводилась под короткие заметки и различные сведения по библиографии, книжному и библиотечному делу, литературе и географии [2]. Журнал П. П. Сойкина выходил для того времени большим тиражом — 50 тысяч экземпляров.

Существовавшие типы книготорговых библиографических изданий не могли полностью удовлетворить нужды книжной торговли, а тем более запросов читателей. Последние были заинтересованы не столько в голых перечнях заглавий книг, какими были заполнены книготорговые бюллетени, сколько в раскрытии содержания литературы, хотя бы в общих чертах. В этом отношении особые затруднения испытывал провинциальный читатель.

Неудовлетворенность состоянием книготорговой библиографической периодики породила идею нового библиографического органа, иного характера и назначения. Первоначально его издание предполагалось при книжном магазине «Труд», но слишком широкая программа журнала и вытекавшие отсюда материальные затраты заставили от этой мысли отказаться и вынести проект нового органа на обсуждение Первого всероссийского съезда издателей и книгопродавцев (1909). План журнала, разработанный в деталях, был изложен в докладе В. А. Крандиевского [3].

Суть нового библиографического журнала, условно названного «Книга-карта», сводилась к следующему. Своего рода экспресс-информация «Книга-карта» должна была

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55, с. 488, 491.

[2] «Книжный мир». Библиографический вестник и подвижной каталог изданий П. П. Сойкина. Ред.-изд. П. П. Сойкин. Спб., 1902—1905, 1907—1911.

О журн. см.: Белов С. В. Из истории книгоиздательской и книготорговой библиографии. — «Сов. библиография», 1964, вып. 3(85), с. 61—64.

[3] Крандиевский В. А. О коллективном библиографическом органе печати издателей и книгопродавцев. — В кн.: Труды Первого всероссийского съезда издателей и книгопродавцев. 30 июня — 5 июля 1909 года. Под ред. М. К. Лемке. Спб., 1909, с. 177—183.

выходить каждые 10 дней и давать подписчику, кроме внешнего описания, краткое изложение содержания новых книг и свод критических отзывов о них. Все сведения о книгах предполагалось печатать в журнале в виде каталожных карточек определенного формата (9,5×12,5 *см*), приближавшегося к международному. Карточки с описаниями книг затем могли вырезаться и организовываться в виде карточного каталога в нужном порядке.

Такой совершенно новый для России тип журнала имел явные преимущества перед многими книготорговыми библиографическими изданиями: во-первых, он обеспечивал своевременность и быстроту информации, во-вторых, создавал возможность систематизации сведений о книгах, в-третьих, давал представление о содержании книг и критических оценок, появившихся в печати.

Проект В. А. Крандиевского, однако, не встретил сочувствия в среде книгопродавцев. Частные интересы помешали практическому осуществлению издания коллективного библиографического органа, да и главная задача журнала — приблизить книгу к читателю — сама по себе мало интересовала участников съезда. К этому вопросу проявило внимание Русское библиографическое общество, когда в 1921 году на одном из его заседаний был прочитан доклад В. А. Крандиевского «Новый тип повременного библиографического репертуара „Книга-карточка"».

Критико-библиографическая периодика

В последней четверти XIX века не было специальных периодических изданий, которые бы критически оценивали и пропагандировали литературу для народа. Два ежемесячных журнала — «Народная и детская библиотека» (1879—1880), издававшаяся в Москве реакционным Обществом распространения полезных книг, и либеральный педагогический листок «Воспитание и обучение» (1886—1889), выходивший приложением к детскому журналу «Родник» — преимущественное внимание уделяли детской литературе и лишь отчасти занимались оценкой и рекомендацией книг для народа. В 90-е годы вообще не издавалось библиографических журналов рекомендательного характера.

Первые годы нового столетия были так же бесплодны, как и предыдущий период. И только в конце 1902 года

журнал «Самообразование» стал выпускать отдельным приложением «Библиографию самообразования», которая, не просуществовав и двух месяцев, прекратилась на пятом выпуске [1]. В «Библиографии самообразования» помещались рецензии на книги весьма разнообразного содержания (по философии, политической экономии, астрономии, биологии, эстетике и прочим наукам), но в отборе литературы для рецензирования не чувствовалось ни плана, ни системы, поэтому использовать журнал по прямому его назначению было трудно. На развитие самообразования это издание не могло, естественно, оказать сколько-нибудь заметного влияния.

События революции 1905—1907 годов внесли коренные изменения в развитие библиографической периодики рекомендательного характера.

В годы первой русской революции в России возникают популярные критико-библиографические журналы, пропагандирующие общественно-политическую литературу определенного направления. Рождение этой новой разновидности рекомендательной библиографической периодики, рассчитанной на оперативную информацию массового читателя, занимавшегося общим и политическим самообразованием, — одно из самых примечательных явлений в истории русской дореволюционной библиографии.

К числу первых изданий такого рода принадлежал возникший в марте 1906 года в Петербурге критико-библиографический еженедельный журнал социал-демократов «Спутник читателя» [2]. Вслед за ним и по его образцу в том же году начали выходить критико-библиографические издания и других партий: двухнедельное обозрение новых книг и книжного дела «За книжкой» (Н. Новгород, июнь 1906 — апрель 1907), еженедельная «Книга» (Спб., ноябрь 1906 — май 1907 гг.), «Новая книга» (Спб., июнь — октябрь 1907 г.), «Новая литература» (Спб., январь — февраль 1907 г.), «О книгах» (М., июль — август 1907 г.).

---

[1] «Библиография самообразования». Ред. И. Р. Тарханов. Изд. В. И. Рамм. Спб., 1902, № 1 (10 ноября) — 1903, № 5 (2 янв.). Прил. к журн. «Самообразование», 1902, № 53, 55, 57, 59; 1903, № 1. Изд. прекратилось вместе с журн. «Самообразование» в связи с банкротством издателя.

[2] «Спутник читателя». Еженедельный библиографический журнал. Ред. М. Н. Журин, с № 7 — А. Е. Лосицкий. Изд. С. Д. Кирпичников. Спб., 1906, № 1 (19 марта) — 8-9 (7 июня).

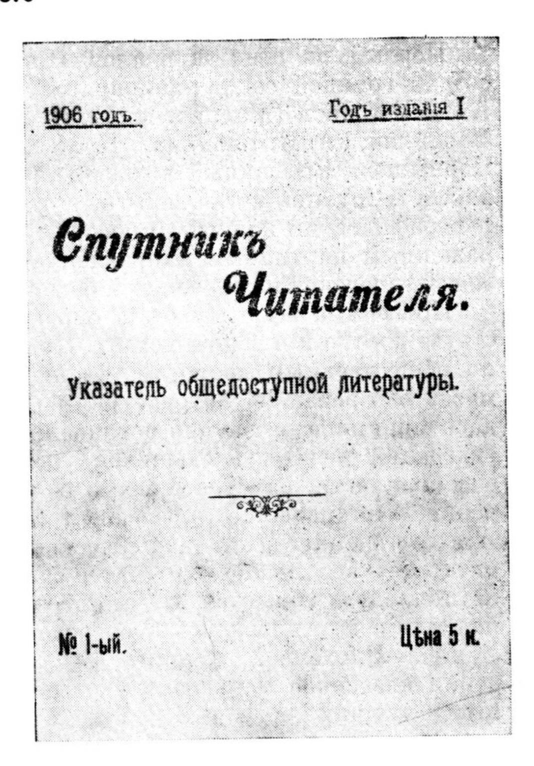
Первый из этих журналов «Спутник читателя» был создан группой социал-демократов, в которую входили А. А. Богданов (Малиновский), В. П. Кранихфельд, А. Е. Лосицкий, А. Н. Рябинин, К. М. Тахтарев (Тар), И. В. Чернышев. Вызванный к жизни революционными событиями «Спутник читателя» был рекомендательным библиографическим журналом нового типа, с определенно выраженным партийным направлением, рассчитанный на массу городской и деревенской бедноты.

Программа журнала была определена в редакционной статье кратко и в общих чертах. При рецензировании книг по общественным вопросам, а они составляли основную массу обозреваемой литературы, редакция руководствовалась принципами научного социализма, при оценке произведений печати, касавшихся политических вопросов современности, на первое место ею выдвигались произведения, отстаивавшие «последовательную и решительную демократизацию всего политического строя [1]. «Спутник читателя» вел пропаганду материалистических воззрений на природу и общество. На его страницах в обзорах и рецензиях рекомендовались произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Меринга, Бебеля, Лафарга. Произведения классиков марксизма указывались в наиболее точных и лучших переводах. Работа В. И. Ленина «Аграрный вопрос и „критики Маркса"» (Одесса, 1905) настоятельно рекомендовалась читателям как «надежный проводник по дебрям безнадежнейшей путаницы» [2].

Для «Спутника читателя» характерна определенность структуры. В нем четко различаются три основных отдела (библиографические обзоры, статьи и рецензии), которые есть в каждом журнальном номере. К слабостям «Спутника читателя» следует отнести отсутствие в нем хроники и недостаточную связь со своими читателями. Исключением, пожалуй, является крайне интересное «Письмо в редакцию», направленное в журнал «книжной» группой одного из рабочих районов Петербурга. Этот документ дает возможность получить некоторое представление о запросах и нуждах читателя общедоступного критико-библиографического журнала того времени. Его авторы, очевидно, рабочие, члены общеобразовательного или, скорее, политического кружка, кратко и конкретно изложили

---

[1] «Спутник читателя», 1906, № 1, с. 1.
[2] Там же, № 2, с. 12.



свои требования к рецензиям на общественно-политическую и на художественную литературу. В набросанной ими схеме рецензии на общественно-политическую книгу они отнесли к обязательным элементам характеристику политических воззрений автора книги, требование определить, «к какому общественному течению принадлежит автор (социал-демократ, либерал, монархист-конституционалист и т. п.); а) Если это социал-демократ, то отметить его ортодоксальность (т. е. выдержанность точки зрения) и как она отразилась в данном произведении). б) Если это представитель буржуазных партий, то насколько ярким выразителем данного течения он является» [1].

Этим требованиям рабочего читателя соответствовало все направление журнала, в библиографических обзорах и рецензиях которого с позиций марксизма освещалась ли-

---

[1] «Спутник читателя», 1906, № 3, с. 23—24.

тература по историческому материализму, рабочему вопросу, профессиональному движению и т. д.

Начиная со второго номера журнала, в «Спутнике читателя» активно сотрудничала А. В. Мезьер, которая в этот период много сил отдавала преподаванию в Смоленских вечерних классах для рабочих (в Петербурге за Невской заставой) и была особенно близка к социал-демократии. Почти в каждом номере «Спутника читателя» появлялись ее рецензии и библиографические обзоры. Среди литературы, которую она рецензировала, были произведения А. Бебеля, Ж. Жореса, К. Каутского, Ж. Геда, А. В. Луначарского, Г. В. Плеханова и многих других.

Журнал просуществовал очень недолго, с 19 марта по 7 июня 1906 года и, по свидетельству А. В. Мезьер, «умер естественной смертью за недостатком средств к его существованию». Недолгая жизнь «Спутника читателя» спасла его от включения в список запрещенных периодических изданий.

В июне того же года в Нижнем Новгороде начал выходить эсеровский небольшой, дешевый двухнедельный журнал рекомендательной библиографии «За книжкой», своего рода периодическое пособие для малоподготовленных читателей, занимавшихся политическим самообразованием [1]. В нем можно встретить беседы о книгах, списки книг к политическим занятиям, поверочные вопросники к отдельным книгам, указатели литературы по программным вопросам, характеристики «лучших газет», сводные рецензии, примерные крестьянские библиотечки и т. д.

Журнал «За книжкой» просуществовал до апреля 1907 года и был закрыт. Спустя четыре года против редактора журнала было возбуждено судебное преследование, которое длилось два года и закончилось в 1913 году приговором об уничтожении «За книжкой» [2].

В ноябре 1906 года в Петербурге появился первый номер еженедельного критико-библиографического журнала «Книга», в задачу которого входило по возможности полное и своевременное ознакомление читателей со всеми новыми книгами по философии, социальным наукам, вопросам общественной жизни, истории, литературы и искус-

---

[1] «За книжкой». Обозрение новых книг и книжного дела. Ред.-изд. Н. Ф. Тархов. Н. Новгород, 1906—1907.

[2] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 16, ед. хр. 611. 22 л.

ству [1]. Политическая позиция журнала была сформулирована в редакционной статье достаточно расплывчато и уклончиво:

«Все, что не представляет правых реакционных партий, — заявляла редакция, — все получит в журнале свое выражение».

Соответственно этому заявлению к участию в журнале привлекались меньшевики, кадеты, эсеры, анархисты. По мнению редакции, библиографическое издание, подобно хорошему энциклопедическому словарю, могло сохранить позицию «полнейшей объективности» только при условии, если оно не будет себя ограничивать рамками какой-либо одной политической партии.

В «Книге» публиковались обзоры литературы различной тематики (всеобщая стачка, аграрный вопрос, политические партии и профсоюзы, русская история, литература и другие), множество рецензий (до 1500) и хроника, заполненная главным образом сообщениями о репрессиях (обысках, арестах, конфискациях, штрафах), распространявшихся на произведения печати.

Сохранить «полнейшую объективность» и нейтральность в обзорах и рецензиях не удалось. Иллюзорность этого намерения с самого начала была ясна даже Петербургскому комитету по делам печати [2].

Отсутствие единой, выдержанной идейной позиции в оценке важнейших явлений общественной и политической жизни привело к расколу внутри коллектива сотрудников журнала. М. К. Лемке отказался от руководства «Книгой» и с января 1907 года редактором стал К. Л. Вейдемюллер (Михаил Днепров). Журнал приобрел более определенную меньшевистскую окраску и в мае 1907 года прекратил существование.

Еще в 1906 году «Книга» была аттестована Петербургским комитетом по делам печати как издание «резко социалистического, тенденциозного направления», но арест отдельных номеров журнала и привлечение редактора М. К. Лемке к суду последовали шестью годами позже. В июне 1912 года были усмотрены признаки преступлений в № 2, 3, 4 «Книги» за 1906 год, через два месяца та же

---

1 «Книга». Еженедельный критико-библиографический журнал. Ред. М. К. Лемке и К. Л. Вейдемюллер. Изд. В. Ф. Марковская. Спб., 1906, № 1—8; 1907, № 9—25.

2 ЦГИАЛ. Ф 776, оп. 9, ед. хр. 338, л. 3.

участь постигла № 1 и 8 за тот же год; указанные выпуски были арестованы, редактор привлечен к суду. «Книга» пострадала за цитаты из сочинений Штирнера и Бакунина в «Обзоре литературы по анархизму» В. Поссе (№ 1), а также за ряд рецензий, в частности на книгу А. С. Пругавина «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством» (№ 8). Журналу было поставлено в вину то, что «в некоторых рецензиях не сохраняется надлежащей для библиографа объективности и не скрывается солидарность авторов с рецензируемым произведением, вследствие чего эти рецензии возбуждают читателя в преступном направлении» [1].

Более значительным журналом этого периода и, по мнению советского историка библиографии Н. Н. Аблова, лучшим по богатству материала был еженедельник «Новая книга», выходивший в период с июня по октябрь 1907 года [2].

Новое издание имело ту же структуру, того же редактора и ряд общих сотрудников, ранее принимавших участие в «Книге», а затем вышедших из состава ее редакции [3], но по своему содержанию и направлению оно существенно отличалось от предыдущего издания. В обзорах и рецензиях нового еженедельника преимущественное внимание уделялось марксистской книге. Журнал считался современниками выдержанным марксистским изданием, для которого характерны цельность и последовательность оценок книг.

Особенно сильным в «Новой книге» был отдел рецензий, в котором выступали большевики М. С. Ольминский, П. М. Керженцев, Б. Б. Веселовский, а также С. Г. Струмилин, Л. М. Клейнборт, Е. В. Тарле и другие. Кроме обстоятельных статей, написанных по поводу отдельных книг, библиографических обзоров и рецензий, в «Новой книге» печаталась полная и разнообразная книжная и литературная хроника, что выгодно отличало этот журнал от сходного по направлению «Спутника читателя». В хронике сообщались обильные сведения о запрещении, кон-

---

[1] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 9, ед. хр. 338, л. 22.

[2] Аблов Н. Н. Библиографическая журналистика в России и партийные библиографические журналы 1906—1907 гг. — «Библиография», 1926, № 1, с. 52—53.

[3] «Новая книга». Критико-библиографический еженедельник. Ред. К. Л. Вейдемюллер [Михаил Днепров]. Изд. В. А. Енько. Спб., 1907, (июнь—октябрь), № 1—14.

фискациях, арестах и изъятии произведения печати из обращения. Во многих номерах «Новой книги» можно встретить информацию, связанную с именем В. И. Ленина: розыск его судебным следователем (№ 5), подготовка к изданию сборника «За 12 лет» (№ 5 и 6), о 4-м томе собрания сочинений (№ 8), об избрании его редактором центрального органа большевиков и т. д.

Редакция «Новой книги» предполагала в дальнейшем печатать программы чтения для самообразования, переписку с читателями, но не успела осуществить задуманное. Издание неожиданно прекратилось, видимо, приостановленное правительством.

К периодическим изданиям явно эсеровского направления принадлежал критико-библиографический журнал «Новая литература» (1907 г.)[1], фактическим руководителем и редактором которого был В. В. Леонович, выступавший в печати под псевдонимом — В. Ангарский. Содержание журнала, как и ранее рассмотренных изданий, составляли библиографические обзоры, рецензии текущей общественно-политической литературы и литературная хроника.

Редакция «Новой литературы» провозгласила «терпимость ко всякому честному убеждению», но практически была далека от объективности и беспристрастности оценок, проводя скрытую и явную полемику с социал-демократами. Первый же выпуск «Новой литературы» (№ 1—2) был по выходе конфискован, а затем Главное управление по делам печати возбудило дело об уголовном преследовании редактора журнала за напечатание статьи и рецензии В. Ангарского, и на втором выпуске (№ 3—4) издание прекратилось[2]. В октябре того же года арест был снят, но журнал не возобновился. Из 10 тысяч отпечатанных экземпляров первого выпуска на книжном складе З. Н. Бобылевой было конфисковано всего лишь 300 экземпляров.

Таким же недолговечным оказался и «Обзор литературы» (1907 г.) — библиографическое приложение к эсеровскому журналу «Народное благо». В двух номерах «Обзора литературы» опубликовано несколько рецензий, краткий

---

[1] «Новая литература». Критико-библиографический журнал. Ред. М. Г. Леонович. Изд. З. Н. Бобылева. Спб., 1907 (январь—февраль), № 1—2, 3—4.

[2] ЦГИАЛ. Ф. 776, оп. 9, ед. хр. 777, 5 февр. — 15 окт. 1907 г. 48 л.

список новых изданий и сообщения о преследовании печати [1].

Из критико-библиографических изданий 1906—1907 годов последним возник, на этот раз в Москве, журнал «О книгах». Он вышел летом 1907 года и тогда же угас, не избежав участи своих предшественников [2].

Особенность этого слабо организованного, наполненного разношерстным материалом журнала заключалась в стремлении редакции отделить библиографию от пропаганды литературы, ограничить задачи «О книгах» внешней формальной характеристикой произведений печати. Эта исходная позиция зафиксирована в программной статье, где сказано, что «библиографический журнал имеет дело лишь, так сказать, с внешней физиономией учения: системой идей, программой практических требований, арсеналом тактических средств, не касаясь социальных корней его, причин, породивших это течение, и его социального значения» [3]. Вместе с тем редакция журнала не хотела становиться «на скользкую почву подбора «беспартийных» или «внепартийных» сотрудников» и намеревалась привлечь к участию в журнале лиц, имевших вполне определенные убеждения, представителей различных политических направлений. Предполагалось, что убеждения авторов рецензий не будут влиять на оценку самих книг и таким образом удастся сохранить некое равновесие и единство библиографической характеристики произведений печати. Из этой затеи, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Политически беспринципный, по содержанию случайный, по тону, скорее, эсеровский, журнал «О книгах» вскоре прекратился, не оставив заметного следа.

Характеристика критико-библиографических журналов периода первой русской революции будет не полна, если не упомянуть об одном нереализованном замысле.

В начале 1907 года, вскоре после разгрома книжного склада «Вперед», возникла идея издания популярного библиографического журнала большевистского направления. Для будущего дешевого еженедельника было подобрано название — «Что читать», определена программа, харак-

---

1 «Обзор литературы». Ред. Ф. К. Греков. Изд. П. П. Котляров. Спб., 1907, № 1—2. Беспл. прил. к журн. «Народное благо».

2 «О книгах». Критико-библиографический журнал. Ред.-изд. Б. Н. Аршеневский. М., 1907 (июль — август), № 1—2, 3—4.

3 «О книгах», № 1—2, с. 3.

тер распространения. В. Д. Бонч-Бруевичем велись активные поиски средств на его издание [1].

Идея массового большевистского библиографического журнала не была осуществлена, чему, возможно, помешало отсутствие необходимых средств или усилившаяся политическая реакция, или и то и другое вместе взятое, но само намерение — создать критико-библиографический орган для широких масс, помочь рабочему и крестьянину разобраться во всей вышедшей и выходящей литературе, указать и оценить лучшее — не было случайным, оно отвечало насущным потребностям времени.

На иного читателя было рассчитано «Критическое обозрение», серия периодических сборников, а с 1909 года журнал Комиссии по организации домашнего чтения [2]. Вокруг журнала объединилась московская буржуазно-либеральная профессура, представители различных политических партий. Редактором отделов журнала выступали: Н. Д. Виноградов (философский отд.), М. О. Гершензон (литературный отд.), И. М. Гольдштейн (экономический отд.), Б. А. Кистяковский (юридический отд.), Н. К. Кольцов (естественнонаучный отд.), Д. М. Петрушевский (исторический отд.).

Цель издания — «поднять на уровень истинной научности дело оценки текущей литературы». «Критическое обозрение» не занималось рекомендацией книг для масс, поэтому совершенно не рассматривало политическую брошюру, к этому времени постепенно исчезавшую с книжного рынка; журнал стремился стать органом строго научного характера, «чуждого всякой партийности», следить за движением научной и научно-популярной литературы и развитием русской общественной мысли. «Критическое обозрение» обслуживало читателя, который занимался общим самообразованием по «московским» программам домашнего чтения. Содержание журнала складывалось из библиографических обзоров литературы по разным вопросам, преимущественно общественных наук, критических отзывов-рецензий и систематического указателя новых на-

---

1 Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. Т. 2. М., Акад. наук, 1961, с. 496—498.

2 «Критическое обозрение». Серия периодических сборников, издаваемая при Комиссии по организации домашнего чтения. Ред. Е. Н. Орлова, с № 6 1908 г. — Б. А. Кистяковский. Изд. Е. Н. Орлова. М., 1907—1909; с 1909 г. — журнал.

учных и научно-популярных книг. Кроме того в журнале помещались программы чтения по отдельным вопросам и темам.

Политическое направление «Критического обозрения», несмотря на заверения в «беспартийности», отчетливо проявлялось как в положительной оценке кадетской литературы, так и в упреках в «односторонности» авторов-марксистов [1].

Журнал, по мнению современников, был полезен для больших библиотек столичных и университетских городов, но для широких масс читающей России ничего не давал [2]. Его выход прекратился из-за недостатка средств и подписчиков, хотя за 1907—1909 годы в общей сложности разошлось 30 тысяч экземпляров отдельных выпусков «Критического обозрения» [3]. Библиографические функции этого издания в дальнейшем выполнял журнал «Русская мысль».

Наступление реакции ознаменовалось появлением критико-библиографических журналов откровенно монархического характера. Первый из них — «В мире книг» [4] (сентябрь — ноябрь 1907 г.) после короткого существования в виде отдельного издания превратился в один из отделов черносотенной газеты «Русский стяг». Близкий к Московскому комитету по делам печати, журнал «В мире книг» печатал списки изъятых из обращения книг, незначительные критико-библиографические заметки и небольшие материалы по статистике печати. Еще более ничтожными изданиями были «Книжный справочник для народа и войск» [5] и «Книжный вестник» [6], выходивший в качестве бесплатного приложения к газете «Русское чтение».

---

[1] Лавринович Ю. — «Новая книга», 1907, № 13, с. 23—24.

[2] Мезьер А. В. О журнальной критико-библиографической литературе 1907—1909 гг. — «Русская школа», 1909, № 10, отд. 3, с. 31—33.

[3] Отчет о деятельности учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1908 и 1909 годы. М., 1911, с. 21, 155—156.

[4] «В мире книг». Историко-литературный и критико-библиографический двухнедельный журнал. Ред. А. И. Остроглазов. Изд. И. П. Купчинов. М., 1907, № 1—5.

[5] «Книжный справочник для народа и войск». Ежемесячное прил. к журн. «Правда и знание». Ред. И. Д. Малиновский. Изд. П. Н. Левашев. Спб., 1908, № 1—2.

[6] «Книжный вестник русского чтения». Ежемесячный художественно-иллюстрированный журнал. Прил. к газ. «Русское чтение». Ред.-изд. Д. Н. Дубенский. Спб., 1909—1910.

В дальнейшем масштабы и характер реакционных библиографических начинаний резко меняются. В августе 1912 года в Москве начинает выходить двухнедельный «Народно-просветительный книжный вестник», баснословный тираж которого (200 тысяч) предназначался главным образом для бесплатного распространения[1]. Черносотенный вестник, призванный оказывать политическое и моральное воздействие на широкие массы трудящихся, под видом «просветительного издания» пропагандировал монархическую литературу. Появление этого рептильного органа стоит в одном ряду с организацией специального комитета народных изданий при министерстве внутренних дел, с ассигнованием крупных средств на содержание ряда газет («Сельского вестника» и других), выпуском и бесплатным распространением миллионов экземпляров реакционных газет, журналов, брошюр, плакатов, листовок и т. д.

В «Народно-просветительном книжном вестнике» печатались списки рекомендованных для выписки газет и журналов, сплошь состоявшие из черносотенных изданий, примерные сельскохозяйственные библиотеки, каталоги трезвенной литературы, перечни книг для нижних чинов полиции и т. д. Журнал велся неумело и малограмотно. Скудный запас библиографического материала быстро иссяк, содержание номеров стало повторяться и свелось в конечном счете к книжным объявлениям. В декабре 1912 года вестник прекратился, просуществовав лишь четыре месяца.

С подъемом революционного движения в стране постепенно оживал интерес к событиям общественной, политической и литературной жизни. Это нашло свой отголосок в появлении прогрессивных критико-библиографических журналов, в которых рекомендация литературы, руководство чтением и самообразованием выдвинулись на первый план.

Почти одновременно в Москве и Петербурге возникли два коллективно организованных критико-библиографических журнала «Новости детской литературы» и «Что и как читать детям», посвященных детской литературе и руководству детским чтением.

---

[1] «Народно-просветительный книжный вестник». Двухнедельный журнал, ставящий своей целью служить проводником полезной книги в народ. Ред.-изд. М. Д. Плетнев. М., 1912, № 1—8.

Журнал «Новости детской литературы» [1] был выразителем взглядов и деятельности коллектива педагогов-библиографов, связанных общей работой в комиссии по организации домашнего чтения и в детской библиотеке М. В. Бередниковой. Кроме членов отдела детского чтения, в нем принимали участие О. И. Капица, В. А. Зеленко, И. В. Владиславлев, Н. А. Саввин, С. О. Серополко, Н. В. Чехов и другие известные педагоги и библиографы.

В редакцию журнала «Что и как читать детям» [2] входили педагоги, литераторы и другие лица, близко стоявшие к школе и к вопросам детского чтения. В журнале сотрудничали: Н. Н. Бахтин, В. А. Зеленко, М. В. Имшенецкая, А. М. Калмыкова, О. И. Капица, В. А. Коротнева, Ю. И. Менжинская, В. С. Мурзаев, Л. Г. Оршанский, Н. А. Саввин, Г. Г. Тумим, Е. М. Чарнолуская и другие.

Новые журналы в отличие от «Библиографического листка» (1881—1882) — первого в России периодического издания в области библиографии детской книги, не ограничивались задачами специфически библиографическими, а занимались всей проблематикой детской литературы и детского чтения.

В программной статье А. И. Колмогорова «Принципы критики детских книг» [3], которая печаталась как текст доклада на предстоящем съезде по семейному воспитанию, изложены основные требования, предъявляемые к детской книге. Принципы оценки книг, коллективно выработанные и практически проверенные при составлении «бередниковских каталогов», определили критико-библиографическую деятельность журнала «Новости детской литературы».

Журнал «Новости детской литературы» был несколько больше по объему и шире по содержанию, чем журнал «Что и как читать детям», но принципиального различия между ними не было. Авторы, помещавшие свои статьи в московском журнале, нередко на ту же тему выступали и в петербургском органе. Тот и другой коллектив руко-

---

[1] «Новости детской литературы». Критико-библиографический журнал. Ред. А. И. Колмогоров. Изд. детская библиотека М. В. Бередниковой, при участии отд. детского чтения комиссии по организации домашнего чтения при учебном отд. Московского общества распространения технических знаний. М., 1911—1916.

[2] «Что и как читать детям». Критико-библиографический журнал. Ред. Е. А. Елачич. Изд. Н. А. Бекетова. Спб., 1911—1917.

[3] «Новости детской литературы», 1913, № 10—11, с. 1—6.

водствовались единой целью — облегчить проникновение хорошей детской книги в семью и школу, содействовать сознательному выбору литературы, бороться с распространением недоброкачественной печатной продукции. Оба журнала знакомили читателей с теоретической и практической разработкой вопросов детского чтения, очень полно информировали о новинках детской литературы, критически оценивали как вновь выходящие, так и имевшиеся на книжном рынке детские книги.

Редакции этих журналов поставили перед собой нелегкую задачу — держать в поле зрения и подвергать критическому разбору всю выходящую детскую литературу. По сведениям журнала «Что и как читать детям», в котором велась ежегодная статистика прорецензированных книг, за годы 1911—1916 получили печатные отзывы 3500 изданий, общее же число рассмотренных названий значительно превышало эту цифру; журнал «Новости детской литературы» не вел подобного учета, но его критическая деятельность была не менее интенсивна. Оба журнала в совокупности давали достаточно полное представление о детской литературе тех лет. Кроме рецензий на книги, печатались обзоры и статьи, посвященные отдельным темам, деятельности издательств, творчеству того или иного детского писателя, общественным организациям и частным кружкам, работавшим над проблемами детского чтения. Находили отражение и поиски новых форм пропаганды научных знаний. Так, на страницах «Новостей детской литературы» появился образец библиографического плаката «Народы и страны», составленного под руководством И. В. Владиславлева в одной из московских библиотек [1]. В том же журнале родилась идея организации показательной библиотеки детских книг [2].

В заслугу журналам надо поставить пропаганду хороших детских книг, последовательную борьбу с вредным хламом, с серой ремесленнической книгой, в массе появлявшейся на книжном рынке. Внимание к художественному облику детской книги, борьба с малограмотным и безвкусным оформлением оказали воздействие на изда-

---

[1] Владиславлев И. В. К вопросу об оживлении деятельности библиотек для юношества. — «Новости детской литературы», 1915, № 8—9, с. 1—6. Лист плаката прилагался к статье.

[2] Капица О. И. Показательная библиотека детских книг. — «Новости детской литературы», 1913—1914, № 1, с. 6—7.

тельскую практику и способствовали повышению требований к внешнему виду изданий. Журналы живо и оперативно откликались на каждое новое явление в области библиографии детской литературы; обзоры библиографических указателей, составленные О. И. Капицей и Н. Н. Бахтиным и опубликованные в журналах, содержали много верных и ценных наблюдений[1]. Объединение разрозненных сил, рассеянных по различным библиографическим организациям и кружкам, тоже надо причислить к заслугам журналов.

Слабой стороной их деятельности оказалось отсутствие широкой связи с низовыми библиотеками, особенно с провинциальными, поэтому сфера наблюдения над детским чтением ограничивалась привилегированными библиотеками, читатель которых, как правило, не отражал интересы и запросы детей из пролетарских слоев.

Роль информатора, особенно для провинциального читателя, оторванного от книжных центров, выполнял выходивший в Москве под редакцией Б. С. Боднарского «Бюллетень книжных новостей» (1910—1911), позднее превратившийся в журнал «Бюллетени литературы и жизни» (1911—1918)[2], издание нового типа, одновременно выполнявшее функции информационно-библиографического и рекомендательного органа.

Облик этого своеобразного журнала журналов окончательно сформировался под влиянием высказываний выдающегося русского писателя-народника Г. И. Успенского, мысли которого о месте и значении библиографии в периодическом издании стали широко известны в 1912 году, когда «Русское богатство» впервые опубликовало его переписку (1875—1876 гг.) с А. В. Каменским[3]. В середине

---

[1] Бахтин Н. Н. Указатели детских книг. — «Что и как читать детям», 1912—1913, № 7, с. 1—12; Капица О. И. Обзор указателей детских книг. — «Новости детской литературы», 1912, № 12, с. 6—13; 1915, № 7, с. 1—2; № 8—9, с. 6—14.

[2] «Бюллетень книжных новостей». Ред. Б. С. Боднарский. Изд. кн. маг. «Труд». М., 1909—1910.

«Бюллетени книжных и литературных новостей». Ред. В. А. Крандиевский. Изд. кн. маг. «Труд». М., 1910—1911. Журнал продолжал «Бюллетень книжных новостей».

«Бюллетени литературы и жизни». Ред.-изд. В. А. Крандиевский. М., 1911—1918. Журнал продолжал «Бюллетени книжных и литературных новостей». Ред. библиогр. отд. был Б. С. Боднарский.

[3] «Русское богатство», 1912, № 3, ст. 178—198.

70-х годов прошлого века Г. И. Успенский, развивая план реорганизации дешевого и общедоступного журнала в орган библиографический, мечтал именно о таком периодическом издании, которое по своему характеру будет обзором всего наиболее важного и значительного из появившегося в печати, вместит в себя все животрепещущие вопросы и передаст не столько библиографу, сколько читателю. «все, что в вышедших в течение месяца журналах и книгах сказано было интересного и хорошего» [1].

В «Бюллетенях литературы и жизни» печатались довольно полные перечни новых книг с краткими аннотациями, выдержки из рецензий, помещенных в больших и солидных периодических изданиях, содержание ежемесячных журналов общего характера и специального профиля. За год «Бюллетени» составляли большой том в 600 страниц, содержавший до 2000 описаний новых книг и до 1000 отзывов о книгах. Кроме того, читателю предлагался материал для чтения в виде кратких заметок об отдельных книгах, деятельности писателей и т. д. Литературный отдел «Бюллетеней» давал экстракт статей, опубликованных в периодической печати по самым разнообразным вопросам.

Появление такого компилятивного журнала, заимствующего материал из других органов печати, К. Н. Дерунов, не без основания, связывал с перепроизводством журнальной литературы, с ее избыточностью, при которой возникала потребность в беглом обзоре всего наиболее существенного из напечатанного.

Так же, как и предыдущее издание, провинциальному читателю был адресован «Обзор книг и журналов» (1912—1913), выходивший в Петербурге в качестве бесплатного ежемесячного библиографического приложения к еженедельному «Народному журналу» [2]. «Обзор» полностью составлялся А. В. Мезьер, которая сверх того вела обширную переписку библиографического характера с читателями «Народного журнала», часто отвечала на их запросы рекомендательными списками литературы, обстоятельно составленными и сопровождавшимися методическими советами [3].

---

[1] «Русское богатство», 1912, № 3, с. 179—180.

[2] «Обзор книг и журналов». Ред. Е. К. Замысловская. Изд. Т-во «Общественная польза». Спб., 1912—1913. Беспл. прил. к «Народному журналу».

[3] ГПБ. Фонд А. В. Мезьер. Переписка «Народного журнала».

Подписчиками журнала состояли учителя сельских школ, рабочие провинциальных городов и местечек, железнодорожные служащие, телеграфисты, конторщики. Основное назначение «Обзора книг и журналов» заключалось в оказании помощи занимавшимся самообразованием и в своевременной информации читателей о новых книгах по самым разнообразным вопросам, связанным с экономикой России, прикладными знаниями, педагогикой, народным образованием, положением рабочего класса, женским равноправием и т. д. Он рекомендовал лучшие книги и активно предостерегал против чтения низкосортной, бульварной литературы, широко распространенной в годы политической реакции. А. В. Мезьер в списках и обзорах отводила много места программам самообразования, учила читателей пользоваться справочниками и библиографическими указателями. Пропаганде библиографии и методике работы над книгой она посвятила в журнале специальную статью [1].

Выход «Обзора» в 1913 году сократился до двух раз в год, но взамен этого появился библиографический отдел на страницах самого «Народного журнала».

Годы первой мировой войны для рекомендательной библиографической периодики были застойными годами, хотя необходимость таких изданий осознавалась передовыми библиографами. По этому поводу в начале 1915 года И. В. Владиславлев писал Н. А. Рубакину: «Так вот нужно у нас библиографическое издание, которое обслуживало бы 1) общедоступные библиотеки и 2) обширный круг лиц, преследующих цели самообразования» [2]. Мысль о библиографическом популярном журнале не давала покоя И. В. Владиславлеву, но возможности для ее осуществления отсутствовали. В этот период не появилось ни одного нового общедоступного библиографического издания, а из существовавших дожили до 1917 года только два журнала — «Бюллетени литературы и жизни» и «Что и как читать детям».

В период между двумя революциями (Февральской и Великой Октябрьской) возникло сравнительно большое число рекомендательных библиографических журналов,

---

[1] «Книга о книгах» и о чтении. — «Обзор книг и журналов», 1913, № 2, стлб. 1—32. (Прил. к «Народному журналу», 1913, № 60).

[2] ГБЛ. Ф 358. карт, 215, ед. хр. 3. Письма И. В. Владиславлева Н. А. Рубакину. Март — апрель 1915 г.

адресованных рабочим, крестьянам и солдатам. Шесть из них выходили в Москве и два — в Петрограде [1].

Среди них были явно эсеровские издания («Читатель»), меньшевистско-эсеровские («Брошюра и книга», «Что читать»), кадетские («Бюллетень Общества политического просвещения армии и широких слоев населения») и беспартийные, но с той или иной политической окраской, чаще всего эсеровской. Не было только большевистских. Последнее обстоятельство в значительной степени объяснялось тем, что многие деятели большевистской партии еще не вернулись к этому времени из ссылок, тюрем, эмиграции и армии.

В центре внимания всех без исключения журналов этого периода стояли злободневные вопросы политической жизни (в первую очередь вопрос о власти, отношение к войне и аграрный вопрос). Библиографические обзоры, рецензии, рекомендательные списки — вся пропаганда текущей литературы велась соответственно политической платформе редакции этих органов.

В журнале «Брошюра и книга» все рецензируемые книги оценивались по шкале: А — безупречные, Б — с изъянами, но трудно заменимые, В — не рекомендуемые.

---

[1] «Библиографический справочник». Ред. В. П. Кранихфельд. Изд. Глав. ком. Всерос. союза городов. М., 1917, № 1 (сент.) — 5 (ноябрь). Прил. к журн. «Городской вестник Всерос. союза городов. Двухнедельное издание по вопросам муниципальной жизни». М., 1917, (к № 6, 7, 8, 9 и 11).

«Брошюра и книга». Периодический сборник отзывов и систематических обзоров популярных брошюр и книг. Ред. И. П. Сазонов. М., Кн-во «Солидарность», 1917, № 1—3.

«Бюллетень Общества политического просвещения армии и широких слоев населения». Ред. Председатель Общества. М., 1917, № 1 (июль) — 2 (авг.).

«В помощь читателю и библиотекарю». Библиографический ежемесячник. Ред. И. В. Владиславлев. Изд. «Наука». М., 1917, вып. 1—8; 1918, вып. 1(9). В 1918 г. выходил под назв.: «Библиографический ежемесячник. В помощь читателю и библиотекарю».

«Спутник читателя». Критическое обозрение новейшей литературы по общественно-политическим вопросам. Изд. Комис. по народной лит. при Союзе писателей. Пг., 1917, № 1.

«Указатель». Изд. Общество младших преподавателей Моск. ун-та. М., 1917.

«Что читать». Изд. Лит.-агит. отд. при Всерос. совете рабочих и солдатских депутатов. Пг., 1917, № 1.

«Читатель». Журнал, посвященный вопросам самообразования, библиотечного дела, пропаганды и библиографии. Ред. Н. А. Ульянов. Изд. «Земля и воля». М., 1917, № 1—4; 1918, № 5.

Меньшевистские и эсеровские брошюры о продолжении войны до победного конца, о поддержке Временного правительства, активно направленные против большевиков, — относились к первой группе, тогда как брошюры М. С. Ольминского «Об Учредительном собрании», А. М. Коллонтай «Кому нужна война» и «Кто такие с.-д. и чего они хотят» с резко отрицательными отзывами попадали в третью группу.

Никаких заявлений о беспристрастности, объективности и беспартийности, столь обычных для более ранних библиографических изданий, редакции этих журналов не делали: рекомендация кадетской или меньшевистской литературы достаточно ясно выявляла их позицию. С помощью библиографии читателя-солдата убеждали в необходимости продолжать кровопролитную войну, крестьянина — не спешить с конфискацией помещичьих земель, рабочих призывали к единству классовых интересов «во имя спасения революции».

Все библиографические журналы к концу 1917 года прекратили свое существование, за исключением ежемесячника И. В. Владиславлева «В помощь читателю и библиотекарю», более широкого по своему назначению и программе и более ясного и четкого по структуре. Кроме обзоров и списков новых книг он имел постоянные отделы — «Детская литература и детское чтение», «Периодическая печать», «Из хроники». Это было единственное издание, в котором велась пропаганда марксистской книги. В разделе «Периодическая печать» на первое место были выдвинуты социал-демократические газеты, в одном из выпусков ежемесячника помещена библиография изданий «Манифеста Коммунистической партии» (1905—1906 и 1917 гг.), составленная А. А. Покровским, в обзоре литературы по аграрному вопросу среди других рекомендованы пять работ В. И. Ленина.

Библиофильские и библиотечно-библиографические журналы

Русская библиофильская периодика в начале века находилась в младенческом состоянии, само назначение, программа и тип самостоятельного библиофильского журнала еще только определялись.

С целью как-то сблизить и объединить собирателей-библиофилов, в 1902 году в Петербурге возник журнал

«Антиквар», скромно именовавший себя «библиографическим листком» [1]. Его издатель, владелец крупного антикварного книжного магазина, библиофил Н. В. Соловьев через год вынужден был признать, что главной цели журнал не достиг. «Листок наш, — отмечал он, — в лучшем случае был встречен равнодушно, иногда же, прямо почти враждебно» [2], заметки и поставленные на страницах «Антиквара» вопросы оставались без обсуждения и ответов. Просуществовав полтора года, библиофильский листок прекратился за неимением подписчиков.

Не претендовавший на роль серьезного научного издания, «Антиквар» в области библиографии не придерживался строгой, последовательной программы. Помещаемый в нем материал был до известной степени случайным, хотя явно тяготел к библиографии истории, литературы и искусства.

Неудача с «Антикваром» и убыточность этого листка не охладили Н. В. Соловьева, в 1911 году приступившего к изданию солидного журнала «Русский библиофил» с более широкой программой [3]. Здесь помещались описания редких и иллюстрированных изданий, частных книжных собраний и коллекций, печатались на страницах журнала и давались в качестве приложений ценные библиографические труды В. П. Семенникова, У. Г. Иваска, А. В. Петрова, А. С. Полякова, М. К. Азадовского и других. В журнале преобладали материалы и исследования по истории русской литературы и искусства, преимущественно театра, XVIII — начала XIX века.

Среди библиографических периодических изданий «Русскому библиофилу» принадлежало то же место, какое занимали в начале века «Старые годы» в искусстве. Для того и другого журнала характерны усиленное внимание к старине, идеализация дворянско-усадебной культуры и полное отстранение от событий современности. Орган эстетствующих любителей книги, «Русский библиофил» отличался изысканностью внешнего вида, которая достигалась изяществом шрифта, высоким качеством бумаги, оби-

---

1 «Антиквар». Библиографический листок. Ред.-изд. Н. В. Соловьев. Спб., 1902—1903.

2 «Антиквар», 1902—1903, № 11—12, с. 331.

3 «Русский библиофил». Иллюстрированный вестник для собирателей книг и гравюр. Ред. Н. В. Соловьев; с № 6 1915 г. В. А. Верещагин. Изд. Н. В. Соловьев; с № 6 1916 г. В. А. Соловьева-Трефилова. Спб., 1911—1916.

лием виньеток, рисунков и воспроизведеннных автографов. Журнал печатался, по меткому выражению А. Блока, «с сумасшедшей роскошью, которую порождает только реакция» [1]; это замечание поэта очень точно зафиксировало особенности тех лет, отразившиеся на «Русском библиофиле».

Из чисто библиофильского издания «Русский библиофил» постепенно превратился в журнал историко-литературного характера. Расширение рамок не укрепило материального положения журнала, он продолжал оставаться убыточным изданием (только за первые пять лет принесенный им убыток составил сумму около 40 тысяч рублей). Это обстоятельство обусловило непрочность существования журнала, которая увеличилась со смертью в 1915 году мецената-издателя Н. В. Соловьева. Дотянув до конца 1916 года, «Русский библиофил» прекратился [2].

Из библиотечно-библиографической периодики начала XX века известны три издания: «Бюллетень библиотеки Харьковского университета» [3], «Бюллетень библиотеки Вольного экономического общества» [4] и «Бюллетень Харьковской общественной библиотеки» [5]. Все три бюллетеня заполнены систематическими списками книг и периодических изданий, поступивших в библиотеки за тот или иной отрезок времени. В «Бюллетене Харьковской общественной библиотеки» обращает на себя внимание «Местный отдел», который включал литературу краеведческого характера.

Несмотря на малочисленность и небольшую библиографическую значимость названных изданий, более интересных для истории этих библиотек, все же из факта их появления можно сделать некоторые выводы. XIX век почти не знал библиографических бюллетеней такого рода, если не считать единственных «Известий об изданиях, поступи-

---

1 Дневник А. Блока. 1911—1913. Под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928, с. 84.

2 Корректура и частично сохранившиеся авторские статьи «Русского библиофила» за 1917 г. находятся в Отд. рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

3 «Бюллетень библиотеки имп. Харьковского университета». Ред. К. И. Рубинский. Харьков, 1906—1907, 1911—1912.

4 «Бюллетень библиотеки имп. Вольного экономического общества». Пг., 1916, № 1—2. Последний вып. вышел в 1917 г.

5 «Бюллетень Харьковской общественной библиотеки». Харьков, 1916—1917, № 1—5.

вших в Библиотеку Медико-хирургической академии» (1880—1881, 1883—1884). Потребность читателей в информации о новых поступлениях ранее удовлетворялась различными «дополнениями» к печатным каталогам библиотек. В XX веке назрела необходимость в более регулярном и постоянном осведомлении читателей о новых приобретениях библиотек.

О том же говорило появление большого числа общих и отраслевых книготорговых и критико-библиографических журналов и бюллетеней. Усиливалась потребность в постоянной и организованной текущей информации о выходящих произведениях печати и всех событиях в книжном и библиотечном мире, удовлетворить которую лучше всего могли библиографические периодические издания — наиболее удобная и оперативная форма библиографического обслуживания.

9

БИБЛИОГРАФИЯ БИБЛИОГРАФИИ

В XIX веке выявлением и собиранием библиографических изданий занимались преимущественно одиночки библиографы-библиофилы (Г. Н. Геннади, Н. Ф. Бокачев, Н. П. Смирнов), и все немногочисленные библиографии второй степени, выходившие в то время в виде каталогов частных собраний, как правило, не служили практическим целям и предназначались узкому кругу любителей.

Соответственно росту производства книг в конце XIX века быстро увеличивалось и число библиографических пособий в различных отраслях знания, учет их становился уже не под силу отдельным коллекционерам и любителям, да и сравнительно узкие интересы составителей обычно ограничивались областью гуманитарных наук. Заметно расширился и круг лиц, нуждавшихся в библиографии библиографии; в ней были заинтересованы деятели науки, работники библиотек, библиографы, преподаватели и слушатели библиотечных курсов, руководители детским чтением, лица, занимавшиеся самообразованием. Таким образом, назревала практическая необходимость в подведении итогов как общей, так и отраслевой русской библио-

графии, в организации текущего учета всей библиографической литературы и критическом обзоре основных библиографических изданий.

Несколько незавершенных попыток составления полного свода библиографической литературы относятся еще к концу XIX века. Одна из них принадлежала Н. М. Лисовскому, вторая — В. Ф. Фрейману и третья — Московскому библиографическому кружку.

В начале нового столетия внимание к библиографии второй степени проявляют все без исключения крупные библиографы (Н. М. Лисовский, А. Д. Торопов, А. В. Мезьер, Н. А. Рубакин, К. Н. Дерунов, Б. С. Боднарский, Д. В. Ульянинский и другие), причем многие из них, выступая в различных жанрах, открыли новые страницы в этой области русской библиографии.

Составление и издание крупной ретроспективной библиографии второй степени по-прежнему рассматривалось как давно ожидающая своего решения первостепенная проблема. «Никакое нормальное материальное развитие нашей библиографии, — писал К. Н. Дерунов, — не мыслимо до тех пор, пока в руках русского библиографа не будет специальной описи русской библиографической литературы (библиографии библиографии)» [1].

Такого рода описи подготавливались отдельными библиографами. А. Д. Торопов в 1900 году опубликовал незначительным тиражом «Литературу русской библиографии» (100 названий на карточках), небольшую часть своей картотеки, которую он вел с 1891 года и продолжал пополнять в последующие годы [2]. Часть собранного материала вошла в алфавитный список «Библиография библиографии за год» (с октября 1907 по октябрь 1908), опубликованный в книге А. Д. Торопова «Альманах печати на 1909 год» (Спб., 1908).

Аналогичную библиографию вел член Русского библиографического общества Я. Г. Квасков, реальность существования его карточного каталога подтверждается архивными материалами Русского библиографического общества. Первый всероссийский съезд по библиотечному делу в 1911

---

[1] Д е р у н о в К. Н. Жизненные задачи библиографии. (Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет). — «Библиогр. известия», 1913, № 1, с. 22.

[2] М а с а н о в Ю. И. А. Д. Торопов. М., Всесоюз. кн. палата, 1951, с. 9.

году признал чрезвычайно важным осуществление сводного каталога русских библиографических указателей объединенными усилиями академических библиотек и ученых обществ, поэтому предложение Я. Г. Кваскова—предоставить для данной цели имеющийся у него карточный каталог русской библиографии — вызвало в то время большие надежды и уверенность в скором завершении библиографического репертуара [1]. С 1911 по 1916 год картотека Я. Г. Кваскова приводилась в порядок и пополнялась. Систематизированный по содержанию материал был разбит в ней по отделам: теория библиографии, библиографические указатели, библиотековедение, каталоги библиотек и прочие издания. Всего было собрано 4619 карточек, из которых 42 процента падало на каталоги. После просмотра Лисовским репертуара Кваскова, картотека была передана в библиотеку Института инженеров путей сообщения (Петроград) для пополнения и затем дальнейшего следования по кругу библиотек. На этом все сведения о библиографии библиографии Я. Г. Кваскова обрываются [2].

В этой цепи незавершенных замыслов одно звено принадлежало Библиографическому кружку при С.-Петербургском университете (1906), наметившему составление «Полного (карточного) каталога всех статей и трудов по русской библиографии» [3]; второе звено — Русскому библиологическому обществу, которое из-за отсутствия средств не могло напечатать составленную А. Е. Яновским библиографию русской библиографии [4]. Начинания отдельных лиц и общественных организаций не были доведены до конца, за исключением одной лишь работы известного библиофила Д. В. Ульянинского (1861—1918).

В 1912—1915 годах вышла в свет гордость русской библиофильской библиографии — трехтомное описание библиотеки Д. В. Ульянинского, богатой книжными редкостями и первоклассными «диковинками библиотечного царства».

Второй том этого каталога, содержащий описание коллекции библиографических изданий, представлял не

---

[1] Труды Первого всероссийского съезда по библиотечному делу. Ч. 2. Спб., 1911, с. 197—198.
[2] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, 1911—1916 гг., д. 60. 4 л.
[3] ИРЛИ. Ф. 153, № 125, л. 4—5.
[4] Шафрановский К. И. Русское библиологическое общество.— «Библиогр. известия», 1926, № 1—4, с. 16.

только библиофильскую, но и бесспорно научную ценность, хотя ее размеры несколько преувеличены современниками и почитателями Д. В. Ульянинского [1].

Библиофильский характер библиотеки сказался на содержании, конструкции, описании и даже на внешнем виде и тираже каталога. Расширительное толкование библиографии, свойственное Д. В. Ульянинскому, включавшему в это понятие библиотечное, типографское, издательское, переплетное, книгопродавческое дело, историю книги и цензуры, привело его к коллекционированию разнообразных книговедческих изданий, среди которых встречались и ценнейшие историко-культурные памятники и мизерный по своей значимости материал (пригласительные билеты на молебствие, меню обеда в день юбилея книжной фирмы и т. д.). Разные диковинки из его книжного собрания не раз демонстрировались в Русском библиографическом обществе.

Библиофильские интересы уводили Д. В. Ульянинского в старину, в поиски редкостей XVIII и начала XIX века, поэтому современной библиографии он уделил сравнительно меньше внимания. В его книжном собрании почти полностью отсутствовала отраслевая и рекомендательная библиография, с большими пробелами представлены указатели запрещенных изданий, даже подбор официальных каталогов Главного управления по делам печати в библиотеке случаен. Последнее объяснялось Д. В. Ульянинским тем, что «приобретение всех этих изданий очень затруднительно, так как в антикварной продаже они встречаются редко и случайно, а большая часть и вовсе не попадается» [2].

Затрачивая много сил и упорства в разыскании и собирании редких изданий, Д. В. Ульянинский оставался безучастным к запрещенным библиографиям массовой политической книги XX века, новому, необычному в русской действительности явлению. В силу всех этих ограничений описание библиотеки Д. В. Ульянинского, считавшейся в кругу библиофилов богатейшей коллекцией материалов по

---

[1] Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиогр. описание. Т. 2. Библиография. М., изд. автора, 1912 (на обл. 1913). [6], 411—1198, [6] с. В каталоге зарегистрировано 2137 номеров.

После смерти Д. В. Ульянинского его библиотека, за исключением раздела русской литературы XIX в., поступила в Гос. библиотеку СССР им. В. И. Ленина.

[2] Библиотека Д. В. Ульянинского. Т. 2, с. 806—807.

русской библиографии, нельзя назвать полным репертуаром русских библиографических изданий.

В самом библиографическом описании Д. В. Ульянинский сделал резкий поворот в сторону формализма. Рабское копирование титульного листа привело к перегруженности описания мелочными и лишними сведениями (указывались, например, номер телефона типографии, где печаталась книга, эпиграфы и т. д.). Лишенное единообразия, прихотливое расположение элементов записи, произвольность авторского заголовка в свою очередь повлияли на порядок размещения материала в каталоге. Внешняя сторона описания явно заслоняла содержание книги, которое не раскрывалось в аннотациях узкобиблиофильского характера. Редко и случайно приводились рецензии на библиографические указатели, что тоже снижало справочную ценность каталога.

Узкая цель, своеобразие принципов отбора библиографических изданий, ничтожный тираж (375 экз.) ограничили популярность каталога Д. В. Ульянинского небольшим кругом книгособирателей-любителей. Библиофильское направление в библиографии второй степени, продолжавшее традиции Г. Н. Геннади, утрачивало свое первостепенное значение и отступало на второй план перед работами, рожденными потребностями науки и практики.

Усилия библиографов направлялись не только на решение такой важной задачи, как создание исчерпывающей библиографии русской библиографии, попутно создавались и другие типы библиографических пособий. В процессе работы над «Русской периодической печатью» Н. М. Лисовский выявил сравнительно большое число указателей к русским периодическим изданиям. Накопившийся материал, дополненный сведениями из библиографических источников, послужил ему основанием для «Списка указателей к русским периодическим изданиям XVIII—XIX ст.» [1] — первой работы, специально посвященной учету аналитической библиографии. Далекий от полноты, предварительный «Список» Н. М. Лисовского содержал немногим более 350 записей и вскоре был основательно дополнен П. А. Дилакторским, Н. К. Пиксановым и дру-

---

[1] Лисовский Н. М. Список указателей к русским периодическим изданиям XVIII—XIX ст. — «Литературный вестник», 1903, т. 5, кн. 2, с. 177—194. Отд. отт. Спб., 1903. 64 с. Авторский указатель приложен только к оттиску.

гими, внесшими в библиографию около 140 дополнений и поправок [1].

При всей несовершенности «Список» Н. М. Лисовского остался в дореволюционной библиографии единственным опубликованным указателем такого рода. В этом же направлении работал библиограф А. С. Поляков, который в 1915 году активно собирал материал для «Списка указателей к русским повременным изданиям [2]. Его труд сохранился лишь в корректурных оттисках [3].

В ретроспективной библиографии второй степени впервые начинают появляться пособия чисто практического, конкретного характера, предназначенные в первую очередь библиотекарям. В этих пособиях, коренным образом отличавшихся от учетно-регистрационных библиографий, отсутствует стремление к максимальной полноте охвата материала и отбор последнего чаще всего ограничен справочными целями.

Н. А. Рубакин, один из первых оценивший важность хорошо скомплектованного и рационально организованного справочно-библиографического аппарата в библиотеке, составил список необходимых пособий для библиотекарей и дал методические указания, как и с какой целью можно использовать в библиотечной работе те или иные библиографические указатели [4]. От составления краткого списка он вскоре приходит к необходимости создания большой ретроспективной библиографии второй степени, не ограниченной практическими библиотечными целями. Отдел библиографии во втором издании «Среди книг», для которого Н. А. Рубакин много лет собирал материал, обещал быть именно таким широко задуманным сводом русских библиографических пособий, но, как уже упоминалось, это намерение осталось незавершенным.

С той же целью, оказать помощь библиотекарю в комплектовании библиотеки, систематизации книг и в повсед-

---

[1] Дилакторский П. А., Пиксанов Н. К., Альбицкий К. П. Дополнение к труду Н. М. Лисовского «Список указателей к русским периодическим изданиям XVIII—XIX ст.» — «Литературный вестник», 1903, т. 6. кн. 7—8, с. 290—296; [Глинский Б. Б.]. — «Исторический вестник», 1904, № 5, с. 706. Подпись: Беге.

[2] ИРЛИ. Ф. 153, № 700, л. 52.

[3] Поляков А. С. Список указателей к русским повременным изданиям. Под ред. и с доп. Л. К. Ильинского. Л., «Колос», 1925. 177 с. (В помощь библиотекарю). Корректурный оттиск.

[4] Рубакин Н. А. Среди книг. Спб., 1906, с. 267—286.

невной работе, в «Примерном библиотечном каталоге» К. Н. Дерунова помещен перечень справочных и библиографических изданий [1]. Комиссия библиотековедения Русского библиографического общества в процессе подготовки нормального каталога для общедоступных библиотек опубликовала предварительный список библиографических пособий [2]. В ответ на запросы библиотечной работы появилось несколько небольших библиографий, составленных преподавателями первых в России библиотечных курсов при Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского [3] и курсах, организованных земствами.

Крупным событием в организации и становлении текущей библиографии русской библиографии было возникновение учета библиографической литературы на страницах журнала «Библиографические известия». Начиная с 1913 года Б. С. Боднарский систематически, на протяжении многих лет (1913—1925, 1929), печатал в журнале «Библиографию русской библиографии»[4], в которой регистриро-

---

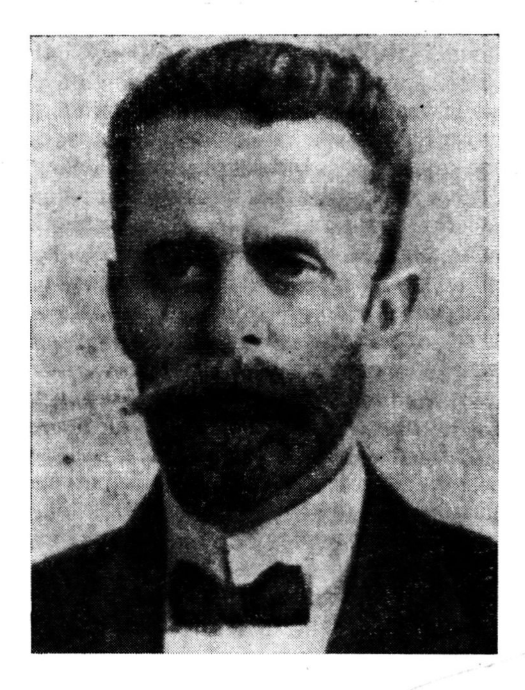
[1] Дерунов К. Н. Примерный библиотечный каталог. Ч. 2. Спб., 1906, с. 38—44.
То же. Ч. 2. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1911, с. 178—186.

[2] Список книг по библиотечному делу и библиографии, наиболее необходимых для библиотекарей общедоступных библиотек. Проект. М., Рус. библиогр. об-во, 1912. 6 с.

[3] Серополко С. О. [Список библиографических указателей]. — В кн.: Нижегородский ежегодник на 1912 г. Сост. Г. И. Сергеев и В. Е. Чешихин (Ч. Ветринский). Н. Новгород, [1911], стлб. 186—188.
Серополко С. О. Список библиографических указателей и примерных каталогов, необходимых при составлении каталога библиотек. — В кн.: Практическая школьная энциклопедия. Под общ. ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1912, с. 677—679.
Серополко С. О. Практическая библиография. М., [1913]. 4 с. Свыше 100 назв.
То же. [Изд. 2-е, доп.]. М., изд. ун-та им. А. Л. Шанявского, 1914. 4 с.
Покровский А. А. О подборе книг для общедоступных библиотек. (Советы начинающим библиотекарям). — «Библиотекарь», 1915, вып. 3—4, с. 245—272. Свыше 20 назв.

[4] Боднарский Б. С. Библиография русской библиографии. Библиографическая литература за ... [1913—1925, 1929 гг.]. — «Библиогр. известия», 1913—1923, 1925, 1929. В каждом номере.
То же. Отдельное издание.
... с 1913 по 1917 включит. М., 1918. 442 с. В конце тома вспомогательный указатель.
... с 1918 по 1922 включит. М., 1923. 116 с.
... с 1923 по 1925 включит. М., 1926. 210 с.
... за 1929 г. М., 1930. 111 с.

Богдан Степанович Боднарский (1874—1968)
фото около 1915 года



вались не только теоретическая и практическая библиография (указатели и книгопродавческие каталоги), но и весь комплекс литературы, относящийся к книговедению (печать, цензура, книгопроизводство и книгораспространение, библиография, библиотековедение и т. д.).

Предшественником Б. С. Боднарского в этой области условно можно считать А. Д. Торопова, опубликовавшего в конце 1908 года первый в России ежегодник библиографии второй степени. Составленный по более узкой программе, ежегодник учитывал только отдельно изданные библиографии и некоторые книговедческие материалы[1].

«Библиография русской библиографии» Б. С. Боднарского примыкала к ретроспективной библиографии Д. В. Ульянинского и как бы продолжала ее хронологически, но только хронологически, так как по своему содержанию она значительно шире учитывала все виды и типы библиографии, все ее отрасли и направления. В мировой библиогра-

---

[1] [Торопов А. Д.]. Библиография библиографии за год. С 1 окт. 1907 г. по 1 окт. 1908 г. — В кн.: Альманах печати на 1909 год. Спб., [1908], с. LXX—CXX.

фической практике это была первая, систематически публикуемая, организованная в научных целях, текущая национальная библиография второй степени. Системы учета текущей библиографии в таких странах, как Германия, Франция, Англия, сложились позднее, в основном в промежутке между двумя мировыми войнами [1].

Основным источником для учета отдельных изданий в «Библиографии русской библиографии» служила «Книжная летопись», а отбор журнальных и частично газетных публикаций составитель ограничил несколькими десятками периодических органов, просматривая для этой цели в первую очередь библиотечно-библиографические журналы. Специальные периодические издания использовались выборочно, преимущество при этом отдавалось педагогическим журналам.

За период 1913—1917 годов всей книговедческой литературы, включая и библиографию, было учтено:

1913 г. — 1226
1914 г. — 1191
1915 г. — 1020
1916 г. — 628
1917 г. — 303
Итого 4368 назв.

Сокращение объема зарегистрированного материала начиная с 1914 года объясняется общим падением производства книг в условиях военного времени и пробелами в «Книжной летописи», образовавшимися после Февральской буржуазно-демократической революции в связи с крушением системы регистрации.

Если судить по первому году регистрации, то три четверти всего включенного Б. С. Боднарским материала составляла библиография в чистом виде (списки, указатели, каталоги), а число отдельно изданных работ несколько превышало количество публикаций в периодических изданиях.

Размещение такого количественно большого материала требовало определенной, строго продуманной системы, или, иными словами, научной классификации. Международный характер децимальной классификации, в то время получившей распространение за рубежом и в России, особенно привлек Б. С. Боднарского, воспринимавшего

---

[1] Симон К. Р. История иностранной библиографии. М., Всесоюз. кн. палата, 1963, с. 690—693.

текущую национальную библиографию как часть единого всемирного учета произведений печати. Поиски материала значительно облегчал вспомогательный указатель, появившийся в отдельном издании «Библиографии русской библиографии».

Было бы неверным считать, что присущая десятичной системе некоторая искусственность размещения материала и отдельные неточности, встречавшиеся в распределении тех или иных библиографических работ под рубриками, сколько-нибудь снижали ценность «Библиографии русской библиографии». В работе Б. С. Боднарского впервые с таким размахом, полнотой и тщательностью был осуществлен текущий учет национальной библиографии, обеспечивший надежную базу для многих последующих библиографий [1]. В оценке ее нельзя не согласиться с П. Н. Берковым, который многолетнюю, в трудных условиях и единолично выполняемую работу Б. С. Боднарского поставил «в самый первый ряд лучших наших трудов по библиографии» [2].

С выходом «Библиографии русской библиографии» стал излишним учет библиографической литературы в журнале «Библиотекарь» [3], где он осуществлялся по особой, более узкой программе и где главное внимание обращалось на библиографию библиотековедения и лишь

---

[1] В процессе многолетней работы над библиографией библиографии у Б. С. Боднарского составилась картотека, хронологические границы которой он впоследствии значительно расширил. Вместо материала за 1913—1925 и 1929 гг. картотека к моменту передачи ее в Гос. библиотеку СССР им. В. И. Ленина учитывала библиографические издания за 1913—1937 гг. без каких-либо перерывов. Число записей соответственно выросло с 7952 до 9300. Полнота картотеки почти исчерпывающая, так как Б. С. Боднарский учитывал все работы, — вплоть до листовок в 1 страницу. В целях лучшего использования уникальной картотеки, записи, ранее располагавшиеся по учетным годам, в строгом порядке десятичной классификации, были организованы в едином ряду за все годы с единой порядковой нумерацией. С той же целью рецензии даны в качестве приложения к основным записям.

[2] Берков П. Н. Б. С. Боднарский как ученый и общественный деятель. — В кн.: Заслуженный деятель науки Богдан Степанович Боднарский. Под ред. Ю. И. Масанова. М., Всесоюз. кн. палата, 1963, с. 10.

[3] Богданов П. М., Королев Н. А., Полозова Н. Н. Списки новых русских книг по библиографии и книжному делу [1911—1913 гг.]. — «Библиотекарь», 1911—1913. Печатались в каждом выпуске, кроме 4-го за 1911 г., в разделе «Библиография русской специальной литературы».

попутно регистрировались чисто библиографические издания.

Новым этапом в развитии общей библиографии второй степени можно считать возникновение и расцвет критических обзоров новой библиографической литературы. В этом жанре особенно деятельно выступала А. В. Мезьер, на протяжении 1906—1917 годов систематически публиковавшая в журналах («Спутник читателя», «Русская школа», «Народный журнал» и др.) критические обзоры текущей библиографической литературы. В 1906 году на страницах «Русской школы» появился ее первый обзор рекомендательных библиографических указателей и библиографической периодики 1905—1906 годов, в котором в числе прочих изданий, с большим сочувствием был разобран и ряд социал-демократических. Уже для этого обзора характерны требования, предъявлявшиеся А. В. Мезьер к рекомендательной, адресованной массовому читателю библиографии. Она настаивала на необходимости особого выделения лучших изданий из числа рекомендованных. Хорошее знание общественно-политической и научно-популярной книги своего времени и степени ее пригодности малоподготовленному читателю делали критические выступления А. В. Мезьер предельно конкретными и глубокими [1]. Она проанализировала около двухсот указателей общественно-политической, детской и научно-популярной литературы, отразив в критических обзорах все наиболее важное и существенное из рекомендательных пособий, вышедших в период между первой русской революцией и октябрем 1917 года.

Параллельно с текущей критической библиографией и на ее основе в России впервые возникает общая ретроспективная рекомендательная библиография второй степени. В этом отношении заслуживает внимания деятельность О. И. Капицы, подготовившей два аннотированных обзора библиографических указателей научно-популярной лите-

---

[1] Мезьер А. В. О библиографических указателях. [1906—1917гг.]. — «Русская школа», 1906, № 10; 1907, № 5—6; 1909, № 10; 1910, № 12; 1912, № 2, 1913, № 1, 2; 1914, № 1, 2, 3, 7—8; 1915, № 11, 1916, № 1; 1917, № 5—8. Обзоры печатались в отделе Критика и библиография. Название их неоднократно менялось. Продолжение обзоров печаталось под загл.: «Книга о книгах». — «В помощь читателю и библиотекарю (Библиографический ежемесячник. Под ред. И. В. Владиславлева)», 1917, вып. 3—4, с. 3—9; вып. 5, с. 2—5.

ратуры, беллетристики и детских книг, предназначенных главным образом для широкого круга читателей [1]. Оба обзора, выделяя основное и сохранившее практическую ценность, подытоживают развитие рекомендательной библиографии за 1862—1909 годы; во втором обзоре впервые дан перечень «партийных» библиографических указателей. Продолжением обзоров О. И. Капицы служит указатель Е. Н. Медынского (с 1881 по 1915 г.) [2].

Менее рельефно и ощутимо в начале XX века развитие отраслевой библиографии второй степени, здесь многое еще в зачаточной форме, хотя и явно протекает процесс постепенного выделения из общей библиографии отраслевых и их обособления в самостоятельные ветви.

Состояние отраслевой библиографии прежде всего нашло отражение, хотя и не совсем равномерное, в общих энциклопедиях. Начало этому положил А. Е. Яновский (1865—1922) своим обзором библиографических пособий по всем отраслям знания в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (т. 6, 1891). План и содержание обширного библиографического свода А. Е. Яновского оставили заметный отпечаток на последующих работах такого же рода в других крупных энциклопедиях.

Обзор трудов библиографического содержания, составленный Н. М. Лисовским для «Большой энциклопедии» т-ва «Просвещение» (т. 3, 1901) [3], по сравнению с библиографией Яновского, более краток, но одновременно дополнен новыми названиями библиографических указателей. Расположение материала в нем ничем существенным не отличается от обзора А. Е. Яновского.

«Указатель библиографических пособий» в «Энциклопедическом словаре бр. Гранат» (т. 6, 1911) составлен

---

[1] [Капица О. И.]. Указатели и систематические списки книг детских, беллетристических и научно-популярных. — В кн.: Каталог книг по беллетристике. Вып. 1. Спб., 1907, с. 103—122.

Капица О. И. Обзор библиографических указателей научно-популярной литературы, беллетристики и детских книг. — В кн.: Указатель книг по истории и общественным вопросам. Сост. Е. В. Арцимович и др. Спб., 1909. Прил. 58 с.

[2] Медынский Е. Н. Указатель книг для общественных библиотек и домашнего чтения. Вопросы детского чтения. — В кн.: Медынский Е. Н. и Лапшов И. И. Систематический указатель книг и статей по внешкольному образованию. М., «Наука», 1916, с. 41—72.

[3] Отд. изд. с доп.: Лисовский Н. М. Обзор трудов библиогр. содержания. Спб., 1900. VIII, 50 с.

большим коллективом авторов-специалистов, среди которых были выдающиеся русские ученые. Так, обзор библиографии ботаники принадлежал К. А. Тимирязеву, географии — Л. С. Бергу, астрономии — С. Н. Блажко, химии — И. А. Каблукову, сельского хозяйства — А. Ф. Фортунатову и т. д. В некотором отношении «Указатель» дополняет библиографию А. Е. Яновского, поскольку включает новые названия за последние двадцать лет, но выполненный разными авторами, он не равноценен в своих частях. В ряде отраслевых обзоров (история, литература) в нем пропущены важнейшие библиографические пособия. Библиография по искусству, медицине, физиологии и электротехнике в «Указателе библиографических пособий» отсутствует, она дана под соответствующими словами в различных томах этой энциклопедии.

Столь же неравномерен учет отраслевой библиографии в специальных библиографических изданиях. Пока это еще краткие перечни и списки основных источников, первые попытки беглой характеристики общего состояния библиографической литературы по тому или иному вопросу или отрасли знания. Таков, например, краткий популярный обзор «Библиографические указатели по всемирной истории» [1], в котором собраны сведения о книготорговых каталогах, рекомендательной библиографии, списках литературы в солидных монографиях по всемирной истории, текущем учете в специальных изданиях, библиографических начинаниях различных общественных организаций.

Сравнительно редко появляется отраслевая библиография второй степени в виде отдельно изданных указателей. Таких работ можно назвать несколько. В 1913 году профессор кафедры уголовного права Петербургского университета М. Н. Гернет (1874—1953), впоследствии заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии, автор многотомной «Истории царской тюрьмы», издал небольшую книгу «Библиографические указатели по вопросам уголовного права» [2], предназначенную прак-

---

[1] Библиографические указатели по всемирной истории. — В кн.: Указатель книг по истории и общественным вопросам. Сост. Е. В. Арцимович и др. Спб., 1909, с. 59—63.

[2] Гернет М. Н. Библиографические указатели по вопросам уголовного права. Спб., 1913. 20 с. Первоначально опубликована в «Журнале уголовного права и процесса», 1912, № 4, с. 133—150.

тикам и теоретикам криминалистики, а также студентам. В библиографии учитывались и подробно аннотировались русские (17 назв. за 1875—1908 гг.) и иностранные библиографические указатели.

В том же году вышел в свет «Библиографический указатель русской этнографической литературы...», который можно отнести к библиографиям первостепенного значения в своей области. Автором указателя был этнограф Д. К. Зеленин, позднее член-корреспондент Академии наук СССР [1].

Объем даваемой информации — свыше 400 названий библиографической литературы по географии, этнографии, краеведению, экономике и истории России, ее отдельных областей и народов.

Злободневность некоторых тем (война 1914 г., земельный вопрос, текущий момент) и обилие книг и статей, посвященных им, с неизбежностью отразились на появлении большого числа библиографических списков и указателей, что в свою очередь вызвало к жизни совершенно новый тип библиографического пособия — тематическую библиографию второй степени, связанную с актуальными вопросами современности [2].

В начале XX века крупной библиографии библиографии произведений художественной литературы и литературоведения не было создано, ее заменяла обширная вводная часть к «Русской словесности» А. В. Мезьер, содержащая перечень общих библиографических трудов и отдельных работ по библиографии допетровской письменности и книг гражданской печати [3]. Новым в литературоведческой библиографии было появление двух первых персональных библиографий второй степени, одна из которых

---

[1] Зеленин Д. К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. — «Записки Русского географического об-ва по отд-нию этнографии», 1913, т. 40, вып. 1. Отд. отт. Спб., 1913. Изд. корректурное.

[2] Боднарский Б. С. Обзор русской библиографической литературы о войне 1914 года (Библиография библиографии войны 1914 г.) — «Библиогр. известия», 1914, № 3—4, с. 211—214.

Лисовский Н. М. Библиографическая литература по вопросам текущего момента.— «Библиогр. известия», 1917, № 1—2, с. 51—52.

Чеботарев А. Земельный вопрос в библиографической литературе. — «Библиогр. известия», 1917, № 1—2. с. 55—56.

[3] Мезьер А. В. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Ч. 1. Спб., 1899, с. 1—21.

была посвящена А. С. Пушкину [1], а другая — Л. Н. Толстому [2].

В отличие от других областей научной и практической деятельности заметно оживляется внимание к библиографии книг по воспитанию, детскому чтению и детской литературе.

Интерес к истории детской книги вызвал появление в 1901 году небольшой заметки С. Ф. Либровича (1854—1918), где в качестве приложения были перечислены указатели детской литературы за 1862—1900 годы [3]. Этот краткий список, перекрытый более полными библиографиями, вскоре утратил всякое значение.

Более важной для истории библиографии второй степени и более глубокой по содержанию, хотя и мало известной, была статья тогда еще начинающего библиографа А. Г. Фомина «К вопросу о домашнем чтении учащихся», в которой он обрисовал состояние библиографии детской литературы за 40 последних лет, начиная с работы Ф. Г. Толля «Наша детская литература» (1862) и кончая «Детской и народной литературой» А. И. Лебедева, и все сколько-нибудь значительное в этой области попробовал систематизировать по группам [4].

К первой группе А. Г. Фомин отнес пособия, в которых с возможной полнотой отражена детская литература, но выбор и рекомендация книг предоставлялись воспитателям и руководителям детского чтения; во вторую группу он зачислил сборники рецензий, по приносимой пользе стоявшие выше первой группы, но полностью не удовлетворявшие целям воспитания; и, наконец, в последнюю группу включил библиографии, обеспечивающие руководство чтением по определенной, строго продуманной системе. В этом делении по целевому назначению А. Г. Фомин предвосхитил будущее размежевание библиографии на основные виды.

---

[1] Каллаш В. В. Библиографические труды о Пушкине, их общий характер и научное значение. — В кн.: Ежегодник коллегии Павла Галагана. Киев, 1902, ч. 2, с. 19—46. То же. В кн. Каллаш В. В. Puschkiniana. Вып. 1, Киев, 1902, с. 3—30.

[2] Бем А. Л. К истории изучения Толстого. — «Библиол. сборник», 1916, т. 1, вып. 3, с. 111—167. (Русское библиол. об-во).

[3] [Либрович С. Ф.]. Источники словаря русских детских писателей. — «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1901, № 7—8, с. 91—93. Подпись: В. Русаков.

[4] Фомин А. Г. К вопросу о домашнем чтении учащихся. — «Вестник коммерческого образования», 1905, кн. 7—8, с. 95—103.

Руководство детским чтением, да и сами детские библиотеки, в начале века уже не мыслились передовыми педагогами и библиотекарями без соответствующим образом организованного справочно-библиографического аппарата, без систематически собираемых указателей детских книг. Отсюда возникла настоятельная необходимость в ретроспективной библиографии второй степени, которая и начала создаваться педагогами и руководителями детского чтения. Пока еще она существовала в виде отдельных глав или разделов того или иного библиографического издания, но постепенно обособлялась в самостоятельно организованные списки.

В ранее упомянутом «Каталоге книг по беллетристике» (1907) Подвижного музея при постоянной комиссии по техническому образованию О. И. Капица поместила хронологически расположенный, подробно аннотированный список библиографий детской литературы, который ею же был продолжен в «Обзоре библиографических указателей научно-популярной литературы, беллетристики и детских книг» и в последующих публикациях в педагогических и библиографических журналах [1]. Учет библиографий в работах О. И. Капицы охватывает период с 1862 по 1915 год, отличается тщательностью отбора материала и четкостью его характеристики.

Одновременно с первым списком О. И. Капицы появляется «Указатель книг и статей по вопросу о чтении детей, напечатанных с 1870 по 1906 г.», составленный М. В. Соболевым [2], и через два года «Библиография по вопросам детской литературы и детского чтения» А. Е. Королькова, в которую вошли указатели за 1840—1909 годы [3]. Оба указателя явились результатом многолетнего изучения состояния детской литературы и ее библиографии и, хотя и

---

[1] Капица О. И. Обзор указателей детских книг. — «Новости детской литературы», 1912, № 12, с. 6—13; 1915, № 7, с. 1—12; № 8—9, с. 6—14.

Капица О. И. Указатели детских книг. — «Русская школа», 1912, № 11, отд. критики и библиогр., с. 17—26; 1914, № 4, отд. критики и библиогр., с. 7—12.

[2] Соболев М. В. Указатель книг и статей по вопросу о чтении детей, напечатанных с 1870 по 1906 год с кратким содержанием их. — В кн.: Соболев М. В. Справочная книжка по чтению детей всех возрастов. Спб., 1907, с. IX—XX.

[3] Корольков А. Е. Библиография по вопросам детской литературы и детского чтения. — В кн.: Чехов Н. В. Детская литература. М., 1909, с. 235—256.

имели пробелы, все основное и значительное учли. Они наглядно убеждали в том, что существенные изменения произошли не только в развитии и производстве детской книги, но и в ее библиографии. По сведениям Королькова, за восемь лет XX века издано библиографических справочников по детской литературе столько же (52 названия), сколько за 60 предыдущих лет.

Ценный материал для истории библиографии дореволюционной детской литературы содержался и в ежегодных критических обзорах Н. А. Саввина, которые оказывали практическую помощь педагогам и библиотекарям в выборе лучших путеводителей по детской литературе (1908—1915 гг.) [1].

Только на определенном, достаточно высоком уровне развития библиографии, она сама становится объектом библиографического учета и изучения, только тогда появляется библиография библиографии. Эта закономерность в полной мере проявилась в начале XX века, когда количественные и качественные сдвиги в развитии русской библиографии привели к успешным начинаниям в области текущего и ретроспективного учета библиографических пособий.

Библиография русской библиографии в этот период при всей своей молодости и незрелости имела большое практическое и теоретическое значение. Она вооружала библиографическими знаниями научных и библиотечных работников, преподавателей и руководителей чтения и одновременно давала материал для изучения истории и состояния русской библиографии.

---

[1] Саввин Н. А. Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература и журналистика за ...[1908—1915]. М., 1910—1916.

10

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Русское библиографическое общество

В конце 1889 года в Москве по инициативе группы библиографов и главным образом А. Д. Торопова возник Московский библиографический кружок, первая библиографическая ассоциация в России с четко очерченными задачами, которые сводились к организации специального общества для совместной работы над всеобщей русской библиографией и к единению библиографических сил в стране [1]. Через год устав кружка был официально утвержден (4 октября 1890 г.) и новое общество под названием Московский библиографический кружок приступило к работе. К этому времени оно насчитывало 59 членов [2].

Учредители кружка, А. Д. Торопов, В. Ф. Фрейман, Д. В. Байков, А. Н. Соловьев и другие, — люди разной культуры, разных знаний в области библиографии, — естественно, играли различную роль в его организации и не в

---

[1] Очерк деятельности Московского библиографического кружка за первый год существования. (С 4 окт. 1890 г. по 1 дек. 1891 г.). М., 1892, с. 13.

[2] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 80, л. 2—2 об.

равной мере принимали участие в общей работе. Не упуская из поля зрения главную задачу—составление национальной библиографии, — руководитель коллектива А. Д. Торопов не ограничивался только ею, он придавал кружку значение научно-теоретического центра библиографии в России, призванного разрабатывать методы библиографического описания, издавать специальный орган, периодически организовывать книжные выставки, создать музей книги и т. д.

Привлеченные такой широкой программой, в кружок вошли библиографы, ученые разных специальностей, книжники-профессионалы и библиофилы.

О ходе работы над «Всеобщим систематическим каталогом русских книг» и всех неудачах, постигших московских библиографов на этом пути, см. с. 68—73. Здесь можно добавить только то, что библиографическому кружку в полной мере не удалось выполнить и вторую задачу, то есть способствовать единению библиографических сил в стране; он не сумел собрать вокруг себя всех одиночек-библиографов, на свой страх и риск трудившихся над огромными библиографиями, начинавших и не доводивших начатого до конца.

13 февраля 1900 года Московский кружок преобразовался в Русское библиографическое общество при Московском университете, которое заметно отступило от ранее выработанной программы. С приходом Д. В. Ульянинского к руководству (апрель 1902 г.) работа Общества приобретает отчетливо выраженный библиофильский уклон [1].

Библиофилия, сохранив в России многие книжные редкости и оставив ряд ценных библиографических трудов, не всегда благотворно влияла на развитие русской библиографии. Особенно губительно библиофильское направление сказалось на деятельности библиографического общества в первом десятилетии XX века. Оно не стало научно-теоретическим центром русской библиографии, отрешилось от больших задач, отказалось от устава, принятого кружком,

---

[1] Пост председателя Общества по университетской традиции занимал профессор. С дек. 1899 по апрель 1903 г. председателем О-ва был А. И. Кирпичников, с окт. 1903 до окт. 1910 г. — И. Т. Тарасов, с окт. 1910 до марта 1920 г. — Р. Ф. Брандт. Фактическим руководителем О-ва с апр. 1902 до окт. 1910 г. был товарищ председателя Д. В. Ульянинский; с окт. 1910 до дек. 1914 г. товарищ председателя — А. И. Калишевский; с дек. 1914 до 25 авг. 1920 г. — Н. М. Лисовский.

и резко изменило свое лицо. Крупные замыслы, определявшие судьбы библиографии, отодвигаются в это время на задний план, вместо них выступают любительские темы, научная ценность которых ничтожна. Если раньше русские библиографы стремились «исполнить то, чему нет подобного даже ни у одного из просвещенных народов Запада» [1], то теперь их внимание привлекают мелкие эпизоды из истории книжного дела, библиографические редкости, интерес к которым не пропорционален их значению. Опасность подобных увлечений заключалась не столько в тематике (редкая книга, книжники и любители, библиомания и т. п.), сколько в узко библиофильской трактовке любой темы.

Библиографическая организация уходила в сторону от постановки и решения важнейших задач национальной библиографии. «Наиболее деятельные члены общества, — говорилось в отчете за 1904 год, — интересуются, по большей части, и работают по вопросам, мало соприкасающимся один к другому, благодаря чему отпадает возможность и совместных работ» [2]. Когда в обстановке такой разобщенности интересов член Общества В. А. Бессонов напомнил на одном из заседаний (апрель 1903 г.) о том, что описание всех книг гражданской печати преемственно должно перейти к Обществу, его призыв не встретил сочувствия. Работа над национальным репертуаром была отклонена под предлогом ее сложности (У. Г. Иваск) и даже непосильности (Д. В. Ульянинский) [3].

А тем временем Д. В. Ульянинский и его собратья по книжной страсти создавали культ книги. Собственно книга перестала в кругу библиофилов быть книгой, предметом культуры, источником знания, она превратилась в «книжную дичь», за которой охотились, которую ловили, собирали и хранили ради редкости, а не ее ценности.

Фетишизация печатного материала принимала с течением времени все более уродливые и причудливые формы: некоторыми библиофилами, например, собирались исключительные экземпляры с исключительной опечаткой, трепет и благоговение вызывали у такого коллекционера «мохнатые» экземпляры (необрезанные книги XVIII века с неровными краями бумаги) и т. п.

---

[1] Очерк деятельности Московского библиографического кружка за первый год его существования, с. 32.
[2] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 69, л. 88.
[3] Там же, ед. хр. 80, л. 112—112 об.

В начале века появляется ряд работ, посвященных русским книжным редкостям. Тщательное изучение книги сменяется почти мистическим ее культом, книжным гурманством. На смену библиофилу, «который собирает книги не по слепой к ним привязанности, а по истинному их достоинству» [1], приходит библиофил другого типа.

В эти годы замкнутого существования библиографическое общество отказалось от роли всероссийского библиографического центра, поэтому о его жизни складывались смутные представления даже в среде петербургских библиографов. Об этой безгласности говорит заметка в «Книжном вестнике»: «...в Москве существует такое общество, но его деятельность как-то совершенно незаметна...» [2].

Характерна тематика докладов библиографического общества накануне и в период первой русской революции, полностью отрешенная от общественной жизни и современности. В эти годы преобладают беседы и доклады о редчайших книгах, книжниках и любителях, о судьбах отдельных изданий. Правда, в реферате И. К. Николаева «К вопросу о газетных публикациях» (1907 г.) автор затронул вопросы современной действительности и вышел за пределы узеньких, сугубо библиофильских тем, но это выступление оказалось не к чести Общества [3]. Консерватизм реферата был столь чрезмерен, что даже умеренные члены Общества единодушно осудили «обвинительный акт против русской передовой прессы». В защиту русской печати пришлось выступить и Д. В. Ульянинскому, не согласившемуся со всеми без исключения положениями референта [4]. Это, пожалуй, единственный эпизод в жизни Общества тех лет, свидетельствующий, хотя и косвенно, о каком-то прикосновении к актуальным вопросам современности.

Безыдейность, оторванность от нужд практической жизни и замкнутое существование не столько Общества, сколько небольшой группы любителей должны были привести Русское библиографическое общество или к полному

---

[1] Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Ч. 1. Спб., 1813, с. VI.

[2] Лебедев А. А. О библиографии. — «Книжный вестник», 1903, № 18, стлб. 546.

[3] Николаев И. К. К вопросу о газетных публикациях. Обращение права печатания публикаций в государственную регалию. Реферировано в заседании членов о-ва 15 марта 1907 г. М., 1907. 39 с.

[4] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 80, л. 147.

распаду и застою, или с неизбежностью к новой реорганизации.

Выходом из этого тупика мог бы быть всероссийский съезд библиографов, и такое предложение внес Б. С. Боднарский в январе 1910 года, но оно было отклонено, в связи с разрешением, полученным Обществом библиотековедения в Петрограде на проведение библиотечного съезда в 1911 году [1].

Д. В. Ульянинский в 1910 году отошел от руководства Обществом и всецело посвятил себя описанию собственной библиотеки. Библиофильские интересы Общества постепенно оттеснились пропагандой международных библиографических идей, главным образом пропагандой универсальной десятичной классификации книг, которая нашла ревностного поборника в лице секретаря Русского библиографического общества, его фактического руководителя Б. С. Боднарского [2].

Слабая заинтересованность русских библиографов вначале сменилась в дальнейшем ожесточенными дебатами, иногда грозившими Обществу расколом, как это имело место при обсуждении классификации библиографии произведений Л. Н. Толстого. Впрочем, не следует преувеличивать влияние международных библиографических идей на Русское библиографическое общество, активность его членов ограничивалась лишь полемикой вокруг вопросов децимальной системы. Библиографическое кредо П. Отле не нашло безоговорочного признания среди членов Русского библиографического общества. Да и трудно было бы ожидать, чтобы после неоднократных бесплодных попыток создать собственный национальный библиографический репертуар, русские библиографы могли бы увлечься утопическим замыслом мирового репертуара — основной идеей П. Отле. Признаки распада и крушения гигантского замысла ясно обозначились к тому времени, когда библиографические взгляды П. Отле проникли в Россию, но критическое отношение к ним проявилось значительно позже. А в годы 1909—1917 это западное веяние некоторыми деятелями библиографии воспринималось, как откровение, как последнее слово библиографической науки. Каждый истинный библиограф, считал Б. С. Боднарский, дол-

---

[1] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 80, л. 176.
[2] Б. С. Боднарский — член О-ва с 1909 г., секретарь О-ва с 15 ноября 1910 г. до 25 авг. 1920 г.

жен был ожидать единую всемирную библиографию «со страстностью чающих пришествия мессии»[1].

Смена руководства сказалась на усилении демократичности Общества. В 1911 году общим собранием впервые рассматривается и утверждается «Программа деятельности Русского библиографического общества на 1912 год», намечающая ряд мер для объединения библиографов и других работников книги вокруг научного центра. В дальнейшем коллективное обсуждение годовых планов и отчетов прочно входит в практику библиографической организации.

В программе деятельности на 1912 год, бросая взгляд на прошлый период своего существования, Общество «сочло необходимым констатировать, что влияние, оказанное им на развитие отечественной библиографий, к сожалению, не вполне оправдало его предположений...»[2]. Чтобы преодолеть отставание от практических нужд и потребностей страны и поднять собственный престиж, Общество осуществило ряд мероприятий по объединению научных сил вокруг библиографического центра. Оно значительно расширилось за счет притока библиотекарей научных и общественных библиотек, среди новых членов заметное число составляли женщины. Такому сближению библиографов и библиотекарей способствовал прошедший в 1911 году Всероссийский библиотечный съезд, на котором немало говорилось о необходимости библиографического образования и использования библиографии в библиотечном деле.

Новый период в жизни Общества ознаменовался рождением в 1911 году двух комиссий: Толстовской комиссии и самой многочисленной и активной комиссии библиотековедения[3]. Первая занималась составлением исчерпывающей библиографии произведений Л. Н. Толстого, изданных на русском и иностранных языках, вторая — разработкой научных и практических вопросов библиотечного дела, в частности, подготовкой нормального каталога для общедоступных библиотек. Спустя два года ожил ранее существо-

---

[1] Боднарский Б. С. Библиография русской библиографии. — «Библиогр. известия», 1913, № 1, с. 43.

[2] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 69, л. 145.

[3] В 1916 г. Комиссия библиотековедения преобразовалась в Русское библиотечное общество, действовавшее наряду с Петроградским обществом библиотековедения.

вавший кружок сибирской библиографии, преобразованный в 1913 году в комиссию сибирской библиографии.

Но неудовлетворенность деятельностью Общества продолжала ощущаться его наиболее активными членами. В июне 1913 года Б. С. Боднарский писал Н. М. Лисовскому: «Наше общество существует уже 23 года и, говоря по совести, сделало слишком мало. Кое в чем оно дало инициативу, но не имело возможности пойти дальше. На наших глазах два крупных явления библиографической жизни (библиотечный съезд и курсы) зародились в недрах общества, которое ходом вещей очутилось в положении лишь зрителя» [1]. Выходом из создавшегося положения было издание теоретического библиографического журнала, который мог стать объединяющим центром для всех библиографов России.

Вместо несостоявшегося издания «Бюллетеней Русского библиографического общества», в которых, начиная с 1912 года, намечалось печатать доклады и библиографическую хронику, с 1913 года стал выходить орган Общества — «Библиографические известия», выдвинувший на первый план общебиблиографические задачи. На страницах нового издания деятельность Общества в последующий период его существования нашла предельно точное отражение.

Первый номер провозгласил главным и, пожалуй, единственным лозунгом журнала — чистоту типа, то есть строгое, неуклонное служение одной лишь библиографии. Всякое отклонение в сторону общей литературной и исторической тематики категорически отрицалось и не поощрялось.

Программа «Библиографических известий» предусматривала теоретические исследования, разнообразные библиографические списки и информацию о библиографической жизни. Характер статейного материала в новом журнале беспримесно библиографического типа определялся, таким образом, с первого же выпуска. В нем печатались статьи исключительно по истории, теории и методике библиографии, и в этом направлении сделано было очень много. Надо отдать должное «Библиографическим известиям»: яростно борясь за существование, журнал всеми силами избегал искушения «оживить скучную материю,

---

[1] ИРЛИ. Ф. 153, № 304, л. 1—1 об.

даваемую библиографическими журналами, путем включения чуждых библиографии тем историко-литературных»[1].

Что касается практической библиографии, то есть конкретных библиографических указателей и списков, то по отношению к ним не сразу была найдена и определена верная линия. Вначале журнал помещал отраслевые библиографии (Н. А. Ульянов «Из журнальной литературы по Балканскому вопросу и о Балканских странах» и В. А. Пасенко «Отечественная война в литературе на иностранных языках»), более уместные в специальном библиографическом издании, чем в теоретическом органе, но затем отказался от материалов подобного рода и в дальнейшем неизменно отклонял многочисленные предложения[2]. Такому уточнению профиля журнала способствовали критические замечания Н. М. Лисовского и других библиографов, выступивших против заполнения «Библиографических известий» материалом, чуждым теоретическому органу.

Из появившихся в журнале библиографических указателей наибольшее практическое значение имела известная многолетняя работа Б. С. Боднарского «Библиография русской библиографии», оставшаяся основным справочником библиографической литературы за 1913—1925, 1929 годы.

Небольшой отдел рецензий заполнялся критическими отзывами о библиографических пособиях и не касался иной литературы.

Журнал существовал в труднейших условиях, он держался и продолжал выходить благодаря усилиям небольшого круга лиц, в первую очередь он обязан стараниям и самоотверженной деятельности своего бессменного редактора Б. С. Боднарского, сумевшего установить связь с крупными библиографами того времени и, вопреки полному отсутствию средств для оплаты труда, привлечь к участию в «Библиографических известиях» Н. А. Рубакина, Н. М. Лисовского, А. В. Мезьер, К. Н. Дерунова, А. Д. Торопова и других выдающихся представителей русской библиографии. При всей бесспорной ценности издание себя не окупало и приносило убыток: около тысячи экземпляров журнала распространялось бесплатно, и лишь ничтожная часть тиража (не более 100 экземпляров) рассылалась

---

[1] От редакции. — «Библиогр. известия», 1923, № 1—4, с. 1.
[2] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 35, л. 102—168.

платным подписчикам [1]. Материальное положение «Библиографических известий» несколько улучшилось в январе 1917 года, когда министерство народного просвещения выделило ежегодную субсидию в сумме 2400 р. и дало 1000 р. на покрытие расходов по изданию.

Подводя итоги десятилетного существования журнала, редактор «Библиографических известий», с полным основанием мог сказать: «Были моменты, когда мы стояли, что называется, на краю пропасти, готовые свалиться, чтобы более не встать <...> И все-таки мы не нарушили чистоты типа» [2]. Последовательная, строго выдержанная позиция выделяет «Библиографические известия» из ряда других дореволюционных библиографических органов, неизбежно соскальзывавших в смежные с библиографией области. Эту черту «Библиографических известий» унаследовали и закрепили после революции советские библиографические журналы: «Библиография», «Библиография и библиотековедение», «Советская библиография».

Русское библиографическое общество заметно изменило отношение к крупным библиографическим работам. Оно приступило к исчерпывающей библиографии произведений Л. Н. Толстого, в то же время поддержало инициативу члена Общества Я. Г. Кваскова, оказав ему помощь в составлении библиографии русской библиографии [3], и вернулось к мысли о национальной библиографии.

Параллельно с ретроспективной библиографией Русское библиографическое общество занималось и судьбой текущего учета произведений печати. В первые дни Февральской буржуазно-демократической революции, когда возникла опасность ликвидации «Книжной летописи», Общество выступило на защиту органа государственной регистрации, обратившись со специальным письмом к министру внутренних дел Временного правительства [4]. Та же забота о регулярности и полноте учета произведений печати привела его к организации специальной комиссии по регистрации литературы текущего момента. Члены комиссии (9 человек) описывали de visu выходящие книги и

---

[1] ГБЛ. Ф. 358, карт. 209, ед. хр. 49. Письмо Б. С. Боднарского Н. А. Рубакину от 27 ноября 1913 г.

[2] От редакции. — «Библиогр. известия», 1923, № 1—4, с. 1.

[3] О работе Я. Г. Кваскова см. главу «Библиография библиографии», с. 396—397.

[4] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 49, 1917—1923, л. 1.

брошюры, используя для этого издательства, книжные магазины, библиотеки. Часть материала, собранного председателем комиссии Б. С. Боднарским, вошла в специальный библиографический указатель, изданный книгоиздательством «Звезда». Карточки текущей литературы влились в картотеку национального библиографического репертура. Комиссия просуществовала с марта 1917 по май 1918 года [1].

Русское библиологическое общество

В самом конце XIX века появился второй объединяющий библиографов научно-теоретический центр. В мае 1899 года в Петербурге организовалось Русское библиологическое общество, главным инициатором создания которого оказался А. М. Ловягин (1870—1925), к нему присоединились лица, группировавшиеся вокруг Н. М. Лисовского, В. И. Саитова и С. А. Венгерова. Новое Общество объединило библиографов, библиотековедов, историков, литературоведов и библиофилов Петербурга. А. Ф. Бычков, А. А. Куник и Л. Н. Майков высказали ряд пожеланий молодой научной организации.

После утверждения устава Русское библиологическое общество приступило к работе 25 сентября 1899 года. К концу года оно насчитывало 56 членов, а в 1900 году это число удвоилось.

Вначале президентом Общества был избран академик Л. Н. Майков, но вскоре его сменил А. М. Ловягин (октябрь 1899 г.), занимавший этот пост, за исключением 1903—1905 годов, весь дореволюционный период существования Общества [2].

Понятие «библиология», определившее наименование Общества, с самого начала не отличалось ясностью содержания, что не могло не отразиться на характере и направлении деятельности организации. Главным теоретиком Общества А. М. Ловягиным «библиология» толковалась как «научная библиография», противопоставлявшаяся «практической библиографии», то есть составлению каталогов,

---

[1] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 55, 1917—1918. 5 л.

[2] В 1903 г. президент Русского библиологического общества — А. И. Лященко, с 1904 г. — В. Ф. Боцяновский, который отказался от этого поста в начале 1905 г.

указателей, списков и т. д. В черновом варианте проекта устава цель Русского библиологического общества определялась как «содействие научной разработке библиологии, то есть книговедения и книгоописания» [1]. Таким образом, между библиологией, научной библиографией и книговедением ставился знак равенства. В принятом и утвержденном уставе Общества цель организации и назначение самой библиологии выражены в более отвлеченной и туманной форме: «Библиология имеет целью определить, как и насколько, в количественном и качественном отношениях, человеческая мысль находила и находит свое выражение в произведениях письменности или печати» [2]. А. М. Ловягин, разъясняя этот параграф в докладной записке к уставу, еще более затруднил понимание библиологии и характера деятельности Общества: «Цель библиологии, — писал он,—классификация всех произведений письменности и печати, направленная к тому, чтобы для специалистов возможность обозрения их была облегчена настолько, насколько это достижимо при нынешних средствах науки...» [3].

В программном выступлении на учредительном собрании, очерчивая границы деятельности, А. М. Ловягин дал еще одно пояснение: «Понятие «библиологии», по значению своему совпадающее с «библиографией», может быть отождествлено с историей литературы в обширнейшем смысле этого слова» [4]. Русское библиологическое общество, не органичивая научную разработку библиологии пределами России, ввело в программу своей деятельности также и изучение всемирной литературы, имея в виду в первую очередь литературу славянских народов.

Но какие пути вели к реализации этой неопределенной и почти неуловимой цели, никому из членов Общества не было известно. Когда в начале 1901 года совет Общества разослал специальную анкету с целью выявить мнение членов Общества о желательном направлении их дальнейшей деятельности, стало особенно ясно, насколько входящие в Общество лица далеки от библиологии в том ее туманном выражении, которое ей придавал А. М. Ловягин,

---

[1] ИРЛИ. Ф. 153, № 132, л. 11.
[2] Устав Русского библиологического общества. Спб., 1903, с. 5.
[3] Русское библиологическое общество. — «Библиол. сборник», 1915, т. 1, вып. 1, с. 9.
[4] Там же, с. 11.

и насколько они не готовы и не склонны заниматься изучением теоретических основ этой науки. Подавляющее большинство опрошенных высказалось за конкретную практическую деятельность, за составление ряда необходимых и назревших работ в области библиографии, в частности таких, как указатель журнальных и газетных статей, общий каталог русских книг за 10—15 последних лет, подробная библиография по русской литературе и языку, общий сводный указатель к одному из русских исторических журналов, ежегодный обзор повременных изданий с указанием всех помещенных в них статей, продолжение «Русской исторической библиографии» В. И. Межова и т. п. Несколько членов Общества высказались за необходимость изучения методики библиографии, за составление в первую очередь единых правил библиографического описания книг и журнальных статей. Некоторые библиографы, руководствуясь желанием укрепить материальную базу Общества, склонялись к выполнению работ, за которые могли присудить премии Академии наук и других научных учреждений. Возникало даже предложение заняться небиблиографической работой, составлением полного и систематического обзора идей, высказанных по известным вопросам специалистами. Не было лишь пожеланий, непосредственно касавшихся разработки теоретических проблем библиологии.

Пестрота научных интересов привела к образованию в Русском библиологическом обществе ряда секций. Две из них (организованная в 1903 г. секция библиотековедения и в 1905 г. — книговедения) имели прямое отношение к библиологии, остальные же (историко-литературная, филологическая, археологическая, историко-географическая) находились от нее на далеком расстоянии. Секции рождались и быстро умирали. В 1903 году прекратили свою деятельность археологическая и историко-географическая секции. Наиболее активной и жизнеспособной оказалась секция библиотековедения (руководитель Э. А. Вольтер), из которой позднее выросло Общество библиотековедения (1908 г.). Для секции книговедения и печатного дела Н. М. Лисовский предложил специально разработанную обширную программу.

При библиологическом обществе в начале его деятельности функционировало справочное бюро, в задачи которого входила выдача письменных и устных библиографических справок членам Общества и другим лицам, а также

составление карточного библиографического указателя к русским журналам. Более 20 членов Общества, в том числе А. М. Белов, В. Ф. Боцяновский, Б. М. Городецкий, А. О. Круглый, А. И. Малеин, Б. М. Модзалевский, занимались расписыванием статей, подготавливая материал для систематического указателя содержания русских журналов за 1900 год. Для единообразия библиографического описания бюро выработало и отпечатало специальные «Правила» [1]. Систематизацией карточек занимались члены бюро. Работа над картотекой журнальных статей не была завершена: из общего числа намеченных журналов (свыше 90 названий) к маю 1901 года успели расписать всего лишь 14 названий, хотя, помимо добровольного, использовался и наемный труд [2]. Все сведения о деятельности справочного бюро обрываются на 1901 годе. Очевидно, после неудачи с созданием карточного аппарата оно распалось.

Вся совокупность разнородных пожеланий, в свое время высказанных членами Общества, повлияла на дальнейшую научную и практическую деятельность Русского библиологического общества, лишив ее целенаправленности и строгой определенности. Его члены занимались большей частью библиографией русской и иностранной художественной литературы, в меньшей степени — библиотековедением, библиологией, методикой библиографического описания.

Член Общества А. Г. Максимов, решив продолжить труд А. Н. Неустроева «Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг...», взялся за крупную библиографическую работу такого же типа — составление «Описания русских периодических изданий XIX в.». После опубликования описаний десяти русских журналов 1803—1812 годов далекая от завершения работа А. Г. Максимова надолго прекратилась [3].

---

[1] Правила для составления журнальных библиографических карточек справочного бюро Русского библиологического общества. Спб., 1900. 4 с.

Третья, доп. и испр. редакция «Правил» напечатана в «Известиях о деятельности Русского библиологического общества» за 1901 г. («Литературный вестник», 1901, т. 1, кн. 4. Прил., с. 47—49).

[2] ИРЛИ. Ф. 147, № 17, л. 37—38, 63—64.

[3] «Литературный вестник», 1902, т. 4, № 8, с. 317—334; 1903, т. 5, № 4, с. 445—450; т. 6, № 5, с. 22—32; 1904, т. 7, № 3, с. 28—50; т. 8, с. 8—19, 132—135, 172—186, 187—202.

В одном из отчетов Общества прозвучало горькое признание: «Опыт прошлых лет разрушил также иллюзию о возможности — для частного общества — исполнения крупных библиографических работ»[1].

Перед Русским библиологическим обществом не раз вставал вопрос: какое же направление окончательно избрать, что положить в основу своей деятельности?

Оставаясь чисто библиологическим, Общество рисковало превратиться в замкнутый небольшой кружок; расширяя границы своей деятельности, оно немедленно утрачивало специфику и неизбежно начинало дублировать отраслевые научные общества. Последняя опасность реально грозила библиологическому обществу в начале его деятельности, особенно в 1903—1905 годах, когда историко-литературная тематика заметно оттеснила книговедческую и библиографическую.

В конечном счете выбор был сделан в пользу библиологии, когда Общество отказалось от расширения круга сочленов и вернулось к ранее поставленной цели. Начиная с 1907 года усиливается внимание к библиотековедению, книговедению и библиографии, в частности, к таким вопросам, как каталогизация периодических изданий, классификация книг, история библиотечного дела в России.

Для выполнения отдельных крупных работ при библиологическом обществе создавались различные комиссии. Так, по предложению Э. А. Вольтера и в связи с докладом С. Г. Сватикова «Академическая библиография в России» (11 марта 1915 г.), возникла комиссия по библиографии истории Петроградского и Московского университетов.

В 1917 году библиологическое общество вновь вернулось к библиографированию периодических изданий XIX века, начатому когда-то А. Г. Максимовым. Создание соответствующей комиссии произошло на базе небольшого кружка любителей. 17 января 1916 года в Петрограде был учрежден частный историко-литературный кружок, в который вошла группа талантливых литературоведов и библиографов, позднее объединившихся вокруг Книжной палаты: А. Д. Александров, С. Д. Балухатый, В. В. Буш, В. Е. Евгеньев-Максимов, Л. К. Ильинский, В. Н. Княжнин, А. С. Поляков, В. С. Спиридонов, А. Г. Фомин, А. А. Шилов. Кружок в мае 1917 года преобразовался в комиссию по описанию русских журналов первой четверти XIX

---

[1] «Доклады и отчеты». Новая серия, 1908, вып. 1, с. 18.

Группа членов Русского библиологического общества

Сидят (слева направо): М. С. Боцяновская, Ф. А. Витберг, С. А. Венгеров, Э. Ф. Лисовская, А. М. Ловягин, В. Ф. Боцяновский, А. И. Лященко, Т. А. Ловягина.
Стоят: Е. А. Ляцкий, А. М. Белов, П. Н. Шеффер, А. К. Бороздин, Б. Л. Модзалевский, Л. П. Лобов, Н. М. Лисовский, А. С. Раевский, Б. М. Городецкий, И. К. Антошевский, А. Г. Максимов, Х. М. Лопарев, Н. П. Павлов-Сильванский, А. И. Малеин, П. М. Богданов, К. И. Храневич. *фото 1908 года*

века, работавшую под председательством Л. К. Ильинского (1878—1934) при Русском библиологическом обществе[1]. Коллективными усилиями члены комиссии расписали к 1924 году 46 журналов[2], но только незначительная часть выполненной работы увидела свет[3]. И опубликованная и оставшаяся в рукописи роспись отдельных русских журналов раскрывала сравнительно небольшую часть содержания огромного массива русской повременной печати XIX века, таким образом, все усилия Русского библиологического общества принесли меньший результат, чем единоличная работа А. Н. Неустроева по периодическим изданиям XVIII века.

Более заметный след оставила теоретическая и методическая работа коллектива, занятого описанием русских журналов. Собранные в отдельный сборник статьи членов комиссии при всей спорности и противоречивости заключенных в них отдельных положений, свидетельствовали о серьезной постановке многих теоретических и методических вопросов аналитической библиографии[4]. Статья, например, Л. К. Ильинского «Что такое «повременная печать»?» до сих пор служит отправной точкой во всех спорах о признаках и границах понятия «периодическая печать».

Издательская деятельность Русского библиологического общества на первом этапе его существования почти полностью исчерпывалась выпуском «Литературного вестника» (1901—1904)[5], на характере и даже на наименовании которого сказалось преобладание в тот период литера-

---

[1] «Ирида». Еженедельная литературная газета. Пг., 1918, № 1, 3 июня, хроника.

[2] Шафрановский К. И. Русское библиологическое общество. — В кн.: Труды Первого всероссийского библиографического съезда в Москве. М., 1926, с. 14—15.

[3] Sertum bibliologicum в честь <...> А. И. Малеина. Пг., Госиздат, 1922, с. 71—87.

[4] Литературно-библиологический сборник. Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918. 136 с. (Труды Комиссии Русского библиол. о-ва по описанию журналов первой четверти XIX в. Вып. 1).

Рец.: Иваск У. Г. — «Библиогр. известия», 1919, № 1—2, с. 59—60.

[5] «Литературный вестник». Ред. А. И. Лященко и М. Н. Мазаев. Изд. Рус. библиол. о-ва. Спб., 1901—1904.

Периодичность 8 вып. в год (2 т.). Журнал прекратился из-за недостатка средств на его издание и слабого распространения. Последний т. 8 (без обозначения вып.) вышел с опозданием на 6 лет (1910).

туроведческих интересов. По своему содержанию орган библиологического общества был скорее историко-литературным журналом, чем библиологическим. В нем помещались статьи, заметки, документальные материалы по истории русской и всеобщей литературы и истории России. Библиография в журнале, за небольшим исключением, тоже тяготела к истории литературы, преимущественно русской. К материалам чисто библиологического характера относились теоретические статьи А. М. Ловягина [1], статистико-библиографический обзор русской периодической печати Н. М. Лисовского, отчеты и сообщения о деятельности Русского библиологического общества.

После прекращения «Литературного вестника» его продолжением служил «Библиологический сборник», выходивший тематическими выпусками с 1915 по 1918 год. Сводные отчеты о деятельности Общества, краткие сообщения о рефератах и докладах и другие материалы печатались в издании «Доклады и отчеты» [2], а материалы по истории библиографических организаций и библиотековедения в России, биобиблиографические очерки, освещающие деятельность крупных русских библиографов, преимущественно XX века, и ряд теоретических статей помещались в «Библиологическом сборнике» [3].

В целом Русское библиологическое общество на всем протяжении своего существования оставалось очень замкнутым кружком лиц, изолированным от событий внешней жизни.

К первой русской революции библиологическое общество отнеслось индифферентно, объясняя и оправдывая свою позицию несовместимостью политики и научной деятельности. С точки зрения А. М. Ловягина, близость к политической и общественной жизни могла бы привести Общество к «разложению» [4]. Научная активность Общества в эти годы резко упала, дойдя в 1906 году до нуля. Секции

---

[1] О теоретических взглядах А. М. Ловягина см. главу «Теория и история библиографии», с. 442—447.

[2] «Доклады и отчеты» (Новая серия). [1908—1916]. Вып. 1—4. Спб., 1908—1917.

[3] «Библиологический сборник». Ред. А. И. Лященко и В. Ф. Боцяновский. Изд. Рус. библиол. о-ва. Т. 1, вып. 1—4, т. 2, вып. 1—2. Спб., 1915—1916, 1918.

[4] Русское библиологическое общество с 1904 по 1907 год. — «Доклады и отчеты». Новая серия. 1908, вып. 1, с. 17.

бездействовали, общих собраний членов не было. Такое же сознательное и нарочитое уклонение от современности и живых тем наблюдалось в жизни Общества и в 1917 году.

Научная деятельность Общества не ставилась в определенные рамки из тех соображений, «что еще не настало время для точного отграничения библиологии от других смежных дисциплин» [1]. Развитие библиологии как научной теории за два десятилетия не продвинулось вперед; суть этой науки, ее предмет и границы продолжали оставаться неясными. «Нельзя не отметить, — писал А. М. Ловягин в 1915 году, — что за сравнительно небольшой период существования Русского библиологического общества — 16 лет — в среде его высказывались иногда взаимно противоречивые взгляды на науку, изучению которой Общество себя посвятило» [2].

Неопределенность программы и неясность задач рождали в среде библиологического общества фантастические, беспочвенные проекты, на выполнение которых не было ни материальных средств, ни исполнителей. Так, например, в недрах Общества, уже после Великой Октябрьской социалистической революции, возник проект организации Института социальной библиографии или Социально-библиографической академии, которая должна была заняться регистрацией всех важнейших социологических явлений [3]. Из этого проекта вскоре родился Социо-библиологический институт, не долго проживщее и не оставившее следа эфемерное учреждение первых лет революции.

Нельзя, однако, безоговорочно утверждать, что Русское библиологическое общество оставалось безучастным к коренным задачам развития библиографии и библиотечного дела в стране. Уже в первые годы своего существования оно выступило с предложениями по упорядочению регистрации произведений печати в России и своевременной их доставке в государственные книгохранилища [4].

---

[1] Русское библиологическое общество в 1915—1916 годах. — «Доклады и отчеты», 1915—1916 гг. 1917, вып. 4, с. 9.

[2] Ловягин А. М. Методологическая заметка. — «Библиол. сборник», 1916, т. 1, вып. 4, с. 35.

[3] ИРЛИ. Ф. 147, № 25, л. 47—48.

[4] Вольтер Э. А. Об упорядочении дела регистрации произведений печати в России и своевременного доставления их в наши государственные библиотеки. — «Литературный вестник», 1901, т. 1, вып. 3, с. 265—277.

Предложенная Обществом программа предполагала текущий библиографический учет всего печатного материала сосредоточить в особом учреждении, организованном по образцу Библиографического института в Брюсселе.

Неопределенное и неустойчивое положение «Книжной летописи» вызвало в библиологическом обществе беспокойство и стремление узаконить существование первичной библиографии в России, сделав ее обязательной функцией государственного учреждения. Необходимость узаконения библиографии получила теоретическое обоснование в специальном докладе А. М. Ловягина (27 ноября 1909 г.)[1], использованного при составлении «Памятной записки», поданной в том же году в Главное управление по делам печати[2].

В записке предлагалось законодательным путем закрепить за Главным управлением по делам печати такие культурно-просветительные функции, как полная и своевременная регистрация всех выходивших в России произведений печати и распределение обязательного экземпляра по крупнейшим книгохранилищам страны. Общество прежде всего добивалось того, чтобы в соответствующей статье закона было упомянуто и об издании «Книжной летописи» как непременной обязанности Главного управления по делам печати.

И после «Памятной записки» (1909 г.) существование «Книжной летописи» продолжало оставаться шатким и ненадежным, жизнь журнала по-прежнему зависела от случайных ассигнований и в любой момент могла прерваться.

Скудность средств не позволяла поставить регистрацию книг широко и научно, поэтому при обсуждении законопроекта о печати совет Русского библиологического общества вновь подал в 1914 году «Памятную записку», повторив в ней ранее высказанные пожелания[3].

Русское библиологическое общество, озабоченное судьбой библиографического образования в стране, выдвинуло

---

[1] Ловягин А. М. О некоторых, касающихся библиологии, вопросах административного права. — «Доклады и отчеты». Новая серия, 1913, вып. 2, с. 67—70.

[2] [Ловягин А. М., Лисовский Н. М., Вольтер Э. А.]. Памятная записка. — «Доклады и отчеты». Новая серия, 1913, вып. 2, с. 71—73.

[3] Памятная записка по поводу законопроекта о печати. [Спб., Русское библиол. о-во, 1914. 3 с.].

проект организации кафедры библиотековедения и библиографии в высших учебных заведениях (сообщение Э. А. Вольтера в марте 1909 г.).

И, наконец, ему принадлежала разработка проекта учреждения российского книжного фонда (октябрь 1916 г.), вызванного гибелью многих библиотек и частных книжных собраний в годы первой мировой войны. Несколько позже этот проект лег в основу созданного при Книжной палате в 1917 году Государственного книжного фонда.

Библиографические кружки при высших учебных заведениях

Увлечение теоретическими и практическими вопросами библиографии затронуло в начале века и студенческую среду.

В ноябре 1906 года в Петербургском университете, по инициативе студента юридического факультета В. В. Лемешевского, организовался первый студенческий библиографический кружок, целью которого было теоретическое и практическое изучение библиографии [1]. Программа деятельности кружка отличалась необычайной широтой и явно превышала возможности и силы небольшой группы любителей библиографии [2]. Программа включала изучение библиографической классификации, библиотековедения и архивоведения, истории книги и истории отечественной и зарубежной библиографии. Практическая деятельность кружка мыслилась как составление ряда важнейших и актуальных работ: полного карточного каталога трудов по русской библиографии, графических таблиц для выявления пробелов в учете и регистрации книг, карточных отраслевых каталогов литературы по социальным, историческим и точным наукам.

Для привлечения членов в библиографический кружок, среди студентов университета в конце 1906 года распространялась специально отпечатанная листовка [3],

---

[1] Устав библиографического кружка при имп. С.-Петербургском университете, под руководством пр.-доц. Э. А. Вольтера. Спб., [1907]. 4. с.

[2] [Лемешевский В. В.]. Программа деятельности «Библиографического кружка». Проект. [Спб., 1906]. 4 с. Подпись: В. Л.

[3] Текст листовки сохранился в архиве Н. М. Лисовского. См. ИРЛИ. Ф. 153, № 125, л. 12.

книжный мир Петербурга также был оповещен о рождении нового общества [1].

Руководил кружком приват-доцент исторического факультета Петербургского университета, член Русского библиологического общества Э. А. Вольтер (1856—1941). Занятия кружка, который насчитывал около 40 человек, начались в декабре 1906 года лекцией Э. А. Вольтера «О библиографии (объем понятия ее и разделение на отдельные отрасли) и отношение занятий библиографией к университетскому преподаванию», положившей начало первым ежегодным курсам библиотековедения в стенах учебного заведения [2].

Первые практические занятия студентов в области библиографии (описание русских журналов и газет за 1906 г.) вскоре переросли в выполнение серьезной научной библиографии периодической печати эпохи первой русской революции [3]. Карточная перепись периодических изданий не была единственной работой членов кружка. В конце 1907 года предполагалось собирание материалов для полного карточного каталога трудов по русской библиографии; в 1908 году отдельные участники кружка занимались библиографией славяноведения и университетского образования в России; в 1909—1910 годах в кружке создавался «Систематический указатель книг и статей по римской филологии, напечатанных в России с XVII века по 1910 год на русском и иностранных языках»; в 1910 году приступили к выявлению литературы для сибирской библиографии (с 1892 по 1910 г.), продолжавшей указатель В. И. Межова, хотя аналогичная работа велась студентами-сибиряками в Московском университете. Методическим пособием для всех выполняемых работ служил составленный В. В. Лемешевским и литографски отпечатанный «Опыт описания библиографической карточки» (Спб., 1907).

Деятельность кружка прервалась в 1918 году, когда Э. А. Вольтер эмигрировал за границу, и вновь возобнови-

---

1 Лемешевский В. В. Новое библиографическое общество. — «Книжная биржа», 1906, декабрь, с. 7; «Книжный вестник», 1907, № 11, стлб. 304.

2 Отчет о состоянии деятельности Спб. университета за 1906 г. Спб., 1907, с. 93; ...за 1907 г. Спб., 1908, с. 121, 228—232; ...за 1909 г. Спб., 1910, с. 229—230; ...за 1910 г. Спб., 1911, с. 238—240; ...за 1911 г. Спб., 1912, с. 138—141; ...за 1912 г. Спб., 1913, 2 отд., с. 23—26; ...за 1913 г. Спб., 1914, с. 285—287; ...за 1914 г. Спб., 1915, с. 228.

3 См. главу «Общая ретроспективная библиография книг и периодических изданий», с. 94—95.

лась в начале 20-х годов. В занятиях кружка, ставшего к этому времени книговедческим, принимали участие А. М. Ловягин и А. И. Малеин [1].

Студенческому кружку с постоянно менявшимся составом участников трудно было выполнить все задуманные и начатые, рассчитанные на многолетнее кропотливое собирание материала, крупные библиографические работы; обилие разнообразных тем, естественно, приводило к распылению сил и к незавершенности больших начинаний. Значение петербургского студенческого кружка, однако, заключалось не столько в выполнении тех или иных практически нужных и важных работ в области библиографии, сколько в распространении библиографических и библиотековедческих знаний в студенческой среде, в привитии навыков библиографической работы будущим исследователям. В этом кружке начинали свою научную деятельность известные затем своими библиографическими трудами С. Д. Балухатый, А. С. Поляков, К. И. Шафрановский и другие.

Более узкую задачу поставил себе студенческий библиографический кружок, организованный в 1907 году при Московском университете. Студенты-сибиряки под руководством С. К. Кузнецова (бывшего библиотекаря Томского университета) занимались составлением библиографического указателя книг и статей о Сибири, напечатанных на русском и иностранных языках после 1890 года. Кружок успел напечатать на гектографе программу работ и составить несколько сот карточек, после чего распался. Через несколько лет занятия кружка возобновились (1913 г.), на этот раз в виде комиссии сибирской библиографии в составе Русского библиографического общества. В процессе выявления и собирания печатного материала о Сибири комиссия составила правила библиографического описания, опубликованные затем в «Библиографических известиях» [2].

В годы первой мировой войны деятельность комиссии сибирской библиографии сократилась, из 50 ее активных членов осталось 10—12 человек, продолжавших регистрацию литературы в небольшом объеме. Главная цель комиссии постепенно растворилась в выполнении частных тем: составлении биобиблиографии Г. Н. Потанина, указателя литературы по народной словесности в Сибири,

---

[1] ИРЛИ. Ф. 568, оп. 1, № 8, л. 151—161.

[2] «Библиогр. известия», 1913, № 4, с. 269—275.

сборника «Сибирь и война»[1]. После перерыва в 1917—1921 годах комиссия сибирской библиографии возродилась только в 1922 году, когда под руководством Н. В. Здобнова вновь развернулась коллективная работа по библиографии Сибири, Урала и Дальнего Востока.

Одесское библиографическое общество при Новороссийском университете

Несколько иначе сложилась судьба еще одной библиографической организации. По инициативе библиотекаря Новороссийского университета П. С. Шестерикова в октябре 1906 года в Одессе возник библиографический кружок, члены которого через год решили преобразовать его в общество[2]. После многолетних проволочек в министерстве народного просвещения, в марте 1911 года устав Одесского библиографического общества при Новороссийском университете был, наконец, утвержден.

В апреле 1911 года Одесское библиографическое общество приступило к работе. В программной статье председателя Общества И. А. Линниченко были определены задачи библиографии вообще, очередность библиографических работ и роль при этом местной библиографической общественной организации[3].

Первая задача библиографии, по мнению И. А. Линниченко, заключалась в учете всего печатного и рукописного «учено-литературного» материала. В общем упорядочении запущенного библиографического дела в России местное Общество могло взять на себя лишь часть этой огромной задачи, в первую очередь то, что ему наиболее близко и по силам: разработку библиографии края — приведение в известность всех печатных, а в отдельных случаях и рукописных, материалов о родном городе, области, крае, а также собирание сведений для словаря уроженцев и местных деятелей.

Так именно и была осознана и в первый год основания строилась программа работ библиографического общества при Новороссийском университете. В «Известиях Одесско-

---

[1] ЦГА Москвы. Ф. 634, оп. 1, ед. хр. 50. Кружок сибирской библиографии. 52 л.

[2] Шестериков П. С. Постановка библиотечного дела. Одесса, 1915, с. 254.

[3] Линниченко И. А. Задачи библиографии. — «Известия Одес. библиогр. о-ва», 1911, № 1, с. 10—18.

го библиографического общества» за 1911—1916 годы опубликован ряд краеведческих библиографий, в том числе библиографические списки по истории г. Одессы, Бессарабии, указатели литературы о М. Ф. Комарове и Г. С. Сковороде, подробные описания некоторых местных изданий. Но, строго говоря, удельный вес краеведческого материала, среди прочих статей и заметок небиблиографического характера, совсем не так велик. Объясняется это тем, что Общество, численно разрастаясь (оно имело в 1912 г. — свыше 200 членов, а в 1913 г. — свыше 500), постепенно отступало от первоначальной программы и изменяло направление своей деятельности.

Вторая задача — заниматься не только учетом и собиранием краеведческих материалов, но и критикой историко-литературных и научных произведений, незаметно выдвинулась на первый план. Интерес к библиографии местного края все ощутимее вытеснялся интересом к более широким вопросам литературы и истории. По справедливому замечанию Б. С. Боднарского, общество, подобное Одесскому, могло бы с бо́льшим правом именоваться литературным, чем библиографическим [1].

В 1914 году была предпринята попытка направить внимание Общества в сторону местной библиографии, регистрации местной печати и составления краеведческого сводного каталога. Она принадлежала члену библиографического общества Л. А. Чижикову, выступившему в «Известиях» Общества с определенной программой [2]. Выполнение большой и законченной краеведческой библиографии требовало коллективных усилий, продуманной методики и соответствующей организации труда, значительных материальных затрат и продолжительного времени, поэтому Л. А. Чижиков предложил постепенное осуществление работы, по частям. Как наиболее достижимое и простое, он на первый план выдвинул составление словаря местных деятелей. Для детальной разработки этого проекта была избрана комиссия, не повлиявшая на последующую деятельность Одесского библиографического общества, все далее уходившего от библиографии.

---

[1] [Боднарский Б. С.] Quasi-общества. — «Библиогр. известия», 1915, № 3—4, с. 195—196.

[2] Чижиков Л. А. В Совет Одесского библиографического общества... — «Известия Одес. библиогр. о-ва», 1914, т. 3, вып. 4—5, с. 248—249.

Литературно-библиографический институт

Мысль о создании специального библиографического учреждения, призванного хранить архив С. А. Венгерова и вести в том же плане последовательное собирание библиографического материала, возникла в 1915 году, когда С. А. Венгеров окончательно убедился в невозможности единоличными усилиями завершить начатые им грандиозные библиографические труды. Эта мысль была поддержана петроградскими учеными и библиографической общественностью. В результате 21 октября 1916 года состоялось учредительное собрание основанного С. А. Венгеровым общества «Литературно-библиографический институт», в создании которого приняли участие видные литературоведы, историки и библиографы Петрограда: Ф. Д. Батюшков, Н. И. Кареев, Н. М. Лисовский, А. И. Лященко, Н. К. Пиксанов, П. Н. Сакулин, А. Г. Фомин, А. А. Шахматов, И. А. Шляпкин. К вновь учрежденному институту перешла основная база будущих библиографических работ — картотека С. А. Венгерова, которая создавалась им с 1885 по 1912 год и к моменту передачи насчитывала почти два миллиона карточек. Сведения за последующие годы (1913—1916) в литературно-библиографическом архиве С. А. Венгерова либо вовсе отсутствовали, либо были собраны с очень большими пробелами.

В задачи Литературно-библиографического института входили: 1) регистрация произведений русских писателей (на русском и иностранных языках) и библиографический учет произведений иностранных писателей, напечатанных на русском языке; 2) регистрация литературы о русских писателях на русском и иностранных языках и всей литературы на русском языке об иностранных писателях. Учет литературы должен был охватить все области знания; 3) составление систематически-предметного каталога русских книг и статей и иностранной литературы о России [1].

Колоссальность намечаемых работ (создание репертуара русской книги в его максимальном варианте и каталога «Россики») находилась в вопиющем противоречии с материальными возможностями института, который не располагал ни средствами, ни кадрами для выполнения задуманного.

---

[1] Устав Литературно-библиографического института. Пг., Изд. Лит.-библиогр. ин-та, 1916. 12 с.

При организации Книжной палаты в апреле 1917 года возник, как составная ее часть, Русский библиографический институт — центральное государственное библиографическое учреждение, функции которого совпали с функциями Литературно-библиографического института. В связи с этим институт С. А. Венгерова был реорганизован. Он остался общественным библиографическим учреждением со специальной задачей — вести подробную библиографию по литературе и истории. Средства, которые складывались из небольших случайных пожертвований, с трудом позволяли вести алфавитный карточный каталог книг за 1913—1914 годы[1]. Специальных задач в области литературной библиографии институт не успел решить, а с переходом в Книжную палату библиографической картотеки С. А. Венгерова (1919 г.) и вовсе перестал существовать[2]. Это учреждение было первым в ряду библиографических институтов, в изобилии возникавших в первые годы революции[3].

Несмотря на все ошибки и неудачи, деятельность библиографических обществ и многочисленных библиографических комиссий, работавших при научных учреждениях и культурно-просветительных организациях, немало способствовала объединению библиографических сил в стране и более активному развитию русской библиографии.

---

[1] ИРЛИ. Ф. 568, оп. 1, № 18, 1916—1918, л. 22—29, 36—42; № 185, л. 1—23.

[2] Там же, № 49, л. 1—15 об.

[3] История создания Литературно-библиографического института изложена А. Г. Фоминым в его книге «С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской книжной палаты (ныне Института книговедения)». Л., Ин-т книговедения, 1925, с. 6—8.

11 ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ БИБЛИОГРАФИИ

Общее оживление библиографической деятельности в стране создало благоприятную атмосферу для развития теории библиографии. Предпосылками для этого служило многое: расцвет рекомендательной библиографии, крупные библиографические начинания, значительное число специальных библиографических журналов, возникновение первых библиографических организаций с дальнейшей их дифференциацией, и, наконец, кадры квалифицированных библиографов, объединенных библиографическими обществами, комиссиями, бюро и прочими организациями. В области общей библиографии в это время активно работали такие крупные библиографы, как Н. М. Лисовский, А. Д. Торопов, С. А. Венгеров, Н. А. Рубакин, К. Н. Дерунов, И. В. Владиславлев, А. В. Мезьер, Б. С. Боднарский. В создании отраслевой научно-информационной библиографии принимали участие, помимо профессионалов-библиографов, известные ученые, врачи, педагоги, агрономы, крупные общественные деятели. Библиографией исторической литературы занимались А. И. Малеин и В. С. Иконников, славяноведения — Т. Д. Флоринский и

В. Н. Бенешевич, математической — Д. М. Синцов, педагогической — В. И. Чарнолуский и Е. Н. Медынский, историко-литературной — Н. К. Пиксанов и А. Г. Фомин, медицинской — А. В. Мартынов и Д. Н. Жбанков, сельскохозяйственной — А. Д. Педашенко, технической — Е. Н. Добржинский. Участие таких крупных специалистов не могло не сказаться на повышении уровня научно-информационной библиографии и совершенствовании ее методики.

Большевистская и общедемократическая пропаганда книги периода первой русской революции, пропитанная стремлением подготовить широкие массы трудящихся к активному участию в революционной борьбе и оказать им действенную помощь в политическом и общем самообразовании, закономерно привела к утверждению нового, принципиально иного взгляда на общественное назначение библиографии. Обоснованный В. И. Лениным принцип партийности библиографии, связи ее с борьбой идей, с активным служением делу революции был самым ценным и крупным вкладом в теорию библиографии.

Теория библиографии

Одним из главных теоретических вопросов, обсуждавшихся в начале века, был вопрос о месте библиографии в ряду родственных и смежных дисциплин, о выделении ее в самостоятельную область знания и об отношении к книговедению, с которым библиография в прошлом полностью сливалась. Здесь действовали две противоположные тенденции. Первая, возникшая еще в XIX веке, выражалась в стремлении сохранить прежнее понимание библиографии как равнозначной книговедению, вторая — отграничить библиографию и определить ее самостоятельное значение как научной дисциплины.

Выдающийся русский библиограф и крупный теоретик книговедения Н. М. Лисовский в начале своей деятельности (1884 г.), следуя за В. Г. Анастасевичем, В. С. Сопиковым и В. И. Межовым, рассматривал библиографию как книговедение в самом обширном смысле этого понятия. Библиография, в понимании Лисовского, сливалась с историей книгопечатания, библиотечным и издательским делом, книжной торговлей и прочими разделами научной и практической деятельности, имевшими отношение

к произведениям печати, и тесно соприкасалась с историей литературы, так как в ее сферу входили «всякие разыскания о литературных и художественных древностях», известия о писателях и художниках, объяснение анонимов и псевдонимов [1].

Эту точку зрения раннего Лисовского разделяли в конце XIX века и продолжали разделять в начале XX века многие библиографы, в том числе А. Д. Торопов, который писал: «Таким образом библиография из вспомогательной науки постепенно выработалась в науку самостоятельную, имеющую предметом историю книги вообще, т. е. ее возникновение, способ исполнения, влияние книги на успехи просвещения, книгоиздательство, книжную торговлю и т. д.»[2].

Но позиция самого Н. М. Лисовского в последнее десятилетие XIX века начала меняться, он ранее других пересматривает свои взгляды и постепенно отказывается от полного отождествления библиографии и книговедения. В статье «Материалы для словаря русского книговедения» (1891 г.) уже видно некоторое разграничение этих понятий и само содержание книговедения не толкуется им так широко, как прежде [3].

В лекциях по книговедению в Петроградском университете (1913 г.) Н. М. Лисовский делает еще шаг вперед и рассматривает библиографию не как равнозначную книговедению, а как часть его. Проведенное им деление книговедения на три основных раздела (книгопроизводство, книгораспространение и книгоописание) окончательно определило место библиографии в ряду книговедческих дисциплин и послужило основанием для разработки дальнейших систем классификации книговедческих знаний. Библиография составила раздел, именуемый книгоописанием, под которым Н. М. Лисовский понимал не только описание книг в узком смысле этого слова, но и выяснение научных и практических задач библиографии, ее методику, в частности каталогизацию и классификацию произведений печати по различным системам. Область биб-

---

[1] Лисовский Н. М. Библиография и библиографическое общество. — «Библиограф», 1884, № 1, с. 1—7.
[2] Торопов А. Д. Опыт руководства к подробному описанию книг согласно требованиям современной библиографии. М., 1901, с. 9.
[3] Лисовский Н. М. Материалы для словаря русского книговедения. — «Библиограф», 1891, № 1, с. 18—19.

лиографии не ограничивалась составлением указателей и списков книг: на основе собранного библиографией материала становятся возможными обобщения и выводы о закономерностях развития книжного дела в целом или в отдельных его частях, за определенный отрезок времени или в конкретной области знания. Статистико-библиографический метод здесь выступает важнейшим методом исследования эволюции книги. В использовании библиографического материала для изучения развития книжного процесса Н. М. Лисовский находил связь библиографии с книговедением. Общее, что объединяло библиографию с книговедческими дисциплинами, он видел в «изучении эволюции книги в ее качественном и количественном отношениях».

В вводной лекции по курсу книговедения в Московском университете (1916 г.) Н. М. Лисовский слегка коснулся рассмотрения книги как явления социального, но ограничился здесь лишь областью книгораспространения, совершенно не затронув социальные функции самой библиографии [1].

Достоинством теории Н. М. Лисовского надо считать выделение библиографии из комплекса книговедческих знаний, попытку выявить ее специфику и определить присущие ей методы. Он не ограничивал содержание библиографии пределами формального книгоописания, с его точки зрения это была только начальная ступень библиографической работы, за которой следовало изучение всего книжного процесса на основе полученных библиографических сведений. Н. М. Лисовский не только теоретически подходил к необходимости использования библиографии для углубленного анализа и широких выводов, но и практически дал интереснейший пример такого обобщения в виде графических таблиц и статистического изучения развития периодической печати в России на основании составленной им библиографии. А. М. Ловягин справедливо отметил книговедческое значение «Русской периодической печати» Н. М. Лисовского [2]. Такое же значение имел и статистико-библиографический обзор русских периодических изданий, построенный на результатах длительной

---

[1] Лисовский Н. М. Книговедение, его предмет и задачи. — В кн.: Sertum bibliologicum в честь <...> проф. А. И. Малеина. Пг., Госиздат, 1922, с. 12—14.
[2] Ловягин А. М. Библиологические очерки. Пг., 1916, с. 28—34.

библиографической работы Лисовского[1]. Библиография в данном случае служила исследователю средством для познания духовной жизни народа, отраженной в печатном слове: она одновременно использовалась как вспомогательный материал для той или иной отрасли знания и как имеющий самостоятельное значение источник изучения истории науки, истории культуры данной страны. Книгоописание, таким образом, было преддверием к дальнейшему библиографическому обобщению с культурно-историческими выводами.

Точка зрения Лисовского разделялась многими его современниками; спустя полвека она нашла последователей и среди советских книговедов. Дискуссии о содержании книговедения показали, что формула Лисовского «книгопроизводство — книгораспространение — книгоописание» не утратила своего значения и для 60-х годов нашего столетия[2].

В отличие от ясной, отчетливо выраженной позиции Н. М. Лисовского, другой теоретик книговедения, президент Русского библиологического общества А. М. Ловягин был менее последователен и более противоречив в созданной им теории.

А. М. Ловягин впервые высказался по теоретическим вопросам библиографии в 1901 году, когда в программной статье «О содержании библиологии или библиографии»[3], открывшей первый выпуск журнала «Литературный вестник», пытался ввести в научный оборот термин «библиология», так и не укоренившийся в библиографической среде. Само название статьи уже говорило о том, что автор ее ставил знак равенства между библиологией и библиографией, считая наиболее правильным полное отождествление этих терминов.

---

[1] Лисовский Н. М. Периодическая печать в России 1703—1903 гг. (Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий). — «Литературный вестник», 1902, вып. 8, с. 281—306, 3 л. диагр. Отд. отт. Спб., 1903. 28 с.

[2] Проблемы советского книговедения. (Обзор дискуссии на расширенном заседании редакционной коллегии сборников «Книга»).— В сб.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 2. М., 1960, с. 390—421; Обсуждение назревших проблем советского книговедения. — Там же. Сб. 11. М., 1965, с. 270—290.

[3] Ловягин А. М. О содержании библиологии или библиографии. — «Литературный вестник», 1901, т. 1, вып. 4, с. 6—17. То же в кн.: Ловягин А. М. Библиологические очерки. Пг., 1916, с. 6—17.

В понятие библиологии, а следовательно и библиографии, А. М. Ловягин вкладывал самый широкий смысл. Конечная цель этой науки отнюдь не исчерпывалась ее практическим использованием в виде справочных пособий. «Библиология, имея отношение ко всем воспроизведенным на каком-либо материале словесным произведениям без исключения, имеет целью вообще определить, как и насколько, в количественном и качественном отношениях, человеческая мысль находила и находит себе выражение в произведениях письменности или печати» [1]. Такому высокому назначению, с точки зрения Ловягина, отвечала, конечно, не всякая библиографическая деятельность.

В содержание библиологии (библиографии) А. М. Ловягин вводил комплекс вопросов: А. Библиографические классификации. Б. Библиотековедение, архивоведение и книготорговля как практические средства, способствующие ознакомлению со всякого рода литературными произведениями. В. Практическая библиография, научная и литературная критика, библиологическая история литературы и различных наук как теоретические средства изучения литературных произведений. Г. История книги в связи с историей просвещения, техники книжного дела и историей права [2].

Таким образом, А. М. Ловягин различал библиографию в целом или библиологию (или иными словами книговедение) и практическую библиографию, понимая под последней составление конкретных библиографических пособий.

В чем заключались, по мнению А. М. Ловягина, особенности библиологического изучения произведений письменности или печати и что отличало библиологию от других наук, также занимавшихся изучением произведений всех времен и народов? Во-первых, библиология изучает внешность и форму книги или рукописи, материал и средства их изготовления, способы размножения и сохранения; во-вторых, — книжную продуктивность той или иной эпохи (количество произведений и их распространение) и, в-третьих, — внутреннее содержание произведений, с тем, чтобы узнать «что искали и что находили живые носители культуры в мертвой бумажной культуре». Вопрос, как и какими методами изучает библиология внутреннее содер-

---

[1] Ловягин А. М. Библиологические очерки, с. 15.
[2] Там же, с. 16—17.

жание всей массы произведений письменности и печати, Ловягин оставлял открытым.

Содержание библиографии (библиологии) и методы ее изучения, охарактеризованные в таких общих и приблизительных чертах, выступали крайне туманно и расплывчато. Библиография, в изложении А. М. Ловягина, опять сливалась с книговедением и в этом отношении он, по сравнению с Н. М. Лисовским, отступал назад, модифицируя ранее существовавшие определения.

Сложная, логически слабо обоснованная, теория библиологии не пользовалась популярностью. Сам термин «библиология», хотя и встречался изредка в литературе, постепенно был признан устаревшим синонимом библиографии и незаметно исчез из употребления. Причиной такой недолговечности и нежизнеспособности оказалась неясность содержания библиологии, не получившей единого, общепринятого определения. Этот термин в одно и то же время применялся как синоним книговедения, библиографии и теории библиографии, что не могло не привести к законному требованию, внести, наконец, ясность в существующую терминологию и разграничить библиологию и библиографию (К. Н. Дерунов).

И вместе с тем библиология А. М. Ловягина в некотором отношении оказала благотворное влияние на развитие теории библиографии, в частности, на формирование и эволюцию взглядов Н. М. Лисовского.

Раннему Ловягину чуждо формальное понимание библиографии как книгоописания в узком и техническом смысле этого слова, напротив, в статье «О содержании библиологии или библиографии» (1901 г.) он утверждал, что «одно механическое списывание заглавий и расположение их по какому-либо общепринятому шаблону не имеет никакого права именоваться библиографией или библиологией...» [1]. Выявляя специфику библиографии (библиологии), Ловягин указал на двойственный характер этой области человеческого знания и практики: с одной стороны, библиография содействует изучению определенных специальных вопросов, а с другой стороны, она сама по себе представляет материал для изучения истории той или иной науки и истории культуры в целом. Таким образом, Ловягин, вслед за Н. А. Добролюбовым, выделяет

---

[1] Ловягин А. М. О содержании библиологии или библиографии, с. 13.

две особенности библиографии: служить одновременно чисто библиографическим и общенаучным целям. Эту точку зрения воспринял от Ловягина Лисовский, а дальнейшее свое развитие она получила в советской библиографии.

С теоретических выступлений А. М. Ловягина и Н. М. Лисовского началось постепенное самоопределение библиографии как научной дисциплины и изучение ее теории (терминологии, задач, методики, проблемы размежевания со смежными дисциплинами и т. д.). Значение А. М. Ловягина и Н. М. Лисовского в развитии теории библиографии впервые оценил Н. В. Здобнов, который еще в 30-х годах писал: «Можно сказать, что именно эти лица разработали теорию библиографии как научной дисциплины: до них были только отдельные, большей частью попутные высказывания по вопросу о понимании общих целей и задач библиографии» [1].

Теория библиологии А. М. Ловягина не прошла бесследно для развития русской библиографической мысли. Ее отзвуки и даже прямое влияние можно обнаружить в статьях Б. С. Боднарского («Классификация библиографии», 1913), А. В. Мезьер («Несколько слов о необходимости библиологического изучения кооперативной прессы», 1917) и других исследователей.

Теоретические работы А. М. Ловягина, при всей их спорности, идеалистичности и противоречивости до настоящего времени сохранили научный интерес, в частности его статья «О труде библиографа и библиолога» (1914 г.) [2], в которой впервые высказаны соображения о зависимости библиографического учета от потребностей различных наук. Точные и прикладные науки, по мнению Ловягина, вовсе не нуждаются в исчерпывающей библиографии обычного типа, она мало полезна и не эффективна, тогда как идеография (учет новых фактов и законов, которые раскрываются в произведениях печати) нашла бы больше ценителей и потребителей среди специалистов конкретных областей. Специалисту определенного профиля «нужно не все, а лишь новое — новые открытия, новые наблюдения, новые явления и новые законы». Совсем иная природа гуманитарных наук и изящной словесности,

---

[1] Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., Госкультпросветиздат, 1955, с. 540.
[2] Ловягин А. М. Библиологические очерки, с. 18—27.

здесь исследователи заинтересованы в широком учете индивидуальных произведений.

Взгляды А. М. Ловягина со временем претерпели радикальные изменения. В упомянутой статье «О труде библиографа и библиолога» (1914 г.) он уже не ставит знака равенства между библиографией и библиологией, а рассматривает их как различные ступени науки о книге. Труд библиографа ограничивается первой ступенью — собиранием материала (что именуется «практической библиографией»), за второй следует более сложная стадия — библиологическая обработка выявленного библиографом материала. Библиолог, в отличие от библиографа-аналитика, занимается синтезом: он изучает книжную продуктивность эпохи (в количественном ее выражении) и качественный состав обращающихся в обществе произведений письменности и печати, чтобы выяснить влияние книги на развитие и формирование духовной культуры человечества.

В первые годы Великой Октябрьской социалистической революции А. М. Ловягин увлекся созданием Социо-библиологического института, книговедческого научного учреждения с очень неопределенными задачами. В этот период он рассматривает библиологию с несколько иных позиций, как науку о книжном общении, составляющую часть социологии [1]. Библиография по отношению к новой отрасли социологии окончательно заняла место вспомогательной дисциплины: ее удел — учет произведений печати, подготовка для библиологии предварительного материала.

Вскоре А. М. Ловягин совершенно отказывается от употребления термина «библиология», полностью заменив его «книговедением». В очерке «Основы книговедения» (1926 г.), его последней, посмертно опубликованной книге, он среди прочих книговедческих дисциплин (история книги, библиофилия, библиотековедение, экономика книги и т. д.) называет и библиографию, но отводит ей более чем скромнее место [2]. Эта область книговедения ограничена «составлением списков книг и статей по тому или иному вопросу», поэтому она, по мнению автора, нуждается

---

[1] Ловягин А. М. Что такое библиология. — «Библиогр. известия», 1923, № 1, с. 3—12.

[2] Ловягин А. М. Основы книговедения. Популярный очерк. [Л.], 1926, с. 4, 93—102, 164.

не в развитии теории, а в разработке инструкций и правил. К концу жизни он считал практически удобным принять определение библиографии Г. Шнейдера, как «учения о составлении описей литературы», и соответственно в «Основах книговедения» останавливался лишь на элементах описания внешних признаков книги и их последовательности, на порядке расположения библиографических записей в списках книг и статей. Так библиография из ранга большой науки, равной обширной и безграничной библиологии, была постепенно низведена до узкого, ремесленного, формального книгоописания. Такое понимание библиографии не получило признания, оно не было свойственно всему ее прошлому периоду развития и настоящему ее положению в общественной жизни.

Попутно можно отметить, что на русской почве не привилось и стремление выдвинуть в качестве объединяющей дисциплины библиотековедение и подчинить ему библиографию. Это направление, идущее из Германии и подсказанное практикой немецких библиотек, не имело успеха в России[1].

Разработкой теоретических вопросов в этот период занимались главным образом представители учетно-регистрационной библиографии, усилия которых были направлены на составление крупных ретроспективных указателей научного характера. Это обстоятельство не могло не наложить свой отпечаток на разработку теории библиографии.

Более занятые формальным описанием произведений печати, то есть тем процессом, при котором общественные функции библиографии проявляются не столь явно, а сама библиографическая деятельность выступает как сравнительно далекая от общественной и политической жизни страны, библиографы, реально ощущая научную роль библиографии, почти не чувствовали ее пропагандистского, культурно-просветительного значения и были очень далеки от понимания ее места в классовой борьбе. На этом основании в советской литературе сложилось схематическое, одностороннее и потому в конечном счете ошибочное представление о Н. М. Лисовском, С. А. Венгерове, А. Д. Торопове и других дореволюционных библиографах, как о

---

[1] Эйхлер Ф. Библиотековедение высшего порядка в его отношении к методам научного исследования и преподавания. Пер. с нем. С. И. Бернштейна. Под ред. Э. А. Вольтера. Спб., 1913. 47 с.

представителях формального отношения к регистрации произведений печати.

Неверное толкование дореволюционного наследия Н. М. Лисовского, С. А. Венгерова, А. Д. Торопова и других деятелей приводило к полному и безоговорочному отрицанию каких-либо достижений в области теории библиографии в начале века.

На чем основывалось подобное категорическое утверждение? Чаще всего на свободном и произвольном толковании отдельных высказываний упомянутых библиографов.

Очерчивая границы будущего библиографического репертуара русских книг, А. Д. Торопов писал: «..описанию подлежат только *книги* на русском языке, печатанные гражданским шрифтом как в России, так и за границею, притом *все без исключения*, какого бы то ни было содержания, от великого философского трактата до пошленькой брошюрки и прейскуранта включительно» [1]. Эта фраза, впоследствии ставшая знаменитой, произвольно вырванная из текста, не раз истолковывалась как проявление буржуазного объективизма в библиографии, как свидетельство формального, безразличного отношения к содержанию всех вообще произведений печати.

Такое обвинение вовсе не заслужено А. Д. Тороповым и, по существу, не верно. Во-первых, говоря об описании всех книг, А. Д. Торопов имел в виду конкретную задачу — составление полного систематического свода русских книг за два столетия, а не вообще любого библиографического указателя. Во-вторых, автор «Опыта» был далеко не безразличен к содержанию описываемых книг. Напротив, раздумывая над методикой построения репертуара русской книги, Торопов наметил исключительно широкую программу его осуществления, которая среди обязательных и главных элементов описания предусматривала изложение содержания каждой книги и даже указание о ней критических отзывов и рецензий. Для Торопова польза и необходимость показывать «признаки наружного и внутреннего достоинства книг» была такой же аксиомой, как и польза библиографии вообще. «Странно было бы, — заключает он раздел с характерным названием „Изложе-

---

[1] Торопов А. Д. Опыт руководства к подробному описанию книг, согласно требованиям современной библиографии. М., 1901, с. 27.

ние содержания книги", — современным и будущим библиографам идти назад, отдавая преимущество подробностям внешнего описания книги и манкируя ее внутренним содержанием» [1].

К числу бесстрастных регистраторов по недоразумению был отнесен и С. А. Венгеров, тогда как вся его научная, общественная и вызывавшая в свое время яростные нападки правой печати неукротимая библиографическая деятельность служила прямым опровержением такого взгляда. Для С. А. Венгерова библиография никогда не была занятием, оторванным от жизни и практических нужд науки, она служила ему рабочим инструментом, вспомогательным аппаратом при научных исследованиях. Он никогда не отстаивал существование только одной учетно-регистрационной исчерпывающей библиографии и в равной степени признавал необходимость развития других видов библиографии. Но среди высказываний С. А. Венгерова нашлась своя злополучная фраза, с помощью которой оказалось возможным отнести его к «ярким представителям формалистического направления в дореволюционной библиографии» [2]. Имея в виду государственный учет произведений печати, С. А. Венгеров действительно писал: «Библиография в точном смысле слова есть олицетворение полного безразличия. Библиограф бесстрастно регистрирует все — гениальное произведение и макулатурный лубок для него одинаково №№ каталога» [3]. Этой формулой, конечно, не исчерпывалось понимание С. А. Венгеровым библиографии, в данном случае он выразил лишь мысль об особенностях одного из направлений библиографического учета. Следующая фраза в том же абзаце достаточно ясно раскрывает отношение С. А. Венгерова к другому виду библиографии. «Поэтому простая библиографическая регистрация, — продолжал он начатую мысль, — не оказывает никакой помощи при желании сделать выбор из множества книжных заглавий» [4]. Главный смысл выступления С. А. Венгерова заключался именно в том, чтобы определить, какой же путь, в отличие от безразличной регистрации, должна избрать рекомендательная библио-

---

[1] Торопов А. Д. Указ. соч., с. 73.
[2] Эйхенгольц А. Д. Сорок лет советской библиографии.— «Сов. библиография», 1957, вып. 48, с. 3—4.
[3] Венгеров С. А. Наша задача. — В кн.: Sertum bibliologicum в честь <...> проф. А. И. Малеина. Пг., Госиздат, 1922, с. 3.
[4] Там же.

графия (по терминологии С. А. Венгерова, «критическая»), чтобы удовлетворить растущую потребность в руководстве чтением.

Он предлагал для первой ориентации в книжном потоке организовать краткое аннотирование всех появляющихся книг, а для более основательного знакомства с ними — помещать в журналах составленные специалистами обзоры новинок в той или иной области знания. Оставляя в стороне реальность и осуществимость проекта, нельзя не оценить того, что только в организованной рекомендательной библиографии С. А. Венгеров видел единственное спасение от книжного потопа, в котором «совсем погибает простой читатель, не специалист, а просто интересующийся книжными новинками».

Неверно также зачислять почти сплошь всех крупных представителей дореволюционной библиографии в сторонники исчерпывающей библиографии, фанатично придерживающихся этого принципа. Время убеждало библиографа в трудности, даже невыполнимости и утопичности учета всего написанного и напечатанного, в необходимости ограничения материала, сужения рамок работы, и с этим он вынужден был соглашаться. В начале своей деятельности А. М. Ловягин говорил о муравьином трудолюбии библиографа, исследующего «мир бумажной культуры» во всех его закоулках, а в конце — стал убежденным сторонником выборочной библиографии. Более того, всякое намерение библиографа объять необъятное он квалифицировал как библиографический максимализм, который преступен уже потому, что приводит к бесполезной затрате сил, времени и средств [1]. Он выступал против составления абсолютно полного указателя журнальных статей за XIX век, против попытки регистрировать всех писателей, когда-либо писавших, против максималистских инструкций, составленных «с полным забвением общественной ответственности библиографа».

Опыт составления крупных библиографий убедил А. Г. Фомина в том, что исчерпывающая полнота в библиографической работе по XX веку «не по силам не только одному лицу, а даже целому библиографическому учреждению, если бы такое имелось» [2].

---

[1] Ловягин А. М. Основы книговедения. Л., 1926, с. 100—101.

[2] Русская литература XX века (1890—1910). Под ред. С. А. Венгерова. Т. 2. М., «Мир», 1917, с. 138.

А. Л. Бем, обозревая библиографические работы о Л. Н. Толстом пришел к аналогичному выводу: «Фактически, жизнь привела к тому, — писал он, — что исчерпывающей библиографии по тому или другому даже частному вопросу составить не удается» [1].

Вся дореволюционная библиография, за небольшим исключением, была пропитана буржуазным объективизмом, только его надо искать не в стремлении к исчерпывающей полноте учетно-регистрационной библиографии и не в формально-механическом отношении к регистрации произведений печати, этим в полной мере был заражен, пожалуй, только Д. В. Ульянинский, а гораздо глубже, в самом характере и общем направлении библиографии. Он проявлялся не столько в ошибочном толковании предмета библиографии, сколько в непонимании ее общественной роли, в изоляции библиографической деятельности от социальной борьбы, в рассмотрении всей эволюции книжного производства и обращения вне общего исторического процесса.

Самым существенным, принципиально новым этапом в развитии теории библиографии в предреволюционный период было появление в теоретическом марксистском журнале «Просвещение» (1914, № 4) рецензии В. И. Ленина на второй том библиографии Н. А. Рубакина «Среди книг» [2].

В библиографической и библиотечной деятельности Рубакина, в отличие от литературной и общественной, предельно обнажено стремление остаться в стороне от политической борьбы и тем избежать упреков в пристрастности суждений и оценок. Уже на первых страницах введения к библиографии «Среди книг» Рубакин предупреждает читателя о своей позиции невмешательства: «Таким образом, — говорит он, — партийная точка зрения совсем исключена из этой книги и заменена внепартийной, или, точнее говоря, над-партийной...» [3]. К этому отчетливо сформулированному тезису Рубакин возвращается не один раз и в тексте библиографии, и в специально посвященных «борьбе с тенденциозностью и односторонностью оценки» параграфах теоретического введения.

---

1 Бем А. Л. К истории изучения Толстого. — «Библиол. сборник», 1916, т. 1, вып. 3, с. 138.
2 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25, с. 111—114.
3 Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 1, с. VI.

Критическая часть рецензии В. И. Ленина направлена именно против этого распространенного, прочно укоренившегося представления о надклассовости и надпартийности библиографической работы; здесь был впервые сформулирован принцип партийности библиографии, ее зависимости от общественной и политической борьбы.

Н. А. Рубакин, в адрес которого непосредственно направлялись критические замечания В. И. Ленина, однако, не сделал для себя никаких выводов и не изменил своей позиции ни в работе над следующим томом «Среди книг», ни в других своих трудах. Требовался слишком крутой поворот в сознании и слишком глубокая ломка привычных представлений о «вреде тенденциозности», о «терпимости» к выражению различных мнений и т. д., чтобы отказаться от мелкобуржуазной, объективистской позиции, распространенной среди представителей дореволюционной библиографии.

Общественно-политическое и методологическое значение рецензии В. И. Ленина для развития библиографии не было осознано и современниками Рубакина. В какой-то степени это объяснялось простой неосведомленностью библиографов, которым едва ли был известен теоретический орган марксизма, журнал «Просвещение», опубликовавший рецензию В. И. Ленина. Второе, немаловажное обстоятельство заключалось в конфискации номера журнала с рецензией, в изъятии его из продажи и библиотек.

Тезис о партийности библиографии не был понят, оценен и усвоен, не только в момент появления рецензии на труд Н. А. Рубакина, но и в ближайшее десятилетие. Разработка ленинского наследия в области теории библиографии, по существу, началась спустя два десятилетия после опубликования рецензии В. И. Ленина, то есть не ранее 30-х годов.

Практическая библиографическая деятельность в начале века заметно обгоняла теоретическую мысль. Предреволюционная русская библиография, прочно связанная с работой прогрессивых библиотек, быстро обогащалась новыми формами библиографических пособий и новыми типами изданий. За небольшой отрезок времени появилась такая своеобразная работа, как многотомная библиография Н. А. Рубакина «Среди книг», методику примерного каталога для различных типов библиотек практически разрабатывали А. В. Панов, К. Н. Дерунов, И. В. Владиславлев и многие другие. Сравнительно широкое распространение

получили общие и отраслевые ежегодники текущей литературы. И. В. Владиславлев, намечая новый тип издания, рекомендательный библиографический ежегодник, стремился максимально приблизить свой справочник к жизни и удовлетворить им потребности широкого круга читателей. Из тех же демократических тенденций исходил он, создавая крупные рекомендательные указатели по литературе. В период революции 1905—1907 годов возникли новые, разнообразные по форме и содержанию, непохожие друг на друга библиографические журналы, массовые рекомендательные листки, краткие списки, серии критических обзоров и т. д.

Об уровне развития теории библиографии в тот или иной период в известной степени можно судить по определенности терминологии и по тому, насколько ясны и четки сложившиеся представления о видах и типах библиографических пособий, каково состояние классификации самих библиографических явлений. В последнем отношении дореволюционная библиография далеко не продвинулась, типология библиографии почти не разрабатывалась.

До начала XX века вообще отсутствовало сколько-нибудь ясно выраженное стремление научно классифицировать многочисленные библиографические указатели, если не считать единичных трудов по библиографии второй степени (Г. Н. Геннади, Н. Ф. Бокачева, А. Е. Яновского и Н. П. Смирнова), в которых библиографические справочники систематизировались в простейшем, традиционно установленном порядке. За сорок лет, прошедших с выхода «Литературы русской библиографии» Г. Н. Геннади (1858 г.) до появления «Библиографических материалов» Н. П. Смирнова (1898 г.), в области классификации библиографии произошло сравнительно мало изменений. В своей работе Н. П. Смирнов, в отличие от Г. Н. Геннади, лишь четко отделил библиографию от смежных отраслей книговедения, но в распределении чисто библиографического материала почти повторил схему Геннади.

Поэтому особый интерес представляют относящиеся к началу XX века попытки логически сгруппировать разнообразные библиографические пособия и найти им место в общей системе классификации произведений печати.

Первый набросок схемы классификации принадлежал Н. А. Рубакину. «В Списке пособий для библиотекаря», помещенном в его труде «Среди книг», обращает на себя внимание систематизация библиографических указателей

в зависимости от их назначения и практического использования [1]. К первой категории Н. А. Рубакин отнес библиографии, «знакомящие со всей наличностью печатных богатств», то есть, говоря современным языком, учетно-регистрационные указатели; во вторую — он включил «рекомендательные каталоги и указатели» общего и специального характера, «помогающие библиотекарю *разбираться в наличности* этих богатств, — выбирать из них лучшие произведения лучших авторов...» [2]; третью — составили библиографии, облегчающие комплектование (издательские каталоги, библиографии редких книг, указатели запрещенных изданий); в четвертую — вошла еще только нарождающаяся библиография, типа «Среди книг» Н. А. Рубакина, раскрывающая содержание книжных богатств.

В дальнейшем, в вводной части второго незавершенного издания «Среди книг», эта классификация библиографических изданий приняла более ясные и четкие очертания [3]. В окончательном варианте она имела такой вид: 1) каталожная библиография, регистрирующая книгу вообще, как таковую, независимо от оценки ее содержания; 2) библиография рекомендательная (указатели особо рекомендуемых книг для чтения, пособия для самообразования, программы домашнего чтения и т. п.); 3) библиография историческая, или эволюционная, отражающая развитие научно-философских и литературно-общественных течений. В отличие от первых двух категорий эволюционная библиография должна давать представление не о книге вообще, и не о лучших книгах, а именно о тех, которые в разных исторических условиях оказывали влияние на развитие научной и общественной мысли в ее основных направлениях. В последнюю, четвертую, группу Н. А. Рубакин зачислил библиографию психологическую, в действительности еще не существующую и целиком принадлежащую будущему. Этот вид библиографии, по мнению Н. А. Рубакина, должен развиваться на основе библиопсихологии, то есть изучения психологии читательских групп, типов книг, особенностей влияния книги на читателя. Свой собственный труд «Среди книг» Н. А. Рубакин отнес не к рекомендательной библиографии, а к эволюционной,

---

[1] Рубакин Н. А. Среди книг. Спб., 1906, с. 267—286.
[2] Там же, с. 267.
[3] Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1911, с. 99—100.

отметив в нем некоторые элементы психологической библиографии.

Терминология библиографии отставала от реального развития библиографической работы. При интенсивном издании всякого рода рекомендательных пособий не было единого термина для обозначения данного вида библиографических изданий. Характерно, что в начале века не вышло в свет ни одной библиографии, на титульном листе которой стояло бы слово «рекомендательная», хотя многочисленные примерные каталоги, списки лучших общедоступных, общеупотребительных книг, круги чтения, толковые указатели, программы чтения, обзоры популярных книг и статей и т. д. по сути дела принадлежали к одному виду пособий, и главное значение их заключалось в рекомендации избранной литературы. Поэтому выделение «рекомендательной библиографии» для обозначения особой категории библиографических изданий — несомненная удача и заслуга Н. А. Рубакина.

Любопытно отметить, что из всех понятий, введенных Н. А. Рубакиным в собственную классификацию библиографических изданий (каталожно-регистрационная, рекомендательная, историческая, или эволюционная, и психологическая), выдержало испытание временем и стало общеупотребительным только одно — «рекомендательная библиография», получившая права гражданства и бесспорное признание после Великой Октябрьской социалистической революции. Остальные термины оказались мертворожденными и не прижились, как не прижились и исчезли из употребления различные синонимы рекомендательной библиографии («рациональная», «практическая», «прикладная»), изредка встречавшиеся в дореволюционной библиографической литературе.

В схеме классификации библиографических изданий, предложенной Б. С. Боднарским, вовсе отсутствовало понятие «рекомендательная библиография». В очерке для энциклопедического словаря [1] он подразделяет библиографию по ряду признаков (авторам, форме издания, месту выхода, отдельным предметам), тот же принцип деления сохранен в его статье «Классификация библиографии», где впервые библиографическая литература рассматривалась

---

[1] Боднарский Б. С. Библиография. — В кн.: Энциклопедический словарь т-ва бр. А. и И. Гранат. Изд. 7-е. Т. 5, М., [1911], стлб. 549—551.

как объект для систематизации. Б. С. Боднарский знакомил здесь русского читателя со схемой десятичной классификации применительно к библиографии и системой различных определителей (формы, места, времени, отношений) [1]. В комбинации с основными цифровыми делениями определители позволяли расчленить и привести в порядок до сих пор обычно формально организуемый или хаотически нагромождаемый библиографический материал.

Библиография в целом в универсальной десятичной классификации отнесена к общему отделу знаний (01), где разбивалась на крупные разделы (от 011 до 017), которые в свою очередь содержали более детальные подразделения:

01. Теория и техника библиографии (библиология)

	011	Всеобщая библиография
По авторам произведений	012	Индивидуальная библиография (личная)
	013	Коллективная библиография
По форме изданий	014	Формальная библиография
По месту выхода	015	Национальная библиография (местная)
По отдельным предметам	016	Специальная библиография (предметная)
	017	Каталоги книг

Не трудно заметить, что в схеме Б. С. Боднарского не выделены основные виды библиографии по определяющему признаку, и принятая в классификации терминология не совсем соответствовала сложившемуся положению вещей: она не отражала наличия рекомендательной, общей и отраслевой, текущей и ретроспективной библиографии. Вследствие того, что в основу деления положены не единые, логически обоснованные, а разнородные признаки (авторство, форма издания, место выхода и т. д.), в схеме теряются связи, соотношение и соподчиненность различных отраслей библиографии. Некоторые разделы объединяют слишком много разнородного материала, явно ну-

---

[1] Боднарский Б. С. Классификация библиографии (Библиография, библиотековедение, библиофилия, книжное дело). — «Библиогр. известия», 1913, № 1, с. 26—39. Отд. отт. М., 1913. 14 с.

ждавшегося в размежевании, например, в раздел «Специальная библиография» входят топобиблиография, хронобиблиография, biобиблиография и предметная библиография. Используя современную терминологию, можно сказать, что в данном разделе собраны воедино краеведческая библиография, библиография второй степени различного характера, библиография детской литературы и другие, даже отдаленно между собой не связанные пособия. Последний раздел «Каталоги библиотек и книжных магазинов», организованный по формальному принципу, содержит материал, перекрещивающийся с другими разделами.

Практическое приложение эта схема получила в труде Б. С. Боднарского «Библиографии русской библиографии», для которого с самого начала было принято и до конца последовательно выдержано систематическое расположение библиографических записей в порядке десятичной классификации.

Третья классификация библиографических указателей, на этот раз учтенных в ретроспективном плане, в известном труде «Библиотека Д. В. Ульянинского» (т. 2) лишена всякого научного интереса. Личные вкусы ее владельца, определившие неравномерность наполнения отдельных частей библиотеки, повлияли на структуру и на расположение библиографического материала. В разделе «Библиография изданий гражданской печати», например, неправомерно выдвинута на первое место «Библиография по генеалогии», только потому, что Д. В. Ульянинский собирал ее с особой тщательностью и старанием.

Практическая разработка методики библиографии

Если в теоретической литературе такие вопросы, как содержание и границы библиографии, терминология и классификация библиографических пособий, не получили достаточно ясного освещения, то практическая разработка методики описания, отбора, оценки и систематизации произведений печати в начале XX века заметно шагнула вперед. О методике библиографии этого периода уже нельзя сказать словами Г. А. Ильинского, что она поражает своим консерватизмом [1]; это выражение следует целиком

---

[1] Ильинский Г. А. Автореферат как тип библиографии. — «Литературный вестник», 1901, т. 1, вып. 4, с. 403.

отнести к прошлому, к последней четверти ушедшего века.

Толчком для движения прежде всего послужила коллективная работа над крупными общими и отраслевыми библиографиями, нуждавшаяся в согласованности действий исполнителей, в единстве приемов описания, оценок, отбора и систематизации произведений печати. Требовались в первую очередь общие, достаточно детально разработанные единые правила описания, обязательные для всех, принимавших участие в составлении той или иной библиографии.

Развитию методики во многом способствовало и обсуждение в печати крупных работ типа биобиблиографических начинаний С. А. Венгерова, библиографии славяноведения, каталога точных наук и т. д., к выполнению которых привлекалось много исполнителей. Та недостаточная продуманность всего замысла и свойственные работам С. А. Венгерова ошибки методического характера, которые привели к незавершенности критико-библиографического словаря, в свое время с достаточной определенностью были выявлены и охарактеризованы в рецензиях и критических статьях.

По подсчетам А. Г. Фомина, за весь XIX век в России появилось не более шести инструкций и руководств по описанию произведений печати, тогда как только за полтора десятилетия XX века их уже насчитывалось девять.

Из рабочей инструкции для составителей репертуара русской книги вырос «Опыт руководства к подробному описанию книг» А. Д. Торопова, в котором обобщена практика Московского библиографического кружка [1]. Не касаясь всех видов произведений печати, А. Д. Торопов сформулировал в «Опыте» основные принципы, вернее обрисовал контуры научного описания книг: полнота сведений, их точность, описание de visu, единообразие и строгая последовательность в передаче внешних признаков книги.

Появление ряда материалов инструктивного характера вызывалось потребностями отдельных библиографических коллективов. Так, Русское библиологическое общество выпустило «Правила для составления журнальных биб-

---

[1] Торопов А. Д. Опыт руководства к подробному описанию книг, согласно требованиям современной библиографии. М., В. Ф. Фрейман, 1901. 95 с.

лиографических карточек», в которых были зафиксированы принципы отбора и описания, применяемые в широко задуманной библиографии журнальных статей из периодических изданий XIX века [1]. Специальная инструкция определила задачи, организацию и порядок описания русских книг для международного каталога по литературе точных наук, что было первым шагом по пути унификации правил описания в международном масштабе [2]. Единообразие работы преследовала и Статистико-библиографическая комиссия, выпуская инструкцию для составителей «Систематической росписи русским книгам, вышедшим в России ... за 1899 г.», так и оставшейся незавершенной. Автор последнего документа, академик М. Я. Виллие поставил эпиграфом к инструкции основное правило, которым руководствовались составители, — «одинаковый прием в одинаковом случае», желая этим особо подчеркнуть важность для библиографии единообразия решений [3]. В этой росписи единство и последовательность описания были существенны и для статистических целей.

Значение выработанных инструкций не ограничивалось пределами той или иной библиографии, ради которой они создавались. Ни одна инструкция не стала общепринятой, но каждая из них способствовала повышению общего уровня библиографической культуры различных коллективов и отдельных библиографов и, кроме того, оказала влияние на последующую разработку правил описания.

«Опыт описания библиографической карточки» В. В. Лемешевского [4], изданный для членов библиографического кружка при Петербургском университете, или инструкции, составленные Комиссией сибирской библиографии [5],

---

[1] Правила для составления журнальных библиографических карточек Справочного бюро Русского библиологического общества. — «Литературный вестник», 1901, т. 1, кн. 4. Известия о деятельности Русского библиол. о-ва за 1901 г., с. 47—49.

[2] Инструкция для составления Международного каталога по литературе точных наук. Спб., 1901. 22 с. (Акад. наук).

[3] Инструкция для гг. составителей 4-го выпуска «Систематической росписи». Сост. М. Я. Виллие. [Спб., 1903]. 12 с.

[4] Л[емешевск]ий В. В. Опыт описания библиографической карточки. [Спб.], 1907. 31 с. Литогр.

[5] Техника библиографического описания. Сост. членами Комиссии сибирской библиографии. — «Библиогр. известия», 1913, № 4, с. 269—275; Инструкция по библиографическому описанию. М., [1915]. 11 с. (Комиссия сибирской библиографии Русского библиогр. о-ва).

впитали в себя многое из практики Русского библиографического общества, руководства А. Д. Торопова, из опыта коллективной работы над библиографией славяноведения и др., но вместе с тем и университетский кружок и Комиссия сибирской библиографии в свою очередь внесли нечто новое в методику библиографии: объектом описания здесь выступают не только книги, но и другие произведения печати, учитываются особенности каталографии отдельных видов изданий (рефератов, рецензий, критических статей), в заголовок описания твердо ставится фамилия автора, устанавливаются инициалы, применяются единообразные сокращения и т. д.

Среди методической литературы появляется работа А. М. Белова «Правила составления каталогов алфавитного, систематического и предметного» (Пб., 1915), отдельные страницы которой впервые знакомили русского читателя с «аннотацией». Именно эти страницы воспринимались библиографами как наиболее интересные и новые, хотя содержание аннотации А. М. Белов ограничивал лишь краткими примечаниями о внешних особенностях книги.

Техника описания достигла особенно большой изощренности в библиофильской библиографии, где точность записи, понятая как слепое копирование титульного листа, дошла до излишеств, в отдельных случаях даже до абсурда.

В этом отношении рекомендательная библиография резко отличалась от академической, особенно от библиофильской практики. Дешевая, массовая, остро злободневная политически, она не всегда была безупречной в библиографическом отношении: в листках, кратких рекомендательных списках, программах самообразования часто отсутствовали необходимые сведения о книгах. Причиной тому были стремление быстрее отозваться на злобу дня и подчас трудные условия, в которых рождались рекомендательные списки для массового читателя. Но и в области рекомендательной библиографии необходимость грамотного библиографического описания находила безусловное признание. «Описание, — заметил Н. А. Рубакин, — самое лучшее средство для раскрытия хорошей книги», но «оно само по себе, — добавлял он, — еще недостаточно для характеристики книги» [1]. Исходя из этого, Рубакин ре-

---

[1] Рубакин Н. А. Среди книг. Изд. 2-е. Т. 1, с. 160—161.

комендовал не ограничиваться передачей внешних признаков книги, а выписывать при названии книг их оглавления, хотя бы сокращенно, отрывки из предисловий и т. д.

Раскрытие внутреннего содержания книги в рекомендательной библиографии заняло более заметное место, чем ранее. Это обстоятельство в значительной степени связано с деятельностью прогрессивных библиографов, как индивидуально работавших, так и организованных в коллективы.

Общее, что объединяло разрозненные усилия многочисленных библиографических коллективов, заключалось в борьбе за качество книги для народа и детей, в стремлении выделить путем критического обзора все сколько-нибудь ценное из массы недоброкачественного. Общественное значение такого широкого просмотра популярной литературы силами передовой интеллигенции и состояло в усилении роли прогрессивной демократической книги в чтении народа. Рецензирование книг специалистами не могло не отразиться на качестве, квалифицированности, убедительности и объективности оценок и рекомендаций.

Постепенно вырабатывались общие критерии отбора литературы для библиографических указателей, предназначенных малоподготовленному взрослому читателю и детям. Для художественной литературы требования сводились к доступности содержания, реалистичности в изображении действительности, образности и выразительности языка; для популярной литературы — к обязательности научно точного, живого, образного, интересного изложения, хорошего литературного слога, привлекательного внешнего оформления, дешевизны издания.

Общественный опыт отбора и оценки книг даже в пределах первого десятилетия XX века был достаточно велик и многообразен, чтобы привлечь к себе внимание и вызвать потребность в его изучении. С этой стороны заслуживает внимания прозвучавший с трибуны Первого всероссийского съезда по библиотечному делу доклад Н. А. Парманина «Система рекомендательных списков по отделу беллетристики», в котором сделаны первые шаги в определении и теоретическом обосновании методики работы над рекомендательными списками [1]. На опыте пер-

---

[1] Труды Первого всероссийского съезда по библиотечному делу. Спб., 1912, с. 209—216.

вой бесплатной народной библиотеки-читальни Харьковского общества грамотности здесь рассмотрены и уточнены принципы составления рекомендательной библиографии.

Одним из важнейших принципиальных положений доклада было признание необходимости аннотирования книги, хотя бы в самой общей форме. В предложенной Н. А. Парманиным схеме аннотации предусматривались наряду с раскрытием содержания книги и указанием степени доступности произведения такие сложные элементы характеристики, как определение тенденции автора в освещении вопроса и глубины его идейного замысла. В докладе уделялось внимание и системе раположения книг. Внутри той ли иной схемы (логической — по содержанию или формальной — по жанрам) рекомендовалось помещать произведения печати в порядке возраставшей их трудности, что для пользующихся библиографией имело первостепенное значение.

Не менее значительна помещенная в журнале «Вестник сельского хозяйства» статья «К вопросу о принципах и организации библиографии сельскохозяйственной литературы», автор которой дал сравнительный анализ практики рецензирования трех библиографических комиссий (Киевского агрономического общества, Общества русских врачей и Московского общества распространения технических знаний), действовавших в совершенно различных областях русской книги (сельскохозяйственной, медицинской и детской)[1]. В статье рассмотрены, с чисто методической стороны, преимущества и недостатки различной организации коллективного рецензирования в трех комиссиях (по просмотру популярной сельскохозяйственной литературы, по распространению гигиенических знаний и по организации домашнего чтения). В истории русской библиографии это был первый случай, когда накопленный общественными библиографическими организациями удачный в методическом отношении опыт специально изучался с целью более широкого его распространения в отраслевой рекомендательной библиографии.

Накопившийся опыт нуждался в обобщении не только в пределах частных и отдельных проблем, а в целом, по-

---

[1] Б-ов М. К вопросу о принципах и организации библиографии сельскохозяйственной литературы. — «Вестник сельского хозяйства», 1914, № 21, с. 14—15.

этому возникла настоятельная необходимость в связно изложенном, развернутом руководстве по теории и практической методике рекомендательной библиографии. Первое такое руководство в русской библиографической литературе принадлежало Н. А. Рубакину, который дал его в виде вводного научно-библиографического очерка («Теория подбора книг») к своему труду «Среди книг» (1-е и 2-е изд.).

В России это была, по существу, первая крупная теоретическая работа, которая в систематизированном виде освещала идейную сторону библиотечного дела. Вышедшие к тому времени пособия Е. В. Балобановой и Л. Б. Хавкиной излагали преимущественно техническую и организационную стороны библиотечной работы, не касаясь ее общественных функций, возможностей руководства самообразованием читателей и проходя мимо использования библиографии в условиях общеобразовательной библиотеки.

«Теория подбора книг» отразила систему взглядов Н. А. Рубакина, постепенно сложившуюся у него в процессе многолетней пропаганды книги и знания. В понимании задач и назначения библиографии сказалась позиция мелкобуржуазного объективизма, которую библиограф упорно защищал на протяжении всей своей жизни. В то же время в практической методике Н. А. Рубакина преобладали присущие русской прогрессивной рекомендательной библиографии демократические тенденции: ориентация на малоподготовленного читателя, продвижение прогрессивной книги, борьба с реакционной литературой, пропаганда систематического самообразовательного чтения и т. д. И здесь же, в суждениях о непознаваемости книги, в отрицании объективно существующего содержания произведения легко угадывались очертания будущей «библиопсихологии» Н. А. Рубакина.

Все существенные методические приемы составления универсального библиографического указателя рекомендательного характера были в очерке предусмотрены и получили обоснование, хотя и с различной степенью убедительности.

Назначение указателя, принципы отбора материала и в связи с этим теория книжного ядра, отношение к разным категориям произведений печати (реакционной, малозначащей, но занимательной, лубочной, узкоспециальной и т. д.), описание книг с внешней стороны, спосо-

бы раскрытия их внутреннего содержания, учет читательской подготовленности, поиски научно обоснованной классификации книг, соответствующей целевому назначению библиографии, — вот далеко не полный перечень рассмотренных Н. А. Рубакиным вопросов. Некоторые разделы очерка (например, «Пропаганда библиографических знаний») продолжают до сих пор звучать актуально.

Самое оригинальное в работе Н. А. Рубакина — его центральный замысел, стремление показать читателю книжные богатства не как сумму накоплений и мертвую культуру, а как борьбу идей. Раскрытие идейной направленности огромного количества книг — задача, неизмеримо более трудная, чем составление аннотированного каталога. Средством для этого служили систематизация материала и обзор его в «Предварительных замечаниях», которые представляли наиболее интересную и спорную часть его библиографии.

В научной библиографии для специалистов тоже велись поиски более точных и объективных способов передачи содержания книги. Московский библиографический кружок, работая над всеобщим каталогом русских книг, включил в схему описания краткое определение содержания книги. В этом направлении Г. А. Ильинский пошел далее, предлагая ввести реферирование. Количественному учету произведений печати он противопоставил «реальное направление» в библиографии, заинтересованное прежде всего в качественной оценке регистрируемого материала. Г. А. Ильинский, например, считал, что «будущая библиография должна не только давать указания, о чем написана известная книга или статья, но и о том, что в ней написано», и видел в авторефератах, получивших распространение в научной литературе на Западе, именно такую новую и перспективную форму библиографии, которая способна дать полное, точное и максимально объективное представление о содержании произведений печати [1].

Настойчивыми поисками научно обоснованного расположения материала характеризуется деятельность русских библиографов и в области классификации произведений печати. Неудовлетворенность положением, при котором «не только каждый библиографический коллектив, но почти каждый отдельный библиограф считает своей обязан-

---

[1] Ильинский Г. А. Автореферат как тип библиографии. — «Литературный вестник», 1901, т. 1, вып. 4, с. 403—406.

ностью составить свою собственную схему» [1], постепенно привела многих библиографов к необходимости использования единой универсальной системы. Этим в значительной мере объясняется успех в России библиографической десятичной системы М. Дьюи, простота, эластичность, общедоступность и международность которой завоевали ей в то время быстрое распространение в русских библиотеках и библиографии. Страстным пропагандистом и неутомимым популяризатором новой системы выступил Б. С. Боднарский [2].

Десятичная классификация нашла практическое применение в ряде библиографических журналов («Библиографические известия», «Бюллетени литературы и жизни», «Новости коммерческой литературы») и в указателях научной и технической литературы. Принципы международной десятичной классификации легли в основу распределения литературы по медицинским наукам, фотографии, психологии и антропологии, воспитанию и обучению, земскому и городскому самоуправлению. На русский язык были переведены почти полностью таблицы по инженерному искусству.

Особенности применения десятичной классификации в библиотеках и библиографии рассматривались на Первом всероссийском съезде по библиотечному делу (доклады А. И. Калишевского и С. Д. Масловского). Интенсивный интерес к десятичной классификации вызвал появление специальной библиографии по этому вопросу (П. А. Унде-Попов, 1914).

Научные системы классификации впервые нашли применение в рекомендательной библиографии, главным образом в больших работах и каталогах общедоступных библиотек, пользоваться которыми можно было при условии систематизации литературы. Классификация основных наук Г. Спенсера в упрощенном виде была использована К. Н. Деруновым в его «Примерном каталоге». Классификационные принципы Платона и близкая мировоззрению Н. А. Рубакина «энциклопедическая лестница знаний» О. Конта послужили основанием для подробно разрабо-

---

[1] Боднарский Б. С. Классификация библиографии. — «Библиогр. известия», 1913, № 1, с. 26.

[2] Библиографию трудов Б. С. Боднарского по данному вопросу см. в кн.: Заслуженный деятель науки Богдан Степанович Боднарский. М., Всесоюз. кн. палата, 1963, с. 34—50.

танной оригинальной системы размещения книг в библиографии «Среди книг», задуманной Н. А. Рубакиным как примерный каталог общеобразовательной универсальной библиотеки. К этому же времени относится и широкое проникновение в рекомендательную библиографию десятичной системы классификации, которая использовалась авторами многих указателей (И. В. Владиславлевым, А. А. Покровским и другими). Поборники десятичной системы Международного библиографического института выступали за повсеместное ее распространение, и даже противники, предварительно критически переработав десятичный принцип, использовали его как основу «нормальной системы классификации книг» для русских народных и общедоступных библиотек [1].

В небольших рекомендательных указателях в этот период начинает все чаще применяться тематический порядок расположения библиографических записей, подсказанный практическими потребностями читателей и назначением самих пособий. Из библиографий этого типа особенно выделяются своеобразием построения указатели социал-демократической литературы (П. Лебедева, Г. Струмилина, Захарова и других), где размещение материала по разделам и параграфам программы РСДРП было удачно найденным и практически наиболее удобным приемом. Такой порядок построения облегчал политическое и общее самообразование и получение информации по отдельным темам. Он же помогал легко выявить неравномерность издания популярной литературы по различным вопросам.

Демократические тенденции в отборе и систематизации материала в указателях детской литературы и предназначенных массовому читателю обеспечили им долговременный успех и повторность изданий (А. И. Лебедев, А. В. Панов, С. Степанов и другие).

Были найдены и другие приемы экономного, правда, не всегда рационального, расположения материала в библиографических указателях. Стремление составителей отразить в различных аспектах и емко разместить сведения о книгах приводило в отдельных случаях к чрезмерной сжатости и лаконизму записей, подчас трудно поддающих-

---

[1] Богданов П. М. К вопросу о выработке нормальной системы классификации книг для общедоступных библиотек. — «Библиотекарь», 1915, вып. 3—4, с. 273—302.

ся расшифровке. Как пример «конденсированного» указателя можно привести «Спутник читателя» А. Буткевича, где есть строки почти загадочные [1]. Такая, например, запись, как—Мр в 2 Толстой Воскресение. Сув. $С_{10}Б_3П_9Д_7$, расшифровывается следующим образом: роман Л. Н. Толстого «Воскресение», изданный Сувориным, доступен малоразвитому взрослому читателю, по своему содержанию это произведение может быть отнесено к ряду рубрик (суд и судьи, барство и трудовая жизнь, политические ссыльные и заключение, душевное просветление и перерождение), в каждой из рубрик оно занимает порядковое место, обозначенное цифрой.

История библиографии

Внимание к методическим вопросам в начале XX века сопровождалось оживлением интереса к истории русской книги и библиографии. Видимо, назревала пора, если не обобщения, то первоначального собирания и объединения обособленного и разрозненного материала в виде энциклопедии книговедения, для более углубленного изучения в дальнейшем всего хода развития книжного дела в России вообще, истории и теории русской библиографии в частности. «Идея энциклопедии, — заметила как-то А. В. Мезьер, — должна была родиться в какой-нибудь библиографической голове» [2], и она действительно родилась почти одновременно у ряда библиографов, преломляясь у каждого по особому и каждый раз принимая иную форму.

Н. М. Лисовский с конца XIX века готовил обширный словарь книговедения и печатного дела в России, накапливая для него автобиографии библиографов и другие материалы [3]. Следы этого собирания можно обнаружить на протяжении трех десятилетий, вплоть до 1917 года.

В то же время книговед и библиограф П. К. Симони (1859—1939) задумал многотомное историческое обозрение судеб русской книги, которому отчасти придавал справочный характер. Его труд «Книга, книжное дело и просве-

---

[1] Буткевич А. Спутник читателя. Указатель общедоступных книг для чтения по всем отраслям знания и литературы. М., 1906. IX, 55 с.

[2] ЦГАЛИ. Ф. 106, оп. 1, ед. хр. 66, л. 74.

[3] ИРЛИ. Ф. 153, № 821, л. 30. Черновик письма Н. М. Лисовского Д. В. Ульянинскому от 22 апр. 1904 г.

щение на Руси с древнейших времен и доныне» должен был показать историю производства, распространения, хранения и описания книги в России с XI по XIX век включительно [1]. Образцы этого обширного обозрения в виде очерков об отдельных книгопродавцах (Я. А. Исакове, И. Г. Кольчугине и других) появились в небольшом журнальчике Н. Г. Мартынова «Книжная биржа». Там же напечатана анкета, обращенная к современным деятелям книжного дела. На этом публикация труда П. К. Симони оборвалась, подготовленные к печати тома монографии остались в рукописи [2].

Третий крупный замысел связан с именем А. Д. Торопова, тоже собиравшего материал для «Энциклопедии книговедения». В отличие от П. К. Симони, он хотел дать объяснение связанных с книгою различных терминов, исторических фактов и дат, поместить биографии выдающихся деятелей в области книговедения [3]. Такого рода фундаментальные труды нуждались в материальной поддержке на всех этапах: в процессе собирания материала, его оформления и, особенно, издания. В 1908 году А. Д. Торопов обращался за помощью к различным учреждениям, но поддержки не получил, и его энциклопедия, как все крупные библиографические начинания в дореволюционной России, осталась незавершенной [4].

Неудачи больших начинаний не могли погасить интерес к истории русской книги и библиографии. В печати появляется ряд материалов биобиблиографического характера о деятелях книги прошлого столетия.

В «Русском биографическом словаре» печатаются краткие очерки о Ф. Ф. Цветаеве (1901), П. П. Пекарском (1902), А. Ф. Смирдине (1904), В. А. Плавильщикове (1905), И. П. Быстрове (1909), В. С. Сопикове (1909) и дру-

---

1 Симони П. К. Воззвание к гг. книгопродавцам, издателям, букинистам, собирателям-библиофилам и т. д. — «Книжная биржа» (Листок) 1905, ноябрь, с. 6—8.

2 Аблов Н. Н. Павел Константинович Симони (1859—1939). — «Сов. библиография», 1940, вып. 1 (18), с. 219—221.

3 Масанов Ю. И. А. Д. Торопов (1851—1927). Краткий очерк жизни и деятельности. Под ред. Б. С. Боднарского. М., Всесоюз. кн. палата, 1951, с. 21.

4 После Великой Октябрьской социалистической революции идея энциклопедии книги, в библиографическом ее варианте, получила практическое воплощение в известном многотомном труде А. В. Мезьер «Словарный указатель по книговедению» (1924, 1931—1935).

гих представителях русского книговедения. У. Г. Иваск посвятил специальную работу обзору жизни и трудов Г. Н. Геннади [1].

Столетие «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова было отмечено появлением статьи А. С. Полякова в «Русском библиофиле» [2] и переизданием «Предуведомления» к «Опыту» (Спб., 1912). Последнее вызвано не столько библиографической редкостью труда Сопикова и интересом к прошлому, сколько усилением внимания к тому общественному назначению библиографии, которым была проникнута вводная статья к «Опыту российской библиографии». Понимание библиографии как «надежного и просвещенного руководителя», образующего «вкус читателя к хорошим сочинениям», разделялось К. Н. Деруновым, А. Д. Тороповым и находило отклик у многих библиографов.

В этот же период появляются небольшие очерки, характеризующие развитие русской библиографии на отдельных ее участках или в пределах небольших отрезков времени. Так, упоминание и поверхностную характеристику некоторых старых библиографических журналов можно найти в популярных «Очерках по истории русской библиографии» Е. М. Воронова [3], краткий обзор наиболее значительных событий в библиографической жизни страны за четверть века — в статье Э. А. Вольтера «Некоторые вехи русской библиологии за 25 лет» [4]. Материалы о печати и библиографии изданий конца XVIII века собрал и опубликовал В. П. Рогожин [5].

Все перечисленные очерки и статьи содержали главным образом биографические сведения об отдельных деятелях книги, разрозненные, не всегда достоверные, слабо связанные со временем, поэтому первые два десятилетия XX века трудно даже назвать периодом накопления и сбо-

---

[1] Иваск У. Г. Григорий Николаевич Геннади. Обзор жизни и трудов. М., Л. Э. Бухгейм, 1913. 64 с.

[2] Поляков А. С. К столетию «Опыта российской библиографии» В. С. Сопикова. — «Русский библиофил», 1914, № 4, с. 53—60.

[3] Воронов Е. М. Очерки по истории русской библиографии. — «Известия книжных магазинов т-ва Вольф», 1900, № 7, с. 99—101; № 10—11, с. 125—127; 1902, № 10—11, с. 101—103.

[4] Вольтер Э. А. Некоторые вехи русской библиологии за 25 лет. — В кн.: Доклады и отчеты Русского библиологического общества. 1915—1916 гг. Пг., 1917, с. 21—23.

[5] Рогожин В. П. Материалы для русской библиографии XVIII и первой четверти XIX столетий. Т. 1. Спб., 1902. LXVIII, 107 с.

ра сырого материала для последующего изучения истории русской библиографии. Для будущего историка библиографии более ценный материал накапливался на страницах библиографических журналов, в частности, в разделе «Хроника» в «Библиографических известиях», где тщательным образом велась подробная летопись событий, совершавшихся в библиографическом мире.

Самым примечательным фактом в изучении прошлого было выступление К. Н. Дерунова в качестве историка библиографии. Он проник в совершенно необследованную область и выявил много свежего и нового материала. Интерес к истории библиографии у Дерунова был устойчивым и постоянным. Начало изучения пути, пройденного русской библиографией, относится к 1909 году, когда К. Н. Дерунов, заинтересованный историей русских библиографических периодических изданий, не раз обращался за советами и консультацией к Н. М. Лисовскому [1].

В мае 1910 года на заседании Общества библиотековедения Дерунов выступил с докладом «Из истории русской библиографии», в том же Обществе в марте 1911 года он прочел второй доклад «Из истории русской библиографической журналистики». В ноябре 1912 года историко-библиографический доклад был прочитан Деруновым в Русском библиографическом обществе, текст этого выступления вскоре появился в «Библиографических известиях» в виде статьи «Жизненные задачи библиографии», открыв собой первый номер нового журнала [2].

Публицистически яркая, полемически острая статья К. Н. Дерунова об исторических перспективах русской библиографии в свое время произвела сильное впечатление. Этому способствовали общая демократическая направленность исследования, страстность тона и горячая заинтересованность автора в судьбах русской библиографии. Основной тезис статьи — необходимость тесной связи библиографии с жизнью своего времени и своего народа — прозвучал со всей силой и для многих библиографов был откровением. Изучение всего хода развития библиографии под таким углом зрения было новым и прогрессивным явлением. Другие принципиальные положения

---

[1] ИРЛИ. Ф. 153, № 416, л. 1.

[2] Дерунов К. Н. Жизненные задачи библиографии. (Итоги и уроки прошлого русской библиографии за 200 лет). — «Библиогр. известия», 1913, № 1, с. 3—25; № 2, с. 89—120.

К. Н. Дерунова (о необходимости специализации библиографического труда и координации всех усилий библиографов в этом направлении), резко и полемически высказанные, также привлекли общее внимание, хотя и не впервые обсуждались в печати.

По словам самого К. Н. Дерунова, его не интересовала внешняя история библиографии, он не занимался последовательным изложением фактов и анализом библиографических трудов, а стремился в своей работе показать ход внутренней истории, открыть связь явлений и обнаружить движущие силы их развития на протяжении двух столетий. Для своей цели он ограничился кратким обзором состояния русской общей регистрационной библиографии и беглой характеристикой библиографической периодики, оставив в стороне отраслевую и рекомендательную библиографию. Вне рассмотрения, таким образом, остались именно те участки, состояние которых более всего позволяло судить о взаимоотношениях библиографии и жизни, об оторванности библиографии от насущных потребностей страны или о связи с ними. Анализ же пройденного пути на таком ограниченном материале, каким были учетно-регистрационные описи русских книг и библиографические журналы, не давал возможности показать ход внутренней истории русской библиографии и неизбежно привел К. Н. Дерунова к малоубедительным, а подчас и к ошибочным суждениям.

В действительности, между русской библиографией и жизнью не всегда и не на всех участках пролегала бездонная пропасть, как это утверждал К. Н. Дерунов.

Внутренняя связь библиографических явлений прослеживалась К. Н. Деруновым в отрыве от экономического и культурного развития России, вне конкретных исторических условий, вне общественной и политической жизни страны. Автор статьи искал объяснения неудачам и поражениям, которые как бы фатально преследовали русскую библиографию, в самой библиографии, в значительной мере в личных качествах и особенностях ее представителей, игнорируя объективные трудности, существовавшие за пределами личной воли того или иного библиографа. Антиисторичность суждений К. Н. Дерунова сказалась на оценке таких явлений, как журнал «Библиограф», и особенно рельефно проявилась в резко отрицательной и необъективной характеристике библиографической деятельности В. И. Межова. Связь библиографии с жизнью, с практиче-

скими ее нуждами, с потребностями науки, промышленности, сельского хозяйства, народного просвещения и т. д. нашла наиболее открытое и непосредственное отражение в трудах В. И. Межова, поэтому говорить о том, что именно этот библиограф низвел библиографию до «бесплодного, бессмысленного дела» — значит полностью игнорировать практическую ценность и проверенную временем жизнеспособность его трудов [1].

На исследовании К. Н. Дерунова пагубно отразилось смешение задач и методики учетно-регистрационной (по терминологии того времени — академической, научной) и рекомендательной (прикладной, практической) библиографии. К регистрационному библиографическому учету, необходимость которого К. Н. Дерунов теоретически признавал, он неправомерно предъявлял такие же требования, как и к рекомендательной библиографии. Эта ошибка, многократно повторяемая и позже, не раз приводила библиографов к противопоставлению разных видов библиографии, как правило, в ущерб учетно-регистрационной. Нельзя не упрекнуть автора и в противоречивости отдельных положений, излишнем увлечении парадоксами, а главное, у К. Н. Дерунова отсутствовали какие-либо конструктивные предложения. Он не предлагал конкретных мер, которые могли бы облегчить и улучшить положение общей русской ретроспективной библиографии или внести ясность в программу библиографического журнала того времени.

Появление статьи К. Н. Дерунова, ярко, свежо, темпераментно и публицистически остро ставившей проблемы, жизненно важные для русской библиографии, взбудоражило библиографическую общественность. Внимание современников было привлечено к такому важному вопросу, как общественное назначение библиографии. Н. М. Лисовский, Б. С. Боднарский и А. В. Мезьер оценили значительность поставленных Деруновым вопросов и ту страстность, с которой доказывалась необходимость «вывести библиографию из тесного и душного подполья (ученых для ученых)». Статья К. Н. Дерунова была первой и единственной до революции попыткой выявить закономерности развития библиографии, она проложила путь дальнейше-

---

[1] Против такой оценки В. И. Межова возражал А. И. Калишевский при обсуждении доклада К. Н. Дерунова «Из истории русской библиографии» на заседании Русского библиографического общества 12 ноября 1912 года.

му исследованию истории библиографии советскими учеными. Н. В. Здобнов назвал статью Дерунова «выдающимся явлением» в истории русской библиографии [1].

Для последнего этапа русской дореволюционной библиографии характерно стремление к анализу накопившегося практического опыта. В этом отношении в одном ряду стоят и разработка важнейших проблем теории библиографии, и поиски научно обоснованных принципов отбора, классификации и описаний произведений печати, и обращение к прошлому с целью обнаружить внутреннюю связь явлений и установить закономерности развития русской библиографии.

---

[1] Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. М., Госкультпросветиздат, 1955, с. 15.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Получив в наследство от прошлого века неорганизованность общего учета произведений печати, ряд разрозненных начинаний в области библиографического репертуара, почти полное отсутствие рекомендательных пособий для широких масс, русская библиография в начале XX века не могла достичь больших результатов равномерно на всех участках.

Настойчивые усилия, направленные с конца XIX века на упорядочение общего текущего библиографического учета произведений печати в России, увенчались успехом только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда организацию библиографического дела в стране государство взяло в свои руки и создало прочную систему органов текущей библиографии, но путь к библиографическим изданиям, которыми законно гордится советская страна, задолго до их возникновения пролагался целым поколением русских библиографов. Такие важнейшие источники информации, как современная «Книжная летопись», «Летопись журнальных статей», «Ежегодник книги», «Библиография советской библиографии»,

имели своих предшественников еще до Октябрьской революции, происхождение и история этих органов должны связываться с именами А. Д. Торопова, И. В. Владиславлева, Б. С. Боднарского и других известных русских библиографов.

В научно-информационной отраслевой библиографии дореволюционной России увеличивался разрыв между стремлением общественных и научных организаций, отдельных лиц и коллективов наладить библиографический учет произведений печати и материальными и организационными возможностями для его осуществления. В этом отношении русская библиография находилась в состоянии кризиса. Для того чтобы вывести ее из этого состояния требовалась иная система организации библиографической работы в стране.

Из-за огромного объема и сложности выполнения, отсутствия материальных средств и государственной поддержки многие крупные начинания в области дореволюционной ретроспективной общей и отраслевой научно-информационной библиографии не были доведены до конца. История русской библиографии начала XX века в значительной степени есть история нереализованных проектов библиографических трудов, начатых и брошенных в самом начале или на полпути к завершению. Знакомство со всей библиографической деятельностью в целом, в том числе с неосуществленными замыслами, с готовыми, но не опубликованными библиографическими справочниками, позволяет точнее представить трудные условия существования русской дореволюционной библиографии и ее ограниченные возможности в царской России и тем самым полнее оценить ее достижения и успехи.

Трудный путь, пройденный в свое время крупными представителями дореволюционной библиографии, обогатил их большим опытом. Постепенно они пришли к необходимости расчленения и ограничения библиографического материала хронологическими, языковыми, территориальными и иными рамками, к отказу от исчерпывающей полноты, к последовательности и очередности выполнения работы. В отдельных библиографических указателях применялись удачные приемы отбора, оценки и характеристики произведений печати. Принципиальные и частные методические решения, выработанные в процессе длительного развития дореволюционной библиографии, оказались не бесполезными для советских библиографов.

В начале XX века наиболее заметно продвинулось вперед развитие рекомендательной библиографии. Актуальность рекомендательных библиографических пособий и тесная связь их с общественной жизнью и революционными событиями в стране обеспечили им прочный успех и быстрое распространение, о чем свидетельствовали как повторность изданий, так и значительные тиражи многих указателей.

Бескровная, но яростная борьба с шовинистической, националистической, монархической, религиозной, порнографической, бульварной и прочей реакционной книгой — крупная заслуга передовой критико-рекомендательной библиографии этого периода.

Поиски наиболее эффективных форм информации читателей о вышедших книгах, стремление как можно скорее отразить злободневную и новую литературу привели к разнообразию библиографических пособий, к появлению библиографических листков, кратких списков, программ чтения различного объема, библиографических обзоров и т. п. Рекомендация литературы вообще народу сменилась библиографией, конкретно адресованной рабочему, крестьянину, социал-демократу.

Такие черты, как актуальность тематики, активное продвижение лучшей литературы, гибкость при выборе формы библиографического пособия, конкретность читательского назначения, свойственные большевистской пропаганде произведений печати, целиком восприняты советской библиографией.

В период 1901—1917 годов были достигнуты определенные успехи и в библиографии детской литературы. Выбор книг для детского чтения в эти годы воспринимался как ответственная педагогическая задача, библиографа-педагога интересовало, что может и что должна дать литература детям, поэтому в центре внимания работающих в библиографии стояла выработка возможно объективных и разносторонних принципов отбора и оценки детских книг.

Распространяется и постепенно прививается в этот период в рекомендательных указателях тематическое распределение материала, которое наиболее соответствовало особенностям восприятия детей, их интересам и запросам, и позволяло в доступных детскому читателю пределах рельефнее выделить и рекомендовать литературу по злободневным и актуальным вопросам общественной жизни.

С оживлением научной деятельности на местах, с появлением обществ по изучению местного края начинает заметно развиваться краеведческая библиография. Наряду с библиографическими указателями комплексного характера появляется большое число отраслевых библиографий, посвященных экономике, природе и культуре отдельных районов страны.

Требования, выработанные научными коллективами, библиографическая практика общественных организаций, критико-библиографическая деятельность прогрессивных журналов, опыт, знания и достижения отдельных библиографов были учтены и использованы советской библиографией на первом этапе ее становления. Практики и теоретики дореволюционной библиографии выступили организаторами, создателями и активными деятелями советской библиографии.

Накопление библиографической литературы, даже при всей неравномерности ее появления, в начале века становится достаточно заметным и значительным. Показателем количественного и качественного роста русской библиографии в этот период, известной ее зрелости, может служить соответственно изменившиеся уровень и объем библиографии второй степени.

Общее число библиографических пособий второй степени, опубликованных только за первые 17 лет XX века, в полтора раза превысило число соответствующих трудов, вышедших в свет за предшествующее столетие. Различие в этой области библиографии не исчерпывалось только количественными изменениями. По сравнению с XIX веком расширяется круг составителей и потребителей библиографии библиографии. Потребность в ней, ранее ограниченная средой библиофилов, появляется у работников научных учреждений, учебных заведений и библиотек.

В общей библиографии второй степени параллельно с ретроспективным учетом возникает и плодотворно развивается систематически ведущаяся текущая библиография библиографической литературы. В ретроспективной библиографии библиографии впервые начинают создаваться рекомендательные списки, обзоры и указатели библиографических изданий, предназначенные библиотекарям, преподавателям, руководителям детского чтения, работникам внешкольного образования. В отраслевой библиографии второй степени постепенно возникают новые разновидности библиографических пособий: указатели, посвящен-

ные определенному предмету, отдельной теме, конкретному лицу.

Обобщение результатов библиографической деятельности перестает быть делом любителей-библиофилов, оно переходит в руки специалистов тех или иных отраслей знания, библиографов, практически связанных с читателем и книгой. Эта тенденция, только наметившаяся в начале века, окончательно определяется в советской библиографии, когда учет библиографических изданий взяли на себя государственные научные учреждения и ведущие библиотеки.

Необходимость развития теоретических основ библиографии и составления объединенными усилиями крупных библиографических трудов национального значения привела к организации первых в России научных библиографических обществ. В этом отношении Россия оказалась впереди многих стран Западной Европы, где подобные ассоциации появились позже.

Крупным шагом в теории библиографии было разоблачение мелкобуржуазных представлений о надклассовости и надпартийности библиографического труда. Этой точке зрения на библиографию нанес сокрушительный удар В. И. Ленин в рецензии на второй том труда Н. А. Рубакина «Среди книг», в которой с предельной ясностью сформулирован и обоснован тезис о партийности всякого рода библиографии, тем более рекомендательной, о связи последней с общественной борьбой, с борьбой идей. Таким образом, практическая деятельность библиографов накануне Великой Октябрьской социалистической революции послужила основанием для разработки важнейшего положения теории советской библиографии.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Оглавление

Машкова
Мария Васильевна

ИСТОРИЯ

РУССКОЙ БИБЛИОГРАФИИ

НАЧАЛА XX ВЕКА

(до октября 1917 года)

Редактор *Л. А. Везирова*

Художественный редактор
И. В. Печенкин

Художник *Л. К. Макарова*

Технический редактор
Е. И. Полякова

Корректор *Н. И. Балакирева*

А-04457. Сдано в набор 4/VI 1968 г. Подписано в печать 13/II 1969 г. Формат бум. $84 \times 108^1/_{32}$. Типографская № 1. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 26,60. Тираж 5000 экз. Изд. № 146. Заказ № 536.

Издательство «Книга». Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Типография № 24 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Москва, Г-19, ул. Маркса — Энгельса, 14.

Цена 1 руб. 86 коп.